ДБ
30 Туркес
Б-26
Бартольд В.В.
История культ. жизни

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СССР

ДБ Туркест.
30
Б26.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТУРКЕСТАНА

В. В. БАРТОЛЬД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД
1927

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Март 1927 г. Непременный секретарь, академик *С. Ольденбург*

Редактор издания академик *В. Бартольд*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКА

598889 М

Представлено в заседание Общего Собрания 6 ноября 1926 г.

Начато набором в октябре 1926 г.; окончено печатанием в марте 1927 г.

Тит. лист. + II + 256 стран.

Ленинградский Гублит № 30834. Колич. печ. лист. 16. Тираж 1500 экз.
Гос. тип. им. Ив. Федорова. Ленинград, Звенигородская, 11

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий очерк первоначально был задуман в виде небольшой работы, которая должна была быть посвящена „Культурному уровню и потребностям населения Туркестана“ и войти в состав „Монографии по Туркестану“, объемом в 65—70 печатных листов, подготовлявшейся туркестанским отделом КЕПС, работавшим под руководством Д. И. Мушкетова. Монография должна была распадаться на девять отделов; каждый отдел был поручен автору-специалисту. Уже в отчете о деятельности АН за 1919 год сказано, что из девяти отделов три закончены, именно: первый (В. И. Юферев, Хлопководство в Туркестане), второй (В. И. Масальский, Водное хозяйство и земельные улучшения) и восьмой (он же, Народное хозяйство Туркестана); по отделу, порученному мне, была исполнена тогда только часть работы („окончательно составлена часть историческая, посвященная до-мусульманскому периоду, собран материал по истории Туркестана в мусульманский период, причем установлены многие новые факты в этой области“). Предполагалось закончить всю монографию к 1 января 1920 г. В отчете о деятельности АН за 1924 г. сказано, что „совершенно закончена в отчетном году под редакцией проф. Д. И. Мушкетова монография по Туркестану, впервые всесторонне освещающая этот богатейший край. Выпуск ее предполагается приурочить к 200-летнему юбилею РАН». Как известно, это намерение не могло осуществиться. В списке изданий КЕПС, вошедшем в «Систематический указатель изданий Академии Наук СССР 1917—1925», упоминается только работа В. И. Юферева «Хлопководство в Туркестане (1925, стр. 160)»; как находящиеся в печати, названы еще две работы, первоначально задуманные, как части предполагавшейся монографии: Л. И. Прасолов, Почвы Туркестана; Б. А. Федченко, Очерки растительности Туркестана [1]). В отчете о деятельности АН за 1925 г. уже ничего не говорится ни о Туркестанском Отделе, ни о монографии по Туркестану; упоминается только о подготовлявшейся к изданию одновременно с монографией, под ре-

[1]) В настоящее время оба труда отпечатаны. *Прим. ред.*

дакцией Л. С. Берга, библиографии Туркестана, часть которой выходит теперь в свет в изданиях другой академической комиссии [1]). Труд Д. И. Мушкетова «Физико-географическое и геологическое описание Туркестана» в заседании Общего Собрания АН 6 ноября 1926 г. был принят для напечатания в изданиях КЕПС.

При издании в свет в виде отдельной книги настоящий очерк требовал более существенных изменений, чем другие отдельные части предполагавшейся монографии. Задачи очерка, посвященного «культурному уровню и потребностям населения», гораздо менее ясны и определенны, чем задачи обзоров хлопководства, водного хозяйства и т. п.; составителю такого очерка было труднее дать законченный труд, который бы мог сохранить одинаковое значение, независимо от времени и условий своего появления в свет. Кроме того в переживаемые нами годы такой очерк должен был быстро устареть. Было необходимо изменить заглавие и в связи с этим отчасти содержание очерка. Говорить теперь о «культурных потребностях» можно было бы только в связи с целями советского строительства, в которые пишущий эти строки недостаточно посвящен; культурный уровень населения также должен был существенно измениться и с этими изменениями мне тоже не пришлось подробно ознакомиться, хотя я имел возможность дважды (в 1920 и 1925 г.г.) посетить Туркестан при советском строе; наконец, для полного и объективного обзора культурной жизни советского Туркестана еще не настало время. Очерк получил характер исторического обзора культурной жизни прежнего, до-революционного Туркестана, без прямого отношения к современной жизни и ее задачам; связь очерка с современной жизнью определяется только той пользой, которую может принести современным деятелям знакомство с прошлым.

Перемены и переделки должны были отразиться на цельности содержания и стройности изложения; на том и другом, вероятно, отразились и тяжелые условия жизни тех лет, когда писался очерк. Подвергнуть его полной переработке, с использованием всех тех возможностей, которые есть у ученого, работающего в Ленинграде теперь, и которых не было тогда, у меня не было времени. Насколько очерк и при таких условиях может принести пользу и заслуживал издания, пусть решит критика.

В. Бартольд.

---

[1]) В настоящее время в издании ГИОА отпечатана библиография по хлопководству Туркестана и в изданиии КЕПС печатается библиография по животному миру Туркестана. *Прим. ред.*

I.

До-мусульманский период.

В отличие от других, присоединенных к России мусульманских областей, особенно Приволжья и Западной Сибири, в Средней Азии в состав России вошли области, где мусульманская культура достигла высокой степени развития задолго до принятия русским народом христианства и где население в эпоху принятия им ислама уже имело за собой продолжительный период культурной жизни. Древнейшие известные нам культурные народности Средней Азии, согдийцы на Заряфшане и хорезмийцы по нижнему течению Аму-Дарьи, принадлежали к иранскому племени; их области входили в состав первой известной в истории мировой монархии, персидского государства Ахеменидов. Царь Дарий (522—486 л. до нашей эры) в своих надписях называет согдийцев и хорезмийцев среди подчиненных ему народностей; на знаменитом барельефе у гробницы Дария близ развалин Персеполя среди представителей народностей, поддерживающих трон царя, изображены также согдиец и хорезмиец. Отряды согдийцев и хорезмийцев принимали участие в походе Ксеркса на Грецию; хорезмиец Артаикт был назначен начальником города Сеста на европейском берегу Дарданелл.

Достоверных известий о том, когда и как произошло присоединение областей согдийцев и хорезмийцев к персидской монархии, мы не имеем. Движение иранцев происходило повидимому с северо-востока на юго-запад, из Средней Азии в Персию; отдельные народности, как впоследствии германцы во время великого переселения народов, шли независимо одна от другой и селились в различных местностях.

Во время этого движения иранцы еще не достигли степени культурного развития, необходимого для создания определенного государственного строя; государственная жизнь получила развитие только у самых западных иранских народностей, мидян и персов, под влиянием их более культурных западных соседей; созданной персами, может быть еще до них мидянами, государственности были

вынуждены подчиниться народности, отставшие от них во время движения на запад и поселившиеся в более восточных областях. В этом отношении, повидимому, можно провести аналогию между значением персов в истории иранского и франков в истории германского мира. Очень вероятно, что средне-азиатские иранцы подчинились персидской государственности так же неохотно, как народности средней и северной Германии франкской. Известия о походе Александра Македонского показывают, что в это время Хорезм уже не был, как при Дарии и Ксерксе, персидской провинцией, но самостоятельным владением; о том, когда и как хорезмийцы вернули себе независимость, мы ничего не знаем. Согдийцы оставались подданными «великого царя» и принимали участие в войне с Александром еще со времени битвы при Гавгамеле (331 г.); но действия их показывают, что персидская государственность не пользовалась их сочувствием и что они радовались ее крушению. Согдийцы поддерживали Бесса в его восстании против Дария III, но покинули его и выдали его Александру, когда Бесс принял царский титул и имя «Артаксеркс»; восстали и против Александра, когда убедились в его желании прочно подчинить себе области бывшей персидской империи.

Историками походов Александра отмечается факт низкого культурного уровня средне-азиатских иранцев по сравнению с мидянами и персами; нравы бактрийцев и согдийцев мало отличались от нравов кочевников, причем бактрийцы, жившие к югу от Аму-Дарьи, в культурном отношении все же стояли несколько выше своих северных соседей. Однако и в стране к северу от Аму-Дарьи в то время, кроме земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении (при описании области по Заряфшану отмечается факт зависимости культуры от присутствия воды), существовала и городская жизнь. Главный город согдийцев на Заряфшане по местоположению и названию (Мараканды) приблизительно соответствовал современному Самарканду. Есть известие, вероятно преувеличенное, что город занимал пространство до 70 стадиев в окружности. Величина стадия определялась различно; по исследованиям одного из современных ученых, стадий Эратосфена, главного представителя вызванной македонскими завоеваниями географической литературы, равнялся 157,5 метрам; 70 стадиев в таком случае составляли бы более 11 километров; таких больших городов потом не было в Туркестане до арабского завоевания; пространство города, построенного Александром на Сыр-Дарье, равнялось 6 римским милям или 48 стадиям 7,56 километров). Отдельно упоминается цитадель города, окруженная особой стеной. На той же реке ниже по течению у согдийцев был еще другой «царский» город, название которого не приводится; неизвестно также, следует ли относить выражение «царский» к каким-нибудь местным владетелям. Из других городов самым значительным был город, уже в бассейне Сыр-Дарьи, основание которого

приписывалось Киру (558—530) и который упоминается под греческим названием «Кирополь». Город находился, повидимому, на месте селения Шахристан, к югу от Уратюбе; македонцы проникли в него по руслу притока или канала, в летнее время пересыхавшего; вслед за тем, по недостатку воды, сдалась и цитадель города. Кирополь был главным городом всей местности, но число его жителей, повидимому, значительно уступало числу жителей современных больших городов Туркестана; в его стенах в то время находилась и часть населения соседних городов, спасшаяся бегством при взятии этих городов македонцами, и все-таки число защитников Кирополя доходило только до 15000 человек. Между македонским лагерем на Сыр-Дарье (повидимому, близ современного селения Нау) и Шахристаном было пять городов, причем приводится название только одного из них, Газы, ближайшего к лагерю Александра. Газу сближают с Газаком арабских географов, находившимся на пути из Шахристана в Ходжент, приблизительно в одинаковом расстоянии от обоих (несколько ближе к первому), может быть в долине Босманды-су, где теперь селение Газан-Дарак.

Наряду с городами упоминаются укрепленные деревни; Бесс был покинут согдийцами и взят в плен македонским отрядом в небольшой деревне, окруженной стеной с воротами, в местности к северу от Аму-Дарьи, в четырех днях пути от места переправы Александра (переправа произошла, по всей вероятности, у Келифа). Говорится также об «укреплениях» (ergmata), куда бежали варвары во время опустошения македонцами местности по Заряфшану. От народных масс отличаются «первенствующие» (protevontes), с которыми вел переговоры Александр. Очень вероятно, что общественный строй в IV веке до нашей эры был тот же, который застали в VII веке нашей эры арабы—господство землевладельческой аристократии, жившей в укрепленных замках.

Земледельцам-согдийцам противоставляются кочевники-саки, по происхождению также иранцы. Точных сведений о распределении территории между оседлым и кочевым элементом, вообще о границах между возделанными пространствами и степью, не приводится; даже представление о Сыр-Дарье, как северной границе области согдийцев, может быть, основано только на том, что на берегу этой реки, близ Нау, произошла битва между саками и Александром. Столь же мало сообщается о характере земледельческой культуры. Говорится о культуре риса в Бактрии и о сортах винограда на Мургабе, но о произведениях области согдийцев мы не находим в греческой литературе никаких сведений.

Греческое владычество (с IV до II вв. до нашей эры) не могло не оказать некоторого влияния на дальнейшее развитие культуры, в особенности городской жизни. Города строились как Александром, так и его преемниками—Селевкидами, владевшими почти

всею азиатскою частью его империи, и греко-бактрийскими царями, отложившимися около середины III века от Селевкидов, владевшими кроме Бактрии также областью согдийцев и значительно распространившими пределы греческих завоеваний в сторону Индии. Об Александре говорится, что он разрушил Мараканды и некоторые другие города, но построил ряд других городов, не менее семи. Селевку I (312—280) и его сыну Антиоху I Сотеру (280—261) приписывается основание целого ряда «Селевкий» и «Антиохий»; одна из Антиохий находилась по ту сторону Сыр-Дарьи, в стране скифов (саков). Более всего были облюбованы Антиохом берега Мургаба, где уже Александром был построен город, названный по обыкновению Александрией. Город был разрушен «варварами»; вместо него Антиохом была выстроена «Селевкия», получившая впоследствии название «Антиохии», повидимому, на месте позднейшего Мерва. Весь культурный оазис, середину которого занимал этот город, был окружен длинными стенами (до 1500 стадиев, т.-е. более 235 километров в окружности)— первой постройкой этого типа в Средней Азии; следы этих стен были видны еще в первые века ислама. Царство одного из позднейших греко-бактрийских царей, Евкратида (во II веке), называлось «царством тысячи городов»; к сожалению неизвестно, были ли им построены города также в пределах Туркестана.

Движением Александра и греко-бактрийских царей в сторону Индии была установлена более тесная, чем прежде, культурная связь между этой страной и средне-азиатскими областями. Боевые слоны, с которыми Александру впервые пришлось иметь дело в бассейне Инда, во время войны с Пором, теперь получили широкое распространение в Передней Азии; некоторым числом слонов владел и греко-бактрийский царь Евфидем, но по договору 206 года был вынужден отдать их Селевкиду Антиоху III Великому (223—187). Договор был заключен после продолжительной осады Антиохом столицы Евфидема, Бактрии. Интересен рассказ об этих переговорах, наглядно свидетельствующий о значении кочевников в истории Средней Азии. Евфидем грозил, что в крайнем случае призовет кочевников, что повлечет за собой разорение всей страны, не только государства Евфидема, но и государства Антиоха.

Во II веке до нашей эры культурные области Средней Азии подверглись нашествию более отдаленного кочевого народа, в связи с образованием первой известной в истории кочевой империи на границах Китая и вызванным этим передвижением нескольких народностей с востока на запад. Кочевая империя была создана народом, название которого в китайской транскрипции приводится в форме хун-ну, и который несколько веков спустя под именем гуннов прославился в Европе. Народы, в первой половине II века до нашей эры побежденные хуннами и оттесненные ими далеко на запад, упоминаются в китайских источниках под названием у-сунь и юе-чжи.

вернее юе-шы. Из них усуни заняли нынешнюю Семиреченскую область, оттеснив дальше на запад юечжийцев, которыми раньше были вытеснены саки; юечжийцев китайцы в конце II века нашли на северной стороне Аму-Дарьи, в пределах бывшего Бухарского ханства, откуда они в следующем столетии передвинулись еще дальше на юг и уничтожили последние греческие владения в пределах Авганистана и Индии.

Транскрипция юе-шы, по мнению некоторых исследователей, передает народное название куш (имен. пад. ед. числа куши), которое в форме множественного числа—кушан—получило впоследствии известность на западе. Тот же народ назывался еще «тохарами» (в китайской транскрипции Ту-хо-ло); тохары упоминаются и в греческих источниках среди завоевателей греко-бактрийского царства; местность по верхнему течению р. Аму-Дарьи получила от них название «Тохаристан», существовавшее, как географический термин, еще в первые века ислама, когда его этнографическое происхождение было давно забыто. Слово «Тохаристан» заставляет полагать, что название «тохары» употреблялось самим народом; впоследствии, когда этот народ принял буддизм и перевел на свой язык часть буддийской религиозной литературы, этот литературный язык также назывался «тохарским». Очень вероятно, что название «тохары» было более этнографическим, название „куши" или „кушаны"—более политическим. Данные о языке тохаров показывают, что этот народ принадлежал к иранскому племени.

Не выяснено до сих пор происхождение усуней, занимавших во II веке до нашей эры обширную территорию на восток до Эби-нора и местности к северу от Карашара, на запад до Ферганы. На своей первоначальной родине, в бассейне р. Булундзир (в китайской провинции Гань-су) юечжийцы и усуни были непосредственными соседями; в Туркестане китайцы помещают между владениями тех и других, к северо-западу от Ферганы, область народа, название которого известно только в китайской транскрипции—кан-гюй. В иранской религиозной литературе встречается название „Канга", но только как географический термин, не как этнографический; страну „Kangha" помещают на среднем течении Сыр-Дарьи, т.-е. именно там, где по китайским известиям жили кангюйцы. Подобно юечжийцам и усуням, кангюйцы вели кочевую жизнь; не говорится, пришли ли они в Туркестан одновременно со своими соседями или жили там еще до них. То же самое относится к китайским сведениям о другом кочевом народе янь-цай, жившем к северо-западу от кангюйцев, в местности у Аральского и Каспийского морей. Китайцы упоминают о „переименовании" этого народа в „А-лань-я", из чего видно, что речь идет об аорсах или аланах классических авторов, одном из иранских народов; слово „аланы" появляется и в классической литературе только с I века нашей эры.

„Открытие“ китайцами „западного края“, т.-е. Туркестана, было вызвано желанием найти там союзников против хуннов; оттого главное внимание их было обращено на кочевые народы, от которых скорее, чем от оседлого населения, можно было ожидать такой помощи. Приводятся, однако, довольно подробные сведения о культурной области, до которой не доходил Александр, и о которой ничего не говорится греческими авторами, именно о Фергане. Уже во II веке до нашей эры в Фергане было до 70 городов, т.-е. вероятно селений, так как культура была исключительно земледельческая; приготовлять изделия из золота и серебра и выделывать оружие из железа ферганцы научились только от китайцев (если это сообщение соответствует действительности, то из него можно было бы сделать вывод, что Фергана в эпоху греко-бактрийских царей не подвергалась греческому влиянию). Кроме хлебопашества—сеяли рис и пшеницу—ферганцы занимались виноградарством и культурой люцерны; из винограда приготовлялось вино. Интересно, что китайцы нашли в Фергане тот же способ хранения вина, как греки на Герируде; китайцы говорят о хранении вина без порчи „несколько десятков лет“, греки о „непокрытых смолою сосудах“ (бочках), в которых вино могло сохраняться до третьего поколения. Сами китайцы впервые ознакомились с виноградарством и культурой люцерны в Фергане, которая, таким образом, может быть, была первой после Индии страной, оказавшей влияние на культурную жизнь Китая. Главным „городом“ Ферганы был тогда Гуйшань, т.-е. Касан в северной части области, сохранявший такое значение еще в эпоху арабского завоевания.

Как греки в Бактрии и в области согдийцев, так и китайцы в Фергане нашли в нравах жителей сходство с нравами кочевников; ферганцы были вооружены стрелами и копьями и „искусны в конной стрельбе“. Из этого можно сделать вывод, что земледельческая культура в Фергане была сравнительно недавнего происхождения. Число населения области составляло, по китайским сведениям, 300000 душ; если бы можно было признать эту цифру достоверной, то она указывала бы на незначительную сравнительно с настоящим временем плотность населения.

В Фергане была особая порода лошадей, которую китайцы называли „небесной“ и которой, повидимому, не было даже у кочевников; китайский император получил большое количество лошадей от усуней и все-таки обращался к ферганскому владетелю с просьбами прислать „небесных“ лошадей. На этой почве происходили даже военные столкновения между Ферганой и Китаем; среди известий об этих событиях интересен рассказ о том, как китайцы отвели воду от главного города (Касана) и как туда же „из царства Цинь“ прибыли люди, умевшие копать колодцы, которых в городе раньше не было; из этого рассказа видно, что в Средней Азии, как в Индии и впоследствии в Европе и в мусульманском мире, название дина-

стии Цинь (255—206), первой исторической династии, объединившей под своей властью весь Китай (во II веке до нашей эры правила уже следующая, Ханьская династия), сделалось географическим термином для обозначения Китая, как страны.

Гораздо более скудны известия китайцев о земледельческой культуре на Заряфшане и в других местностях Туркестана. В стране усуней не было, насколько известно, никакого земледельческого населения; но к земледельческим областям должно быть, несомненно, отнесено известие о пяти подчиненных кангюйцам „малых владениях": Су-се, Фу-му или Фу-мо, Ю-ни, Ги и Юе-гянь. Как указывают китайские ученые более позднего периода, под этими терминами древнейших китайских источников следует понимать Шахрисябз, Кушанию на Заряфшане, близ Катта-Кургана, Ташкент, Бухару и северную часть Хорезма с городом Гурганчем (где ныне Куня-Ургенч). Эти сближения приняты и европейской наукой. Таким образом, большая часть согдийского народа перешла из-под власти греко-бактрийских царей под власть кочевников кангюйцев, подчинивших себе также хорезмийцев, хотя сам кангюйский народ не обладал политическим единством и подчинялся на юге юечжийцам, на севере хуннам. Через некоторое время кангюйцы, оставаясь в тесном союзе с юечжийцами, достигли, повидимому, большего политического значения. По китайской „истории старших Хань" (206 г. до нашей эры до 25 г. нашей эры) военные силы народа янь-цай (аланов) превосходили силы кангюйцев; „история младших Хань" (25—220) говорит, наоборот, о подчинении аланов кангюйцами. В том, что главный город подчиненного кангюйцам владения на Заряфшане находился не на месте Самарканда, но близ Катта-Кургана, можно видеть подтверждение греческого известия о разрушении „Мараканд" Александром.

Часть страны, ныне входящей в состав Туркестана, именно Туркмения, находилась под властью парфян, упоминающихся в китайских источниках под названием Ань-си; этой транскрипцией (первоначальное произношение соответствующих иероглифов, по словам некоторых синологов, было Ан-сак) передается название династии Арсакидов. Китайцам было известно, что государство Аньси было могущественнее прочих, что оно граничило с владениями юечжийцев и кангюйцев, но о военных столкновениях между парфянами и их соседями китайцы ничего не говорят; только из греческих источников мы узнаем, что парфянский царь Артабан II уже в 124 г. до нашей эры воевал с тохарами и что впоследствии парфяне отняли у тохаров, как прежде у греко-бактрийцев, несколько областей. Прием, оказанный китайским послам во владениях Арсакидов, соответствовал великодержавному могуществу этой династии; на встречу посольству был выслан отряд в 20000 человек. Парфяне лучше других народов сумели воспользоваться открывшимся во II веке до

нашей эры караванным путем из Китая в Переднюю Азию и сохранили за собою выгодную роль посредников в торговле между Китаем и Римской империей. Замечательно, что сношения Арсакидов с Римом начались при том же государе Митридате II (124—87), которым было принято китайское посольство. Митридат II парфянский был первым в мировой истории государем, имевшим сношения как с великой державой Дальнего Востока, так и с мировой империей Запада. О торговых интересах парфян свидетельствует и факт, что о судоходстве на Аму-Дарье говорится в китайских источниках не в рассказах о юечжийцах и других, но только в рассказе о парфянах, владения которых доходили до Аму-Дарьи, вероятно, близ Чарджуя.

Падение греко-бактрийского царства положило начало новому периоду в истории Туркестана, который можно назвать „индо-скифским", по не совсем удачной терминологии греческих авторов, называющих индо-скифами кочевников средне-азиатского („скифского") происхождения, направлявших свои завоевательные походы в сторону Индии. Главными фактами истории этого периода было передвижение нескольких народов с севера на юг, более тесные сношения с Индией и установление караванной торговли между Китаем, с одной стороны, Передней Азией и Европой—с другой, что не могло не иметь влияния на развитие промышленности и торговли в самом Туркестане.

Движение народов с севера на юг через культурные области Туркестана было, как всегда, только последствием более частого и значительного передвижения кочевников через степи с востока на запад; далеко не все кочевые орды, появлявшиеся в средне-азиатских степях, передвигались оттуда на юг, и политические последствия этого последнего движения были сравнительно незначительны. Первые китайские посольства застали главную орду юечжийцев на северном берегу Аму-Дарьи; впоследствии владетели юечжийцев жили в Авганистане и в Индии; главная ставка их северных соседей кангюйцев передвинулась из местности к северу от Ферганы, где ее помещают первые китайские известия, до области Шахрисябза, где она находилась в эпоху китайской династии Цзинь (265—419). Но граница между владениями юечжийцев и кангюйцев, повидимому, оставалась прежняя; область Шахрисябза и во II веке до нашей эры находилась в зависимости от кангюйцев; местность к северу от Аму-Дарьи, т.-е. восточная часть бывшего Бухарского ханства, оставалась под властью юечжийцев и после завоевания ими областей Авганистана и Индии, так как с владениями юечжийцев граничила на юге Фергана. В I веке до нашей эры происходили войны между кангюйцами и их северо-восточными соседями усунями; кангюйцы приняли к себе отряд хуннов в 3000 человек, надеясь с их помощью победить усуней; вследствие этого китайцы, враги хуннов и союзники

усуней, в 36 году до нашей эры совершили поход в страну кангюйцев и истребили хуннов. Кангюйцы оставались и впоследствии врагами китайцев; в конце I века нашей эры они оказали военную помощь кашгарскому владетелю против китайского полководца Бань-Чао.

Главная масса хуннов продолжала свое движение через среднеазиатские степи на запад и к концу I века дошла до восточных пределов Европы. Если хунны, согласно свидетельству китайцев, были предками появляющихся в VI веке турок, то западная граница их кочевий проходила в это время между Уралом и Волгой; Птолемею Волга известна только под ее финским названием—Ра, Урал под турецким названием Даикс (Яик). Часть хуннов осталась в киргизских степях; эти хунны, жившие еще в IV и V веках в стране к северу от усуней, носят у китайцев название юе-бань. По своему культурному уровню юебаньцы стояли выше других кочевников; в китайских известиях о них мы впервые встречаем легенду о волхвах, умевших вызывать дождь и бурю; тот же легендарный мотив (колдовство объяснялось действием камня ядà, т.-е. нефрита) мы встречаем в рассказах о событиях истории Средней Азии до XV века включительно. Прямых известий о движении юебаньцев на юг нет, но было высказано мнение, что из их среды вышли хионiты классических писателей и иранского священного писания (Авесты), дошедшие до границы Персии и упомянающиеся в IV и V веках, то как враги персов, то как их союзники в борьбе с римлянами. Юебаньцы могли быть постепенно оттеснены на юг враждовавшим с ними восточно-азиатским народом, название которого приводится китайцами в форме жу-жань или жуань-жуань. Жужаньцы распространили свои владения далеко на запад и, между прочим, вытеснили усуней из равнинной части Семиречья в горы. Под давлением жужаньцев произошло также в том же V веке движение на юг народа, известного у греков под названием эфталитов или абделов, у китайцев под названием е-да, впоследствии у арабов под названием хайтал. На тот же народ, вероятно, по причинам политического характера было распространено название „хунны“; часто встречающийся термин „белые хунны“ показывает, что в этнографическом смысле эфталитов и хуннов не считали одним и тем же народом. Очень вероятно, что эфталиты вышли из среды оставшихся на востоке соплеменников юечжийцев; царь Кидара, по имени которого римский писатель V века Приск называет эфталитов „кидаритскими хуннами“, упоминается в китайской истории как предводитель юечжийцев; таким же образом классическими авторами было распространено на эфталитов название „кушаны“. Подобно юечжийцам эфталиты облюбовали берега Аму-Дарьи; их столица находилась в Бадахшане, откуда они распространили свои владения на юг до Кабула и Инда; в 544 году они были разбиты союзом индийских князей. Замечательно,

что и индийцы, подобно грекам и римлянам, называют эфталитов хуннами (хуна). Среди подчиненных эфталитами народов китайцы называют кангюйцев; из греческих источников видно, что согдийцы оставались подданными эфталитов до падения их государства, что произошло между 563 и 567 годами, после чего подчинились победителям-туркам.

Турки, около середины VI века сменившие в Монголии жуаньцев, основали самую могущественную из всех кочевых империй до-монгольского периода; уже в том же VI веке турецкие войска действовали в одно и то же время на границах Византии, Персии и Китая. В государственном отношении турецкая империя не представляла, однако, такого сплоченного целого, как впоследствии империя Чингиз-хана. Уже основателями империй были два брата, фактически независимые один от другого; после них империя быстро распалась на несколько государств. В Средней Азии турки, в противоположность юечжийцам и эфталитам, оставались в степях, в бывших владениях усуней, хотя подчинили себе культурные области и в некоторых из них посадили князей турецкого происхождения; тем не менее в эпоху наибольшего могущества турок, около 630 года, их господство, как прежде господство эфталитов, простиралось до Инда. Границей между турецкой кочевой империей и иранским государством династии Сасанидов считалась река Аму-Дарья; области за Аму-Дарьею сделались для иранцев Туркестаном, собственно Туркестаном, т.-е. „страною турок". Владычество турок в Средней Азии было уничтожено китайцами; после ряда поражений, нанесенных туркам китайскими войсками, все бывшие турецкие владения в Средней Азии, в том числе и культурные области Туркестана, номинально были приведены в зависимость от Китая. К концу VII века в Туркестане вновь появились независимые турецкие каганы, но в это время началось уже первое после греков завоевательное движение с запада, движение арабов, которым в VIII веке удалось одержать полную победу как над турками, так и над китайцами.

Движение нескольких народов в сторону Индии не могло не отразиться на сближении с индийской культурой; главным последствием этого сближения было распространение буддизма. Насколько известно, буддизм в эпоху нашествия юечжийцев не был распространен ни в областях к северу, ни в областях к югу от Аму-Дарьи; греки впервые ознакомились с ним в местности к югу от Гиндукуша. Созданное греками буддийское искусство называют гандхарским, по имени Гандхары, области по нижнему течению Кабула, впоследствии находившейся под властью юечжийцев и эфталитов. Политическое могущество юечжийцев способствовало, как полагают, распространению в Средней Азии этого искусства, вместе с одним из индийских шрифтов (харошти) и индийских наречий; последнее сделалось языком официального делопроизводства в местности от Хотана до

Лоб-Нора. Первое известие о буддизме среди юечжийцев—рассказ о прибытии в Китай во 2-м году нашей эры юечжийского посла, устно сообщившего текст нескольких буддийских сутр; но этот рассказ приводится в сравнительно позднем источнике (в конце 3-го или начале 4-го века) и вызывает сомнение. Время царствования того юечжийского царя, Канишки, с именем которого буддисты впоследствии связывали главные успехи своей религии, до сих пор остается спорным. Древнейший из найденных до сих пор в Средней Азии буддийских документов относится к 269 году нашей эры; на несколько более раннее время указывают буддийские постройки (уже со следами влияния гандхарского искусства), в которых были найдены монеты китайской Ханьской династии, прекратившей свое существование в 220 году. История «Младших Хань» говорит только о буддизме в Индии. Вообще китайские известия о религиозных верованиях населения Туркестана чрезвычайно скудны; первые известия о буддизме в Самарканде относятся к началу VII века, когда уже началось вытеснение буддизма религиями западно-азиатского происхождения; в 630 году паломник Сюань-цзан видел в Самарканде два буддийских монастыря, но оба стояли пустыми; не было также буддистов в других областях Туркестана, кроме бывших непосредственных владений юечжийцев по обе стороны Аму-Дарьи, где буддизм повидимому был вытеснен только исламом. В главном городе эфталитов было много буддийских храмов и обелисков; но сами эфталиты не были буддистами; те турки, к которым перешло от эфталитов господство в Туркестане, насколько известно, совершенно не были затронуты буддийской пропагандой. Вопрос о том, насколько сближение с Индией отразилось на других сторонах жизни, в особенности на земледельческой культуре, совершенно не выяснен. Известия V века впервые говорят о культуре риса на Кашка-Дарье и на Заряфшане, но едва ли можно сомневаться в том, что она существовала гораздо раньше. Из Средней Азии была принесена в Китай культура хлопка, но об этой культуре говорится только при описании областей нынешнего Китайского Туркестана; о возделывании хлопка в областях, входящих ныне в состав туркестанских республик, мы для до-мусульманского периода не располагаем никакими сведениями.

Больше значения для успехов материальной и духовной культуры в Туркестане имел, повидимому, открывшийся во II веке до нашей эры караванный путь между странами Дальнего и Ближнего Востока. Первым вещественным памятником этих сношений являются деловые документы на одном из средне-азиатских иранских наречий, относящиеся к первым десятилетиям I века нашей эры и найденные путешественником Штейном в местности по Булунцзиру, где в то время заканчивалась в сторону бассейна Лоб-Нора великая стена. Язык этих документов сближают с языком гораздо более

поздних (их относят к VII веку) памятников религиозной литературы буддийской, манихейской и христианской, найденных в Средней Азии; в науке этот язык получил название «согдийский», по имени одного из двух до-мусульманских литературных языков Туркестана, о которых говорит мусульманский ученый XI века Бируни. Бируни сообщает сведения о календаре согдийцев и хорезмийцев, при чем термины согдийского календаря оказались совпадающими с терминами найденных в Средней Азии памятников. Местом этих находок до сих пор были только области Китайского Туркестана; покойным французским иранистом Готье было высказано мнение, что согдийский язык был распространен во всех областях от Самарканда до Китая. Для периода, непосредственно предшествовавшего арабскому завоеванию, мы располагаем как китайскими, так и мусульманскими известиями о колониях, основанных согдийцами в собственном смысле слова, то есть населением берегов Заряфшана, в таких отдаленных местностях как берега Лоб-Нора и долины восточной части системы Тянь-Шаня.

Алфавит древнейших согдийских документов принадлежит к числу алфавитов семитического, точнее арамейского происхождения, постепенно распространявшихся из Передней Азии через Персию на восток. От иранских народностей это письмо перешло к туркам. Древнейшие известные нам датированные памятники турецкой письменности—надписи турецких ханов VIII века, найденные в Монголии; есть основание полагать, что некоторые из недатированных надписей относятся к VII веку. Доказывают, что первообразом письма этих надписей является среди известных нам арамейских шрифтов письмо арсакидских монет; в этом можно найти подтверждение свидетельства китайских источников о том значении, которое имели парфяне в истории торговых сношений Китая с Передней Азией. Находят также сходство между древнейшим турецким письмом и древнейшим согдийским, но только сходство, указывающее на происхождение от общего источника. Более тесно связано с согдийским алфавитом второе по времени турецкое письмо, так называемое уйгурское, распространение которого относится, повидимому, к VIII и IX векам. Распространение арамейских шрифтов среди иранцев и турок Средней Азии, как некогда распространение финикийского шрифта вдоль берегов Средиземного моря и Индийского Океана, было, конечно, связано с развитием торговых сношений; впоследствии принятие того или другого алфавита находилось также в зависимости от религиозной пропаганды, при чем, однако, ни индийские алфавиты, принесенные буддистами, ни курсивный арамейский шрифт манихеев, ни первоначальное общее письмо христиан-сирийцев (эстрангело), ни вероисповедные алфавиты сирийцев несториан и яковитов не могли вытеснить возникшей независимо от религиозной пропаганды согдийско-уйгурской грамоты, получившей применение при записывании рели-

гиозных текстов—буддийских, манихейских и христианских. Только много веков позже эта грамота была вытеснена на западе арабским алфавитом, на востоке — тибетским; последним следом существовавших некогда торговых сношений являются алфавиты монгольский и манджурский, при чем манджуры своей грамотой обязаны монголам, монголы — уйгурам, уйгуры — согдийцам. Культурная деятельность последних и их мусульманских потомков — сартов вдоль караванных путей Средней Азии мало уступает культурной деятельности финикиян вдоль путей морской торговли. Замечание покойного В. П. Наливкина, что сарты по своей «малой подвижности» не могли сделаться «среднеазиатскими финикийцами», основано на неправильном перенесении черт современной жизни народа в его историческое прошлое.

В истории Средней Азии наблюдается постепенное передвижение главных торговых путей с юга на север, от пути мимо Лоб-Нора на Хотан, Яркенд и через горы в Авганистан, открытого китайцами во II веке до нашей эры (до тех пор китайские товары проникали в Среднюю Азию через Индию), до современной сибирской железной дороги. Соответственно с этим изменялась и степень участия в этой торговле отдельных народностей.

В последние века до-мусульманского периода роль посредников в караванной торговли между Востоком и Западом постепенно переходит от населения Ирана и Авганистана к согдийцам и более северным народностям. Главным предметом вывоза из Китая был шелк. Известия о путях торговли шелком начинаются с эпохи династии младших Хань (25-220 гг. нашей эры); история старших Хань (206 г. до нашей эры—25 г. нашей эры) о шелке еще не упоминает. Отмечается стремление парфян сохранить за собой роль посредников и сделать невозможными непосредственные торговые сношения между Китаем и Римской империей. Повидимому, это стремление имело успех. Один и тот же пункт, по местоположению приблизительно соответствующий современному Кандагару, является конечным восточным пунктом маршрута через парфянское царство, известного нам по греческому источнику начала нашей эры, и в то же время конечным пунктом описанной историками Ханьской династии «южной дороги» из Китая в западные страны. К концу I века нашей эры, когда китайцам удалось на короткое время распространить свои владения до Памира, относится, повидимому, рассказ о непосредственных торговых сношениях между Римской империей и Китаем, извлеченный Птолемеем (во 2-м веке) из сочинения своего предшественника Марина тирского; Марин в свою очередь ссылается на записку, полученную им от македонского купца Маэса, носившего также латинское имя Titianus, который будто бы посылал в Китай за шелком своих приказчиков и с их слов описал пройденный ими путь. Птолемей вынес впечатление, что сам Марин относился к рассказу

купцов с недоверием; есть, действительно, основание полагать, что приказчики Маэса на основании расспросных сведений, полученных ими в Парфии или Бактрии, составили для своего хозяина маршрут, будто бы пройденный ими самими. Прибытие торгового каравана всегда рассматривалось в Китае как «посольство»; таким «посольствам» придавали большое значение, и мало вероятно, чтобы официальная «история младших Хань» могла умолчать о посольстве из «страны Ди-цинь», как называли Римскую империю. В той же официальной истории говорится о «послах» римского императора, прибывших в Китай в 166 году через Индию и Аннам, хотя с этими купцами были только товары индийского происхождения и ни одного из товаров, вывозившихся вообще из Римской империи. Очевидно, речь идет о торговцах, целью которых первоначально была только Индия и которые уже после прибытия в эту страну воспользовались благоприятными условиями для путешествия в Китай; именно к этому времени относятся успехи морской торговли между Индией и Китаем, отразившиеся на распространении в Китае буддизма. Очевидно, такой же рассказ о «посольстве» появился бы в официальной истории в том случае, если бы благоприятными условиями политического момента (успехами китайского оружия, выдвинувшими границу Китая далеко на запад) воспользовались приказчики Маэса. Политические события, во всяком случае, должны были отразиться на сношениях между Китаем и теми местностями, до которых доходили люди Маэса, и облегчить им собирание сведений.

Маршрут людей Маэса несколько отличается от маршрута начала нашей эры; вместо пути к «Антиохии на реке», то есть к Мерв-руду на верхнем Мургабе, и оттуда на юг к Герату и Кандагару теперь описывается путь к «Антиохии Маргианской», т. е. к Мерву, оттуда на юго-восток к Бактрам (Балху), из Бактр на север через горную страну комедов, которые причисляются к сакам. В этой стране с дорогой из Бактр соединялась дорога из Согдианы; дальше проходили через ущелье, в конце которого, при выходе на равнину, стояла каменная башня; на 5° восточнее этой башни, на той же широте, Птолемей помещает «отправной пункт» (hormeterion) в страну серов (китайцев).

Страна «комедов» есть, конечно, Кумед мусульманских географов, Цзюй-ми-до китайских путешественников. Мусульмане помещают эту область на реке Вахше, ниже Каратегина; в состав ее входили, вероятно, Дарваз и северная часть Бадахшана, так как, по свидетельству китайцев, через Кумед проезжали на пути из Хутталя (область между Пянджем и Вахшем) в Шугнан. Вероятно и в I веке из Бактр в Кумед ездили через Хутталь; на это указывает упомянутый у Птолемея, как самый восточный из городов по Аму-Дарье, город Хольбисина, который можно отожествить с Хульбуком арабских географов, находившимся несколько южнее Куляба. «Каменную

башню» обыкновенно помещают около Дараут-Кургана, у выхода из гор в долину Алай. «Отправной пункт в страну серов» находился, очевидно, уже в пределах Китайского Туркестана.

Из текста Птолемея можно вывести заключение, что участие согдийцев в торговле с Китаем тогда было второстепенным. Говорится о присоединении караванов из Согдианы к караванам из Бактр в горных областях бассейна верхней Аму-Дарьи; но прямой путь из Мерва через Чарджуй, Самарканд и Фергану и более северные дороги остались грекам неизвестны, хотя уже «история старшего дома Хань» рядом с южной дорогой знает «северную»—из Кашгара в Фергану и оттуда к кангюйцам и аланам. Представление Птолемея о городах Средней Азии и их местоположении было крайне смутно; «Мараканды» помещены им не в Согдиане, а в Бактрии, притом к югу от главного города этой области, Зариаспы. Птолемей отличает Зариаспу от Бактр и помещает Зариаспу под 44°, столицу Бактрии под 41°, Мараканды под 39° северной широты. Довольно точное определение широты Самарканда при таких условиях должно быть признано случайным совпадением, и вопреки иногда высказывавшемуся мнению, едва ли указывает на производство кем-либо астрономических наблюдений в самом Самарканде, тем более, что самый факт существования в эту эпоху города на месте Самарканда остается сомнительным.

Предметом вывоза из «страны серов», кроме шелка, было железо, названное у Плиния (в I веке нашей эры) лучшим; под влиянием Китая возникло оружейное производство и вообще металлическая промышленность в Фергане, существовавшие еще в первые века ислама. Торговля с западом положила начало стеклянной промышленности в Средней Азии, что засвидетельствовано как археологическими находками, так и китайскими известиями. „Цветные стекла“ упоминаются в „истории младших Хань» среди предметов вывоза из Римской империи; более поздние источники, начиная с V века, говорят о производстве стекла в стране юечжийцев, при чем это стекло „блеском своим превосходило стекло, вывозимое из западных стран». О производстве стекла в более северных областях Средней Азии китайцы не упоминают.

Почти столь же скудны сведения о торговле шелком и о возникновении, под влиянием этой торговли, шелководства в Средней и Западной Азии. Лингвисты доказывают, что славянское «шелк» не может быть произведено от греческого serikon, но возможно, что оба слова восходят к одному и тому же названию шелка, заимствованному из какого-нибудь восточного языка. Этот лингвистический факт указывает на существование торгового пути из Китая через среднеазиатские степи в восточную Европу; первое достоверное письменное свидетельство об этом относится к V веку. Оживлению этого пути способствовало движение народов с востока на запад, так как ушед-

шие на запад кочевники иногда сохраняли сношения со своими оставшимися на востоке соплеменниками. Так в V веке говорится о частых поездках купцов из страны тех хуннов, которые покорили алан (т.-е. гуннов европейских), во владения дома Бэй-лян, династии хуннского происхождения, столица которой находилась на месте современного города Лян-чжоу в провинции Гань-су. Несколько южнее, по Желтой реке, в нынешних провинциях Шэнь-си и Хэ-нань, находились владения другой инородческой династии, Юань-вэй, или Бэй-вэй, враждовавшей с домом Бэй-лян; в эту область прибыли в 30-х годах V века послы девяти владетелей, из которых отдельно названы восемь: государи трех кочевых народов — аланов (очевидно имеется в виду государь хуннов или его вассал), юебаньцев и усуней — и владетели областей Китайского Туркестана от Кашгара к востоку. Культурные области современного Туркестана не принимали участия в этом посольстве, из чего можно заключить, что торговый путь из восточной России проходил севернее этих областей, через киргизские степи и Семиречье. Та же династия Юань-вэй, однако, имела сношения по более южным дорогам с Персией, хотя единственным свидетельством о таких сношениях является рассказ о неудовольствии императора против хотанского владетеля, под предлогом набегов (вероятно жужаньцев) задержавшего у себя китайское посольство, возвращавшееся из Персии с подарками от персидского государя— «обученным слоном и другими дорогими вещами».

Первые известия о прибытии в Китай персидских посольств относятся к VI веку. Персия переживала в то время, под властью династии Сасанидов (III—VII века), один из самых блестящих периодов своей политической жизни; персы стали одерживать верх над Римом как в политической, так и в экономической борьбе; Римская империя была оттеснена от берегов Каспийского моря, что не могло не отразиться на ее участии в караванной торговле; на море прекратились непосредственные сношения между гаванями империи и Индией, и вся морская торговля между Индией и Китаем перешла в руки персов. Всем этим было положено начало переходу культурного первенства от европейских народов к передне-азиатским, окончательно определившемуся в мусульманский период.

Культурное влияние сасанидской Персии на Среднюю Азию и пути распространения этого влияния можно скорее определить по археологическим находкам (клады с сасанидскими монетами и такими предметами производства, как сасанидские блюда), чем по скудным известиям письменных источников; но и рассказы китайской официальной истории о культурных областях Туркестана показывают, что страна жила в эти века иной жизнью, чем прежде. Начиная с V века китайские известия о Туркестане постепенно становятся подробнее; в китайской транскрипции приводятся для бассейнов Сыр-Дарьи, Заряфшана, Кашка-Дарьи и Аму-Дарьи те же географи-

ческие названия, которые мы находим потом у мусульманских географов. „Рустаки“, т.-е. волости мусульманского периода были в то время отдельными княжествами. Несмотря на малый размер таких княжеств, китайские известия VII века о дворе и столицах их владельцев показывают, что они располагали значительными средствами; говорится о золотых престолах, золотых изваяниях богов и т. п. Сообщаются сведения о земледельческой культуре; сюда относятся первые по времени известия о посевах проса и пшеницы в области Ташкента (о культуре риса в местностях к северу от бассейна Заряфшана не упоминается). Кроме того приводятся данные о минеральных богатствах; интересно сообщение о залежах красной (каменной) соли на Кашка-Дарье, известных и теперь. В некоторых случаях китайцы приписывали местное происхождение привозным товарам; так говорится о добывании янтаря в V веке в области хорезмийцев; это известие указывает, повидимому, на существование в то время балтийско-каспийского торгового пути, имевшего до IX века несравненно больше значения, чем путь балтийско-черноморский. О дальнейшем развитии караванной торговли свидетельствуют такие подарки турфанского владетеля китайскому императору (в VII веке), как собачки византийской породы и меха чернобурых лисиц.

Среди отдельных княжеств по своему политическому и экономическому значению выдавались княжества бассейна Заряфшана. В V веке впервые после эпохи Александра вновь упоминается город Самарканд, но еще не называется главным городом всей местности. Повидимому, тогда первенство принадлежало княжеству Маймург с городом Ривдадом, в местности к югу от Заряфшана, в небольшом расстоянии от Самарканда (по мусульманским сведениям от Самарканда до Ривдада был всего один фарсах, т.-е. 6—7 верст); в Ривдаде и в мусульманский период находились замки «согдийского ихшида», т.-е. верховного владетеля всей области согдийцев. Маймург граничил на северо-востоке с Сутрушаной (эта область вообще соответствовала местности между Ходжентом и Джизаком, но очень вероятно, что и тогда, как в мусульманский период, в состав ее входили верховья Заряфшана), на юго-западе с областью Шахрисябза. О политическом значении Маймурга свидетельствует факт, что только из Маймурга в V веке (в 451 году) было отправлено посольство в Китай. Еще мусульманским географам известно, что в состав Маймурга первоначально входило селенье Варагсер („голова плотины“, ныне Рабат-и-ходжа), где получают начало главные каналы, орошающие местность к югу от Заряфшана, в том числе и канал Даргам, от которого всецело зависят город Самарканд и его окрестности. Этим вполне объясняется первенствующее значение Маймурга среди других княжеств Заряфшанского бассейна. В начале VII века говорится, однако, о подчинении Маймурга самаркандскому князю, верховная власть которого кроме местностей по Заряфшану простиралась также

на области по Кашка-Дарье и даже на некоторые местности к югу и к западу от Аму-Дарьи, как Андхой и Чарджуй; в эпоху арабского завоевания титул „согдийского ихшида“ также принадлежал владетелю Самарканда.

Политическое возвышение Самарканда, повидимому, было связано с теми успехами согдийской торговли и культуры, о которых свидетельствуют как письменные известия, греческие, китайские и арабские, так и археологические находки. Первые известия о согдийцах, как главных посредниках в сухопутной торговле между Китаем и Передней Азией, принадлежат грекам. Говорится о попытках согдийцев, тотчас после перехода их области из-под власти эфталитов под власть турок (победа турок над эфталитами была одержана между 563 и 567 гг.), найти рынок для сбыта китайского шелка, сначала в Персии, потом, после неудачи этой попытки, в Византии. Повидимому, это были первые попытки согдийцев завязать торговые сношения с западными странами; для них было новостью, что как в Персии, так и в Византии в то время было уже собственное шелководство. Согдийские купцы вместе с турецкими послами были в Константинополе в конце 567 года; ответное византийское посольство проехало, между прочим, через область согдийцев, но в рассказе о нем нет никаких сведений ни обо всей области, ни об отдельных городах, ни о населении.

Следующий по времени рассказ — отчет китайца Вэй-цзе, посла императора Ян-ди (605—617), более определенно говорит о самаркандской области, как средоточии оживленной торговой деятельности: „жители все — искусные торговцы; когда мальчику исполняется пять лет, его начинают учить грамоте; когда он начинает читать, его заставляют учиться торговому делу; прибыль высоко ценится большинством жителей“. Рассказ другого китайца, буддийского паломника Сюань-цзана, проехавшего через Среднюю Азию в 630 году, свидетельствует о значительном развитии городской жизни по сравнению с прежними веками. В Семиречье, в долине реки Чу, где раньше жили только кочевники, теперь был город, в котором собирались купцы различных царств; название этого города, Суяб, сообщают нам мусульманские источники. К западу от Суяба было несколько десятков городов; в каждом был свой начальник, независимый от других, но все начальники подчинялись туркам. Об одном из этих городов, Таласе (у мусульман Тараз), приблизительно на месте нынешнего Аулие-Ата, также говорится, что в нем жили „купцы различных стран“. Сюань-цзан соединяет в одно целое всю страну от Чу до Железных ворот, к югу от Шахрисябза, и дает этой стране название Су-ли, в чем видят китайскую транскрипцию слова С у л и к, диалектического видоизменения народного названия „согдийцы“. Форма „Сулик“ перешла в языки санскритский и тибетский и соответствует особенности восточных и южных диалектов так называемого „согдий-

ского“ языка (об этом термине еще будет речь ниже), в которых первоначальный зубной звук, сохранившийся в диалектах северных и западных, заменяется плавным.

Если это объяснение правильно, то развитие городской жизни в Средней Азии было связано с колонизаторской деятельностью согдийцев, как в новейшее время, в эпоху Кокандского ханства, ряд таких же поселений был образован в степи их мусульманскими потомками, которых до последнего времени называли сартами. Существование таких согдийских колоний вполне подтверждается другими известиями. Найденные в Дун-хуане китайские документы говорят об основании в VII веке четырех согдийских городов в местности к югу от Лоб-Нора, существовавших и в VIII в. Персидский географ конца X века помещает в нынешней турфанской области пять «селений бегтегина» (титул князя турецкий), принадлежавших согдийцам, где жили христиане, зороастрийцы и сабии (буддисты или манихеи); из последнего видно, что эти селения были основаны до принятия согдийцами ислама.

Тот же автор говорит об одном из селений в северной части Семиречья, что оно кроме своего местного (турецкого) названия носило также другое название «на согдийском языке». О значении Самарканда, как культурного центра, свидетельствуют слова Сюаньцзана, что жители Самарканда „относительно правил нравственности и приличия служили образцом для соседей“. Какое значение имела для Самарканда торговля с Китаем, видно из того, что в эпоху арабского завоевания восточные ворота Самарканда назывались „китайскими“. Торговая деятельность жителей зарафшанской долины не сосредоточивалась исключительно в Самарканде; в бухарской области был такой же оживленный торговый город, Пейкенд, „город купцов“, жители которого, по словами мусульманского автора, вели торговлю с Китаем и даже морскую торговлю.

Местность около нынешнего Катта-кургана, где находился город Кушания и где до восстановления Самарканда сосредоточивалась культурная жизнь долины Заряфшана, сохраняла некоторое значение и в VII веке. Интересен китайский рассказ о здании в Кушании, где на северной стене были „написаны красками“ китайские императоры, на восточной—владетели турецкие и индийские, на западной—персидские и римские. Такого города, где в одном и том же здании находились бы изображения государей Рима, Персии, Средней Азии, Китая и Индии, наверное не было ни в какой другой стране.

Торговой и колонизаторской деятельностью согдийцев объясняется факт находки, в пределах Китая, большого числа памятников религиозной литературы — буддийской, христианской и манихейской,—относящихся к времени не ранее VII века и написанных на том иранском наречии, которое мусульманскими авторами называется „согдийским“. Ученому XI века Бируни мы обязаны сведениями о согдий-

ском календаре; те же названия месяцев и те же лингвистические формы мы находим в открытых археологическими экспедициями литературных отрывках. Так как эти отрывки до сих пор были найдены только в китайских владениях, то было высказано мнение, что так называемый „согдийский“ язык в действительности был языком всех иранцев на пространстве от Самарканда до Китая; но возможно, что, по указанным причинам, согдийский язык сделался литературным языком для иранцев нынешнего Китайского Туркестана, как впоследствии, при исламе, язык Персии сделался литературным языком и для средне-азиатских иранцев. Только в бассейне Заряфшана, в долине Ягноба, сохранилось до сих пор наречие, примыкающее по своему грамматическому строю и словарному составу к литературному „согдийскому“ языку, хотя и не являющееся прямым его потомком; некоторые иранисты предлагают называть наречие ягнобцев ново-согдийским, так как его отношение к языку „согдийских“ памятников такое же, как отношение современного ново-персидского языка к средне-персидскому, т.-е. к языку Персии эпохи от Александра до ислама.

Из таких данных о торговой и литературной деятельности согдийцев мог бы быть сделан вывод, что Туркестан жил в VII веке нашей эры совершенно иной жизнью, чем при Александре, что туркестанские города этой эпохи по размерам и торговому значению если не превосходили городов настоящего времени, то, по крайней мере, не уступали им. Такой вывод был бы, однако, ошибочен. Как сведения письменных источников, китайских и арабских, так и результаты археологических исследований показывают, что даже такие центры городской жизни VII века, как Самарканд, Бухара и Пейкенд, не могли бы выдержать сравнения с главными городами современного Туркестанского края. Городище Афрасиаб, соответствующее Самарканду VII века, главному городу всей страны, занимает пространство несколько меньше 2 квадратных верст; в Бухаре городом тогда была только возвышенная площадь к востоку от цитадели, составляющая только незначительную часть современного города; длина стен старого Пейкенда—678 сажень в окружности. То же самое относится к главным городским поселениям таких культурных местностей, как Фергана и долина Чирчика. Главный город области Чач, соответствовавшей нынешнему ташкентскому району, имел по китайским сведениям всего 10 ли (ли—тогда $^1/_3$ версты) в окружности, главный город Ферганы, Касан, всего 4 ли. В последнем случае показание китайцев подтверждается размерами городища Муг-курган, соответствующего, повидимому, до-мусульманскому Касану или его цитадели и состоящего из трех небольших площадок (в 500, 2000 и 3200 кв. саж). Вполне естественно, что развитие городской жизни в до мусульманскую эпоху не изменило характера общественного строя. Как в IV веке до нашей эры, так и в VII веке нашей эры господство принадлежало

землевладельческой аристократии, жившей в укрепленных замках. К тому же этой аристократии не приходилось, как прежде, считаться с сильной монархической властью; местные князья были только первыми дворянами землевладельцами; один и тот же термин, дихкан, прилагался как к представителям класса землевладельцев, так и к местным княжеским династиям иранского и турецкого происхождения.

Все это постепенно изменилось после арабского завоевания, сначала встретившего упорное сопротивление и закончившегося только в IX веке. Туркестан вступил в более тесное общение с передне-азиатским культурным миром, особенно с Персией. В том же IX веке власть перешла к персидско-мусульманскому роду Саманидов, происходившему из Балха и правившему сначала в Самарканде, Чаче (Ташкенте) и Фергане, потом в Бухаре, куда была перенесена столица династии, под властью которой находились также северный Авганистан и Хорасан, иногда и другие персидские области. Согдийское наречие, как литературный язык, было вытеснено персидским; поэты, жившие в X веке при дворе Саманидов в Бухаре, принадлежат к числу создателей новоперсидской литературы. Хорезмийцы еще в XI веке продолжали говорить и писать на своем наречии, непонятном для остальных иранцев и исчезнувшем, повидимому, только под влиянием постепенного отуречения Хорезма.

II.

Туркестан при исламе.

Саманиды правили Туркестаном до последних лет X века. Благодаря арабским географам, мы располагаем о состоянии страны в эту эпоху подробными сведениями, каких не имеем ни для предшествующих, ни для последующих эпох. К этому времени уже в значительной степени успели сгладиться бытовые особенности, отличавшие до-мусульманский Туркестан от других областей Передней Азии; во многом жизнь Туркестана уже тогда походила на жизнь других стран мусульманского мира, особенно Персии. Процесс перехода от старого к новому в X веке еще не успел завершиться ни в Туркестане, ни в Персии; предшествующие и последующие стадии развития этого процесса, насколько они вообще могут быть установлены, иногда определяются для Туркестана, Персии и вообще мусульманских стран одними и теми же хронологическими датами. Установлению общего литературного языка предшествовали в IX веке и в Персии, и в Туркестане попытки создания поэзии на местных диалектах. Бухарский историк говорит о песнях на бухарском диалекте, в которых воспевалась любовь арабского полководца к бухарской царице; арабский географ IX века сохранил нам два стиха средне-азиатского поэта, в которых упоминаются Самарканд и Шаш (Чач), с какими-то намеками на неизвестные нам исторические события. Арабский язык в государственном делопроизводстве и в литературе постепенно уступал место персидскому, дольше всего сохраняя свое значение, конечно, в литературе богословской; в Туркестане и в этой области в X веке было положено начало литературе на персидском языке. Составленный на арабском языке, по почину туркестанского духовенства и по распоряжению саманидского правительства, самаркандским ученым катехизис по повелению того же саманидского правителя был переведен на персидский язык; таким же образом, с одобрения духовенства, был переведен на персидский язык с арабского большой коментарий на коран, составленный в Багдаде ученым Табари; тогда же появилось в Хорасане оригинальное сочинение на персидском языке по той же отрасли богословия — тафсиру (толкованию корана). В общем, однако, арабский

язык оставался и после языком богословской литературы как в Персии, так и в Туркестане.

Процесс слияния арабских завоевателей с местным населением продолжался как в Персии, так и в Туркестане еще долгое время после X века. В Туркестане в X веке уже не было городов, в которых арабы составляли бы большинство населения, как в Персии в городе Куме; в качестве средоточия арабского населения называется не существующее теперь селение Ведар в местности к северу от Самарканда, имевшее тогда некоторое промышленное значение: там выделывались хлопчато-бумажные ткани, высоко ценившиеся даже в Ираке, т. е. древней Вавилонии, в местности по нижнему течению Евфрата и Тигра. Характерны слова арабского автора, что при нем из прежнего оставалось „немногое", но по этому „немногому" еще можно было получить представление о прежнем „многом". Это селение, не существующее теперь, сохраняло некоторое значение еще в XII веке; в нем были укрепление, соборная мечеть и минарет. В той же местности, несколько ближе к Самарканду, было селение Хартенг, где в 870 г. умер и был похоронен бухарец по происхождению, Мухаммед ибн-Исмаил Бухари, автор сборника хадисов (преданий о пророке и приписанных ему изречений); эта книга, составленная в Бухаре, является теперь в глазах мусульман суннитов едва ли не самым авторитетным источником для разрешения вопросов веры после корана. В XII веке здесь был „рабат" (об этих постройках см. ниже) с гробницей автора сборника хадисов; гробница сохранилась и теперь, и по ней селение носит название „Ходжа Исмаил" (в народном предании имя самого Бухари почему-то было вытеснено именем его отца). Некоторый процент арабского населения был в главных городах. В Бухаре жители при сдаче города в 712 г. должны были уступить арабам половину своих домов и имений; сохранились сведения о распределении города между отдельными арабскими племенами, по которым в X веке носили названия некоторые из ворот, улиц, мечетей и т. п. (более всего „домов арабов" было в квартале, прилегавшем с востока к цитадели). Но о том, насколько потомки этих арабов отличались в то время по языку и образу жизни от остальных жителей, ничего не сообщается. Приведенные выше сведения о Ведаре показывают, что среди переселенцев арабов в Туркестане кроме воинов были ремесленники, представители текстильной промышленности; в Бухаре мастерская, где выделывались ковры и ткани, пользовавшиеся в свое время громкой известностью, находилась в квартале у восточных ворот цитадели, где преимущественно находились „дома арабов". В Самарканде ихшид, по некоторым сведениям вместе со всеми жителями, должен был совершенно покинуть город и уступить его арабам; тем не менее Самарканд не сделался по составу населения арабским городом. В Самарканде с именем одного из арабских племен была связана местность на окраине

тогдашнего города (нынешнего городища Афрасиаб), около гробницы двоюродного брата пророка Кусама ибн-Аббаса, о пребывании которого в Туркестане имеются только противоречивые, частью явно легендарные сведения. Столь же скудны сведения о дальнейшей судьбе арабов в Туркестане; крайне шатки и едва ли достоверны цифры, установленные переписью 1897 г. По изданному в 1901 г. в Ташкенте путеводителю арабов в Самаркандской области было около 20,000, по переписи арабский язык был языком всего 10 человек, из них 7 в городе Пенджикенте, тогда как даже в Сыр-дарьинской области, куда арабы во время завоевания, несомненно, пришли в меньшем числе, их по переписи 634. В б. Бухарском ханстве арабы до сих пор сохранили свои племенные названия; среди них, между прочим, есть представители племени курейшитов, в долине Ях-Су, на границе Дарваза; курейшиты прежде жили и в городе Бухаре, но утратили свой язык и говорят по узбецки; главное отличие их от остального населения—рисунки на выделываемых ими из шерсти паласах и одеялах, как вообще в орнаменте тканей часто сохраняются следы происхождения населения, утратившего свой прежний язык.

Северо-восточные соседи арабского полуострова еще в III веке нашей эры распространили на всех арабов название жившего ближе всего к ним племени Тай. Из Персии это название, вероятно в произношении тажик, проникло в Среднюю Азию и в Китай (в китайской транскрипции да-ши). В персидской литературе в X веке это слово употреблялось в более новой форме—тази в смысле „араб, арабский", также „мусульманин, мусульманский"; в первые века ислама эти понятия еще не различались; в рассказе историка Табари об успехах ислама в 728 году бухарским дихканам приписываются слова, что все люди сделались „арабами". В XI веке, может быть и раньше, турки в Средней Азии употребляли слово тажик, в турецком произношении таджик, как этнографическое название, для обозначения того народа, к которому принадлежало большинство известных им мусульман, т. е. иранцев; „таджицкий" язык противополагался как турецкому, так и арабскому. Повидимому, к этому термину восходит слово „тат", как теперь называют оседлых жителей Туркестана туркмены. В турецкой литературе XI века встречается также слово „сарт", но не в качестве народного названия, но как нарицательное имя, в смысле „купец". В турецкой буддийской литературе встречается слово сартбау, искаженное санскритское sarthavaha или sarthabaha „предводитель каравана"; повидимому это слово, на почве так называемого лингвистического осмысления, было изменено турками в сартбаши—„начальник сартов", откуда образовалось слово „сарт" в смысле „купец". Монголы в XIII веке употребляли образованные от этого корня слова „сартак" и „сартаул" в смысле „таджик" и „мусульманин", причем называли „сартаками" не только иранцев, но и турок-мусульман. Отуреченные потомки монголов в Туркестане в конце XV века

употребляли слово „сарт“ в смысле „таджик“, противополагая язык и литературу сартов языку и литературе турок. Степняки-узбеки, завоевавшие Туркестан в начале XVI века, стали называть „сартами“, в противоположность „узбекам“, всех оседлых жителей, как иранцев, так и говоривших по турецки; впоследствии, когда языком большинства оседлого населения сделался турецкий, слово сарт стало употребляться в литературе (напр. у кокандских историков), отчасти и в жизни, в смысле горожанин или сельский житель, говорящий по турецки, в противоположность таджику, сохранившему свой язык иранцу. По чертам быта, сартам, как типичным горожанам и земледельцам, теперь противополагаются не узбеки, большею частью перешедшие к оседлому образу жизни, а „казаки“. Слово сарт пережило, следовательно, такую же эволюцию, как слово „таджик“: таджиками называли сперва одних арабов, потом—арабов и иранцев, как мусульман, наконец одних иранцев, как большинство мусульман; сартами—сперва одних иранцев, потом иранцев и турок, как оседлых жителей, потом—одних оседлых турок, как большинство оседлого населения. Повидимому, в некоторых местностях, как в Бухаре, и теперь отличают сартов от таджиков не по языку, но по бытовым чертам, относя термин сарт по преимуществу к горожанам, термин таджик—к сельским жителям. Название таджик, но не название сарт, распространяют иногда и на горцев—гальчей. Слово гальча в литературе до-монгольского периода всегда пишется гарча и происходит от слова гар „гора“ (упоминается также диалектическая форма гарч). Гарчистаном (у арабов также Гаршистан, с обычной заменой звука *ч* звуком *ш*), т. е. областью горцев, называлась в X веке по преимуществу область верхнего Мургаба (в пределах Авганистана), составлявшая особое владение; но говорится также, по крайней мере в XII веке, о „самаркандском Гарчистане“, под которым, очевидно, надо понимать область верхнего Заряфшана и его притоков. Точных определений терминов гарча и Гарчистан мы в литературе не находим; географ начала XIII века Якут понимает под „Гаршом“ или „Гаршистаном“ только горную область к востоку от Герата, к западу от Гура, к северу от Газны и к югу от Мерверруда, хотя сам говорит в другом месте, со слов автора XII века Сам'ани, о самаркандском Гарчистане.

В эпоху арабского завоевания этнографическая граница между иранцами и турками, культурная между оседлым и кочевым населением и политическая между мусульманской империей и „областью неверных“ приблизительно совпадали. Кочевники не-турецкого происхождения были вытеснены из степей в предшествующий период. В мусульманский период продолжали употреблять слово „Тохаристан“, как географический термин, но происхождение этого термина не было известно, и о тохарском народе не имели никаких сведений. В истории арабского завоевания еще упоминается хайтальский народ (эфталиты), но только в рассказах о событиях, происходивших в преде-

лах Авганистана или на крайнем юге Туркестана, около Термеза. С другой стороны, в культурных местностях Туркестана были династии турецкого происхождения, но, повидимому, еще не было оседлого населения, говорившего по турецки. Даже в пределах нынешнего китайского Туркестана, как показали археологические открытия последних десятилетий, турецким по языку было только население местности к востоку от Кучи.

Арабским завоевателям приходилось иметь дело не только с местными турецкими династиями, но и со степными турками, даже со степным великодержавием; как представители великодержавия, „каганы" ставились рядом с римскими „кесарями" и персидскими „хосроями". Победы, одержанные арабами на Сыр-Дарье в 737 и 739 гг., привели к уничтожению каганства в пределах нынешних туркестанских республик; степь распалась на несколько владений, но не была подчинена власти арабских наместников, принимавших только меры для защиты культурных областей от набегов степняков. Как римский limes на западе и китайская великая стена на востоке, так и в Туркестане преградой против таких набегов должны были служить длинные стены валы. Наиболее совершенные сооружения этого рода относятся к эпохе Сасанидов; до сих пор сохранились остатки стены из жженого кирпича, построенной, по историческим сведениям, в V веке в местности от Каспийского моря к востоку и от реки Гюрген к северу, и другой стены из того же материала, построенной на восточной окраине Мазандерана от моря до гор, очевидно после того как персидским царям пришлось отказаться от защиты линии Гюргена. Историк Табари говорит даже о стене из тесанного камня, но это известие не подтверждается остатками стен и объясняется, по всей вероятности, смешением этих стен со стеной, защищавшей дербентский проход. В противоположность дербентской стене, стены к востоку от Каспийского моря в мусульманский период, насколько известно, не поддерживались; нет также сведений о ремонте стен, построенных в III веке до нашей эры для защиты мервского оазиса, от которых в X веке сохранялись только следы. В период арабского владычества, приблизительно в одно и то же время, во второй половине VIII века, были построены длинные стены в двух местностях, вокруг культурной полосы города Бухары и к северу от культурной полосы Чирчика, от Сыр-Дарьи до гор. В обеих местностях остатки стен сохранились до сих пор, при чем сравнительно подробно исследованы остатки бухарских стен—земляного вала со сторожевыми укреплениями из сырцового кирпича. По историческим известиям, бухарские стены были построены по образцу таких же стен до-мусульманского происхождения, защищавших самаркандскую область; остатки этого вала, называвшиеся, как и в других местностях, „старушечьей стеной" (кампыр-дивар), упоминаются в вакуфном документе 1786 г., при определении северной границы земель селения Сиюганчи к с. з. от Са-

марканда, где находилась могила святого Мухлис-ата[1]). В 840 г. самаркандский правитель Нух ибн-Асад завоевал Исфиджаб, т. е. культурную полосу Арыса, и построил там также длинные стены; судя по единственному дошедшему до нас известию об этой постройке, стенами были защищены только ближайшие окрестности города Исфиджаба (вероятно, находившегося на месте нынешнего Сайрама); говорится о постройке стены вокруг „виноградников жителей этого города и их пашень"; эта стена, повидимому, исчезла бесследно. От постройки и поддержания длинных стен впервые отказался Саманид Исмаил, правивший в Бухаре с 874 до 907 гг.; историк приписывает ему слова: „Пока я жив, я буду стеной для бухарской области". Как бухарские стены, так и стены у Чирчика получили от народа название „старушечьего вала" (Кампыр-дувал), при чем такое отношение к длинным валам прежнего времени не составляет особенности Туркестана; остатки длинных стен, некогда защищавших культурную полосу Египта, также назывались „стеной старухи" (хаит-ал-аджуз). Впоследствии длинные стены, окружавшие несколько городов и селений, строились только в редких случаях; русские завоеватели застали только одно сооружение этого типа—стену, окружавшую „города Шар (Шахрисябз) и Китаб с некоторыми другими кишлаками и курганчами" (крепостцами) [2]).

В противоположность этим длинным валам, городские стены имели уже в арабский период не столько военное, сколько полицейское значение. В рассказе о постройке стен вокруг города Бухары (постройка была закончена в 849 или в 850 г.) жителям приписываются следующие доводы в пользу необходимости этой постройки: „нашему городу нужны стены, чтобы по ночам закрывать ворота и быть в безопасности от воров и разбойников". Такое же значение придавалось городским стенам в новейшее время; пишущему эти строки пришлось слышать от стариков-туземцев жалобы, что после уничтожения, при русском владычестве, городских стен с запиравшимися на ночь воротами и отмены запрещения выходить на улицу после захода солнца население не может так спокойно спать по ночам, как прежде. Цели внутренней охраны осуществлялись еще легче в городах того типа, который возник в Передней Азии, как полагают, только при арабах (характерный пример представляет Дамаск, столица первой халифской династии), в связи с арабскими племенными делениями и с обычаем отводить в завоеванных или вновь построенных городах особое место каждому племени: стены с воротами строились не только вокруг всего города, но и вокруг отдельных кварталов.

---

[1]) В. Л. Вяткин, Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, стр. 50 и указ.

[2]) М. Терентьев. История завоевания Средней Азии. I, 502. Даже факт существования этих стен не может считаться вполне установленным.

Города этого типа существуют в Персии и теперь; так в городе Хамадане, по словам одного русского путешественника, „кварталы отделяются друг от друга воротами, которые на ночь запираются. Непрерывной отдельной ограды вокруг города не имеется; но ворота, ведущие в улицы за город, тоже запираются на ночь". Судя по некоторым сведениям о Мерве последних веков до монгольского нашествия, города этого типа были в Закаспийской области, теснее всего связанной с Персией; ясных сведений о стенах вокруг отдельных кварталов в других туркестанских городах мы не имеем, не исключая Бухары, где приводятся сведения о разделении города между отдельными арабскими племенами.

В состав пространства, окруженного бухарскими стенами, кроме первоначального городского поселения — шахристана — входили предместья — рабад, т. е. обширное пространство, присоединенное к городу в мусульманский период. „Рабадом" назывались и самые стены, при чем этот арабский термин употреблялся и персидскими авторами. В Бухаре стены „рабада" оставались городскими стенами и впоследствии, когда исчезли еще существовавшие в X веке стены и ворота шахристана, т. е. когда до-мусульманское поселение утратило свое значение „города" по преимуществу и присоединенные при исламе кварталы перестали считаться „предместьями". В некоторых других случаях пространство, окруженное стенами „рабада", было слишком значительно для города в тесном смысле слова, и такие стены не могли выполнять свое полицейское назначение; оттого, когда „городом" вместо шахристана сделались кварталы, возникшие при исламе, таким „городом" была признана и окружена особой стеной только небольшая часть прежнего „рабада". Так в Мерве стенам „рабада" X века соответствуют остатки вала, известные теперь под названием Гилякин-Чильбурч, окружавшего пространство в 40 квадратн. верст; шахристану—городище Гяур-Кала, предместью, окончательно признанному „городом" и окруженному особой стеной в XI веке,—городище Султан-Кала (около 4 кв. верст). В Самарканде глинобитные стены „рабада", известные теперь под названием „Дивари кыямат" (стена судного дня) или, на юге, Дивари-Кундалянг (последнее название связано с турецко-монгольским словом кундалян в значении „шатер", „ханская ставка" и, вероятно, было дано местности, расположенной около стен, уже в монгольский период), тянулись на 40 верст и окружали пространство приблизительно в 10.000 десятин; „городом" признавалось в XII веке только пространство к югу от „шахристана", т. е. от городища Афрасиаб, приблизительно соответствующее нынешнему туземному или „азиатскому" Самарканду. Очень вероятно, что в этом случае стены рабада, в отличие от бухарских, были выстроены не для внутренней охраны, но для защиты от внешнего врага. О причинах постройки мервского рабада известий нет; самаркандский рабад был выстроен Абу-Му-

слимом (виновником падения Омейядов и воцарения новой халифской династии Аббасидов), управлявшим тогда Хорасаном, в 134 г. хиджры, т. е. в 751 или 752 г., непосредственно после усмирения восстания в Самарканде и Бухаре. По некоторым сведениям, Абу-Муслим только возобновил постройку до-мусульманского периода, иногда приписывавшуюся Александру Великому, при чем Александр будто бы хотел, „чтобы во время враждебных действий войск и войн между царями жители окрестностей этого города собирались внутри стен, соединялись с жителями города и, помогая друг другу, были в безопасности". На военную цель самаркандских стен указывает также название селения Рабат-и-Газиян (букв. „станица борцов за веру"), как называется еще теперь селение у северо-восточного конца стен, близ западного подножья возвышенности Чопан-ата. „Газии", как мы увидим ниже, признавались элементом опасным не только для внешнего врага, но и для внутреннего спокойствия государства Саманидов; кроме того Самарканд вообще считался в эту эпоху средоточием мятежных элементов, по словам географа Ибн-Хаукаля, сведения которого относятся к царствованию эмира Мансура (961—976), притом к первой половине этого царствования; Ибн-Хаукаль начал свои путешествия в 943 г. (год его выезда из Багдада) и закончил свой труд в 973; последние годы перед окончанием книги провел на западе. Временем его переезда из восточных областей ислама в западные был 969 г.; в этом году он был на берегах Гюргена и в том же году „в последний раз" был в Мосуле на Тигре; в 972 г. он был в Сицилии. При нем в самаркандских стенах уже не было запиравшихся ворот; ворота были удалены по распоряжению саманидского правительства, вследствие происходивших в городе волнений.

Для целей священной войны, кроме стен и валов, в Туркестане, как и в других пограничных областях мусульманского мира, строились „рибаты" (таково правильное арабское произношение) или р а б а т ы (так произносится это слово, которое не следует смешивать со словом р а б а д, в Туркестане). По объяснению автора XII века, рабатом называлось „место, где привязывали коней" (таково и этимологическое происхождение термина); „рабат" предназначался для „газиев" (борцов за веру), так как они, когда поселялись в пограничном пункте, „жили там лицом к лицу с врагами, отражая их козни и их нападения на мусульман". По своему назначению „рибаты" или „рабаты" соответствовали, таким образом, нашим казачьим станицам; их внешний вид был иной, так как они не устраивались для постоянных поселенцев и их семейств, но служили казармами для конных отрядов. Слово „рибат" и соответствующая глагольная форма (повидимому в значении „сражаться в рибатах") встречаются уже в коране; но из текста не видно, говорится ли только о выставлении отрядов конницы, или о постройке для них особых зданий; некоторые из

толкователей корана даже старались доказать (вопреки точному смыслу слов Кор. 8,62 рибат ал-хайль „рибат коней“), что в эпоху пророка рибаты на войне еще не применялись и что слова корана относятся не к священной войне, но к творению молитв и подвижничеству, как впоследствии рядом с „рибатами“ газиев были „рибаты“ подвижников; обитатели этих рибатов, по выражению одного из египетских историков, спасали страну от бедствий своими молитвами, как обитатели военных рибатов—оружием. По словам того же историка, в христианском мире монашество явилось на смену прежнего „свидетельствования“, т. е. мученичества. Люди, отдававшие свою жизнь за веру, назывались и у мусульман, как у христиан, „свидетелями“ (арабское шахид по своему этимологическому значению вполне соответствует греческому martys или martyr); но для мусульманина, по характеру его учения, это „свидетельствование“ было не пассивным мученичеством, но активной борьбой, при том не только с внешними врагами; уже в I веке ислама под „борьбой за веру“ стали понимать также восстание против нечестивых и несправедливых правителей. При таких условиях в мусульманском мире с самого начала должна была установиться та идейная связь между религиозным братством и братством по оружию, которая в истории христианства выразилась в духовно-рыцарских орденах. Во II веке из „рабата“, основанного религиозным подвижником в южной части Сахары, на границе с Суданом, вышла династия „Алморавидов“ („мурабитов“, т. е. живущих в „рабатах“), завоевавшая Северную Африку и Испанию; „мурабитами“ (по французски „marabouts“) называются и теперь в Африке члены религиозных братств, уже не имеющих больше военного значения. В Туркестане и в Персии сближение „рабатов“ со зданиями иного назначения иногда вызывалось сходством плана и устройства здания. Историками мусульманской архитектуры отмечено внешнее сходство между „ханом“ (гостиницей, караван-сараем) и „медресе“ (высшей школой); зданиями того же казарменного типа, при чем комнаты расположены вокруг двора, были также „рабаты“ и „ханаки“—обители религиозных подвижников. Принесенный завоевателями тип „рабата“ был настолько сходен с типом существовавших ранее странноприимных домов и обителей, что естественно произошло сближение, отразившееся и на употреблении термина „рабат“. Возможно, что в некоторых случаях для рабатов были приспособлены готовые здания, подобно тому как в мусульманские „мечети“ обращались храмы прежних религиозных общин, тем более, что постройка рабата признавалась таким же богоугодным делом, как постройка мечети. Строителем „мечетей“ и „рабатов“ называется, между прочим, происходивший из дома Бармакидов (известных аббасидских министров, низложенных Харуном ар-Рашидом) Фадл ибн-Яхья, управлявший Хорасаном в течении короткого времени в конце VIII века.

Рабаты, имевшие военное значение, строились, конечно, преимущественно на границе со степью. Таким пограничным пунктом был, напр., в бухарской области торговый город Пейкенд, на пути из Бухары в Мерв; по словам бухарского историка, в окрестностях Пейкенда „до 240 г.“ (854—5 нашей эры) было более 1000 рабатов „по числу бухарских деревень; жители каждой деревни построили там рабат, посылали туда людей и давали средства на их содержание. Зимою, когда происходили нападения неверных, из каждой деревни сюда приходило много людей и подвизались в войне за веру, каждый в своем рабате“. В связи с какими событиями рабаты прекратили свою деятельность в половине IX века, не говорится. Географ конца X века Макдиси еще видел в Пейкенде „около 1000“ рабатов, частью еще населенных, частью уже опустевших. В XII веке от рабатов, как и от самого города Пейкенда (на месте его жило только небольшое число туркмен), оставались только развалины; посетивший эту местность автор слышал, что рабатов было до 3000 и что они были построены для чтецов корана. Военное значение рабатов, о котором ясно говорит бухарский историк, было, таким образом, совершенно забыто.

Слова о „тысяче рабатов“ показывают, что рабатом в этом случае называлось каждое отдельное здание, предназначенное для небольшого числа людей. В некоторых других случаях „рабат“ представлял пограничную крепость, окруженную стеной, иногда несколькими рядами стен, и достигавшую размеров небольшого города. Таков был, напр., рабат Ферава, где ныне город Кызыл-Арват (собств. Кызыл рабат, т. е. „красный рабат“), или рабат Дихистан, ныне развалины Мешхеди Мисриян — городок, занимающий пространство в 120 десятин, со стеной из жженого кирпича. Остатки Дихистана, существующие до сих пор, относятся к началу XIII века; в конце X века этот рабат не имел стен, так как они были разрушены по распоряжению правительства.

В X веке в самаркандском „рабате борцев за веру“ местные ученые Абу-Мансур Матуриди и Абу-л-Касим Самарканди видели Хызра (мифического пророка, с культом которого связано мусульманское подвижничество), который научил одного из них богословию, другого—философии. Из этой легенды видно, что рабат, о первоначальном назначени которого свидетельствует его название, тогда служил для иных целей. Иногда рабаты строились с самого начала для целей религиозного культа или преподавания; так живший еще в VIII веке мервский ученый и подвижник Абдулла, сын Мубарека, пользовавшийся одинаковой популярностью среди представителей двух противоположных направлений, изучавших хадис (предание) и изучавших фикх (религиозное право), построил в Мерве для каждого из этих направлений по рабату. Встречаются рабаты, связанные с культом до-мусульманских пророков, упоминаемых в коране;

так у Келифа на южном берегу Аму-Дарьи был рабат Зу-л-карнейна, т.-е. Александра Македонского (Кор. 18, 82 и сл.), на северном—рабат Зу-л-Кифля (Кор. 21, 85 и 38, 48). Культ Зу-л-Кифля был впоследствии перенесен из Келифа в Термез, где автор XVIII века помещает на острове среди Аму-Дарьи „мазар пророка Зу-л-Кифля, от которого разливается свет". Остров от этого мазара получил название Арал-Пейгамбар (остров пророка); в XIX в. он назывался Орта-Аралом, т.-е. срединным островом. Покойный И. Т. Пославский в 1895 г. слышал, что на Арал-Пейгамбаре имеется какое то старинное большое сооружение, кажется что то вроде медресе, в котором живут постоянно местные шейхи и куда правоверные являются иногда на поклонение[1]). В настоящее время, по полученным мною сведениям, „старинное" сооружение заменено новым; живут ли на острове теперь шейхи, мне пока установить не удалось. В рабате Зу-л-карнейна в X веке была мечеть. Об Александре до сих пор рассказывается легенда, что река у Келифа протекает по тому месту, где был похоронен завоеватель „со всеми своими богатствами", причем „никто не знает, где собственно находится могила Искандера (Александра), и Аллах откроет эту тайну только новому покорителю всего мира".

Очень вероятно, что в этих случаях к мусульманскому религиозному культу были приспособлены прежние местные святыни. Несмотря на то, что переправа Александра через Аму-Дарью совершилась у Келифа и что на южном берегу был лагерь македонского войска, едва ли есть основание видеть в этой легенде отголосок преданий, сохранившихся в Туркестане со времени Александра. Существование таких преданий до сих пор не может быть доказано; озеро Искандер-куль вообще не упоминается в средние века под этим названием; легенда о происхождении от Александра бадахшанских и других местных князей не встречается ранее XIII века. Христианские и мусульманские версии романа об Александре приводили Александра к „источнику жизни", вытекавшему, по некоторым известиям, из рая; одной из четырех райских рек, наравне с Евфратом и Тигром, признавалась Аму-Дарья, получившая вследствие этого название Джейхун (Гихон). Рабат Зу-л-карнейна был у истоков Тигра; естественно, что с именем Зу-л-карнейна был связан также рабат на Джейхуне. „Хорошие рабаты" были также на правом берегу Аму-Дарьи, в Фарабе, в том числе один рабат, построенный саманидским правителем Насром ибн-Ахмедом (914—943), где предлагалось угощение странникам, т.-е. странноприимный дом или каравансарай. Каравансараем, по всей вероятности, был также рабат, построенный в XII веке турецким владетелем Арслан-ханом в бухарском селении Искиджкете „для иностранцев".

---

[1]) Среднеаз. Вестник, 1896 г., дек., стр. 95.

[2]) В. И. Масальский, Туркестанский край, 1913, стр. 730.

Прямые известия о приспособлении к мусульманскому культу прежних зданий мы имеем только для мечетей; так первые соборные мечети в Бухаре (в цитадели) и в Самарканде (в шахристане, рядом с цитаделью) первоначально были храмами идолов (бутхана). В передне-азиатских областях соборная мечеть была не только местом богослужения, но и средоточием государственной и общественной жизни; там хранилась государственная казна, производился суд, решались общественные дела, читались лекции преподавателями и т. п. Географ Истахри отмечает разницу в этом отношении между передне-азиатскими и восточно-иранскими областями; из мечетей Хорасана, Мавераннахра, Сеистана и Джибаля (средней Персии, древней Мидии) можно было постоянно видеть больше всего народа в гератской мечети, потом—в балхской, потом—в сеистанской (т.-е. в мечети главного города Сеистана, Зеренджа, где теперь крепость Над-Али). Только в этих трех мечетях собирались кружки факихов (законоведов) и вообще постоянно толпились люди, как в Сирии и пограничных округах; остальные мечети этого края наполнялись народом только по пятницам, т.-е. в часы богослужения. Впоследствии преподавание происходило и в некоторых других мечетях; так в мервской соборной мечети читал лекции по фикху (законоведению) на персидском языке ученый, убитый при разграблении города турками-гузами в 1153 г. Все же население Туркестана и восточных областей Персии мало нуждалось в мечетях во вне богослужебное время, так как для целей преподавания и вообще для целей, связанных с религиозным культом и различными отраслями общественной жизни, существовали особые здания.

Для выяснения вопроса о типе зданий, служивших в до-мусульманском Туркестане для религиозных и общественных целей, необходим еще целый ряд исследований в области изучения письменных источников, лингвистических, этнографических и археологических данных. Со сравнительно обильными сведениями мусульманских авторов необходимо сопоставить скудные данные, которые можно извлечь из так называемых согдийских текстов; без такого сопоставления трудно судить о том, насколько термины, употребляемые авторами мусульманского периода, соответствуют местной терминологии. В мусульманский период даже авторы туркестанского происхождения писали или на арабском, или на общеперсидском литературном языках, и в последнем случае, конечно, употребляли персидские термины, независимо от того, были ли эти термины известны местному населению; только в редких случаях ими приводятся отдельные слова согдийские, бухарские, хорезмийские и т. п. Возможно, что некоторые из таких слов до сих пор сохранились в местных наречиях, но до сих пор такие местные термины отмечены только в области ирригации. В некоторых случаях слова иранского происхождения, забытые местными иранцами, сохранились в турец-

ких наречиях. Археологические открытия доставили нам некоторые сведения о жилищах туркестанской землевладельческой аристократии (так называемые „жилые курганы", которых особенно много в долине Ангрена, где дольше всего сохраняло свое значение „дихканство") и о местных погребальных обрядах (так называемые „оссуарии", найденные на пространстве от Самарканда до Аулие-ата), но этот материал до сих пор не находит себе достаточного объяснения в письменных источниках (мы даже не знаем, как назывались укрепленные замки и оссуарии местным населением в различных областях Туркестана). В этнографическом отношении особенный интерес представляло бы изучение Хорезма, где сохранились до сих пор некоторые бытовые особенности, как хуторское хозяйство и первоначальный тип арбы, которые прежде были характерны для населения всего Туркестана; об этом свидетельствует сходство хорезмийских бытовых черт с бытом горных таджиков и кашгарцев. Некоторые внешние бытовые черты „хорезмийцев", отмеченные географами X века, как высокий головной убор, сохранились до сих пор. Мусульманский „Хорезм" отнюдь не жил изолированной жизнью и имел тесные торговые сношения с другими странами; но в окруженном пустынями Хорезме, как в окруженной морями Англии, вся жизнь носила своеобразный уклад, и даже заимствованные извне черты обнаруживали особую живучесть.

В некоторых персидских словарях слову ханэ „дом" в смысле „частное жилище" противоставляется слово сарай в смысле „гостиница, общественное здание". Приводится стих поэта Кудси: „Не пускай в дом чужого, а не то, назови дом сараем". Под „сараем", как общественным зданием, в противоположность „ханэ", понимали и царский дворец, и присутственное место, и гостиницу („караван-сарай"), и торговое помещение, и место для склада хозяйственных припасов (отсюда значение слова „сарай" в русском языке). „Сараями" или „миянсараями" (с присоединением слова миян „середина") назывались также отдельные постройки, входившие в состав мечети; „сарай" мог служить и для целей преподавания; в Самарканде упоминается „сарай" Джаузания или Джаузаниян; о котором существовало поверие, что каждый, кто обучался там наукам, становился благочестивым и ученым человеком; впоследствии об этом здании говорили, как о „мечети Джаузания" или „медресе Джаузания" и помещали его на территории нынешнего города, к востоку от медресе Ширдар. Сарай мог быть частью укрепленного замка, как жилища князя или представителя высшей землевладельческой аристократии. У арабов такие укрепления чаще, чем арабскими словами хисн и хисар, обозначались заимствованным из латинского языка словом каср (castellum или kastron—греческая форма единственного числа, образованная от латинского castra); в персидском языке ему соответствовали слова ках или, чаще, кёшк. Ках, повидимому, был более зна-

чительным сооружением, чем кёшк; кахами назывались преимущественно жилища владетельных князей, как замки владетелей Бухары, бухар-худатов, в бухарской цитадели[1]) и в селении Варахше близ Рамитана, замок соперника бухар-худата, Вардан-худата, владетеля Варданы (впоследствии селение Варданзи, засыпанное песками) и построенные при исламе дворец Сахля ибн-Ахмеда Дагуни (в IX веке) в бухарском селении Искиджкет и дворец турецкого хана Шемсал-Мулька (во XI веке) в южном предместьи Бухары. В последнем случае „ках" был построен внутри окруженного стеной запретного пространства (по турецки „курука"), протяжением в одну милю (около 2 вер.). Ках бухарской цитадели опирался на семь каменных столбов, подобно семи звездам Большой Медведицы; в этом кахе помещался „сарай гарема и казны", повидимому, как отдельное, входившее в состав его здание. О кахе Варахши говорится, что один из бухар-худатов был убит в этом кахе, в своем кёшке; возможно, что в этом случае под „кёшком" надо понимать одно из зданий каха. Интересно также, что саманидский правитель Исмаил (874—907) предлагал местным жителям обратить этот ках в соборную мечеть. Кёшками назывались небольшие укрепления, вероятно башни, в горных деревнях нынешнего Авганистана[2]); еще яснее значение „башня" в рассказе о битве у Термеза, после которой победоносный арабский предводитель воздвиг два „кёшка" из голов убитых врагов. Очень вероятно, что „кёшками" назывались также те два „касра", один из золота, другой из серебра, которые, по рассказу арабского историка, вместе с другими дарами были поднесены арабскому наместнику в 738 г. Слово „кёшк" соответствует, однако, арабскому „каср" и в тех случаях, когда имеется в виду укрепленное жилище владетеля обширной земельной собственности; так „крепость" (хисн) на Мургабе, завоеванная арабским предводителем Ахнафом, получила после этого название „замок" (каср) Ахнафа, и принадлежавший к ней „рустак" (совокупность селений) стал называться „рустаком Ахнафа"; арабское „каср" в переводе сочинения географа Истахри передается словом „кёшк". „Кёшками" назывались жилища бухарских купцов, которые вместо того, чтобы уступить арабам половину своих домов в шахристане, предпочли совершенно покинуть шахристан и устроиться на новом месте, в северо-западной части нынешнего города. Здесь возникло 700 замков (кёшков), причем вокруг каждого замка были расположены дома слуг (чакиров) и подчинен-

[1]) Упоминается и „кёшк" бухар-худата „у ворот цитадели, на ригистане" (Нершахи в изд. Шефера, 63).

[2]) Ср. кёшк к западу от крепости Порсу-кала в мервском районе, представляющий „солидную четырехугольную башню, сильно кругом занесенную и засыпанную песком" (А. Самойлович, Мервские воспоминания, отт. из Живой Старины 1909 г., стр. 7, прим. 41); у Алиханова (Мервский оазис, 94) „Кошюк"; на картах (в том числе на карте при брошюре Алиханова) „Минара" (минарет, башня).

ных владельца; у ворот каждого замка было отведено место для сада (бустан) и поляны (сахра); на воротах каждый владелец сделал изображение своего „идола“ (бут); в половине VIII века „700 замков“ по числу населения превосходили шахристан. При описании жилищ государей и вельмож сад (бустан) часто является принадлежностью сарая или „кёшка“, как в арабских текстах это же самое персидское слово бустан, принятое и арабами, сопоставляется со словом „каср“. Для обозначения сада употребляется также слово „баг“ [1]), только с представлением о бустане связано представление о цветах и их запахе, с представлением о баге—представление о плодовых деревьях. „Баг“ также упоминается как принадлежность „сарая“, иногда вместе с „бустаном“; так при описании местности „Джу-и мулиян“ в Бухаре, где находился дворец Саманидов, говорится о „сараях, садах (баг), рощах (чемен) и цветниках (бустан)“. Считалось желательным, чтобы „баг“ окружал „сарай“ со всех сторон; такой „баг“ назывался „чарбагом“ (букв. четыре сада): так о Бу-Насре, одном из сановников газневидского султана Мас'уда (1030—1040), говорится, что у него был „сарай“ в Нишапуре, к которому с трех сторон примыкал „баг“; он хотел прикупить еще земли, чтобы получился „сарай с чарбагом“ (впоследствии слово „чарбаг“ употреблялось и в другом значении; так в Исфахане „чарбагом“ называется главный бульвар города, обсаженный с обеих сторон тополями). „Баг“ со своими деревьями больше, чем бустан, соответствовал древнему „пардесу“—древесной ограде частных жилищ и парку (в нем содержались и звери для охоты) царей и вельмож; из рассказов о походе Александра Македонского видно, что такие парки были и в Туркестане; соответствующее слово перешло из древне-персидского языка в греческий и некоторые семитические, где оно служило также для обозначения райского сада и до сих пор сохранило это значение в нескольких языках (франц. paradis). В мусульманский период это слово в живой речи уже не употреблялось ни в Персии, ни в Туркестане; в литературе оно встречается, в чисто-книжной форме „фирдаус“, только в смысле „рай“.

Приведенные выше слова о „замке Ахнафа“ показывают, что собственник „каха“ или „кёшка“ иногда владел целым „рустаком“, т.-е. группой селений. Чаще живший в замке представитель землевладельческой аристократии владел только одним селением, как в Персии о мифическом царе Менучехре, будто бы положившем начало „дихканству“, существовало предание, что он „назначил для каждого селения дихкана, сделал жителей селения его слугами и рабами, одел их в одежду унижения и велел им повиноваться ему“. Мы видели, что дома слуг, чакиров, были расположены вокруг замка

---

[1]) „Баг“ и „бустан“, как слова одинакового значения, приводятся в географическом словаре Якута (I, 677).

землевладельца. Исторические тексты показывают, что под „чакирами“ надо понимать военную силу, которой располагали князья и вельможи; из чакиров состояло в до-мусульманскую эпоху войско самого могущественного из местных владетелей, самаркандского ихшида; некоторые арабские наместники, в подражание туземной аристократии, тоже окружали себя отрядами из „чакиров“ или, по арабскому произношению, „шакиров“. Вокруг замка были тоже дома остальных „подданных“. В одном из текстов, относящихся также к Бухаре, рядом со „слугами“ дихкана называются его „кедиверы“. Последний термин образован от иранского кед (кет) или кеде, означавшего „дом“ в несколько более обширном смысле чем „ханэ“. „Ханэ“, как арабское „бейт“, было отдельным жилым домом в тесном смысле слова, „кед“ или „кеде“ передается арабским „дар“; в это понятие, кроме собственного жилища главы дома, входили жилища его отделенных сыновей и других родственников, хозяйственные постройки и т. п., при чем все эти постройки находились внутри одной общей ограды. Сюда относится и хорезмийское слово „кат“, как называли в Хорасане пространство в степи, окруженное стеной (или валом), хотя бы внутри этого пространства ничего не было (теперь в Туркестане такие остатки старых укреплений называются „турткулями“). „Кедиверы“ были членами и обитателями „кеда“; в главе „кеда“ стоял „кедхуда“ („кетхуда“), букв „господин кеда“. Учреждение этого звания приписывалось мифическому царю Феридуну, деду Менучехра. С понятием о „кедхуда“ первоначально связывалось понятие о власти над семьями и потомством; в мусульманский период идеального „кедхуду“ представляли себя в виде заботливого хозяина. В этом смысле государь называется „кедхудой мира“. Представление о „кедхуде“ соединяется, однако, не только с представлением о власти и собственности: „кедхудой“ является также лицо, исполняющее обязанности хозяина по полномочию собственника, т.-е. домоуправитель. В государственной терминологии „кедхудой“ назывался гражданский администратор при военном наместнике, чиновник при полководце, обязанный заботиться о продовольствии и снаряжении войска, и т. п. В значении, близком к первоначальному, термин „кедхуда“ до сих пор употребляется у туркмен, называющих кедхудами своих родовых старшин [1]).

Географы X века при описании Туркестана приводят большое число названий, сложных с кет и кед, при чем эти названия, еще не встречающиеся в районе Мургаба, появляются в районе Заряфшана

---

[1]) О кетхудах, как старшинах, напр. А. Семенов. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении, стр. 31. По Алиханову. (Мервский оазис и дороги ведущие к нему, Спб. 1883, стр. 30) кетхудами в Мерве назывались старшины, заведывавшие отдельными каналами (каждый канал носил название колена, которому он принадлежал), но не имевшие никакого отношения к другим делам народа. Таких старшин было сто человек.

и в значительно большем числе в бассейне Сыр-Дарьи, особенно в районе Анграена и Чирчика. Географ Истахри дает для области Илак, т. е. культурной полосы Ангрена, 14 названий городов и селений, из них 7 сложных с к е т, для области Чач, т. е. культурной полосы Чирчика, 27 названий, из них 14 сложных с к е т. Из этих названий видно, что один и тот же термин применялся к городу и селению, как в коране „селением“ (карья) назван и такой большой город, как Мекка. В связи с распространением персидского литературного языка слова „кент“ и „кет“ были заменены словом „дих“; присоединенная к Фергане при Саманидах местность на восточной окраине этой области, где возникли семь селений, получила название „Хефтдих“ (семь деревень). К городу слово „дих“ уже не применялось; так о жителях Пейкенда, придававших значение признанию Пейкенда „городом“ наравне с Бухарой, говорится, что они ни кому не позволяли называть Пейкенд „дихом“ (деревней). Казалось бы, что только в городах, а не в селениях, могло проводиться различие между собственно городом—ш а х р и с т а н или ш а р и с т а н—и цитаделью—к у х е н - д и з, букв. „старая крепость“, отсюда слитное к у н д у з; но бухарский историк упоминает о „шахристанах“ и „кундузах“ также при описании селений. Слово к е н т, утраченное и забытое местным иранским населением, перешло в турецкие наречия; по мере перехода кочевых турок к оседлости слово к ы ш л а к, первоначально означавшее „зимовку“, повсеместно в Туркестане, даже у горных таджиков, стало употребляться в смысле „селение“, хотя еще в конце XVI века „живущие в селениях“ (д и х) отличались от „живущих в зимовках“ (к ы ш л а к). Употребление слова „кент“ в смысле „селение“ сохраняется до сих пор в Хорезме [1]) и в Кашгарии [2]).

Терминами, сложными с „кеде“ и „ханэ“, обозначались и языческие храмы, называвшиеся „домами огня“ (а т е ш к е д е или а т е ш х а н э) и „домами идолов“ (б у т к е д е или б у т х а н э). Первый термин относится, конечно, к зороастризму, по всей вероятности, остававшемуся до мусульманского завоевания религией большинства населения, несмотря на распространение буддизма, манихейства и христианства. Описания местных зороастрийских храмов мы не имеем; не найдено также остатков таких сооружений; совершенно неизвестно, насколько храмы туркестанских зороастрийцев в эпоху мусульманского завоевания отличались от древних четыреугольных башень огня, найденных около развалин Пасаргад и Персеполя и известных под названием „Ка'ба Зороастра“ (Ка'ба-и Зердушт), и от более новых восьмиугольных сооружений с куполом, как „атешкеде“ близ Исфахана. Общины зороастрийцев в Туркестане существовали еще в X и

---

[1]) Матер. для статист. Турк. края. IV, 203.

[2]) К о р н и л о в, Кашгария, 277.

XI веках, при чем они называются „маджусами“ в арабских источниках и „мугами“ в персидских. Говорится о бухарских мугах, об общине мугов в Самарканде; на последних, взамен налагавшейся на иноверцев подушной подати, была возложена повинность охранять и исправлять свинцевую водопроводную трубу, посредством которой была проведена вода в шахристан. В Хорезме в XI веке, по словам Бируни, были только „остатки маджусов, не отличавшихся ревностью к своей вере, довольствовавшихся знанием ее внешних обрядов, не исследуя ее сущности и ее идей“. О том, когда исчезли следы зороастризма, данных нет. Народ в Туркестане до сих пор приписывает много развалин „мугам“, причем другой термин, распространенный в Персии, г е б р (от этого слова, а не от слова „кафир“, образовано слово гяур), в Туркестане, повидимому, известен только туркменам и хивинцам. Только в Туркмении[1]) и Хорезме[2]) крепости до-мусульманского происхождения называются крепостями „гебров“ или „гяуров“; в остальных местностях Туркестана, особенно в бассейне Сыр-Дарьи, говорится о „крепостях“ и „домах“ мугов. Название „ворот Мугкеде“ в Оше показывает, что термин „муг“ употреблялся в Туркестане в живой речи и в X веке. Слово „мугкеде“, как нарицательное, не встречается в литературе; в позднейшей географической номенклатуре (XV века) мы встречаем его еще в названии местности около Пенджикента на Заряфшане, при чем исследователь исторической географии Самаркандской области В. Л. В я т к и н[3]) переводит его „храм огнепоклонников“, т. е. понимает его в смысле „атешкеде“ или „атешханэ“. Были ли еще в XV веке зороастрийцы в Пенджикенте и Габристане или эти названия указывали только на прежнюю религию жителей, неизвестно. В настоящее время „домами мугов“ в Туркестане называются не храмы огня, но постройки так называемого „циклопического типа[4]), т. е. насыпи из камня“, которые один из специалистов по археологии Туркестана называет „могилами“[5]). Зороастризм не допускал погребения

---

[1]) Ср. известное мервское городище Гяур-Кала, у Ф р е з е р а Gubr-kila, ср. Ж у к о в с к и й Развалины Старого Мерва, 95.

[2]) Напр. Гяур-Кала близ Ходжейли; А. Л. Кун в Матер. для статист. Туркестк края, IV, 217. На 10-верстной карте еще Гяур-Кала на одном из старых русел Аму-Дарьи, к югу от развалин Шах-сенем. В географической номенклатуре остальной части Туркестана слово „гебр“ представлено кажется только в названии не существующего теперь, но существовавшего в XV веке селения Г а б р и с т а н в Катта-Курганском уезде (Вяткин, Матер., 49), где дан перевод „становище гебров, огнепоклонников“.

[3]) Матер., 25.

[4]) О них Прот. Турк. Кр. люб. арх., III, 234, где „ханэ-и-муг“; также М. С. А н д р е е в в Среднеаз. Вестн. 1896 г. май, 21 сл.; К. А. И о с т р а н ц е в в ЖМНПр. 1909 г., март, отд. 2, стр. 117. Н. И. В е с е л о в с к и й в. ЗВО, II, 221, где Мук-хонэ; киргизское выражение м у г т ы н у й и в Прот. Турк. кр. V, 29.

[5]) Н. И. В е с е л о в с к и й цит. м.

в собственном смысле слова, т. е. зарывания трупов в землю; все же тела умерших были предметом некоторых обрядов, для которых воздвигались сооружения. Как установил один из русских исследователей[1]), различались к а т а („временное помещение для трупа до вынесения на дахму"), д а х м а („место, куда выставляют трупы" на съедение птицам или собакам) и н а у с („место хранения омытых и очищенных костей" или „костехранилище"; кости после того, как в течение года обмывались на дахме и очищались от трупного мяса, съедавшегося зверями и птицами, считались чистыми и должны были храниться в месте, „недоступном для собаки, лисицы, волка, для дождевых вод"). Слово н а у с есть греческое naos „храм", употребляющееся в новом завете в смысле „святая святых храма" и передаваемое в коране словом „михраб", имевшим у арабских христиан значение „алтарь" (в мечетях михраба при Мухаммеде еще не было); у зороастрийцев сасанидского периода и первых веков ислама им обозначались надгробные сооружения, служившие местом окончательного успокоения костей умершего. Персы-зороастрийцы в определенный день в году „ставили пищу в наусы умерших и напитки на крыши домов; они утверждали, что души умерших выходят в эти дни из мест, где подвергаются награде или наказанию, и приходят к домам с истощенными силами и жаждой; они обкуривают свои дома лекарственными растениями, чтобы мертвые испытали наслаждение от этого запаха". Тот же автор говорит о согдийцах, что они в определенные дни „оплакивали своих древних мертвецов, причитали над ними, надрезывали себе лицо и ставили для них пищу и напитки, подобно персам"; о хорезмийцах, что они „подобно персам, ставили пищу в наусы для душ умерших". Наусы следовательно, были и у хорезмийцев; что они были и у согдийцев, видно из рассказа историка Табари, по которому арабский наместник в 722 или 723 г. велел убить около города Ребинджана (несколько западнее нынешнего Катта-Кургана) взятого в плен местного предводителя и распять труп на наусе, при чем жителям под угрозою контрибуции было запрещено снимать труп. В рассказе о военных действиях между Кешем (Шахрисябзом) и Самаркандом, происходивших в 112 или 113 г. хиджры (730—732 нашей эры) говорится о четырех арабских воинах, укрывшихся в наусе. Из этого можно сделать вывод, что наус был сооружением значительных размеров; возможно, что туда помещали „оссуарии", т. е. глиняные урны, четырехугольные или овальные, с костями умерших, найденные в Туркестане, при чем ни одну из этих находок не удалось сохранить нетронутой до осмотра места находки специалистами. Оссуарии украшены орнаментом, фигурными изображениями и изваяниями; т а к и х оссуариев до сих пор нигде вне Туркестана найдено не было, из чего

[1]) К. А. Иностранцев в ЖМНПр. 1909 г., март.

видно, что кости умерших были в Туркестане предметом большей заботливости, чем у других зороастрийцев. Слово „наус“ не сохранилось теперь ни в Туркестане, ни вообще на иранской почве, но, странным образом, только в семитической Аравии, где им обозначаются сооружения, похожие, по внешнему виду, на туркестанские „дома мугов“. Никаких других доказательств, что „дома мугов“ в действительности были наусами и служили помещением для оссуариев, мы не имеем.

От „дома огня“, как можно судить по некоторым рассказам, отличали „дом идолов“, понимая под этим последним термином, по всей вероятности, буддийский храм. Особенно характерен рассказ Нершахи о „доме идолов“, привезенном в бухарское селение Рамитан из Китая, вместе с китайской царевной. Тот же Нершахи в своем рассказе о торговле идолами, производившейся около мечети Маха, относит происхождение этого обычая, сохранявшегося в мусульманской Бухаре в виде пережитка, к тому времени, когда „жители Бухары были идолопоклонниками“; тогда в том месте, где впоследствии была построена мечеть, сидел на престоле сам царь и поощрял своим присутствием торговлю идолами. Впоследствии „это место сделалось домом огня; в день торговли, когда собирались люди, они все входили в дом огня и почитали огонь. Тот дом огня сохранялся до времени ислама; когда мусульмане усилились, они построили на том месте ту мечеть“. В этом рассказе, повидимому, также проводится различие между почитанием идолов и почитанием огня. Табари говорит о бухарском селении Тававис, что в нем были „дом огня и дом богов“, т. е. идолов; и в этом случае зороастрийский храм отличается от храма „идолопоклонников“. Однако, из слов Нериахи о „замках мугов“, что на воротах каждого замка было изображение „идола“ владельца, можно вывести заключение, что „идолы“ были и у „мугов“. Остается, поэтому, спорным, действительно ли упоминаемые в Туркестане „дома идолов“, напр. храмы Самарканда и Бухары, впоследствии обращенные в мечети, принадлежали буддистам и вообще не-зороастрийцам. Кроме того одна религия могла влиять на другую; на это указывают слова историка XIII века Джувейни, что слово „бухар“ значило „на языке мугов“—„собрание науки“, а „на языке идолопоклонников уйгурских и китайских“ употреблялось для обозначения их храмов, где помещались их „идолы“. Имеется в виду санскритское вихара, как назывались в Индии буддийские монастыри, первоначально состоявшие не из особых построек, но из ряда вырубленных в скалах пещер [1]). В новоиндийском и персидском это слово является в форме

[1]) Так по E. Horrwitz, A short History of indian literature, p. 72. По дополнительным примечаниям Д. Н. Анучина к переводу книги Р. Пишеля „Будда“ (стр. 219) вихары первоначально были простые маленькие шалаши из ветвей или плетня, обмазывавшиеся глиной и служившие кельями для монахов, но потом их стали строить из камня со сводами, соединяя их в целые ряды. Ср. там же (стр. 51)

бехар; так называется до сих пор область в Индии по Гангу к востоку от Бенареса, где получил начало буддизм и было особенно много монастырей. На иранской почве особенной известностью пользовался Наубехар, т. е. „новый бехар“, здание в южном предместии Балха, описываемое некоторыми арабскими авторами, как постройка „идолопоклонников“, людей той веры, которой придерживались также владетель Кабула, индийские и китайские цари, хотя другие авторы называют балхский Наубехар „домом огня“. Что здание действительно было буддийским монастырем, доказывается словами китайского паломника Сюань-цзана, посетившего Балх в VII веке, около 630 г. Сюань-цзан называет монастырь „новой сангарамой“; монастырь находился к юго-востоку от города; к северу от монастыря была высокая ступа, где хранились мощи святого, к югу—вихара, куда собирались „отдаленные народы и люди с выдающимися дарованиями“, где было много людей, достигших высшей святости. „Вихара“, таким образом, отличалась от „сангарамы“ или монашеского общежития в тесном смысле слова; под вихарой понимали место, где рассматривались учеными вопросы веры и совершались подвиги подвижничества. В персидский язык рядом со словом бехар (вихара) перешли и слова санджар (сангарама) и санджаристан. В словарях санджар объясняется как „человек в состоянии экстаза“, санджаристан—как „ханака (обитель; объяснение слова см. ниже) и то место, где люди доходят до экстаза и пляски под музыку“. Со словом „санджар“, вероятно, связано название селения и сельского округа Санджарфаган, впоследствии Зенджир-Баг, к юго-востоку от Самарканда; в последней части этого названия мы, вероятно, имеем слово фаг или баг—„бог“, которым обозначалось в иранском мире божество, преимущественно низшее, но и высшее; мусульманство отвергло это название и отнесло его только к идолам, хотя в христианских текстах оно употреблялось и для обозначения понятия „бог“ в смысле христианского единобожия. В языческую эпоху слово „баг“ или фаг (диалектически также фуг), подобно слову худа (или местному худат), употреблялось в Иране и иранской Средней Азии также в смысле царь, в связи с установленным со времени Александра Македонского обожествлением царской власти; так в Хорезме термином, сложным с „фаг“, обозначался переход царя из летнего местопребывания в зимнее. Тем же словом переводилось китайское название небесного божества; китайский император, как „сын неба“, назывался „багпуром“ или „фагфуром“ (пур—сын), при чем последнее слово приводится иногда в словарях как „ферганское“ (можно предполагать

слова проф. Пишеля о вихарах как „хижинах или закрытых сараях“, где Будда со своими учениками „выдерживал дождливое время“; индийские вихары позднейшего времени, также строившиеся первоначально только для дождливого периода, „были часто богато убраны и снабжены всеми удобствами, как, напр., приспособлениями для теплых ванн и крытыми галлереями для прогулок“ (стр. 165).

также произношение пагпур; арабской буквой ف часто передается персидское *п*).

Употребление рядом терминов „вихара" и „сангарама" до сих пор установлено в Средней Азии только в турецких буддийских текстах; слово „сангарама" было переделано турками в „сангарам", „вихара" передается через „вахар" или чаще „вархар"; мусульманские авторы, арабские и персидские, пишут фархар. Бируни связывает понятие о „бехаре" или „фархаре" с понятием о шаманах, как называли в Хорасане приверженцев „Будасфа", т. е. буддистов (от санскритского, śramana—отшельник). По словам Бируни, „следы их, бехары их идолов и их фархары" были видны в пограничных округах Хорасана, прилегавших к Индии. Анонимный персидский географ конца X века говорит о тибетском городе Курсанге, что „в нем находятся большие дома идолов; его (дом идола) называют большим фархаром". Европейскими иранистами было высказано мнение, что согдийское „фархар" соответствовало южно-иранскому „бехар"; слово „бехар", однако, было перенесено, по крайней мере в мусульманскую эпоху, в пределы Туркестана, как показывает название „Наубехарских" ворот в Самарканде и Бухаре. Замечательно, что „Наубехарские" ворота Бухары соответствуют по местоположению нынешним „Мазарским", получившим свое название от „мазара" или могилы главного бухарского святого, жившего в XIV веке, Беха-ад-дина Накшбенда. „Бехар", от которого получили свое название ворота, был, повидимому, индийским монастырем, так как селение, из которого вышел Беха-ад-дин, называлось прежде „замком индийцев" (Каср-и-Хиндуван). Мусульманским авторам было известно что „шаманы" распространили свою веру в Туркестане еще раньше манихеев; но манихейская община существовала в Самарканде еще в X веке, тогда как уже китайский паломник Сюань-цзан, проехавший через Туркестан незадолго до арабского завоевания, нашел буддийские монастыри только в местности к югу от „Железных ворот" (ныне проход Бузгала), считавшихся границей между областями, тяготевшими к Самарканду, и „Тохаристаном" или областями, тяготевшими к Балху. К буддизму и буддийской литературе относятся, повидимому, слова автора XII века Сам'ани об округе города Вашджирда (ныне Файзабад, между Кафирниганом и Вахшем), где сохранялись „удивительные памятники и буквы, бывшие там в начале ислама, известные, записанные в книгах".

Из религий передне-азиатского происхождения с Туркестаном особенно тесно было связано манихейство, возникшее в III веке нашей эры; характерно, что названия дней недели были принесены в Китай манихеями в согдийской форме, христианами—в персидской. По преданию, еще сам Мани, происходивший из Вавилона, совершил путешествие в Хорасан, Индию и Китай; после его казни его приверженцы были вынуждены покинуть владения персидского царя

и переселиться за Аму-Дарью. После завоевания Персии арабами они получили возможность вернуться в Персию и Вавилон, но уже в VIII веке, начиная с царствования халифа Махдия (775—785), они стали подвергаться кровавому гонению и со стороны мусульманского правительства и снова должны были удалиться на восток; последнее и окончательное выселение их относят ко времени халифа Муктадира (908—932). По словам Бируни, в его время (в XI веке) в мусульманских владениях оставалась только одна манихейская община в Самарканде, где манихеев называли „сабиями", прилагая к ним термин, встречающийся в коране и распространенный впоследствии мусульманами на все религии, кроме мусульман, христиан, евреев и зороастрийцев. По словам ан-Недима, автора составленного в конце X века библиографического труда „Фихрист",—манихеев в Самарканде было всего человек 500. По словам анонимного персидского географа конца X века, в Самарканде была „ханака". манихеев, которых называли нигошаками. „Ханака" есть согдийская форма персидского х а н э „дом"; повидимому, этим словом, впоследствии заимствованным мусульманскими дервишами, называли в до-мусульманском Согде келью отшельника, буддийского и манихейского. „Нигошак" собственно значит „слушатель"; термин нигошак, в латинском переводе auditor, обозначает у манихеев мирянина, в противоположность подвижнику, так что упоминание о „нигошаках" в связи с „ханакой" возбуждает некоторое недоумение. Подобно буддизму, манихейство проводит резкое различие между подвижниками, все помыслы которых направлены к спасению и которые поэтому не могут заниматься никаким физическим трудом, и мирянами, к которым религия предъявляет менее строгие требования и которые своим трудом содержат подвижников. Впоследствии из среды манихеев, однако, вышло движение, связанное с полным отрицанием частной собственности и семейной жизни и установлением одинаковых требований для всех людей. Основатель этого движения в Иране, Маздак, живший в конце V и в начале VI века, подобно Мани, запрещал употребление убойной пищи, но вместо основания отдельных общин из людей, отказавшихся от личной собственности и половой жизни, требовал от всех людей отказа от всяких исключительных прав в той и другой области; он признавал необходимым восстановить равноправие всех людей по отношению к предметам собственности и женщинам, считая нарушение этого равноправия делом демонов зависти, гнева и жадности. Учение Маздака нашло в Персии большое число приверженцев, особенно среди низших классов; сторонником Маздака сделался сам царь Кавад (488—531), и благодаря этому коммунистические идеи получили фактическое применение; но в 528 г. наследник престола, будущий царь Хосрой Ануширван, воздвиг кровавое гонение на маздакитов. Подобно манихеям, маздакиты нашли убежище в Средней Азии; им удалось распространить свое учение в Самарканде, Илаке

и Чаче. Манихейские и маздакитские идеи оказали влияние на учение мусульманских шиитских и исмаилитских сект; из вождей таких движений особенный успех имел в Туркестане Муканна, выступивший во второй половине VIII века, называвший себя воплощением божества, преемником ветхозаветных пророков, Иисуса, Мухаммеда и Абу-Муслима. После долгой борьбы движение было подавлено войсками халифа Махдия; но, в качестве тайной секты, приверженцы Муканны, которых называли „людьми в белых одеждах", еще долго сохранялись в некоторых местностях, особенно в бухарских деревнях и на Ангрене. Мусульманские авторы сближают „людей в белых одеждах" с зиндиками, т. е. с манихеями. Нершахи говорит о „людях в белых одеждах", что женщины у них считались общими; человек, приходивший к чужой жене, на время своего пребывания у нее оставлял какой-нибудь знак на дверях дома, как у маздакитов, в таких случаях оставлялась на дверях шапка. Из массы населения выделялся в каждой деревне один начальник, за которым признавалось jus primae noctis. „Люди в белых одеждах" не совершали ни намаза, ни омовения и не соблюдали постов, но называли себя мусульманами.

Манихеи как в христианском, так и в мусульманском мире только в исключительных случаях могли открыто исповедывать свою веру; этим вполне объясняется скудость сведений о манихейском внешнем культе. По словам блаженного Августина, манихеи не признавали ни храмов, ни алтарей; храмом божества должен был быть каждый отдельный член общины верующих. Таким же образом французские манихеи (катары или альбигойцы XI и XII веков) устраивали свои собрания не в храмах, а в погребах и других подземных помещениях, иногда в частных домах и ремесленных заведениях. С другой стороны мусульманский автор говорит о молитвенных зданиях восточных (хорасанских) манихеев, при чем употребляет тот же термин (б и' а), которым обозначались христианские церкви. Некоторые сведения о культе восточных манихеев могут быть извлечены из вновь открытых памятников манихейской литературы; так один из китайских текстов различает в манихейском монастыре пять зал: 1) зал для священных книг и картин; 2) зал для поста и объяснения; 3) зал для поклонения и покаяния; 4) зал для преподавания; 5) зал для больных монахов. Из этого был сделан вывод, что манихейский монастырь, в противоположность буддийскому и христианскому, не был общежитием и не имел келий для постоянного проживания монахов; подвижники собирались в монастырях только для богослужения и изучения своей веры, также для общей трапезы, но, за исключением больных, ночевали в другом месте, чаще всего у мирян. Раскопками в турфанской области было обнаружено существование манихейских часовень; в текстах упоминаются особые здания, ч а й д а н ы, для отправления поста. Этот термин, подобно мно-

гим другим, был заимствован манихеями у буддистов и соответствует индийскому чайтья (зал собраний); такие собрания первоначально устраивались в Индии „в пещерах, стены которых украшались вытесанными священными изображениями"; впоследствии воздвигались особые храмы [1]). Во многих других случаях буддистами заимствовались манихейские термины; так турецкий и впоследствии монгольский буддизм под влиянием манихейства заменили имя индийского Индры именем иранского Ормузда (у монголов Хурмуста-тенгри); от манихеев перешло к буддистам также название священных книгном. Монгольское субурган, соответствующее индийскому ступа, есть иранское супурган (собств. „дом совершенства"), как назывались у манихеев постройки, куда ставились трупы. Из текстов видно, что трупы оставались в этих постройках одетыми но не в гробах, и не зарывались в землю. Согдийские манихейские тексты относят к времени не ранее VII века; в конце того же столетия манихейство проникло в Китай; в VIII веке уже существовала манихейская литература на китайском языке, причем терминология китайских манихеев (напр. названия дней недели) обнаруживает явные следы согдийского влияния. В Китае с манихейством ознакомились во второй половине VIII века турки; манихейство сделалось господствующей религией в некоторых турецких государствах, и еще в X веке турецкий хан-манихей заступался перед Саманидами за своих самаркандских единоверцев. О судьбах манихейства в Средней Азии с III до VII века и после X века мы не располагаем никакими сведениями.

Почти столь мало же известно о судьбах христианства. Подобно манихейству, христианство проникло в Туркестан сначала к иранцам, потом к туркам из семитической Передней Азии через Персию. Манихеи применили к транскрипции звуков иранского и турецкого языков свое письмо арамейского происхождения; по словам мусульманского автора „люди Мавераннахра и Самарканда" писали этим письмом „книги веры" и называли его „письмом веры". Такое же применение получило письмо христиан-сирийцев, первоначально выработанное в месопотамской Эдессе, родине сирийской христианской литературы; впоследствии каждое из трех вероисповеданий, на которые распалась сирийская церковь—мелькиты (православные), несториане и яковиты, выработало свое письмо. Из этих вероисповеданий несторианство, принятое в конце V века персидскою церковью, естественно получило и в Средней Азии наиболее широкое распространение; все же несториане не были единственными христианами в Туркестане. По словам Бируни, в Мерве был мелькитский „митран" (митрополит); тот же автор говорит о мелькитах в Хорезме. Интересно, что в рассказе о завоевании Хорезма мусульманами в 712 г.

[1]) Р. Пишель. Будда, перев. под ред. Д. Н. Анучина, стр. 220.

говорится, что владетель Хорезма (хорезмшах) созвал „своих царей (т. е. вассальных князей), своих книжников и своих дихканов"; в тексте употреблено слово хабр, во множественном числе ахбар. Хабр есть еврейское хабер и сирийское хабро—„ближний, собрат по сословию, товарищ". Еврейские и христианские ученые, вероятно, называли так своих коллег; под влиянием частого употребления этого слова в кругу ученых оно стало употребляться посторонними в значении „цеховой ученый, член ученого содружества", подобно тому, как теперь люди, стоящие вне социалистических партий, употребляют (с оттенком насмешки, которого не было у арабов, не знавших точного значения заимствованного ими слова) немецкое „Genosse" и русское „товарищ" в смысле „социалист". В арабских текстах словом ахбар чаще всего обозначаются еврейские ученые, как в еврейской Мишне строго соблюдающий правила ритуальной чистоты „хабер" противоставляется простому народу. В коране хабры в V суре названы рядом с раввинами; вероятно, сочетанием обоих слов обозначаются все вообще еврейские ученые (в переводе Саблукова „раввины и книжники"); в IX суре евреи и христиане упрекаются в том, что избрали себе господами вместо Бога своих хабров и монахов; повидимому, почитание хабров ставится в вину евреям, почитание монахов христианам (в переводе Саблукова „книжники и подвижники"). Было высказано мнение [1]), что и в рассказе о завоевании Хорезма имеются в виду еврейские раввины, хотя никаких сведений о существовании в хорезмийских городах, в средние века или теперь, еврейских общин мы не имеем; в рассказе одного источника об основании города Хорезма „Нарсе, сыном еврейки", вопреки высказанному в печати мнению, нельзя видеть „косвенного указания" на существование такой общины, так как речь идет о персидском царевиче, сыне сасанидского царя Иездегерда I (399—420), действительно женившегося на еврейке: Нарсе в царствование своего брата Бехрам-Гура (420—438) был наместником Хорасана; ничего не говорится о том, чтобы он нашел в Хорезме или привел туда единоверцев своей матери. В настоящее время „бухарские евреи", кроме Бухары, живут в Самарканде и некоторых других туркестанских городах, тогда как „в Хиве их, повидимому, вовсе нет" [2]). В X веке в восточноиранских областях (в Хорасане и Мавераннахре вместе) было больше евреев, чем христиан. Географические названия свидетельствуют о существовании многолюдных еврейских общин в северной части Авганистана; достаточно упомянуть в городе Иехудие на месте Меймене и о „воротах евреев" в Балхе; но на существование евреев

---

[1]) К. А. Иностранцев в ЖМНПр. 1911 г., февр., отд. II, стр. 294.

[2]) Масальский, Турк. край, 412. Ср. Н. Муравьев, Пути в Туркестан и Хиву, II, 30: „В Хиве есть издревле поселившиеся жиды, принявшие магометанскую веру".

в Хорезме географическая терминология не дает указаний. Хорезмийский автор Бируни приводит сведения о евреях, их летоисчислении и т. п. исключительно по книжным источникам, тогда как в своих рассказах о христианском календаре упоминает о „хорезмийских христианах". Более вероятно, поэтому, что и в рассказе о завоевании Хорезма имеются в виду христианские ученые, к которым также применялись термин х а б р и а х б а р; так Табари говорит, что Юлиан Отступник велел „разрушить церкви и перебить епископов и хабров христиан" [1]). Встречу с христианином в Хорезме имел в конце XII века известный мусульманский ученых Фахр-ад-дин Рази, но из рассказа об этом не видно, был ли этот христианин постоянным местным жителем.

В X веке упоминается христианское селение к северу от Голодной степи и к югу от Сыр-Дарьи, вероятно, на месте современного урочища Урумбай, и христианский монастырь к югу от Самарканда и к северо-западу от нынешнего Ургута, при чем в этом случае употребляется термин у м р (сирийское слово), как назывался монастырь, расположенный в населенной местности, в противоположность д е й р у — монастырю, построенному вдали от жилья (ср. русское „пустынь"), хотя это различие между „дейром" и „умром" соблюдалось не всегда. Самаркандский монастырь описывается географом Ибн-Хаукалем, посетившим его в 60-х годах X века; Ибн-Хаукаль встретил в келиях этого монастыря некоторых иракских (вавилонских) христиан, которых привлекли туда хорошие климатические условия, уединенное и красивое местоположение; с монастыря открывался вид на большую часть Согда. Монастырь владел недвижимою собственностью.

До нас дошли переводы ново-заветных текстов на согдийский язык, при чем эти тексты написаны другими письменами (христианскими сирийскими) и на другом наречии согдийского языка, чем манихейские; доказывают, что характерное свойство манихейских текстов — замена зубного звука плавным (напр. форма с у л и к вместо с о г д) — соответствует южным и восточным диалектам, лингвистические особенности христианских текстов — диалектам северным и западным; сведений о географическом расселении согдийских манихеев и христиан, которыми подтверждался бы этот лингвистический вывод, пока не добыто. В списках епархий сирийской церкви упоминаются и епископы среднеазиатских городов; но среди деятелей сирийской литературы мы не видим ни одного туркестанца, за исключением некоторых мервских несторианских иерархов: епископы Феодор в VI веке и Илия в VII веке, митрополит Иосиф в конце VIII века; из Мерва происходили также писатели IX века Иса, автор сирийского словаря, и Ишодад, автор толкования на новый завет. Уста-

[1]) В переводе Nöldeke (Tabari 6) „die Bischöfe und christlichen Priester".

новлено, что местопребывание мервских несторианских епископов находилось на нижнем течении канала Маджан, протекавшего через нынешнее городище Султан-Кала. Нет никаких сведений о существовании в Туркестане, не исключая и Мерва, монастырских школ или других христианских учебных заведений.

С экономическим прогрессом Туркестана и других восточно-иранских областей в первые века ислама связано деятельное участие туркестанцев и их ближайших соседей в культурной работе. Крайний восток тогдашнего мусульманского мира не только подвергался влиянию более культурных областей Передней Азии, но и сам оказывал влияние на характер обще-мусульманской культуры. С запада на восток, кроме распространения ислама, шло распространение персидского литературного языка и вообще традиций сасанидской Персии. Предания о Сасанидах теперь были связаны с местностями, находившимися за пределами бывшей сасанидской державы; даже балхский Наубехар иногда называли „постройкой хосроев", т. е. сасанидских царей. В области образования мы еще долгое время видим в Персии и Туркестане один и тот же персидский термин для обозначения низшей школы, школы грамотности — дабиристан; очень вероятно, что этот термин, заимствованный мусульманским Ираном от зороастрийского, был перенесен в Туркестан из Персии, где письменность и грамотность, по всей вероятности, были более распространены. В области высшего образования, науки и искусства восток иранского мира первоначально имел большее влияние на запад, чем наоборот, благодаря традициям греко-бактрийского государства, буддизма и манихейства. Особенно заметно в первые века ислама влияние такого культурного центра, каким был Балх (древние Бактры), впоследствии утративший почти всякое значение. Не из городов сасанидской Персии, но из Балха вышли обе династии, с которыми связано возрождение иранской культуры в мусульманском мире — династия Бармакидов, министров аббасидских халифов Багдада, и династия Саманидов, владетелей Средней Азии. В буддийских монастырях Индии изучались не только вопросы веры, но также вопросы философии и точных наук; этим, может быть, объясняется то влияние, которое оказали уроженцы Балха, Мерва, Хорезма и других восточно-иранских местностей на первые успехи у арабов, при халифе Мансуре (754 — 775) и его преемниках до Мамуна включительно, астрономии и математических наук, особенно на ознакомление арабов с индийской математикой. Автор древнейшего дошедшего до нас арабского математического труда, Мухаммед ибн-Муса, современник халифа Мамуна, был уроженцем Хорезма; отсюда его прозвание ал-Хорезми, от которого образовано слово „логарифм"; по трудам этого ученого европейский мир впервые ознакомился не только с понятием о логарифме, но вообще с алгеброй, в которой Мухаммед ибн-Муса считался высшим авторитетом в Европе до эпохи возрождения и которая получила в Европе

арабское название, хотя основы ее были заимствованы арабами у индийцев. Привлечение восточно-иранских ученых ко двору халифов связано с той ролью, которая принадлежала „хорасанцам“ в деле низложения омейядской династии и вручения власти Аббасидам. „Хорасанцы“ долго оставались главной силой, на которую опирались халифы как в военном отношении, так и при организации государственного управления. Уроженцам восточно-иранских областей поручались важнейшие должности даже в тех областях халифата, где не было персидского населения; так один из Саманидов в 827 г. был назначен правителем египетской Александрии. В области точных наук восток иранского мира дал тогда западу все, что мог; ученые, привлекавшиеся в Багдад, не возвращались к себе на родину и не оставляли там учеников.

Впоследствии случалось, что отдельные просвещенные среднеазиатские владетели привлекали к своему двору ученых, в том числе и представителей точных наук, большею частью выходцев из Багдада и городов западной Персии. Были и ученые средне-азиатского происхождения, обязанные своими сведениями приезжавшим с запада учителям или сами ездившие учиться на запад; к числу их принадлежал и величайший мусульманский ученый Бируни, живший в XI веке, по происхождению хорезмиец, пользовавшийся, подобно многим другим представителям науки, покровительством просвещенного хорезмшаха Мамуна (убит в 1017 г.). Но даже деятельность таких людей не привела к установлению местных научных традиций. В Туркестане упрочилась только богословская научная школа; мы не видим примера, чтобы в Туркестане, как иногда в Багдаде и западной Персии, „записывающим хадисы“ (предания, связанные с вопросами веры) противопоставлялись изучающие литературу и предметы светского образования, высшей духовной школе — школа для преподавания светских наук. Есть указания на более значительное и продолжительное влияние восточно-иранских областей на Переднюю Азию в области искусства. На крайнем востоке мусульманского мира сильнее всего должно было сказываться влияние китайской живописи, о котором достаточно свидетельствует факт, что искусство китайских живописцев вошло у персов в поговорку; славой знаменитого живописца пользовался также Мани, будто бы научившийся своему искусству в Китае. О заботливости, с которой украшались миниатюрами манихейские рукописи, говорят как христианские, так и мусульманские писатели. Найденные в последнее время в Китайском Туркестане манихейские иллюстрированные рукописи, вероятно, позволят притти к более точным выводам о происхождении манихейской живописи (в ней видят соединение иранских, индийских и „монгольских“ [1]), т. е., вероятно, китайских элементов), о ее влиянии на мусульманскую

[1]) Так Ernst Kühnel в журнала Der Islam. I, 188.

и об отличии этого влияния от влияния более поздних восточноазиатских элементов, принесенных в Туркестан и другие мусульманские страны монгольским завоеванием. Как долго продолжалось в этом отношении влияние Туркестана на Переднюю Азию, видно из того факта, что при султане Баязиде II (1481—1512) мастер узбецкого происхождения Баба-Наккаш первый принес искусство живописи в Турцию [1]).

Представители богословской науки в Туркестане также ездили учиться в Багдад и другие города, но обыкновенно возвращались на родину и там устным преподаванием и письменными трудами передавали свои познания следующим поколениям. Создавались местные традиции, в которых, помимо черт, характерных для всего мусульманского мира, проявлялись и местные особенности. Вообще мусульманское богословское преподавание, хотя оно происходило почти исключительно на арабском языке, находилось, подобно другим отраслям мусульманского просвещения, под влиянием более культурных иноверцев и инородцев, особенно сирийцев и иранцев. Персидское слово „устад" учитель вошло в арабский язык и постоянно встречается как вообще в научной, так и в богословской литературе; кроме того тем же словом, помимо преподавателя и научного руководителя, называли „мастера", обучавшего своих учеников искусству или ремеслу, также авторитетного советника правителей; в последнем смысле персидское слово вошло в государственную терминологию даже такой арабской области, как Египет. Противопоставлявшееся слову „устад" в области искусств и ремесл слово „шагирд" (ученик) гораздо реже применялось к научному преподаванию и в этом смысле обыкновенно заменялось сирийским тильмиз.

Устройство сирийской богословской высшей школы нам известно довольно хорошо [2]). Эта школа еще долго продолжала жить и развиваться в эпоху господства ислама. Были примеры открытия новых христианских школ в городах, основанных мусульманами; так, в 832 г. была открыта школа в Багдаде. Тем не менее христианская школа оказала мало влияния на мусульманскую; греческое слово „школа" (σχολή), перешедшее в сирийский язык, как и в языки западноевропейские, и принятое также арабскими христианами (в форме искуль), не было принято арабами-мусульманами. Из преподавательских должностей заимствована мусульманской школой от сирийской христианской только должность учителя чтения, по сирийски макреяна, по арабски мукри. В мусульманской школе мукри, в Туркестане теперь кары [3]), является ассистентом при настоящем

[1]) G. Jacob в Der Islam. I, 65.

[2]) А. П. Дьяконов, „Типы высшей богословской школы в древней церкви III — VI вв.", в Христианском чтении 1913 г.

[3]) Кары и мукри арабские слова одного корня; кары буквально значит „читающий", мукри — „заставляющий читать".

преподавателе (мударрисе); ассистент не получает особого содержания; там, где такой ассистент (вообще довольно бесполезный) признается необходимым, эта обязанность возлагается на одного из старших учеников. В современных туркестанских школах против преподавателя садится кары, как наиболее успевающий и лучше других читающий по книге. Провозгласивши краткую молитву и проведя концами пальцев по лицу, преподаватель предлагает читать изучаемую книгу. Кары читает предложение и останавливается, а преподаватель начинает объяснение прочитанного предложения в смысловом и грамматическом отношениях [1]). Понятие о преподавании в высшей школе обозначалось семитическим корнем д р ш (у евреев и сирийцев) или д р с (у арабов); отсюда арабские термины д а р с (лекция, преподавание), д а р с х а н э (аудитория), м е д р е с е (место преподавания, высшая школа), д а р и с или мударрис (преподаватель, профессор). Распространенный теперь термин „медресе" не встречается в литературе раньше X века, при том в это время он, повидимому, употреблялся только в восточных областях, и только во 2-ой половине XI века был перенесен на запад. Более раннего происхождения слово того же корня м и д р а с, которому в словарях придается значение „место, где читается коран". В еврейском этому слову соответствует м и д р а ш — „учение, толкование закона", отсюда б е т-х а м-м и д р а ш — „дом учения", школа; в сирийском — мадраше — „поучения в стихах, оды". Есть основание полагать, что слово м и д р а с было известно арабам еще до ислама. Автор IX века Ибн-Са'д приводит известие о прибытии к пророку в Медину из христианского города Неджрана в Иемене „Абу-л-Хариса, их епископа, их книжника (хабр), их имама и их с а х и б-м и д р а с а"; в переводе немецкого ученого: ihr Bischof, Rabbiner (речь, однако, идет о христианине), Imam. Schulvorsteher.

В преданиях о времени Мухаммеда, включенных Табари в его труд по толкованию карана, говорится также о еврейском б е й т-м и д р а с е в Медине. Текстов, в которых бы говорилось о м и д р а с е, как мусульманском учреждении, мне не приходилось встречать: часто говорится о чтении лекций (т а д р и с) и об устраивавшихся для этой цели собраниях (м е д ж л и с-т а д р и с), большею частью в мечетях, иногда в частных домах. Географ конца X века Макдиси говорит о двух способах, к которым прибегали ученые для распространения своих трудов: или они устраивали у себя в течение долгого времени „собрания для чтения лекций" (меджлис-тадрис), куда старались привлечь иностранцев, чтобы эти ученики потом разносили по разным областям славу своего учителя, или они посвящали свой труд какому нибудь знатному лицу. Приобревший уже известность

[1]) Из статьи Н. П. О с т р о у м о в а „Мадрасы в Туркестанском крае" (Ж.М.Н.Пр. 1907 г., янв. отд. III, стр. 16).

ученый мог рассчитывать, что при приезде в какой-нибудь большой город ему будет предоставлена возможность собирать вокруг себя слушателей. Так говорится о прибытии в Несеф (Нахшеб, около современного Карши) мутазилитского вождя Абу-л-Касима Ка'би (происходил из Балха, но принадлежал к багдадской школе мутазилитов, умер в 931 г.); он остановился в одном из рабатов; ему устроили аудиторию для „диктования" (имля — термин, часто заменяющий слово тадрис и указывающий на характер преподавания). Помимо устройства аудиторий для отдельных ученых в X веке заботились и о преемственности преподавания, устраивая постоянные курсы при больших мечетях (своего рода богословские факультеты существующие и теперь при многих мечетях Передней Азии, в том числе при Ка'бе) или особые училища — медресе. Первое по времени событие, по поводу которого упоминается о медресе — бухарский пожар 937 г.; среди зданий, сгоревших во время этого пожара, упоминается „медресе Фарджека" в северной части города. Макдиси говорит о медресе, имамах и шейхах Мавераннахра, об „изящных медресе" Нишапура, о медресе Мерва, в которых каждому преподавателю было назначено содержание. Из последних слов можно заключить, что рядом с частными медресе уже в то время были медресе, получавшие средства от правительства. На частные средства, очевидно, существовали медресе, находившиеся в руках еретических сект; так в Самарканде еретики мутазилиты и керрамийцы, с которыми боролось официальное правоверие, под руководством шейхов Абу-Мансура Матуриди и Абу-л-Касима Самарканди, имели 17 медресе. Среди мер, принимавшихся саманидским правительством против распространения ересей, упоминается составление и распространение в народе правоверного катехизиса; но нет известий о насаждении правоверия путем открытия большого числа правительственных медресе, что было сделано в Персии во второй половине XI века. Как мы увидим ниже, медресе, подобно обителям подвижников, первоначально создавались в мусульманском мире не правителями, но оппозиционными элементами.

Первые известия об отдельных медресе, основанных по прямому распоряжению правительства, относятся к началу XI века, к эпохе сменившей Саманидов династии Газневидов; эти медресе являются также первыми по времени, описание которых дошло до нас. Медресе было учреждено при соборной мечети, построенной султаном Махмудом (998—1030) в Газне после его 12-го индийского похода (1018—9).

Говорится, что „к мечети было присоединено обширное медресе, помещения которого от поверхности земли до расстояния потолка были наполнены сочинениями прежних имамов (выдающихся ученых) по наукам людей древних и новых. Эти сочинения были вывезены из сокровищниц (библиотек) царей, как добыча, взятая от областей

Ирака и местностей всех стран света". В медресе „по очереди приходили законоведы и ученые столицы для чтения лекций и исследований по богословским наукам, при чем нуждавшиеся из них были обеспечены от забот назначением обильного содержания и готового продовольствия". Тот же автор (историк Утби) описывает медресе, построенное в Нишапуре братом Махмуда Насром, наместником Хорасана, ревностным последователем ханафитского толка. Для ученых этого толка он велел построить медресе в Нишапуре „по соседству с (домом) казия Абу-л-Ала Са'ида ибн-Мухаммеда, истратил денег на постройку и определил доходы для тех, кто нашел там прибежище и читал лекции, диктуя сведения по наукам на дворе медресе. Медресе осталось памятником о том, что для него (Насра) наука была завтраком и ужином; и прославляют это медресе вечер и утро". Упоминаются еще некоторые другие медресе той же эпохи; Утби говорит о „медресе Сабуни" в Нишапуре, где хранился экземпляр огромного коллективного труда по толкованию корана, составленного собранными для этой цели учеными по распоряжению сеистанского правителя Халафа (943—1003), истратившего на это 20000 динаров (более 100.000 рублей). Другой газневидский историк, Бейхаки, говорит о назначении ученого Бу-Садика Тебани, вскоре после возвращения Махмуда из 16-го индийского похода (1025), главным казием области Хутталян (впоследствии Кулябское бекство), причем прибавляет, что в этой области было более 20 медресе с вакуфами. Очевидно, эти медресе с вакуфами были государственными или признанными государством, о чем свидетельствует их зависимость от казия. Факт, что такое большое число медресе было в области, тяготевшей к Балху, заставляет предполагать связь между медресе и буддийским монастырем. В печати были указаны [1]) следующие черты сходства между бытом медресе в Туркестане и бытом вихары в Сиаме: 1) обязательное чтение закона; 2) аскетический характер и запрещение входа женщинам; у мусульман, где безбрачия нет, студенты женатые могут только раз в неделю ночевать вне медресе; 3) устранение персонала религиозного учреждения от управления его доходами и совершение всех денежных сделок особо назначенным для этой цели светским лицом (в медресе мутеваллий); 4) обязательная физическая праздность. Из этих бытовых черт первая и вторая характерны и для христианского монастыря, но третья и четвертая существенно отличают медресе и вихару с одной стороны от христианского монастыря—с другой. Кроме непосредственного влияния буддизма, туркестанский ислам мог подвергаться влиянию тесно связанного с буддизмом, особенно в восточно-иранских областях, манихейства. Выражения историка не дают ясного ответа на вопрос, были ли тогда в медресе, как теперь, жилые помещения, как в буддийских обителях, или в медресе, как в мани-

[1]) Протоколы Турк. кружка люб. арх., XIV, 99 стр. (статья А. Д. Калмыкова).

хейский монастырь, приходили только для совместного чтения священных книг и обсуждения религиозных вопросов. Во всяком случае и в мусульманском мире, как в христианском, буддийском и манихейском, подвижничество (з у х д) и ученость (и л ь м) соединялись в одном лице; только впоследствии установилось различие между медресе, как закрытым учебным заведением, и ханакой, как обителью подвижников-дервишей.

С христианским монашеством арабы были знакомы еще до ислама; монах им был более знаком, чем священник; в коране христианский священник обозначается сирийским словом, представляющим перевод греческого пресвитер (собств. „старший"), тогда как для обозначения монаха существовало чисто-арабское слово р а х и б (мн. ч. р у х б а н), причастие глагола р а х а б а „бояться"; „боящийся" (бога) противополагался „развратнику" (фасик). От однозначащего персидского глагола „т е р с и д е н" („бояться") было образовано слово т е р с а (по средне-персидски терсак), как называли в Персии всех христиан; в виду несомненного влияния персидской церкви на распространение христианства среди арабов возможно, что арабское слово было переводом с персидского. С понятием о монахе связывалось, однако, в Аравии не понятие о монастыре, но понятие о келье одинокого отшельника, также обозначавшейся арабским словом— с а у м а'а; доказывают, что коренное значение этого слова „высокая, остроконечная постройка". В мусульманском мире слово с а у м а'а впоследствии иногда употреблялось в смысле минарет; так путешественник XII века Ибн-Джубейр говорит о трех саума'а мечети пророка в Медине. Саума'а, однако, отличалась от башни; по словам Ибн-Джубейра, из мединских минаретов только один, в восточном углу, близ киблы, имел вид саума'а; два других, меньшей величины, имели вид башень (б у р д ж). В минаретах при больших мечетях (напр. при мечети Дамаска) иногда устраивали себе кельи мусульманские подвижники, чем, вероятно, и объясняется применение к минарету термина с а у м а'а. Слово саума'а встречается в коране только один раз во множественном числе, в стихе (22,41), где говорится о храмах различных религий (в переводе С а б л у к о в а „монастыри"). Толкователями корана были высказаны различные мнения о том, имеются ли в виду кельи мусульманских, христианских или языческих подвижников. Помещение отдельного монаха в монастыре обозначается по-арабски сирийским словом, заимствованным, как русское к е л ь я, из латинского (cella) через посредство греческого (kellion); также назывались у сирийцев отдельные комнаты в закрытом высшем учебном заведении, у мусульман х у д ж р а (арабское слово, которым в эпоху Мухаммеда обозначались как отдельные хижины, так и комнаты в более значительном здании). Случаев употребления в этом смысле слова с а у м а'а мне не приходилось встречать, ни в рассказах о христианах, ни в рассказах о мусульманах, хотя по арабски сло-

вом савами' может обозначаться также ряд одинаковых помещений в большом здании; таков был „замок келий" (каср-ас-савами') в Самарре на Тигре, развалины которого теперь носят название Каср-ал-Ашик („замок влюбленного") и состоят из ряда погребообразных сводчатых помещений. В мусульманском Туркестане под саума'а понимали жилище или помещение отдельного подвижника, имевшее, вероятно, тоже назначение, как теперь чилляхане. Так у Нершахи говорится о бухарском имаме Абу-Хафсе, как основателе ученой школы своего города, умершем в 832 г.: „он был и подвижником, и ученым; благодаря ему Бухара сделалась куполом ислама; он был причиной того, что жители Бухары сделались учеными, и наука там получила распространение". Дом Абу-Хафса уже в средние века больше не существовал, но следы (развалины) его еще были видны; сохранялась также „саума'а, бывшая в том доме". Около кургана, в котором был похоронен Абу-Хафс, также находились „мечети и саума'а". Слово саума'а, теперь едва ли употребляющееся в живой речи (в литературном языке оно встречается даже в сочинениях XIX века [1]), повидимому, имело прежде более широкое распространение. В науке было высказано мнение [2]), хотя едва ли правдоподобное, что с арабским словом связано монгольское (употребляющееся также в турецких текстах) сюмэ, как называются „кумирни или молитвенные храмы буддистов, в частности:—те монастыри, братья которых не живут при монастырских кумирнях постоянно, а кочуют в различных частях степей и собираются к своему монастырю только в праздники и в дни, назначенные для великих хуралов (богослужений) [3]).

Первыми представителями мистицизма в исламе были отдельные подвижники, к которым приходили отдельные поклонники, становившиеся их учениками и продолжателями их дела. В рассказах об этих мистиках фактические сведения заслонены явно легендарными подробностями; часто встречаются анахронизмы, особенно там, где говорится о сношениях подвижников между собою. Все же предания о первых мистиках позволяют установить, кроме влияния христианских городов и монастырей, особенно в бассейне Евфрата и Тигра, влияние восточно-иранского города, где прежде процветал буддизм—Балха. Из Балха происходил один из первых мистиков, Ибрахим ибн-Адхам, умерший около 160 г. мусульманской эры (776—7 нашей эры). Легенда называет его „царем" Балха, покинувшим все, подобно Будде Шак'ямуни, чтобы предаться жизни отшельника. Вступив на путь отшельничества, Ибрахим ушел из Балха и, насколько можно судить по биографическим сведениям о нем,

---

[1]) Ср. Справ. кн. Самарк. обл. VI, 250.

[2]) Zeitschr. der D. Morg. Ges. LVI, 218.

[3]) А. Позднеев. Очерки быта буддийских монастырей, стр. 1 и сл.

не возвращался на родину; все его подвиги, как подвижника, были совершены в Мекке и других передне-азиатских областях, хотя в Хорасане, в горе около Нишапура, еще в XI веке, при шейхе Абу-Са'иде, показывали пещеру Ибрахима ибн-Адхама, служившую кельей (саума'а) этому святому. Он умер и был похоронен, по одним сведениям, в Суре на Ефрате, по другим—в одной из византийских крепостей или на одном из островов Средиземного моря. Тем не менее он имел ряд преемников в Балхе, из которых первый, Шакик Балхи, по преданию видел Ибрахима в Мекке. Жизнь и деятельность Шакика более тесно, чем жизнь Ибрахима, была связана с Балхом и восточными областями; в преданиях о нем, кроме путешествий на запад, где он в Багдаде видел халифа Харуна ар-Рашида (786—809), говорится о его путешествиях на восток. Еще до вступления на путь отшельничества, когда он еще был купцом, он ездил в „Туркестан", посетил там „капище идолов" и имел разговор с буддийским монахом, носившим красную одежду; впоследствии у него был „меджлис" в Самарканде; в Балхе он принимал участие в защите города от нападения кафиров; в 810 г. он пал в битве при Кулане (ныне Тарты в Сыр-дарьинской области, в местности к северу от Александровского хребта). Учеником Шакика был Хатим Асамм (глухой) [1]). умерший в 237 г. (851—2), „один из главных шейхов Балха"; учеником Хатима—Ахмед-Хызруя, умерший в 240 г. (854—5), женившийся на дочери балхского эмира и имевший до 1000 учеников, которые все могли „ходить по воде и летать по воздуху". Учеником Ахмеда в Балхе был Мухаммед ибн-Фазл, изгнанный из Балха, живший потом в Самарканде и умерший там в 319 году (931); его учениками считались самаркандские ученые Абу-Мансур Матуриди (умер в 333—944—5 или в 335 г.—946—7 г.) и Абу-л-Касим Самарканди (умер в 953 г.), хотя в тоже время учителем Абу-л-Касима Самарканди называли другого „друга" Ахмеда Хызруи, Абу-Бекра Варрака, умершего в 290 = 903 г. Предание, однако, называет Абу-Бекра Варрака, жившего в Балхе, учеником и сотрудником Мухаммеда ибн-Али термезского, жившего и похороненного в своем родном городе Термезе, где на его надгробном памятнике, как дата его смерти, указан 255 (869) г. Мухаммед ибн-Али, имевший сношения также с Ахемедом Хызруя, был основателем не существующего в настоящее время дервишского ордена х а к и м и, одного из двенадцати толков мистицизма, перечисленных писавшим в XI веке историком суфизма Джуллаби. Среди этих двенадцати толков упоминается еще один толк средне-азиатского происхождения, теперь также не су-

[1]) О нем говорили, что он притворился глухим, чтобы избавить от смущения старуху, пустившую ветер в разговоре с ним, и после в разговорах со всеми другими продолжал притворяться 15 лет, до смерти старухи, чтобы она не узнала о его обмане.

ществующий, именно толк сейяри, получивший название от Абу-л-Аббаса Сейяри (умер в 342=953—4 или в 344=955—6). Говорится о двух общинах этого толка, в городах Неса (ныне аул Багир близ Асхабада, ныне Полторацка) и Мерве; между ними происходила переписка по разным вопросам, с которой автор имел возможность ознакомиться в Мерве. Джуллаби замечает, что из всех представителей суфизма только сейяри сохранили свое первоначальное учение, так как в городах Неса и Мерве всегда имели руководителей, заботившихся о сохранении учения основателя ордена в его первоначальной чистоте. Но о самом возникновении этой школы и вообще о судьбах мистицизма в Мерве до X века мы располагаем еще меньшим числом данных, чем о представителях балхской школы. Из Мерва происходили и двое из суфиев древнейшего периода, Фузайль ибн-Ияз (умер в 187=203 г.) и Абдаллах ибн-Мубарек (умер в 181=797). Первый сначала стоял во главе шайки разбойников, действовавшей между Мервом и Абивердом; но вся его деятельность, как подвижника, относится к передне-азиатским областям; в Мекке он виделся с Харуном ар-Рашидом; даже со своим земляком Абдаллахом ибн-Мубареком он, повидимому, встречался только на западе. Персидский министр Низам-ал-мульк в XI веке приписывал Фузайлю ибн-Иязу изречение: „если моя молитва была действительна, я молился бы только за справедливого султана, так как с его благополучием связано благополучие рабов (божиих) и процветание мира". Деятельность Абдаллаха ибн-Мубарека оказала больше влияния на его родной город, где он, как мы видели, пользовался популярностью среди ученых двух противоположных направлений, для которых им были выстроены рабаты. Но и этот подвижник после своего возвращения в Мерв вторично уехал на запад и поселился в Мекке, откуда, повидимому, уже не возвращался на родину. Несмотря на деятельность Абдаллаха ибн-Мубарека, Абу-л-Аббас Сейяри называется „первым человеком, говорившим в Мерве слова о божественных истинах". Непосредственным учителем Сейяри был Абу-Бекр Васити (умер после 320=932 г.), прибывший в Мерв с запада, хотя происходивший, по некоторым известиям, из Ферганы. Сейяри был похоронен в Мерве, где его могила была предметом культа. В настоящее время ни могила этого подвижника, ни память о нем не сохранились.

Абу-Бекр Васити и другие подвижники, действовавшие в Хорасане (к которому тогда причислялась нынешняя Туркмения), принадлежали к числу учеников багдадского суфия Джунейда (умер в 298=910—11 г.). Джунейд считался представителем „трезвого" направления в мистике; тем не менее мы среди суфиев его школы уже видим такое явление, как пляски дервишей. Против Джунейда и его товарищей в Багдаде было возбуждено обвинение в приверженности к манихейской ереси; говорили, что появились люди,

„поющие песни, пляшущие, говорящие слова неверия, по целым дням предающиеся развлечениям (т а м а ш а), скрывающиеся в погребах и там беседующие". В Хорасане врагами приверженцев Джунейда были представители в то время широко распространенного керрамийского толка, хотя сами керрамийцы не только не отвергали подвижничества, но даже способствовали его распространению и основали целый ряд обителей на всем пространстве от Иерусалима до восточных областей бывшего Бухарского ханства.

Возникновение в исламе подвижничества было тесно связано с политической оппозицией, если не активной, то пассивной, в смысле отказа от всяких сношений с властями. Врагами существовавшего порядка становились, под влиянием своих религиозных убеждений, представители самых различных направлений—ревнители правоверия и еретики. В этом смысле позднейшие мистики могли считать своими единомышленниками основателей всех четырех правоверных толков: маликитов, ханафитов, шафиитов и ханбалитов. Объединение всех ревнителей веры для борьбы на два фронта—против нечестивого государства и нечестивых ересей—было связано с большими трудностями; независимо от общей борьбы с врагами веры, представители различных богословских направлений вступали в борьбу между собою; не отвергалась и помощь представителей грубой силы, законных властей, завоевателей и мятежников, когда эта помощь могла доставить одному направлению торжество над другими. В такой религии, как ислам: было бы еще труднее установить границу между пропагандой словом и пропагандой делом, чем в истории средневекового христианства. Едва ли можно было бы подтвердить историческими фактами мнение [1]), что такие политические движения, как кавказский мюридизм или африканский дервишизм, были „уклонением от истинного суфизма, этой религии мирных искателей бога", как „властолюбивые стремления многих воинствующих прелатов христианской религии" были „весьма далеки от основных идеалов христианства". Первой общиной суфиев, о которой знает история, были приверженцы Абу-Абдуррахмана Суфи в египетской Александрии, которые во имя предписаний религии вели борьбу с правительством и в 816 г. оказали вооруженную помощь пришельцам из Андалузии при захвате ими Александрии. Суфизм впоследствии высоко чтил память основателя самого фанатичного и воинствующего из четырех правоверных толков, Ахмеда ибн-Мухаммеда ибн-Ханбаля (780—855), семья которого происходила из Мерва и который сохранял привязанность к родине своих предков; со слов одного из спутников пророка, похороненного в Мерве, Бурейды, им приводится приписанное Мухаммеду изречение, в котором прославляется Мерв,

---

[1]) А. А. Семенов. Мусульманский мистик и искатель бога X—XI в. нашей эры. Асхабад 1905, стр. 111 и сл.

как город, основанный и благословенный Зу-л-карнейном. Отшельником был непосредственный ученик Ибн-Ханбаля, Ибрахим ал-Харби, умерший в 285 = 898 г.; впоследствии к ханбалитскому толку присоединились многие из светил суфизма, как в XII веке Абд-ал-Кадир Гиляни, основатель ордена кадириев. Из ранних суфиев ученик Шакика Балхи, Ибн-Аби-Асим ан-Набиль (умер в 287=900), был приверженцем еще более фанатичного толка захиритов, не допускавших уклонения от буквы священного писания [1]). Буквальное понимание некоторых мест корана, где говорится о лице и руках Аллаха и т. п., приводило к представлению бога в человеческом образе, к ереси антропоморфизма, в которой и обвиняли многих ханбалитов и захиритов; непримиримая ненависть ко всяким новшествам сближала их с одной из политических партий раннего ислама, хариджитами. Этим объясняется, что область Средней Азии, в которой нашло убежище хариджитство, Сеистан, в тоже время была в IX веке средоточием „борцов за веру“ и родиной Абу-Абдуллы Мухаммеда ибн-Керрама, основателя воинствующего правоверного толка керрамийцев. По отзыву историка мусульманских сект, Шахристани, Мухаммед ибн-Керрам приобрел славу отшельника; большими книжными познаниями он не обладал; составленная им книга была беспорядочным соединением в одно целое положений, извлеченных из разных толков; его учение имело успех в Хорасане, среди простого народа, особенно среди горцев западной части Авганистана — областей Гур (на верховьях Геририда и Хильменда) и Гарч (на верховьях Мургаба). В его книге, носившей название „Наказание в могиле [2]) по отношению и описанию господа“, встречались выражения, за которые его обвиняли в антропоморфизме. Ибн-Керрам слушал лекции в Балхе, Мерве, Герате и Нишапуре, совершил паломничество в Мекку, где провел пять лет, после своего возвращения в Нишапур был подвергнут продолжительному заключению по приказу правителя Мухаммеда ибн-Тахира (862—873), покинул Нишапур в 865 г. и поселился в Иерусалиме, где умер в 869 или в 870 г. Керрамийцы и впоследствии сохраняли связь с Иерусалимом, где у них в конце X века были ханаки. Иерусалим был, повидимому, самым западным пунктом распространения керрамийского толка; сами керрамийцы утверждали, что у них было до 700 ханак в Магрибе (северной Африке), но приводящий это известие географ Макдиси называет их утверждение ложным и уверяет, что там не было ни одной керрамийской ханаки. По словам автора XV века Макризи, в Иерусалиме некогда было до 20000 (?) керрамийцев, „предававшихся богопочитанию и подвижни-

[1]) Подробности об этом толке в статье бар. Р. Р. Розена в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. VIII, 173 и сл.

[2]) Речь идет об ангелах Накире и Мункире, подвергающих грешника, по верованию мусульман, допросу и наказанию в могиле, тотчас после погребения.

честву"; в восточных областях их было „так много, что нельзя перечесть"[1]). В биографии шейха Абу-Са'ида (см. ниже) число керрамийцев в Нишапуре также определяется в 20000. В Средней Азии у керрамийцев, по словам Макдиси, были ханаки в Фергане, Хуттале, Гузганане, одна ханака в Мерверруде, одна ханака в Самарканде; в другой редакции того же труда Макдиси в этом месте вместо слова „ханака" употреблено, в единственном и множественном числе, слово „медресе". Центром керрамийского толка был Нишапур, где жил „шейх и имам хорасанских керрамийцев, Абу-Я'куб Исхак ибн-Мамшад, умерший в 993 г., ревностный подвижник и красноречивый проповедник, успешно распространявший мусульманскую веру; ему приписывается обращение в ислам более 5000 христиан, евреев и зороастрийцев обоего пола. Приводится место из его проповедей, где он советывал своим слушателям справиться в Медине о дворцах и садах пророка, его современников и преемников, об украшениях и драгоценных камнях его дочери Фатимы, и прибавлял: „Ничего подобного вы там не найдете; вы поймете, что вы находились в заблуждении, стремясь к благам этого мира". По стопам его следовал его сын Абу-Бекр Мухаммед ибн-Исхак. Керрамийский толк при нем на некоторое время сделался правительственной партией, благодаря покровительству султана Махмуда Газневидского (998—1030), во владения которого входила и часть Туркестана, именно Туркмения и восточные области бывшего Бухарского ханства. Когда, Нишапур в 1006 г. на короткое время перешел в руки турецких завоевателей Средней Азии, они увезли с собой проповедника, опасаясь его влияния на население; ему удалось спастись бегством из плена, что еще более увеличило расположение султана к проповеднику, пострадавшему от его врагов. Абу-Бекр был правой рукой султана в деле преследования еретиков - шиитов; нося шерстяную одежду (с у ф) подвижника, он в то же время сделался начальником (реисом) Нишапура; для его сподвижников, принимавших взятки от лиц, обвиненных в ереси, процессы еретиков сделались источником дохода. Влияние Абу-Бекра было подорвано столкновением между ним и другим представителем религии. Ученый казий Нишапура Абу-л-Ала Са'ид ибн-Мухаммед, учитель двух сыновей султана, Мухаммеда и Мас'уда, после своего возвращения из паломничества в Мекку в 1012 г. обвинил керрамийцев в антропоморфизме; чтобы отомстить казию, Абу-Бекр некоторое время спустя возбудил против него обвинение в мутазилитстве. Казий был привлечен к суду жившего в Газне главного казия, куда был вызван также обвинитель, и оправдан благодаря заступничеству покровителя ханафитских ученых (к ним, вероятно, принадлежал казий), брата султана, Насра, намест-

[1]) Н. А. Медников. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов. II, 667.

ника Хорасана; но после этого вернувшийся в Нишапур Са'ид удалился от дел и выходил из своего дома только для выполнения религиозного долга или для чтения лекций, тогда как влияние Абу-Бекра еще усилилось; его партия продолжала пользоваться процессами еретиков для покушения на имущество и честь своих противников, вызвав этим, наконец, общее возмущение. После долгих колебаний, султан был вынужден низложить своего любимца; у Абу-Бекра отняли имущество, его сторонников подвергли заключению в крепость; самим правительством был теперь выдвинут принцип, на котором раньше настаивали представители благочестия—что звание религиозного подвижника несовместимо со стремлением к высоким должностям и вообще к земным благам. Так рассказывает автор официальной истории султана Махмуда, Утби; из других источников видно, что как опала подвижника, так и вражда между ним и представителем богословской учености были только временными явлениями. Шейх суфиев из последователей Джунейда, Абу-Са'ид Мейхени (967—1049), по рассказу его потомка и биографа, подвергся в Нишапуре гонению со стороны Абу-Бекра и казия Са'ида, действовавших, по этому рассказу, в полном согласии. Приводится донос, посланный керрамийцами в Газну, составленный в следующих выражениях: „Сюда пришел человек из Мейхене, называющий себя суфием, устраивающий собрания, во время которых он с мимбара читает стихи, а не толкует корана и не приводит хадисов. Постоянно он предъявляет притязание на пышность, устраивает музыкальные сеансы, молодые люди пляшут, едят сладкие блюда, жареную курицу и разного рода плоды; он называет себя подвижником, но это не образ жизни подвижников и не признаки суфиев. Народ сразу обратил лицо к нему и сбивается с пути; среди большей части простого народа возникли смуты; если не принять мер, то смута скоро сделается всеобщей". Султан поручил имамам двух главных толков, шафиитского и ханафитского, расследовать дело; Абу-Бекр и Са'ид готовили суфиям кровавую расправу и заранее радовались своему торжеству, но шейх Абу Са'ид наглядно доказал им обоим, что ему известно все сокровенное, после чего они взяли назад свое обвинение и выразили раскаяние. Абу-Бекр велел передать шейху, что он разбил выступившее против него воинство: Абу-Бекра ибн-Исхака Керрами с 20,000 приверженцев, казия Са'ида с 30,000, султана с сотней тысяч и 750 слонами. В рассказе историка Бейхаки о въезде в Нишапур в 1030 г. нового султана Мас'уда говорится о милостях, оказанных им как казию Са'иду, так и Абу-Бекру.

Рассказ биографа Абу-Са'ида показывает, что гонению со стороны ревнителей правоверия подвергались не только еретики-шииты, но и такие суфии, как Абу-Са'ид, придерживавшиеся правоверного шафиитского толка. Тот же источник говорит о гонении, которому подвергались в то время суфии в перешедшем под власть турок

Мавераннахре. При жизни шейха Абу-Са'ида, „в то время, когда Богра-хан захотел перебить суфиев Мавераннахра", несколько шейхов из этой области тайком бежали в Мерв. О религиозном гонении при Богра-хане рассказывает и источник Ибн-ал-Асира, который относит это гонение к 436 г. хиджры (1044—5 нашей эры), но называет жертвой его только шиитов. По этому источнику прибывшие из Египта эмиссары с успехом уговаривали народ присягнуть фатимидскому халифу Мустансиру; хан сделал вид, что принимает их сторону, усыпил этим их бдительность, потом произвел избиение шиитов в своей столице и послал соответствующее распоряжение в другие города. Из биографии Абу Са'ида видно, что турецкие ханы, подобно султану Махмуду, подвергали гонению, как еретиков, не только шиитов, но и правоверных суфиев. Взгляд на этих суфиев, как на еретиков, мог быть основан, во-первых, на их образе жизни, во-вторых, на их связях с представителями догматического богословия, которым в то время приходилось вести войну на два фронта. Ведя войну с вольнодумцами во имя веры, они сами были вольнодумцами в глазах ревнителей буквы, так как всякая попытка к обоснованию религиозного учения доводами разума неизбежно приводила к отступлению от буквального понимания священных текстов. Мы видели, что нарушением традиции правоверного ислама представлялись такие явления, как пляски и песни дервишей, явления, которые мы встречаем даже в обителях суфиев „трезвого" направления, представленного Джунейдом и его школой. Насколько жизнь этих обителей в других отношениях отличалась от жизни обителей керрамийцев, мы не можем сказать, так как внутренний строй керрамийских обителей нам совершенно неизвестен; сведения о жизни в ханаках мы находим главным образом в биографиях шейхов; литература керрамийского толка исчезла, повидимому, бесследно, тогда как из биографии, напр. шейха Абу-Са'ида мейхенейского мы получаем некоторое представление о тех „ханаках", где жил или куда приезжал шейх со своими последователями.

Ханаки предназначались не столько для постоянного населения, сколько для приезжих; в ханаке Абу-Са'ида в Нишапуре было 120 суфиев, из них 40 постоянных жителей и 80 странников. Выражение ханеках-и-мусафирпенах („ханака, убежище странников") в документе XV века показывает, что „ханака" и впоследствии должна была служить странноприимным домом. Отдельная келья в ханаке обозначалась термином завия; говорится и о саума'а главного шейха ханаки, но не видно, чтобы этот последний термин мог прилагаться к каждой келье. В состав ханаки входил и „дом мечети" (месджид-ханэ). Повидимому шейхи могли останавливаться и жить в кельях таких обителей со своими женами. Так рассказывается, что сын шейха Абу-л-Хасана Хараканц (умер в 1033 г.) был схвачен и убит в ту ночь, когда к нему должны были привезти

его молодую жену; убийцы подбросили голову молодого человека к дверям кельи (саума'а) отца; Абу-л-Хасан вышел из кельи, когда раздался призыв на утренний намаз, наткнулся на голову и позвал свою жену, мать молодого человека, чтобы принести светильник. Около того же времени в ханаку Абу-л-Хасана прибыл шейх Абу-Са'ид Мейхени; для него поставили особый дом (ханэ), чтобы он в нем мог устроить себе келью (завия). Шейха Абу-Са'ида сопровождала в путешествии одна из его жен; шейх Абу-л-Хасан каждое утро подходил с приветствием к дверям дома и справлялся о здоровьи жены Абу-Са'ида.

Биограф шейха Абу-Са'ида отмечает связь между распространением суфизма школы Джунейда и распространением шафиитского толка. Отклоняя от себя всякое подозрение во враждебном отношении к ханафитскому толку и его основателю Абу-Ханифе, он тем не менее настаивает на том, что все шейхи и представители мистического „пути" (тарикат), жившие после Шафии, придерживались шафиитского толка, что после вступления на „путь" к этому толку примыкали даже те, кто раньше придерживался другого. Главной заслугой шафиитских богословов он считает победоносную борьбу против „новшества" мутазилитов и называет имена четырех ученых, деятельность которых простиралась, однако, только на сравнительно небольшой район нынешней Туркмении и северной части Хорасана от Феравы (ныне Кызыл-Арват) до Серахса; один из этих ученых, факих Абу-Али Захир ибн-Ахмед серахский, учитель Абу-Са'ида, умер в 389 г. хиджры (999 нашей эры). Другой шафиитский богослов, которого также слушал Абу-Са'ид и деятельность которого относилась к Мерву, Абу-Бекр ал-Каффаль, умер в 417 г. (1026). Из этих дат можно заключить, что в некоторые местности Туркестана шафиитство проникло раньше, чем в северные округи Хорасана; так распространителем шафиитства в Шаше (Ташкенте) был Абу-Бекр Мухаммед Каффаль, умерший в 366 г. (976—7). Несмотря на все попытки некоторых богословов установить общепризнанное теперь равноправие четырех правоверных толков — ханафитов, шафиитов, маликитов и ханбалитов — столкновения, иногда кровавые, между представителями различных толков продолжались еще несколько веков. Особенно резко проявлялась вражда остальных толков к шафиитам. Существенных различий между толками не было ни в обрядах, ни тем более в догматике; но к шафиитскому толку примкнуло высшее общество, тогда как ханафиты и другие толки стояли ближе к простой вере народных масс, не допускавшей никаких рассуждений, так как никакая догматическая система, хотя бы ее целью была защита предписаний религии, не могла быть примирена с буквальным пониманием священных текстов. По примеру создателя правоверной догматики, шафиита Аш'ари, шафииты часто старались доказать, что предписания религии понимаются ими также буквально и соблюда-

ются также строго, как другими толками, даже самыми крайними, но им отказывались верить. Кроме того некоторые из шафиитских ученых в своих рассуждениях шли дальше правоверной догматики; даже Каффаля ташкентского обвиняли в склонности к мутазилитству; шейх Абу-Са'ид находился в дружественных отношениях с представителем еще более вольнодумного направления, нечестивым в глазах правоверных философом Абу-Али ибн-Синой (Авиценной). В виду отсутствия связи между „основами", т. е. догматами религии и практическими предписаниями, составлявшими ее „ветви", можно было быть еретиком-мутазилитом в догматических вопросах и в то же время по вопросу о практических предписаниях примыкать к одному из правоверных толков. Так об известном государствоведе Маверди (умер в 1058 г.) говорили, что он был „шафиитом в ветвях и мутазилитом в основах". Характерно, что та туркестанская область, где шафиитство еще в начале XIII века пользовалось официальным покровительством, в то же время была страной господства мутазилитства, которое принес туда из Исфахана ученый Абу-Мудар Махмуд Дабби (умер в 1113 г.) и которое имело представителей в Хорезме еще в конце XIV века, при Тимуре, когда в других мусульманских областях ученых этого направления давно уже не было. В конце XII и в начале XIII веков мутазилиты имели в Хорезме такую власть, что несогласному с ними ученому было трудно там оставаться, как прежде представители правоверия не хотели терпеть в своей среде еретиков-мутазилитов. Из правоверных толков самым распространенным в Хорезме, как вообще в Туркестане, был ханафитский; шафиитами были только жители Хивы, но приверженцы шафиитского толка стояли во главе правительства. Везир Низам-ал-мульк Мас'уд, убитый в 1199 г., был строителем шафиитской мечети в Мерве; министр Шихаб-ад-дин Хиваки, погибший в 1220 г. во время монгольского нашествия, устроил в шафиитской соборной мечети города Гурганча библиотеку, „подобно которой не было ни раньше, ни после". В Мерве слишком большое великолепие шафиитской мечети вызвало волнения; здание было разрушено чернью по подстрекательству шейх-ал-ислама, главы ханбалитов, за что виновные потом были подвергнуты большому штрафу.

При династии Саманидов, официально придерживавшейся ханафитского толка, шафииты не подвергались никаким стеснениям. После падения господства династии один из ее потомков, Насир-ад-дауля Абу-л-Хасан Мухаммед ибн-Ибрахим, жил в главном городе Хорасана, Нишапуре, где пользовался влиянием, повидимому, только как частный человек, благодаря своей знатности и богатству. По просьбе местных ученых, он вызвал из Рейя ученого Ибн-Фурека, боровшегося там с еретиками; в Нишапуре для Ибн-Фурека устроили дом и медресе из ханаки Ибн-ал-Хасана Бушанджи; но перед сул-

таном Махмудом, представителем турецкой династии газневидов, этого врага еретиков обвинили в еретическом учении, что пророческая миссия Мухаммеда прекратилась вместе с его жизнью, и вызвали для допроса в Газну; ему удалось оправдаться, но на обратном пути в Нишапур он был отравлен своими врагами (1015 г.). Во второй половине того же XI века турецкими султанами Сельджукидами было перенесено на запад правоверное ханафитское богословие; вместе с еретиками подверглись ожесточенному преследованию также догматики школы Аш'ари. Преследование, как говорят историки, прекратилось при султане Алп-Арслане (1063—1072), при котором везир Низам-ал-мульк, шафиит, выстроил в больших городах ряд медресе для ученых своего толка; но, по словам самого Низам-ал-мулька, Алп-Арслан также был ревностным ханафитом и врагом шафиитов; он часто выражал недовольство, что его везир—приверженец неодобрявшегося им направления.

III.

Туркестан и турки.

Из приведенных фактов видно, что переход власти от иранцев к туркам сопровождался усилением строгости и нетерпимости в делах веры. Вообще в Туркестане, по его географическому положению и связанному с этим составу его населения, политические кризисы обыкновенно приводили к культурной реакции; реакционные элементы, особенно в делах веры, находили поддержку в культурно отсталых горцах и степняках, в большей степени, чем жители городов и равнин, сохранявших свои военные качества и во время кризисов пользовавшихся этим преимуществом для захвата власти. В этом отношении роль турок в Средней Азии во многом походила на роль берберов в северной Африке и Испании.

Для культурных областей Средней Азии торговля с кочевниками-турками всегда имела большое экономическое значение. Для кочевников эти торговые сношения были еще более необходимы, чем для культурного населения; кочевникам было еще труднее обходиться без произведений культурной промышленности, снабжавшей их одеждой, чем культурному населению без продуктов степного скотоводства; оттого кочевники, как везде, сами пригоняли свои стада для сбыта этих продуктов к границам культурных областей, не дожидаясь, чтобы купцы из этих областей приехали в степь для закупки скота, мяса, шерсти и т. п. Но и культурное население извлекало из торговли с кочевниками большие выгоды. Уже в X веке, как теперь, мусульманский Туркестан благодаря своим кочевым соседям получал лошадей и мясо в большем количестве и по более дешевым ценам, чем это было бы возможно при иных условиях. Пограничные посты были обеспечены конским составом в изобилии; в местности около Ташкента и в Фергане приходилось от 100 до 500 лошадей на каждого мужчину. О цене мяса говорится, что по соседству со степью, на Сыр-Дарье, за дирхем (около 25 коп.) можно было купить 4 мины чистого мяса, освобожденного от костей (более 6 фунтов). Впоследствии цены на мясо бывали иногда еще дешевле, но тогда уровень благосостояния населения стоял ниже, и соответственно понизились цены на все предметы. Из продуктов скотоводства турками кроме того доставлялись кожи, преимущественно в Чач (область

Ташкента); более северный пограничный город Исфиджаб (Сайрам, к востоку от Чимкента) был главным невольничьим рынком. Ввоз турецких рабов был связан, конечно, с происходившими в степи войнами между отдельными турецкими народностями; кроме того привозились славянские рабы, главным образом в Хорезм, где вообще сосредоточивалась торговля мусульманского мира с областями нынешней европейской России; сюда же доставлялись меха пушных зверей. В обмен за свои товары турки получали ткани: хлопчатобумажные из Чача, хлопчатобумажные и шерстяные из Хорезма, шелковые из Самарканда; кроме того был базар хлопчатобумажных тканей в Исфиджабе. Сбыт, обеспеченный в степи для произведений местной промышленности, содействовал развитию благосостояния; о жителях Хорезма говорится, что всем своим благосостоянием они были обязаны торговле с турками. В противоположность согдийской торговле, хорезмийская, повидимому, получила развитие, главным образом, в мусульманский период. Хорезмийские отряды, находившиеся на службе у хазарского кагана, состояли всецело из мусульман; успехи ислама в стране волжских болгар были тесно связаны с успехами хорезмийской торговли; вообще распространение влияния туркестанской культуры в северо-западном направлении было тесно связано с распространением ислама, и нет никаких сведений о том, чтобы мусульманской пропаганде в этом направлении, как в восточном и северо-восточном, предшествовала пропаганда религий домусульманского Туркестана. Исключительно мусульманским было также население колоний, основанных туркестанцами на нижнем течении Сыр-Дарьи; из них определено местоположение двух, Дженда (развалины Хишт-кала, в урочище Тумар-уткуль, к западу от Сыр-Дарьи, в 25—30 в. от Перовска) и Нового Поселения (развалины Джанкент, в 4—6 в. южнее стоящей на берегу Сыр-Дарьи, в 22 верстах ниже Казалинска, хивинской крепости Джанкала). Что основание этих городов было связано с успехами мусульманской торговли, а не с успехами мусульманского оружия, видно из того, что они не входили в состав государства Саманидов; власть в них находилась в руках местных турок. Из Туркестана в мирное время возили по Сыр-Дарье хлеб до Нового Поселения, из чего можно заключить, что размеры возделанного пространства вокруг городов были недостаточны для прокормления населения. Откуда население получало продовольствие в другое время, когда доставка хлеба по Сыр-Дарье становилась невозможной; были ли эти города исключительно торговыми колониями или, если нет, каково было отношение торгового населения к земледельческому и промышленному, обо всем этом мы не имеем сведений; не говорится также ничего о происхождении жителей; можно только предполагать, что по крайней мере часть их происходила из Хорезма. Наш единственный в этом случае источник, географ Ибн-Хаукаль, только указывает расстояние от Нового Посе-

ления до Хорезма (10 переходов) и до Фараба или Отрара (20 переходов).

В северо-восточном направлении, где мусульманам проложили путь согдийцы, мы при Саманидах, кроме распространения влияния мусульманской культуры, видим также распространение пределов мусульманской империи оружием. Самые прочные успехи в этом направлении были достигнуты уже при первых представителях династии; сюда относятся завоевание Исфиджаба в 840 г. при Нухе ибн-Асаде и завоевание Таласа (ныне Аулие-Ата) в 893 г. при Исмаиле ибн-Ахмеде; в последнем случае говорится об обращении „главной церкви" города в мечеть. Вся местность до Таласа включительно вошла в состав исфиджабской области, остававшейся при Саманидах под управлением особой турецкой династии; владетель даже не вносил в саманидскую казну никаких податей; но ислам утвердился прочно, и было построено большое число „рабатов" для „борьбы за веру"; обязанность вести борьбу за веру может быть и послужила поводом для освобождения исфиджабской области от всяких денежных взносов. Талас (арабы писали Тараз) оставался и в X веке пограничным пунктом мусульманского мира; по словам Ибн-Хаукаля, Талас был „местом торговли для мусульман со стороны турок"; дальше Таласа никто из мусульман не ездил; там были только шатры кочевников-карлуков. К западу от Таласа, на пути к пограничному городу, тоже было пустынное пространство в два перехода, где не было никаких построек, не исключая рабатов, и никаких возделанных участков. Берег Таласа, однако, был не только внешним образом присоединен к мусульманскому миру, но мусульманами разрабатывались и местные минеральные богатства. В Таласком Алатау, где был небольшой город Шельджи и несколько селений, были серебряные рудники, которые, повидимому, могли выдержать соперничество с рудником в долине Ангрена (несколько лет тому назад вновь найденным местными исследователями), где еще при Аббасидах был монетный двор. По крайней мере географ конца X века при перечислении богатств страны говорит о вывозе серебра из Шельджи и совершенно не упоминает об ангренском руднике. Какое значение придавали серебряным рудникам Талаского Алатау (до сих пор, насколько известно, вновь не найденным), видно из того, что в небольшом городе Шельджи было большое число иностранцев; по рассказам (конечно, явно преувеличенным) одних исфаханцев было до 10.000. Несмотря на такое большое число временных посетителей, Шельджи не сделался многолюдным городом; автор XII века говорит о нем только как о „селении, похожем на небольшой город". Серебро-свинцовые месторождения в долине Кан-сай, в 40 в. к северо-западу от Ходжента, считающиеся теперь самыми обильными в Туркестане[1]),

[1]) Масальский. Турк. край, стр. 177.

в то время, повидимому, не были известны. В Таласе уже в первой половине X века был особый „дихкан", находившийся в вассальной зависимости от саманидского правительства. Во второй половине X века влияние саманидского правительства простиралось, повидимому, и на местность к востоку от Таласа; один из представителей саманидской гвардии Фаик (он происходил из Испании и, вероятно, вошел в состав саманидской гвардии в качестве купленного раба), приближенный эмира Мансура (961—976), занимавший влиятельное положение и при его преемниках, умерший в 999 г., строитель великолепной мечети в Мешхеде, построил также рабат в окрестностях Мерке. Кроме того говорится, что соборная мечеть этого города, как соборная мечеть Таласа, первоначально была церковью. Местности за Таласом и дальше к востоку имели для мусульман значение потому, что находились на караванном пути в Китай; о каких-либо специальных экономических интересах мусульман именно в этих областях ничего не говорится. Неизвестно также, только ли военными или еще другими соображениями объясняется некоторое расширение пределов государства Саманидов в X веке со стороны Ферганы, где у турок была отнята одна из местностей близ Узгента. От низовьев Сыр-Дарьи и от Таласа отходили пути к кочевым народам, жившим дальше на север, именно, на Иртыш к кимакам, от которых в обмен за соль получали меха пушных зверей; от городов Китайского Туркестана отделялись пути на север, к киргизам на верховья Енисея, и на юг, в Тибет; главным предметом ввоза от этих обоих народов был мускус.

Сношения с мусульманами и китайцами не могли не отражаться на образе жизни турок, хотя в X веке, повидимому, еще ни один из турецких народов не отказался совершенно от кочевой жизни. Сравнительно наибольшей высоты культуры достигли те турецкие народности, которые жили вдоль караванного пути из мусульманского мира в Китай, именно карлуки (персидские источники вместо карлук пишут халлух) и токуз-огузы. От границы мусульманских владений в Фергане до восточных границ земель карлуков считали более 30 дней пути. Карлуки были соседями мусульман также в Сыр-Дарьинской области; кроме Мерке им также принадлежало находившееся еще западнее селение Кулан, ныне Тарты. Область карлуков считалась самой населенной и богатой из турецких областей; среди карлуков, кроме звероловов и кочевников, были также земледельцы, были деревни и города; среди других турок карлуки выдавались красотой и высоким ростом. Много городов было также у восточных соседей карлуков, токуз-огузов, которым принадлежали остальные области на пути в Китай. Несомненно, что быт этих соседей Китайской империи ближе всего подходил к оседлой жизни; по словам одного арабского автора, управление там было лучше, чем у всех прочих турок, но и среди них были кочевники; та ветвь то-

куз-огузов, которая отделилась от главной массы народа, получила название Ягма („отряды, совершающие набеги") и отняла у карлуков часть их владений с городом Кашгаром. Ягма в культурном отношении стояли ниже карлуков: о них говорится, что у них было только небольшое число пашень; главное богатство их составляли лошади и бараны; народ отличался воинственностью. Приблизительно таков же был культурный уровень остальных семиреченских турок, именно джикилей (выходцев из карлуков), которым принадлежал северо-восточный берег Иссык-куля, и их западных соседей тухсийцев или тюргешей. У джикилей было „небольшое число городов и селений"; несколько селений упоминается и в области тухсийцев.

Ниже стояли в культурном отношении северные и северо-западные турки. У кимаков был только один город; самая западная ветвь кимаков, кыпчаки, превосходила своей дикостью остальную часть народа; ни у одной ветви киргизов не было ни городов, ни деревень; у гузов, живших по нижнему течению Сыр-Дарьи и дальше к западу до Каспийского моря и Волги, не было ни одного города. Тем не менее мусульманская культура оказывала притягательную силу и на эти народы. Несмотря на отдаленность главных ставок кимаков (на Иртыше) и киргизов (на верхнем Енисее), кочевья обоих народов во второй половине X века вплотную подошли к пределам мусульманского мира. Кимаки вместе с гузами упоминаются в местности по Сыр-Дарье, по соседству с Саураном; киргизы владели городом, соответствовавшим нынешнему Уч-Турфану в китайском Туркестане, и были соседями племени Ягма в Кашгаре. Гузы, несомненно, составляли главную часть тех турок, которые приняли ислам, подчинились саманидскому правительству и получили земли на Сыр-Дарье, с обязательством защищать эту пограничную местность против остальных турок; главным поселением их был город Сюткенд на левой стороне реки, развалины которого существуют и теперь. Помимо торговых целей и набегов, кочевники искали в пограничных культурных землях удобных мест для зимовок, обращаясь иногда с соответствующими просьбами к государям и их наместникам. Приход кочевников на зимовку часто соединялся с грабежами и заставлял местные правительства принимать меры предосторожности.

Несмотря на некоторые успехи в борьбе с турками, Саманиды были вынуждены примириться с тем, что верховья и низовья реки Сыр-Дарьи, протекавшей в своем среднем течении через несколько мусульманских областей, оставались вне пределов мусульманского мира. По отношению к туркам ислам нарушил предписание корана — сражаться с неверными, пока они не заплатят дани „в унижении". Ислам на границе с турками перешел от наступления к обороне; самому пророку (едва ли знавшему о существовании турок) было приписано изречение: „Оставьте (в покое) турок, пока они вас оставляют (в покое)". Турки были одним из первых народов, среди кото-

рых ислам, отказавшись от пропаганды оружием, имел успех путем убеждения. Известия о ходе этой религиозной пропаганды и о постепенном устранении стоявших на ее пути препятствий крайне скудны. Есть известие, что туркам ислам первоначально казался религией, неподходящей для кочевников; посол халифа Хишама (724 — 743) будто бы получил от турецкого хана, которому он предлагал принять ислам, такой ответ: „Нет среди турок ни цырульников, ни сапожников, ни портных; если они сделаются мусульманами и будут исполнять предписания ислама, чем же они будут питаться"?

Мы знаем, однако, что в том же VIII веке среди турок имели успех религии, еще менее соответствовавшие воинственному быту кочевников; до нас дошли на турецком языке произведения религиозной литературы буддийской, манихейской и христианской, из которых некоторые, несомненно, относятся еще к VIII веку, тогда как первые сведения о мусульманской литературе на турецком языке относятся к XI веку [1]). О принятии манихейства в 762 г. турками-уйгурами в Монголии говорится и в надписи, поставленной одним из уйгурских ханов в IX веке, при чем проповеднику новой веры приписывается пожелание, „чтобы страна с варварскими нравами, где лилась кровь, превратилась в страну, где питаются овощами; чтобы государство, где совершались убийства, преобразовалось в царство, в котором побуждают к добру". Один из арабских авторов IX века уверяет, будто принятие манихейства отразилось на военных качествах токуз-огузов, утративших, под влиянием религии воздержания и мира, свою храбрость, тогда как прежде они имели власть над карлуками, хотя те превосходили их численностью больше чем вдвое. Мы знаем, однако, по другим примерам, что черты характера народа оказывают больше влияния на религию, чем наоборот; религия мира и любви, когда ее принимал воинственный народ, становилась религией войны. Манихейство в этом отношении не представляло исключения. Уйгурский хан-манихей пользовался своим военным могуществом, чтобы защищать своих единоверцев против притеснений со стороны китайского правительства; хан токуз-огузов отстаивал интересы своих единоверцев как перед владыками Китая, так и перед владыками Туркестана. Во всем мусульманском мире Самарканд был единственным местом, где манихейство не подвергалось преследованию; саманидское правительство хотело отнять у манихеев и это последнее убежище, но отказалось от своего намерения под влиянием угрозы хана текуз-огузов ответить репрессалиями против мусульман, которых в его владениях было гораздо больше, чем манихеев во владениях

[1]) К более раннему времени, судя по языку, может быть отнесен турецкий комментарий на коран, приобретенный в 1914 г. Азиатским музеем Академии Наук (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXIII, 249). В рукописи не указано ни время составления этого комментария, ни место, ни имя автора. См. об этом сочинени теперь мою статью в Asia Major, II.

Саманидов. Имеются в виду, вероятно, приезжие мусульмане-торговцы, а не принявшие ислам подданные хана. Торговцы, повидимому, не занимались миссионерством, и потому успехи мусульманской торговли не сопровождались успехами ислама, как религии. Не только на турецком, но и на китайском языке уже в VIII веке существовали литературы буддийская, манихейская и христианская, тогда как никаких попыток создавать на этом языке мусульманскую литературу не делалось. Мусульманские историки несколько раз упоминают о принятии ислама карлукскими князьями и даже владыками Тибета, но эти рассказы не могут быть признаны достоверными. Мы не знаем также, как образовалось мусульманское турецкое государство с городами Баласагуном в Семиречьи, в Чуйской долине, и Кашгаром, которому потом удалось положить конец государству Саманидов, и как исламу удалось одержать победу в этой области, где до него, несомненно, были распространены другие культурные религии.

Мы имеем только легендарные известия о принятии ислама первым представителем этого ханского рода, могилу которого до сих пор показывают в селении Артыш к северу от Кашгара, причем древнейшая версия легенды относит смерть этого хана к 955 году; при его деде будто бы произошло завоевание Саманидами Исфиджаба (что, как мы видели, имело место в 840 г.), с чем предание связывает первые успехи ислама среди турецкого народа. Историк Ибн-ал-Асир говорит о принятии ислама многочисленным турецким народом (до 200,000 шатров) в 960 г. К этому же времени относится деятельность единственного мусульманского ученого богослова X века, о котором мы знаем, что он отправился к туркам,—хорасанца Абу-л-Хасана Мухаммеда ибн-Суфьяна Келимати; он занимался законоведением (фиккэм) и догматическим богословием, покинул Нишапур в 340 г. хиджры (951 — 2 нашей эры), прожил несколько лет в Бухаре, оттуда отправился ко двору „хана ханов", где умер до 350 г. (961). В виду такого хронологического совпадения можно предполагать некоторую связь между деятельностью Келимати и тем событием, о котором рассказывает Ибн-ал-Асир, но никаких подробностей об этой деятельности мы не знаем. Ничего не известно также о результате деятельности богословов, происходивших из Исфиджаба и соседних с ним селений, из которых один, Абу-л-Хасан Са'ид ибн Хатим Усбаникети, незадолго до 380 г. хиджры (990 нашей эры) ездил в страну турок.

Турки-мусульмане, овладевшие в конце X века культурными областями Туркестана, несомненно, принадлежали к одной из тех турецких народностей, которые упоминаются географами X века в Семиречьи; персидский везир Низам-ал-мульк, упоминая о походе своего султана Мелик-шаха на Самарканд и Узгент (1089 — 1090), говорит о джикилях и жителях Мавераннахра, как о местном населении; по

словам Ибн-ал-Асира, из джикилей состояло войско самаркандского хана. Во всяком случае завоеватели пришли с северо-востока, со стороны Исфиджаба.

Первый турецкий хан культурного Мавераннахра и его ближайшие преемники жили в пограничном Узгенте, и только последующие ханы перенесли свое местопребывание в самый многолюдный город страны, Самарканд.

Узгент оставался после этого главным городом Ферганской области и сохранял это значение до второй половины XIII века. К этому периоду, именно к XII веку, относятся лучшие из сохранившихся в Узгенте средневековых построек.

Вообще от эпохи турецких ханов Мавераннахра или, как их называют русские ученые, Караханидов, на поверхности земли сохранилось гораздо больше памятников, чем от предшествующей саманидской эпохи. Датированных построек эпохи Саманидов нет совершенно, и мнение о саманидском происхождении некоторых построек, напр., так называемой гробницы Исмаила Самани в Бухаре, основано только на местном предании. В остальных случаях строительные памятники X века обнаруживались только при раскопках, например постройка на Афрасиабе близ Самарканда, раскопанная пишущим эти строки в 1904 г., в которой видят основание минарета. К караханидской эпохе, кроме узгентских построек, среди которых выдается минарет высотою в 25 аршин, можно отнести с полной достоверностью минарет в Бухаре, высотою в 52 метра, построенный Арслан-ханом Мухаммедом в 1127 г., и „царский рабат“ (Рабат-и-Мелик) в степи Мелик к востоку от Бухары, построенный ханом Шемс-ал-мульком Насром в 471 г. хиджры (1078—9 г. нашей эры). Повидимому, не сохранился до настоящего времени, но существовал еще в XVI веке рабат, построенный тем же ханом на пути из Самарканда в Ходжент, в небольшом расстоянии к северу от Джизака. Не имеет отношения к Караханидам, но относится к той же эпохе один из минаретов Куня-Ургенча, воздвигнутый, по надписи на свинцовой плите, найденной в его основании, в 401 г. хиджры (1010—11 нашей эры). Домонгольскому периоду принадлежит еще соборная мечеть в рабате Дихистан (ныне развалины Мешхед-и-Мисриян, в Туркмении), построенная, по сохранившейся на ней надписи, султаном Мухаммедом ибн-Текешем (1200—1220), и гробница султана Санджара в Мерве (умер в 1157 г.). Наконец, вне пределов Туркестана, но вблизи их, на Гюргене, находится древнейший сохранившийся памятник мусульманской персидской архитектуры, башня Кабуса, построенная в 397 г. хиджры (1006—7 г. нашей эры).

Исчезновение памятников саманидской эпохи нельзя объяснять разрушениями, произведенными во время монгольского нашествия, так как от этих разрушений в такой же степени должны были страдать памятники эпохи Караханидов. Большее значение имел,

вероятно, тот факт, что в XI веке и позже, с развитием городской жизни, при постройках меньше, чем прежде, пользовались древесным материалом. Тесно застроенная Бухара в X веке считалась городом, опасным в пожарном отношении, что указывает на широкое распространение деревянных построек; из дерева была возведена даже верхняя часть минарета соборной мечети; минарет обрушился в 1068 г. во время борьбы за престол между двумя претендентами, когда местность, где находилась мечеть, подверглась обстрелу горючими веществами из цитадели, и был заменен новым, построенным всецело из жженого кирпича. Сравнение Мерва последних веков домонгольского периода с более древним городищем (Гяур-Кала) показывает, что из кирпича в этот период строили больше, чем прежде. Жженый кирпич иногда употребляли и при постройке городских стен; в небольших городах стены иногда возводились сплошь из жженого кирпича (таковы были, например, стены рабата Дихистан); в Бухаре в 1165 г. был возведен из жженого кирпича фундамент городских стен, для чего был использован материал от фундамента цитадели и башень, разрушенных незадолго перед тем, в 1144 г., при нашествии врагов.

Из этих фактов видно, что завоевание страны турками не остановило естественного процесса культурной эволюции, каковы бы ни были последствия этого завоевания для общих условий культурной жизни. Не мог, конечно, остаться без влияния самый факт перехода власти к степному народу. В этом отношении конец X века имел решающее значение для всей дальнейшей истории Туркестана; с тех пор одни завоеватели сменялись другими, но к туземному иранскому элементу власть уже больше не переходила. Неблагоприятные последствия должна была иметь и утрата политической связи с культурным Ираном. Это особенно отразилось на непривычной для Туркестана идее государственной централизации, которую пытались осуществить Саманиды. В Передней Азии эта идея, под властью утвердившейся в XI веке турецкой династии Сельджукидов, сделала даже некоторые успехи; в Туркестане государство Караханидов оставалось типичным кочевым государством, разделенным на уделы, скоро обратившиеся в самостоятельные владения, несмотря на то, что пришедшие с Караханидами турки в культурном отношении стояли выше пришедших в Персию с Сельджукидами туркмен. На их государственных идеалах, кроме турецкого представления о верховном государе—к а г а н е, отразилось иранское представление о „царе царей“ (на это указывают такие титулы, как „хан ханов“ и „султан султанов“) и китайская императорская власть; не владея никакими областями с китайским населением, Караханиды тем не менее принимали титул „табгач-хан“ или „тамгач-хан“, как назывался у турок китайский император (на караханидских монетах этот титул встречается и в арабском переводе — „мелик-ас-Син“ — царь Китая). Но эти титулы не давали но-

сившим их никаких фактических прав. Единственная успешная попытка восстановить в Средней Азии сильную государственную власть была сделана из Хорезма, области, которая с начала XI века была отделена от остальной части Туркестана и жила одной политической и культурной жизнью с Персией (об особых условиях культурной жизни в Хорезме свидетельствует приведенный выше факт существования хорезмийской школы богословов-рационалистов); только владетели Хорезма могли пытаться осуществить в свою пользу созданную Сельджукидами идею „султана ислама", как стоящего рядом с халифом верховного светского государя всего мусульманского мира. Это стремление встретило упорное сопротивление со стороны багдадского халифа, воспользовавшегося упадком могущества Сельджукидов для восстановления своей светской власти; борьба между халифом и султаном еще не была закончена ко времени монгольского нашествия, сокрушившего сначала султана, потом и халифа.

Монгольское нашествие было самым крупным по своим последствиям завоевательным движением из восточной Азии в западную; этому движению предшествовал ряд других, менее значительных, но также отразившихся на политической жизни Туркестана. Завоеванию государства Саманидов предшествовало культурное завоевание турок исламом, вследствие чего это событие не произвело на современников того впечатления, которое мы привыкли связывать с нашествием иноплеменных. Попытка саманидского правительства организовать народное сопротивление завоевателям потерпела полную неудачу. Идея единства мусульманского мира, успеху которой содействовали и сами Саманиды, всегда выступавшие в качестве верноподданных халифа, успела вытеснить к тому времени национальный и местный патриотизм; население послушалось своих духовных вождей, убеждавших его, что там, где происходит только борьба за власть между различными мусульманскими владыками, людям нет основания ради одной из двух властей подвергать опасности свою жизнь, особенно когда поведение завоевателей, как в данном случае, с точки зрения требований религии не вызывает никаких упреков. К этому современник прибавляет: „Это было одной из главных причин победы ханской династии, бегства Саманидов и прекращения их господства. Представители ханской династии вступили в Бухару, вели себя хорошо и были милостивы к подданным". Представители аристократии еще менее были склонны поддерживать правительство, стремившееся к государственной централизации, и с самого начала находились в соглашении с завоевателями.

Землевладельческая аристократия, однако, ошиблась в своих расчетах и только на короткое время, под непосредственным влиянием падения династии, могла извлечь выгоду из создавшегося положения. После этого кратковременного перерыва начавшийся

при Саманидах процесс упадка сословия дихканов продолжался и закончился при Караханидах. В начале XI века еще упоминаются дихканы, как рыцарская конница; в XIII веке, при описании военных действий, связанных с монгольским нашествием, о дихканах уже нет речи. Нет также известий о ходе этого процесса и причинах, вызвавших его ускорение. Возможно, что смуты, связанные с удельной системой, оказали влияние на обесценение земельной собственности, но документально засвидетельствован только один факт в этом роде — падение ценности городской земли в Бухаре. С упадком сословия дихканов крупная земельная собственность исчезла в Туркестане почти совершенно. При турецких династиях, до новейших узбецких, как и в других мусульманских странах, завоеванных турками, действовала своего рода ленная система, но, как везде, предметом пожалования была не самая земля, но земельная рента. Лица, получавшие, в качестве вознаграждения за военную службу, доход с определенных земельных участков, жили в столице при дворе ханов и не имели никакого отношения ни к управлению деревнями, доходы с которых поступали в их распоряжение, ни даже к хозяйственной эксплуатации земли.

Города, повидимому, не пострадали от установления турецкого господства; возможно, что, как в средневековой Европе, беспорядки, связанные с политическими смутами, отразились на притоке населения из сел в города. Главный город, Самарканд, не мог сохранить тех размеров, какие он имел в X веке вместе с пригородами, но все же оставался большим городом, каких до последнего времени в Туркестане больше не было; по словам китайца Чан-чуня, посетившего Самарканд непосредственно после монгольского нашествия, в городе в это время было всего около 25.000 семейств, но до нашествия монголов населения было вчетверо больше, т.-е. около 100.000 семейств или около 500.000 душ. Путешественниками XI и даже XIII века Самарканд описывается, как город с богатыми базарами и значительными библиотеками. Как в Персии, так и в Туркестане в XI веке окончательно установился тип города, с тех пор не подвергавшийся существенным изменениям, с базарными улицами, пересекавшими город в направлении с запада на восток и с юга на север, с базарной площадью и центральным куполом (чарсу) в месте их пересечения.

До эпохи монгольского владычества мы не видим в истории Туркестана фактов, которые бы указывали на упадок городской жизни. Бывали случаи разрушения города во время военных действий; кроме того, под влиянием местных причин, город мог обратиться в село, село в город. В Фергане Маргинан в X веке был небольшим городом, в XII веке причислялся к „известным городам“, тогда как Риштан, бывший в X веке городом более значительным, чем Маргинан, сделался „деревней в окрестностях Маргинана“. В жизни

главных городов, повидимому, происходили те же явления, какими вообще сопровождается рост городской жизни. В долине Заряфшана, где тогда по преимуществу сосредоточивалась жизнь, отношение главных городов, Бухары и Самарканда, к правительственной власти находилось в зависимости от местопребывания правительства. При Саманидах население Бухары считалось опорой правительства, Самарканд (как снова впоследствии, в XIX веке) — средоточием мятежных элементов; Караханиды, напротив, опирались на население Самарканда, тогда как в Бухаре ханская власть по временам совершенно не признавалась. В Бухаре в XII веке выдвинулся знатный род, получивший название „семья Бурхан“ (главные представители этого рода носили прозвание Бурхан-ад-дин „аргумент веры“); из этого рода происходили реисы „начальники“ [1]) и хатибы (проповедники в соборной мечети) бухарских ханафитов, носившие громкий титул „садр-джихан“ (опора мира) и обладавшие большими материальными средствами. Поэты того времени ставили этих „имамов“, носивших чалмы, наравне с эмирами (светскими правителями), носившими „венцы“. В XII веке в Бухаре то воздвигались постройки самаркандскими ханами, то единственным представителем власти был садр-джихан; о борьбе, которой должны были сопровождаться такие колебания, мы не имеем известий, но характерен факт, что все садры, кроме первого, считались „мучениками“, т.-е. погибли насильственной смертью. В начале XIII века садр-джихан Бурхан-ад-дин Мухаммед ибн-Ахмед непосредственно отвозил дань верховному владыке Средней Азии, государю языческих кара-китаев, т.-е. был совершенно независим от самаркандского хана. Известия об огромном богатстве садров заставляют полагать, что в их лице возвысились представители богатого класса горожан; это вполне подтверждается тем, что после устранения ханской власти против садров возникло народное движение, во главе которого стоял человек из ремесленного класса, сын продавца щитов, причем изгнанию и преследованию подверглись не только садры, но вообще „почетные люди“. „Люди чалмы“, представители мусульманской учености, отправились с жалобой в орду языческих владык Туркестана, получили необходимые грамоты, но не могли ими воспользоваться, в виду последовавшего в это время крушения империи кара-китаев.

В Самарканде ханы вели борьбу с духовенством и турецкой военной аристократией, опираясь на народные массы, как впоследствии узбецкие правители нередко опирались на «сартов» в своей борьбе с узбецкой родовой знатью. Самый сильный удар был нанесен ханской власти в 1095 г., когда низложенный турецкими предводи-

---

[1]) С представлением о реисе тогда еще не соединялось представление о полицейской власти, носителем которой было другое должностное лицо, мухтасиб.

телями хан Ахмед был казнен по приговору духовенства, по обвинению в ереси. В Самарканде хан пользовался такой любовью населения, что никакое восстание не могло бы иметь успеха; чтобы выманить хана из столицы, заговорщики подговорили одного из ферганских военачальников поднять восстание; хан двинулся в поход против мятежника и во время этого похода был схвачен мятежными предводителями своего войска. Борьба ханов с турецкими предводителями и духовенством продолжалась и в XII веке; среди врагов ханской власти упоминается и самаркандский реис, из чего можно сделать вывод, что самаркандские события, по крайней мере отчасти, вызывались теми же причинами, как бухарские. Любовью народа пользовался и последний из самаркандских Караханидов, хан Осман, низложенный и убитый хорезмшахом Мухаммедом в 1212 г.

Принимавшее участие в этой политической борьбе высшее бухарское и самаркандское духовенство по своему образу жизни не имело ничего общего с тем дервишизмом передне-азиатского происхождения, который в XII веке проник в Туркестан и оказал более прочное влияние на народную жизнь, чем прежние дервишские организации. В Туркестане, как и в других мусульманских странах до Марокко, до сих пор распространен дервишский орден кадириев, последователей Абд-ал-Кадира Гиляни (умер в 1166 г. в Багдаде), моралиста проповедника, старавшегося оживить дервишизм посредством предъявления к нему более строгих нравственных требований, в религиозной догматике придерживавшегося строгого правоверия. Такого же направления придерживался его старший современник Юсуф хамаданский (умер в 1140 г., похоронен в окрестностях Мерва), по совету которого Абд-ал-Кадир в 1127 г. впервые решился выступить с публичной проповедью. Юсуфом была создана школа среднеазиатского дервишизма, к которой принадлежал ряд шейхов, прославившихся в Хорезме и оказавших влияние на распространение ислама среди турок, как Хаким-ата или Сулейман Бакыргани [1]) и Са'ид-Ата; Неджм-ад-дин Кубра, основатель распространенного до сих пор в Хорезме ордена Кубреви; святой города Туркестана, Ахмед Ясеви (Ясы — старое название этого города), живший в XII веке, турецкие стихи которого получили широкое распространение среди турок Средней Азии; ташкентский святой Шейх-Антаур (собственно Хавенд-и-тухур — господин чистоты [2]), впоследствии также бухарский святой Беха-ад-дин Накшбенд, современник Тимура, основатель широко распространенного не только в Туркестане ордена Накшбендия, и его последователи, к числу которых принадлежал знаменитый ходжа Ахрар, глава дервишства сначала в Ташкенте (его

---

[1]) Ср. К. Г. Залеман. Легенды про Хаким-Ата. Спб. 1893 (из Изв. Акад. Наук, т. 9, № 2).

[2]) О нем А. А. Семенов в Проток. Турк. кружка люб. арх., XX, 25—31.

родиной было селение ташкентской области Багустан), впоследствии в Самарканде. Кроме последнего, ни один из этих шейхов не вступал в столкновение с правительственною властью; только ученик Неджм-ад-дина Кубра, Меджд-ад-дин Багдади, был убит по приказанию хорезмшаха Мухаммеда, повидимому, за то, что находился в соглашении с матерью хорезмшаха, стоявшей во главе мятежно настроенной турецкой гвардии. Небесной карой за это убийство является в дервишском предании монгольское нашествие.

Известия о шейхе Ахмеде Ясеви и его учениках свидетельствуют о том значении, которое имели средне-азиатские дервиши в деле распространения ислама в степи, как и теперь представители дервишизма, ишаны, имеют больше последователей среди кочевников, чем среди оседлого населения. После 960 г. следующее известие о массовом принятии ислама населением степи относится к 1043 г. и принадлежит тому же историку Ибн-ал-Асиру; речь идет в этом случае о менее многочисленном народе (всего около 10.000 кибиток), жившем зимою по соседству с Чуйской долиной в Семиречье, летом в степях близ страны волжских болгар. Окончательное присоединение нынеших киргизских степей к мусульманскому миру произошло, однако, значительно позже; еще в начале XIII века мусульманские владетели Хорезма должны были воевать с немусульманскими кыпчаками на Сыр-Дарье, где средоточием их был город Саганак или Сугнак (ныне развалины Сунак-курган), и в Тургайской области.

В культурных областях Туркестана пришельцы из степи должны были подвергаться влиянию местной культуры и переходить к оседлости, при чем они, благодаря своей многочисленности, не только сохраняли свой язык, но распространяли его и среди туземцев; начинается не закончившийся и до сих пор процесс постепенного отуречения края. Первым городом, получившим турецкое название вместо прежнего иранского, был, повидимому, Ташкент; это название, вместо названия «Бинкет», как у географов X века, упоминается уже в XI веке. Еще до монгольского нашествия географические названия турецкого происхождения начинают встречаться на Заряфшане (Кара-куль) и в Хорезме, где местное иранское наречие было вытеснено не персидским языком, как в долине Заряфшана, но турецким; этот процесс, повидимому, закончился в XIII веке, при монголах.

Носителями мусульманской культуры в Средней Азии по прежнему оставались «сарты» — термин, которым в этнографическом смысле обозначали до XVI века иранцев (самое слово, индийского происхождения, первоначало имело значение „торговец“, но монголы этот термин, в формах сартак, сартактай (с приставкой, служившей для обозначения лиц мужского пола) и сартагул, употребляли не столько по признаку национальности и языка, сколько по признакам быта и культуры; поэтому Чингиз-хан назвал «сартактаем» карлукского князя Арслан-хана, правившего в северной части

Семиречья. Отголоском культурного значения сартов являются монгольские легенды, распространенные до Хангая, о богатыре Сартактае, воздвигавшем чудесные плотины и тому подобные сооружения. Первое известие о проникновении мусульманских торговцев в Монголию относится к 924 г.; в этом году основатель империи китаев Аба оки (916—927) посетил город Каракорум на Орхоне и там принял «посольство» от да-ши, т.-е. от арабов или мусульман (известно, что китайцами прибытие торгового каравана всегда рассматривалось, как прибытие посольства). С успехами мусульманской культуры было связано образование значительных городов в северной части Семиречья и в Кульджинском крае, где раньше, насколько можно судить по мусульманским и китайским источникам, городской жизни не было. Первые достоверные сведения о городах этой местности относятся к XIII веку; в 1253 г. францисканец Рубрук к северу от реки Или проехал через город, населенный мусульманами, говорившими по-персидски. Не заботясь о пропаганде своей религии, мусульманские купцы, как представители культуры, занимали выдающееся положение даже при дворе языческих правителей, покорявших мусульманские области. Туркам мусульманам несколько раз удавалось отражать нашествия «неверных» кочевников с востока; но в XII веке китаям или, как их называли мусульмане, «черным китаям» (кара-китай), народу монгольского происхождения, вытесненному из северного Китая (получившего от них свое название) тунгусским народом, удалось подчинить себе мусульманских владетелей Семиречья и Китайского Туркестана, разбить в 1137 г. при Ходженте войско самаркандского хана, в 1141 г. в степи Катван к северу от Самарканда войско могущественного сельджукского султана Санджара, после чего мусульманские правители Средней Азии оставались до начала XIII века вассалами кара-китайских верховных правителей, «гурханов». Кара-китаи принесли с собою усвоенную ими на их прежней родине китайскую культуру и ввели в покоренных областях китайскую систему подворного обложения (с каждого дома взимали по динару, т.-е. по одной золотой монете, ценностью около 5 р.); тем не менее и это государство подчинилось мусульманскому влиянию; везиром последнего гурхана был мусульманский купец Махмуд-бай. В начале XIII века в руках мусульманских купцов находилась даже торговля между Монголией и Китаем; в орде Чингиз-хана жили мусульманские купцы еще до его выступления из восточной Монголии.

Падение государства кара-китаев было вызвано частью движением из Монголии народа найманов, вытесненного Чингиз-ханом, частью мусульманским восстанием против господства неверных; во главе этого мусульманского движения стал хорезмшах Мухаммед. Победители вступили между собою в борьбу из-за дележа добычи; кроме того Мухаммед восстановил против себя освобожденных им

мусульман Туркестана и был вынужден в 1212 г. усмирить потоками крови восстание против хорезмийцев, поднятое самаркандским ханом Османом в полном согласии со своим народом. По мусульманским источникам, хорезмшах был вынужден отказаться в пользу Кучлука найманского от областей за Сыр-Дарьей, при чем предварительно опустошил эти области и увел население с собой на юго-запад. Повидимому, это известие несколько преувеличено; по крайней мере китаец Чан-чунь, проехавший здесь в ноябре 1221 г., упоминает о городе Сайраме и еще о двух городах между этим городом и берегом Сыр-Дарьи и не говорит ни о каких следах опустошения.

Кучлук найманский, несколько лет владевший Семиречьем, частью Сыр-дарьинской области и Кашгарией, подобно большинству своего народа был христианином; в империи кара-китаев он совратился в идолопоклонство, вероятно в буддизм. В его царствование, в первый и в последний раз в истории Средней Азии, произошло гонение против ислама, по крайней мере в восточном Туркестане; говорится о казни одного из главных имамов в Хотане и о полном запрещении мусульманского общественного богослужения; мусульманам было приказано принять одежду кара-китаев и для наблюдения за этим были размещены солдаты по их домам. Очевидно, новый властитель, несмотря на раздоры среди бывших мусульманских подданных кара-китаев, видел в исламе опасность для своей державы и боялся, что и против его господства, как прежде против господства гурхана, будет поднято восстание во имя веры. Естественно, что мусульманское большинство населения государства Кучлука (по известиям XIII века, район преобладания ислама начинался тогда на восточной границе Кульджинского края) приняло отряд, посланный в 1218 г. Чингиз-ханом, как освободителей, перебило размещенных по домам жителей воинов Кучлука и много способствовало быстрому успеху монголов.

Остается еще обратить внимание на одно явление истории Туркестана за последние века до-монгольского периода, явление, о котором не говорят историки и о котором мы можем судить только по дошедшим до нас вещественным памятникам, именно на расстройстве денежной системы. В Туркестане в XI веке начался серебряный кризис, постепенно распространившийся на всю мусульманскую Азию, — со включением входившей в ее состав если не в политическом, то в экономическом и в культурном отношении христианской Грузии. Вместо прежних серебряных монет, дирхемов, стали чеканить медные, которым также было присвоено название «дирхем», из чего видно, что они должны были иметь значение кредитной монеты. Чеканка медных дирхемов в Передней Азии началась позже и прекратилась раньше; еще до монгольского нашествия дирхемы там стали чеканить из серебра; в Средней Азии медные дирхемы чеканились еще при монголах, и только во второй половине XIII века происходит

постепенное восстановление серебряной валюты. Кроме медных монет с XI века чеканились и золотые, динары, тогда как в X веке в государстве Саманидов продолжала господствовать унаследованная от до-мусульманских времен серебряная монетная система; деньгами считались исключительно серебряные монеты и золото принималось только как товар, т.-е. на вес; таким же образом в прежних византийских областях продолжала господствовать византийская золотая система. При чеканке золотых и серебряных монет предполагалось, что за один динар будут давать 20 дирхемов; фактически отношение ценности золота к ценности серебра в разное время было различное. Какое впечатление произвела на современников замена серебряной монетной системы в Персии и Средней Азии золотой, неизвестно; во всяком случае динары, чеканившиеся в этих областях в XI веке и позже, по весу и пробе значительно уступали халифским и египетским динарам, и не могли, как напр. динары египетских Фатимидов, служить международной монетой наравне с византийскими солидами. Расстройство денежной системы, повидимому, не отражалось на размерах внешней торговли, которая охватывала все более обширный район и оказывала все более влияния на жизнь народов, находившихся в сношениях с культурной Передней Азией; так город Болгар на Волге, еще в X веке бывший в сущности ставкой кочевников, в монгольскую эпоху был каменным городом с населением не меньше чем в 50000 человек. Но характер торговли, конечно, должен был измениться; торговля все более становилась меновой, тогда как до начала XI века, как показывают археологические находки, в России в большом количестве оставались восточные серебряные деньги.

Турецкие князья в завоеванных ими областях подчинялись, конечно, влиянию местной культуры, не только имели при своем дворе персидских поэтов, но и сами писали персидские стихи. В коренных культурных областях Туркестана мы в до-монгольскую эпоху не видим никаких попыток создать литературу на турецком языке; такие произведения, как стихи Ахмеда Ясави и изречения Сулеймана Бакыргани, принадлежали к мусульманской миссионерской литературе, создававшейся для турецкого простонародья распространителями ислама, без воздействия или поддержки каких-либо правительственных властей. В период монгольского нашествия для последнего хорезмшаха Джелаль-ад-дина (в самом Хорезме, впрочем, не правившего) была составлена грамматика турецкого языка, в чем, конечно, можно видеть некоторое проявление внимания к тому народу, к которому принадлежал этот государь по рождению. В Кашгаре еще в XI веке была составлена уроженцем Семиречья на турецком языке, но без всякой связи с историческими преданиями турецкого народа, исключительно в духе персидской морали и мусульманского благочестия, дидактическая поэма „Кудатку-билик". До последнего времени были известны только два списка этой поэмы, гератский

XV века, вывезенный потом в Константинополь, где с ним ознакомились европейцы, и каирский; в последнее время был открыт третий список в Намангане; в 1909 г. в Сарайчике на Урале был найден глиняный кувшин с надписями, среди которых оказались стихи из Кудатку-билик, из чего можно заключить, что поэма получила более широкое распространение, чем можно было бы думать по ограниченному числу списков. Несмотря, однако, на такое увлечение иранской культурой, правители Туркестана не утратили связи со своими соплеменниками и их языком. Представители династии Караханидов до конца ее существования носили турецкие титулы; кроме того в официальной терминологии к титулу „султан султанов" и даже к слову „везир" (министр) прибавлялось турецкое прилагательное улуг (великий).

IV.

Монгольское владычество.

Монголы, завоевавшие Туркестан в XIII веке, были язычниками, совершали человеческие жертвоприношения и вообще находились на гораздо более низком уровне культуры, чем в X веке Караханиды. Монгольское нашествие сопровождалось разрушением городов и страшными опустошениями; но не действия монгольских войск были главной причиной того культурного упадка, который мы наблюдаем в эпоху монгольского владычества и после. От военного разгрома города и целые области оправлялись сравнительно скоро; мы знаем примеры, что города, которые за упорное сопротивление, за убийство монгольского царевича или посла подвергались особенно тяжелой участи и как бы стирались с лица земли, потом восстановлялись и продолжали жить еще несколько столетий, тогда как в местностях, где жители добровольно покорялись завоевателям и потому сохраняли свои города в неприкосновенности, городская жизнь через несколько десятилетий приходила в полный упадок. Из городов по нижнему течению Сыр-Дарьи особенно пострадал во время завоевания Сугнак, где за убийство монгольского посла было перебито все население; между тем в этом городе уже в первой половине XIV века вновь чеканилась монета, и Сугнак, как город, существовал еще в XVII веке, когда другие города той же области, города, меньше пострадавшие при завоевании, давно уже находились в запустении. С другой стороны, совершенно не пострадали от завоевания города Семиречья и восточной части Сырь-дарьинской области, где монголы не встретили никакого сопротивления и ни один город не подвергался разгрому; между тем уже в 50-х годах XIII века, через три десятилетия после прихода монголов, отмечается исчезновение некоторого числа городов и увеличение на их счет пастбищ кочевников; в XVI веке города на Или, в Чуйской долине, между Чу и Таласом и на Таласе пришли в полный упадок; в XVI веке от них оставались только развалины, при чем уже тогда не имели сведений о точном местоположении отдельных городов и не могли сказать, какому именно городу соответствует та или иная группа развалин. Для благососто-

яния городов приход сильных завоевателей имел менее гибельные последствия, чем постоянное соседство кочевников, хотя бы ничтожных по числу и могуществу, если вследствие политических смут и вообще отсутствия сильной власти городское население не находило защиты против грабителей. Таким же медленным процессом засилия кочевников, без громких завоевательных походов, было вызвано впоследствии исчезновение городской жизни в прилегавших к степи культурных местностях Туркмении, где этот процесс закончился только в XVIII веке. Таким образом, культурный упадок объясняется не столько опустошениями, произведенными во время монгольского завоевания, сколько связанным с приходом монголов передвижением кочевых народов и неудачей попыток создать в Средней Азии сильную государственную власть.

Образование монгольской империи не было связано, как вторжение германцев в римские области, с переселением народов. Подавляющее большинство монгольского народа и после образования империи осталось в Монголии, куда вернулся и сам Чингиз-хан и где его преемники построили для себя столицу на Орхоне. Империя считалась собственностью всего ханского рода, и Чингиз-хан, как глава рода, распоряжался ею, как хозяин, выделил при жизни, насчет завоеванных земель, своих старших сыновей и оставил в наследство младшему свой основной „юрт“, т.-е. коренные монгольские земли. Вместе с тем младший сын получил 101.000 монгольского регулярного войска из общего числа 129.000. При выделенных сыновьях были оставлены только небольшие отряды; из них к Туркестану имеют отношение оба старших сына, Джучи и Джагатай (собст. Чагатай), из которых каждый получил по 4000. Степень отдаленности уделов была пропорциональна возрасту царевича; оттого удел старшего сына, Джучи, по мере расширения монгольских завоеваний передвигался все дальше на запад, где в состав его должны были входить все земли, „до которых доходили копыта монгольских коней“. Ставка (орда) Джучи находилась на Иртыше, хотя, по некоторым известиям, он провел последние годы своей жизни дальше к западу, в стране кыпчаков (половцев); последнее подтверждается тем, что его могилу показывали в бассейне Сары-су, на границе между нынешними областями Акмолинской и Тургайской. Орда Джагатая была в Кульджинском крае, к югу от Или; его потомки, подчиняясь влиянию мусульманской культуры, постепенно переносили свое местопребывание в бассейн Сыр-Дарьи и дальше к западу, на Заряфшан, Кашка-Дарью и Аму-Дарью. Ни Джучи, ни Джагатай, ни их преемники не были владетелями сплоченного государства. Чингиз-хан не оставил распоряжений о точном разграничении уделов; столь же мало были определены права главных представителей обеих ветвей по отношению к другим потомкам Джучи и Джагатая и права великого хана, главы всей империи, по отношению к членам всего ханского

рода. Как в римской империи после Диоклетиана, так и в монгольской империи мы видим соединение идеи единства империи с одновременным существованием нескольких носителей верховной власти, с той разницей, что у монголов такой порядок вытекал из идеи родовой собственности. Как род, так и его собственность составляли одно целое; управлять общей собственностью могло одно лицо, если его авторитет признавался всеми, как было при жизни Чингиз-хана, или совещание из нескольких представителей рода и их уполномоченных, как было при преемнике Чингиз-хана, Угедее (1229 — 1241); независимо от границ уделов, этим лицом или этим совещанием назначались правители культурных областей, составлявших главный источник доходов династии; получая свои полномочия от верховной власти, эти правители тем не менее должны были считаться с местными царевичами. По мере ослабления единства рода авторитет местного царевича, часто имевшего возможность распоряжаться местной военной силой, становился сильнее, чем авторитет отдаленного великого хана; ставки местных царевичей становились столицами государств, иногда признававших над собой, хотя бы номинально, верховную власть великих ханов (с 60-х годов XIII века перенесших свое местопребывание из Монголии в Китай), иногда обходившихся и без такого признания.

Первые признаки ослабления единства империи проявились еще при жизни Чингиз-хана, который собирался итти войной на Джучи, слишком самостоятельно распоряжавшегося в своих владениях; приготовления к походу были остановлены известием о смерти Джучи, последовавшей за полгода до смерти его отца (1227). Верховная власть над уделом Джучи перешла к его второму сыну, Батыю, действовавшему в согласии с преемником Чингиз-хана, Угедеем. Поход на Россию и Западную Европу был обще-имперским предприятием, в котором принимали участие не только потомки Джучи, но представители всех ветвей ханского рода. Среди участвовавших в походе царевичей произошли раздоры; на этот раз междуусобная война была предотвращена беспристрастием Угедея, принявшего сторону Батыя против своего собственного сына Гуюка. В кратковременное царствование Гуюка (1246—1248) произошло движение войска Гуюка на запад, войска Батыя на восток, очевидно с враждебными намерениями друг против друга; Гуюк умер до столкновения войск, повидимому в местности около реки Урунгу; Батый со своим войском находился в это время в долине реки Или. Под влиянием Батыя верховная власть перешла в род младшего сына Чингиз-хана, Тули; партии, совершившей переворот, удалось расправиться со своими врагами, из потомков Джагатая и Угедея, не прибегая к военным действиям. Царевичи были схвачены в Монголии, на сейме в 1251 г., по обвинению в заговоре; искусное распределение отрядов потомков Джучи на пространстве от Сыр-Дарьи у Отрара до северной части Семиречья и от-

рядов потомков Тули на пространстве от Каракорума на Орхоне до Гучена в Восточном Туркестане заставило остальных среднеазиатских царевичей покориться без сопротивления. Фактически в империи теперь распоряжались два лица, великий хан Мунке, сын Тули, и Батый и после него его брата Беркай, хотя на монетах и на западе чеканилось имя Мунке; идея единства империи поддерживалась и во внешних предприятиях, как при совершившемся в это время завоевании Передней Азии.

В 1260-х годах единству империи был нанесен окончательный удар. Произошла вооруженная борьба за престол между двумя братьями Мунке, из которых один был провозглашен в Монголии, другой в Китае; оба старались подчинить себе Среднюю Азию и посылали туда джагатайских царевичей, не без успеха стремившихся укрепить там монгольскую государственную власть, но, конечно, не в интересах посылавших их, но в своих собственных. Джагатайским царевичам пришлось, однако, уступить верховную власть внуку Угедея Хайду, которым на сейме 1269 г., на берегу Таласа, было организовано в Средней Азии особое монгольское государство, обыкновенно находившееся во враждебных отношениях к трем другим, образовавшимся в Китае, Персии и восточной Европе. В начале XIV века сын и преемник Хайду, Чапар, был низложен потомком Джагатая, Тувой, после чего слово «джагатай» сделалось официальным термином для обозначения средне-азиатского монгольского государства. «Джагатаями» назывались, по имени предка династии, кочевники, составлявшие военную силу «джагатайского» государства; «джагатайским» впоследствии был назван и турецкий литературный язык Средней Азии, окончательно сложившийся уже в государстве Тимура и его преемников. Ни один из других сыновей Чингиз-хана не оставил по себе таких прочных следов в памяти народа; во владениях потомков Джучи, повидимому, продолжало употребляться, в качестве географического и политического термина, как наследие до-монгольского периода, слово «кыпчак»; впоследствии образовавшийся в восточной части этих владений турецкий кочевой народ назвал себя «узбеками», по имени того хана из потомков Джучи, при котором окончательно установилось господство ислама. Первый по времени документ о границах джагатайского государства по отношению к его соседям—китайская карта 1331 г. На этой карте к джагатайскому государству отнесены южная часть Хорезма с городами Дарганом и Кятом (северная со старым Ургенчем принадлежала потомкам Джучи), берега Сыр-Дарьи до Отрара включительно, остальные культурные области русского (кроме Туркмении) и Китайского Туркестана с Кульджинским краем до Люкчуна включительно; город Камул или Хами находился уже в китайских владениях.

До начала XIV века, несмотря на ряд политических переворотов, управление культурными областями Средней Азии оставалось в ру-

ках одного и того же мусульманского семейства, происходившего из Хорезма, вероятно, из торговцев этой области. Есть известие, что Махмуд Ялавач и его сын Мас'уд бек поступили на службу к Чингиз-хану только после завоевания Хорезма монголами, т. е. в 1221 г.; более правдоподобно, что Махмуд Ялавач—тот-же Махмуд хорезмийский, который еще в 1218 г. ездил послом от Чингиз-хана к хорезмшаху Мухаммеду (слово ялавач значит по-турецки «посол»); возможно даже, что Махмуд Ялавач—одно и то же лицо с Махмуд-баем, министром последнего кара-китайского гурхана. После монгольского завоевания Махмуд Ялавач некоторое время управлял Мавераннахром, имея местопребывание в Ходженте. Очень вероятно, что его сыну Мас'уду принадлежит надпись, выбитая на скале в ущелье около Ходжента от имени «эмира Мас'уда», с датой «сафар 624 г.» (январь—февраль 1227). Джагатай насильственно удалил Махмуда из его области, чем были нарушены верховные права его брата, императора Угедея; считаясь с влиянием Джагатая, как старщего в роде после смерти Чингиз-хана и Джучи, Угедей довольствовался формальным извинением брата и перевел своего наместника в Пекин, где он умер губернатором в 1254 г. Культурными областями Средней Азии от имени великого хана управлял сын Махмуда Мас'уд-бек, которому были подведомственны области от Гучена в Китайском Туркестане до Хорезма. Назначенный правителем в конце царствования Угедея, Мас'уд-бек сохранял свою власть и после переворота 1251 г. во время двоевластия потомков Тули и Джучи; под его управлением были соединены области, находившиеся в сфере влияния великого хана Мунке, с областями, где государями признавались Батый и после него его брат Беркай. В 60-х годах того же Мас'уд-бека утвердили в его должности сначала джагатайские царевичи, пытавшиеся создать в Средней Азии самостоятельное монгольское государство, потом Хайду, осуществивший эту задачу в 1269 г. Мас'уд-бек умер в 1289 г. в Бухаре и был похоронен в построенном им медресе этого города; после него правителями были один за другим его три сына, из которых последний, вступивший в должность в 702 г. (1302– 3), уже при преемнике Хайду, Чапаре, жил в Кашгаре.

Сеймом 1269 г. были приняты меры для защиты культуры от кочевников. Никем не оспаривалось право каждого члена ханского дома получать свою долю от поступлений с пашень в селах и с ремесленных заведений в городах; стремились только к тому, чтобы эти доходы собирались для царевичей, но чтобы царевичи не вмешивались в их собирание и вообще в управление культурными областями, довольствовались своими летовками и зимовками в горах и степях и не подходили к пашням. Еще в начале XIV века соблюдался порядок, по которому во главе управления всеми культурными областями в совокупности стояло лицо из мусульманского купечества, по назначению главы государства; кроме того в отдельных

областях и городах были свои автономные правители из наследственных княжеских родов до-монгольского происхождения («мелики») или из высшей аристократии («садры»). Даже в местности ближайшей к орде джагатайских царевичей, в Кульджинском крае, продолжала править местная наследственная династия в городе Алмалыке (к северо-западу от Кульджи). По распоряжению Хайду и стоявшего во главе джагатайских царевичей Тувы был построен город Андижан—наглядное доказательство, что высшим правительством монгольского среднеазиатского государства в то время принимались меры для поддержания городской жизни. Насколько жизнь вновь основанного города отличалась от жизни прежних городов, неизвестно; в конце XV века Андижан отличался от большинства ферганских городов преобладанием турецкого языка. Место во всяком случае было выбрано удачно, так как Андижан сделался главным городом Ферганы и сохранял это значение до XVIII века. К началу XIV века еще не успела исчезнуть городская жизнь и в Семиречьи; так еще существовал Баласагун; но о каких-либо мерах для поддержания еще существовавших городов и восстановления исчезнувших ничего не говорится.

XIV век положил конец этой сравнительно счастливой эпохе в истории среднеазиатской культуры: Туркестан подвергся той участи, которой подверглась бы Россия, если бы золотоордынские ханы, не довольствуясь взиманием дани, поселились в пределах русских княжеств. Мусульманская культура давно уже оказывала притягательную силу на среднеазиатских ханов; мусульманином был правнук Джагатая, Мубарек-шах, правивший короткое время в 1266 г.; характерно, что провозглашение этого царевича главой джагатайской ветви состоялось на берегу Ангрена, то-есть в одной из коренных областей культурного Туркестана, а не в тех менее затронутых культурой областях, где находилась орда Джагатая и большинства его преемников. Преемник Мубарек-шаха, отнявший у него престол, Бурак-хан был обладателем наследственного удела в одной из коренных мусульманских областей, именно в Чаганиане (долине Сурхана), но принял ислам только в конце своей жизни, зимой 1270—1 г., в Ташкенте. После этого в течение почти полвека не было попыток джагатайских ханов утвердить свое местопребывание в Мавераннахре; только ханом Кебеком (1318—1326) была облюбована долина Кашка-Дарьи, где уже Чингиз-хан провел лето 1220 г. и где впоследствии был лагерь начальника монгольских военных сил. Кебек выстроил для себя дворец, от которого получил свое название город Карши, прежний Нахшаб или (у арабов) Несеф (карши—слово, заимствованное монголами у уйгуров в значении „дворец"); городу XIV века соответствуют развалины Зохак-и-морон, к югу от современного города; дворец, построенный Кебеком, находился от этого города в 2 фарсахах, т.-е. около XII в. Нахшабу до-монгольского периода

соответствуют развалины Шуллюк-тепе, в XVI в. к северо-западу от современного Карши). Кебек прославляется историками, как справедливый государь и покровитель мусульман, хотя сам не принявший ислама; но от его царствования, по всей вероятности, ведет начало тот строй жизни, который мы видим в эпоху возвышения Тимура и который существенно отличается от строя начала XIV века. Местная автономия была вытеснена государственной централизацией, внешним выражением которой была обще-государственная монета, чеканившаяся от имени хана, а не, как прежде, от имени местных меликов. Была введена та-же серебряная монетная система, которая раньше была у персидских монголов; прежнее название золотой монеты—д и н а р—было присвоено крупной серебряной, равнявшейся шести мелким (дирхемам); вес дирхема был 1/3 золотника, вес динара—2 золотника. По имени Кебека эти монеты и в эпоху Тимура носили название к е б е к и. В управлении система централизации, однако, не была проведена, власть оставалась в руках местных наследственных правителей, с той разницей, что туземных меликов и садров заменили главари пришлых турецко-монгольских родов. Переселяясь в культурную страну и строя для себя дворец, хан порывал со степными традициями, чем естественно вызывалось мятежное настроение среди кочевников; чтобы успокоить недовольных и привлечь на свою сторону представителей главных родов, хан должен был уговорить их последовать его примеру и устроить так, чтобы это было им выгодно. Этим объясняется возникновение в джагатайском государстве, как впоследствии в узбецком, новой удельной системы, существенно отличавшейся от прежней тем, что уделы назначались теперь не представителям ханского рода, но главным из турецко-монгольских родов, составлявших военную силу государства. Как и другие сыновья Чингиз-хана, кроме Тули, Джагатай получил от своего отца 4000 коренного монгольского войска; начальник одной тысячи был из племени барлас, начальник другой—из племени джалаир; происхождение двух других тысяч автор единственного источника, где говорится об этом разделении, Рашид-ад-дин, не мог выяснить. Этим же самым родам, джалаир и барлас, в половине XIV века принадлежали уделы в Мавераннахре, причем удел джалаиров был в бассейне Сыр-Дарьи, с главным городом Ходжентом, удел барласов в долине Кашка-Дарьи, с главным городом Шахрисябзом. Упоминается еще два других рода, по всей вероятности, происходившие от начальников двух других тысяч Джагатая. Эти роды были каучины в восточной части б. Бухарского ханства, на северной стороне Аму-Дарьи, и арлаты на южной стороне той же реки.

Действия Кебека и его преемников, из которых Тармаширин (1326—1334) сделался мусульманином и окончательно установил господство ислама в монгольском средне-азиатском государстве,

должны были вызвать отчуждение между родами, переселившимися с ханом в Мавераннахр, и частью кочевников, оставшейся в восточной части государства. Последствием были смуты, низложение Тармаширина и перенесение местопребывания ханов, лет на десять, снова на восток. Эти смуты, повидимому, нанесли окончательный удар городской жизни в Семиречьи и восточной части Сыр-дарьинской области. Страна пришла в то состояние, о котором дают наглядное представление слова современника и очевидца: «Издали видим хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаемся в надежде встретить жителей, но находим дома совершенно пустыми. Все жители страны—кочевники и нисколько не занимаются земледелием».

В 40-х годах XIV века мы снова видим джагатайских ханов в Мавераннахре. Один из них, Халиль, дервиш ханского происхождения, сначала действовал против монголов в союзе с представителями высшего мусульманского общества, термезскими сейидами, потом разошелся с ними. Брат Халиля, Казан-хан, по примеру Кебека построил для себя дворец в окрестностях Карши, в несколько более значительном расстоянии от города (в 2 переходах, по направлению к западу). Скоро после этого хан был низложен восстанием главарей родов, поселившихся в Мавераннахре; около того-же времени в восточной части джагатайского государства возвысились главари рода дуглатов, в состав удела которых входили Кашгария и часть Семиречья к югу от Иссык-куля. Как главари родов Мавераннахра, так и дуглатские беки возводили на престол подставных ханов; делавшиеся как с запада, так и с востока попытки вновь объединить в одно целое области бывшего джагатайского государства не приводили к прочным результатам; даже Тимуру не удалось подчинить себе восточные области.

Носителями государственной идеи считали себя роды, поселившиеся в Мавераннахре, где кочевники, составлявшие военное сословие, продолжали называть себя джагатаями, даже когда уже не возводились на престол, хотя бы номинально, ханы из потомков Джагатая. Себе, как настоящему ханскому войску, джагатаи противополагали кочевников восточных областей, как „джетеев"—монгольский термин, соответствовавший турецкому „казак" и означавший разбойничью вольницу, порвавшую с державой, родом и племенем. С своей стороны кочевники восточных областей только себя признавали верными хранителями монгольских кочевых традиций, называли себя моголами, свою страну Моголистаном; джагатаи были в их глазах „караунасами", т. е. метисами, сбродом людей смешанного происхождения, как впоследствии хивинские узбеки называли воинов бухарского эмира таджиками.

Джагатаи и моголы были, таким образом, хранителями степных традиций с двух различных точек зрения—государственной и этно-

графической или бытовой. Те и другие, но, конечно, джагатаи в большей степени должны были считаться со стремлениями, чуждыми степи, именно с мусульманской государственной идеей и мусульманской культурой, при чем и мусульманские идеалы понимались различно людьми города и деревни, высшим обществом и народными массами. Действие всех этих элементов можно проследить довольно отчетливо в истории Тимура и его преемников. В дни молодости Тимура хан моголов Туклук-Тимур воспользовался смутами среди джагатайских родов, чтобы на короткое время подчинить себе Мавераннахр. Поражением и бегством джагатайских главарей в борьбе с моголами были вызваны демократическое движение в главном городе Туркестана, Самарканде, и переход власти на короткое время к студентам и рабочим, сумевшим отразить нашествие моголов; джагатайские главари воспользовались этим, чтобы вернуться в Мавераннахр. Демократическое движение было подавлено не открытой силой, а хитростью; руководителям движения было объявлено, что правительство вполне одобряет их действия и питает к ним полное доверие; этим удалось усыпить их бдительность, заманить их в лагерь джагатаев и расправиться с ними. В то же самое время Хорезм воспользовался разложением государств джучидского и джагатайского для восстановления своей политической самостоятельности; образовалась местная династия из отуреченного монгольского рода кунграт; представители этой династии опирались не на кочевые традиции, но на мусульманскую идею. Монеты чеканились с надписью „власть принадлежит богу", без имени местного правителя, чем подчеркивалась мусульманская теократическая идея; той же мусульманской идеей оправдывался отказ подчиниться джагатаям, которых не признавали настоящими мусульманами, как сами джагатаи не считали мусульманами моголов. Влиянию мусульманской культуры и связанных с нею идеалов скоро стали подчиняться и сами джагатаи; их главные эмиры или беки, возводившие на престол подставных ханов и фактически распоряжавшиеся государством, один за другим старались создать себе опорный пункт в городе и окружить его стенами; этим пользовались их соперники, чтобы выступить защитниками кочевых традиций, но в случае успеха восстания следовали примеру низложенного ими предшественника. Так поступал и возвысившийся из рода барласов Тимур, построивший укрепления сначала в городах долины Кашка-Дарьи, Шахрисябзе и Карши, потом, после утверждения своего единовластия, в Самарканде. Тимур опирался на джагатайскую военную силу, но преимущественно на свой род барласов, с устранением соперничавших с ним родов; вместо той удельной системы, при которой обладателями уделов были главные джагатайские роды, Тимур восстановил деление государства на уделы между представителями одного правившего рода, причем в Туркестане составляла особый удел и управлялась не из

Самарканда обыкновенно только Фергана. Тимур оставался верен степной государственной идее и возводил на престол подставных ханов; для него была придумана легенда, будто такая же власть принадлежала его предкам при Чингиз-хане и его первых преемниках. В то же время Тимур старался привлечь на свою сторону культурное население, особенно его высшие классы и тех из представителей духовенства, которые по своему значению соответствовали садрам XII—XIV веков. Все его завоевательные стремления были направлены в сторону культурной Передней Азии; только там он принимал меры для прочного утверждения своей власти и назначал уделы членам своей семьи; его походы на степные области имели только характер набегов; только в последние годы своего царствования, в связи с задуманным им походом на Китай, он предполагал создать такие уделы в Моголистане. Тимур старался, чтобы его созидательная деятельность, выражавшаяся в постройках и оросительных работах, так-же поражала современников, как разрушительная. Увлечение Тимура мусульманской городской культурой наглядно проявилось в том, что построенные им вокруг Самарканда селения получили названия по главным городам Передней Азии и Египта: Султании, Ширазу, Багдаду, Дамаску и Мисру (Каиру).

Смерть Тимура (1405) расстроила все его политические планы в Средней Азии, в том числе и план похода на Китай; но объединение Мавераннахра с некоторыми областями Персии под властью потомков Тимура продолжалось еще несколько десятилетий. При некоторых из этих правителей, в особенности при сыне Тимура, Шахрухе, мусульманская государственная идея получила решительный перевес над степной; Шахрух хотел быть по возможности для всего мусульманского мира халифом и „султаном ислама“, которому сам бог вручил власть над мусульманами для их блага и для проведения в жизнь предписаний веры и за это спросит с него ответ на страшном суде. Такой идеал был ближе народным массам, чем культурным слоям общества, в том числе и представителям недоступного для масс книжного богословия. Выразителями этого идеала были богословы-подвижники, дервиши правоверных орденов, утвердившихся в Туркестане с XII века. Из среды ордена накшбендиев вышел энергичный политический деятель, ходжа Ахрар, действия которого имели решающее влияние на дальнейшую судьбу Туркестана. „Деревенский шейх“, как называли его сторонники городской культуры, вступил в борьбу с культурной, но не вполне согласной с предписаниями религии жизнью, насаждавшейся внуком Тимура Улугбеком при содействии вызванных им в Самарканд ученых и местных представителей книжного богословия; для проведения своих идей ходжа Ахрар выдвинул другого претендента на престол из потомков Тимура; этому претенденту удалось одержать победу с помощью степняков-узбеков, окончательно утвердившихся

в это время на нижнем течении Сыр-Дарьи. После 1469 г. Туркестан больше не объединялся с областями Персии под управлением одних и тех же князей, что повело еще к большему упадку культуры. Вместо Самарканда средоточием культурной работы сделался Герат; даже из поэтов, создававших в это время „джагатайскую" поэзию в подражание персидской, самые даровитые жили в Герате, несмотря на отсутствие в Хорасане турецкого городского населения. Обсерватория, построенная Улугбеком в Самарканде, прекратила свою деятельность тотчас после смерти своего строителя. Известия об экономическом состоянии Туркестана свидетельствуют о значительном упадке по сравнению с до-монгольским периодом; так о Фергане говорится, что „при хорошем управлении" доходы с нее были достаточны только для содержания отряда из 3000—4000 человек; не упоминается ни о металлической промышленности, ни о добывании каменного угля. Несколько лучше были условия культурной работы в Хорезме, после Тимура вновь получившем отдельное от Самарканда управление и в то время входившем в состав гератского владения; но и Хорезм страдал от нападений степняков-узбеков, против которых распавшаяся на отдельные княжества держава Тимуридов оказалась бессильной.

V.

Узбецкие ханства.

Узбеки окончательно утвердили свою власть в Туркестане в XVI веке. После некоторого перерыва, вызванного гибелью в борьбе с персами (1510) первого завоевателя, Шейбани-хана, покорившего и Мавераннахр, и Хорезм, образовались два узбецких государства, разделенных на уделы, одно в Мавераннахре, с главным городом Самаркандом, другое в Хорезме, где главным городом сначала был старый Ургенч. В обеих странах в основу государственной жизни были положены степные традиции; государство считалось собственностью всего ханского рода, члены которого назывались султанами и одного из своей среды, как главу рода, провозглашали „ханом"; преимущественное право на ханство имел старший в роде, но это правило нередко нарушалось; кроме того бывали случаи, что в царствование того или другого хана ханский титул принимали также могущественнейшие из султанов. Удельная система, господствовавшая в то время в Мавераннахре, ближе всего напоминает порядки удельной Руси XIV и XV веков. Государство было разделено на несколько крупных княжеств, дробившихся в свою очередь на более мелкие уделы; из самых мелких уделов князья по мере смерти своих старших родственников переходили в более крупные. Самарканд считался ханским городом по преимуществу, как Владимир на Клязьме — великокняжеским; но провозглашенный государем всех узбеков владетель не всегда переезжал в Самарканд; иногда он находил для себя более выгодным оставаться в своем прежнем уделе, где в его распоряжении находились достаточные, при том более надежные, силы. Столичное положение Самарканда не мешало ханам, от имени которых чеканились монеты для всего государства, иногда жить в Балхе, Ташкенте и в особенности в Бухаре, как русские великие князья, даже когда значение великокняжеского города еще сохранялось за Владимиром, могли жить в Твери и в особенности в Москве. Постепенно значение столицы Туркестана перешло к Бухаре, с которой еще в XVI веке связали свое имя самые могущественные из узбецких ханов.

В Бухаре военный строй кочевого государства не наложил такого резкого отпечатка на всю жизнь страны, как в Хорезме. Про-

должались литературные работы на персидском языке; историческая литература Средней Азии при узбеках по качеству и количеству стояла даже выше, чем в прежние века; продолжались также работы по созданию переводной и подражательной литературы на турецком языке, в том числе и исторической. На государей оказывали влияние не только идея кочевой державы, но и мусульманская государственная идея; уже основатель узбецкого владычества Шейбани называл себя на своих монетах „халифом милосердного, имамом эпохи". С этой идеей было связано стремление управлять государством в духе религиозного законодательства—шариата, стремление, более сближавшее государей с народными массами и ее идейными представителями, дервишами, чем с высшим сословием. С этой точки зрения идеальным правителем в духе мусульманского благочестия признавался Убейдулла-хан (правил в Бухаре с 1512 г., стоял во главе всех узбеков с 1533 г., умер в 1539 г.). Строй государства оставался строем кочевой державы, но в нем, на ряду с родовыми главарями кочевников, занимали почетное место представители религии; так при возведении на престол нового государя соблюдался языческий, унаследованный от монголов обряд вознесения на войлоке, но в выполнении этого обряда принимали участие дервишские шейхи. Частые смуты и борьба между князьями за уделы не давали, однако, возможности отдельным правителям осуществлять идеал справедливого и сильного государя, заботящегося о благе своих подданных и защищающего их против всяких врагов. Единственым исключением было правление Абдуллы-хана (владел Бухарой и фактически был главой узбеков с 1557 г., был провозглашен ханом в 1583 г., умер в 1598 г.), которому удалось объединить под своею властью не только все узбецкие княжества в Мавераннахре, но также Хорезм и Хорасан, создать сильную власть, хотя и крайне жестокими средствами, и соединить военную славу со славой устроителя своей страны. Им принимались меры для восстановления и улучшения монетного дела, оросительных систем, общеполезных построек и т. д.; в настоящее время народным преданием остатки всех сколько-нибудь выдающихся сооружений связываются или с именем Тимура, или с именем Абдуллы-хана.

Государственные стремления Абдуллы-хана не имели прочных результатов; созданное им государство распалось тотчас после его смерти; прекратилось и господство рода Шейбани; власть перешла к новой династии Аштарханидов или Джанидов. При первых Аштарханидах мы видим ту же удельную систему, как раньше, с делением государства между членами ханского рода. В рассказе о делении государства, произведенном основателем новой династии, Джан-Мухаммед-ханом, говорится только о делении на шесть уделов со включением Самарканда, который хан взял себе; остальные пять уделов были Бухара, Сагардж (к северо-западу от Самарканда, верстах

в 4 к западу от современного большого селения Яныкурган), Ура-тюбе, Шахрисябз и Хузар. Это перечисление уделов наглядно показывает, насколько сократились пределы ханства в связи с падением династии Шейбанидов. Утрата северных и восточных областей объясняется возобновившимся еще в XVI веке движением степняков на культурные области. Еще в конце царствования узбецкого хана Абулхайра (1428—1468) возмутившиеся против этого хана и ушедшие на восток кочевники получили название „казаков", и это слово, первоначально означавшее разбойничью вольницу, постепенно сделалось народным названием. Несмотря на свое название, казаки не отвергали ни традиций степной государственности, ни прав потомков Чингиз-хана. Как среди узбеков, так и среди казаков потомки Чингиз-хана назывались „султанами", но вместо отдельных династий, мы видим в степи многочисленное сословие султанов, называвших себя „белой костью" и противополагавших себя „черной кости"— народным массам. От времени до времени среди казаков появлялись могущественные ханы, которым иногда удавалось подчинить себе и восточных соседей-казаков, киргизов (потом известных под названием кара-киргизов), но ни казакам, ни киргизам не удалось достигнуть прочного политического объединения, возможного для кочевников только при условии обширных завоеваний в культурных странах. Казацкие ханы могли подчинить себе только пограничные местности культурного Туркестана, при чем и за эти местности им постоянно приходилось вести борьбу с узбецкими ханами, иногда и с местным населением, во главе которого становились представители сословия ходжей, о которых будет упомянуто дальше. В своих степных кочевьях казаки и киргизы были стеснены калмыками, образовавшими в XVII веке сильную кочевую державу, последнюю в истории Средней Азии. Завоевания калмыков коснулись и Туркестана; с 1723 г. им в течение некоторого времени был подчинен Ташкент.

О царствовании некоторых ханов XVII века, до Абду-л-Азиз-хана (1645—1680) включительно, впоследствии вспоминали, как о времени твердой власти, порядка и благосостояния. Правительственная власть все больше сосредоточивалась в Бухаре; по временам бухарским ханам удавалось подчинить себе области бассейнов Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, но вообще эти области жили своею жизнью. Такой сильной личности, как Абдулла-хан, на престоле больше не было; власть все больше переходила из рук ханов в руки главарей узбецких родов. Представители этой военной аристократии, с „аталыком" во главе, нередко пользовались членами ханского рода, как орудием для достижения своих целей; борьба с такими правителями заставила нескольких ханов уступить престол при жизни своим наследникам. Некоторые аталыки располагали огромными средствами и оставили по себе больший след своими постройками, чем ханы. Таков был

аталык Ялантуш-бий, из рода алчин, происходивший из местности по нижнему течению Сыр-Дарьи и в двенадцатилетнем возрасте поступивший на службу к Дин-Мухаммед-хану. Выдававшиеся им ассигновки ценились наравне с ассигновками казны; ежегодно ему посылались ценные дары из Индии, Кандагара, Хорасана, от киргизских, калмыцких и казацких главарей, от кашгарских ханов и даже из Тибета. Всеми этими средствами он пользовался для содержания войска и для построек. Благодаря набранной им военной силе он в три похода покорил Ташкент и Туркестан, тогда как Абдулла-хан достиг той же цели только после седьмого похода и получил в свое распоряжение только опустошенную страну. Из построек Ялантуш-бия особенно выдаются медресе Ширдар и Тилля-кари в Самарканде, мало уступающие зданиям, построенным могущественными властителями Средней Азии. Сооружение таких зданий в XVII веке показывает, что культурная жизнь Туркестана в это время еще не находилась в полном упадке. О продолжении культурной работы свидетельствуют и литературные труды того времени; составлялись обширные труды по истории и мусульманскому праву, свидетельствующие если не о творчестве в области научной мысли, то об основательном знакомстве с трудами прежних ученых; характерен самый факт, что бухарский ученый XVII века мог писать о перипатетиках и стоиках.

С упадком династии Аштарханидов для страны наступили более тяжелые времена. Главари из кочевых родов из ханских наместников сделались наследственными удельными князьями; как в XIV веке, деление на уделы между членами ханского рода сменилось делением на уделы между отдельными родами. Вражда между соседними и могущественными родами иногда переходила из поколения в поколение и наносила существенный вред благосостоянию страны; особенным упорством отличалась вражда между мангытами в Карши и кенегесами в Шахрисябзе. Многие из таких „хакимов“ или „беков“ (по киргизскому произношению „биев“) фактически не подчинялись ни хану, ни аталыку; кроме того казаки воспользовались смутным временем для своих набегов. Из всех городов Туркестана более всего пострадал от смут XVIII века Самарканд. Когда в 1722 г. Ибрахим-бий, главарь кенегесов, восстал против Абу-л-Фейз-хана и выставил другого претендента на ханский престол, Реджеба, из „туранских“, т. е., вероятно, казацких султанов; казаки присоединились к войску претендента, приняли участие в борьбе с бухарским правительством и под этим предлогом грабили страну. Бывшая столица Тимура совершенно опустела; в 1740 г., во время похода Надир-шаха, в Самарканде совершенно не было жителей, кроме цитадели, где поселилось около 1000 семейств. В 1752 г., когда аталык (в 1756 г. принявший ханский титул) Мухаммед-Рахим принял меры для восстановления города, присланные мешки с провиантом были сложены в медресе, где тогда совершенно не было студентов.

Участь Самарканда, однако, не может считаться характерной для всего Туркестана, и кризис XVIII века в Бухарском ханстве отразился на благосостоянии населения и на городской жизни в меньшей степени, чем в Хивинском. В 1740 г. ханство добровольно подчинилось Надир-шаху и потому не подверглось военному разгрому. В столице ханства, Бухаре, кризис, насколько известно, не оказал никакого влияния ни на размеры города, ни на количество населения. О полном исчезновении городской жизни, как в Семиречьи и восточной части Сыр-дарьинской области в XIV веке, не могло быть и речи; местными беками и хакимами строились даже новые города, из которых некоторые, как Катта-курган на Заряфшане и Ширабад в бассейне Аму-Дарьи, впоследствии достигли значительной величины.

В Хорезме узбецким нашествием еще в XVI веке был вызван более существенный упадок культуры, чем в Мавераннахре. Область и в XIII веке медленнее, чем Мавераннахр, оправлялась от опустошений, произведенных монголами. Главный город, Ургенч (ныне старый Ургенч) был восстановлен скоро после монгольского нашествия и сделался еще более значительным торговым центром, чем прежде; но еще через 100 слишком лет после нашествия, во время путешествия араба Ибн-Баттуты, на пространстве между Ургенчем и культурной полосой Бухары не было никаких населенных пунктов, кроме Кята. В конце XIV века Хорезм и его столица пострадали от нашествия Тимура, которым насильно были переселены в Самарканд ученые и художники; в 1388 г. город был подвергнут полному разрушению; в 1391 г. было разрешено восстановить его, но это разрешение относилось только к одному кварталу. В XV веке Хорезм несколько раз переходил из рук Тимуридов в руки узбецких ханов и обратно. Все это не могло не отразиться на численности первоначального земледельческого населения. Хивинский хан и историк Абулгази противополагает пришельцам-узбекам туземцев-сартов, но преимущественно как горожан, жителей Ургенча и некоторых других более значительных городов, в особенности Хивы и Хазараспа. Из слов Абулгази можно даже заключить, что возделыванием пашень в окрестностях Ургенча занималось только военное сословие, узбеки. Ургенч еще в половине XVI века оставался большим городом, но в 70-х годах того же столетия ему был нанесен смертельный удар стихийным бедствием—поворотом реки Аму-Дарьи. Протекавший мимо старого Ургенча рукав высох; для жителей города в 1645 г. был выстроен новый Ургенч в южной части ханства, унаследовавший от старого его торговое значение; до сих пор Ургенч остается „важнейшим оптовым торговым центром ханства, складочным местом разнообразных товаров и местопребыванием богатого купечества“. По своей торговой деятельности жители Хорезма в эту эпоху, однако, значительно уступали бухарцам; русские и по их примеру западные европейцы стали употреблять термин „бухарец“ в смысле „горожанин

Средней Азии, торговец". Тот же термин был распространен и на не имевшую в своей политической жизни ничего общего с Бухарой Кашгарию, которую стали называть „Малой Бухарией". Только в XIX веке, по инициативе английских исследователей, термины „Великая" и „Малая Бухария" были заменены терминами „Западный" и „Восточный Туркестан". Старый Хорезм называли Ургенчским или, после перенесения столицы на юг, в Хиву, Хивинским ханством, и описывали как страну по преимуществу земледельческую. В этом отношении узбеками, как показывают произведенные при узбецких ханах грандиозные оросительные работы, не были нарушены старые культурные традиции; даже внутренние смуты, повидимому, меньше отражались на земледелии, чем на торговле, которой наносили существенный вред распадение государства на мелкие уделы и стремление каждого удельного князя облагать пошлиной провозившиеся через его область товары; таким же поборам подвергались даже проезжавшие через хивинские владения послы к бухарским ханам или другим владетелям. Роль культурного и вообще гражданского элемента в сравнении с военным сословием и духовенством была до такой степени ничтожной, что при торжественных приемах главные гражданские сановники, везир (впоследствии называвшийся мехтером) и кушбеги, должны были стоять, тогда как лица, занимавшие военные и духовные должности, сидели. Из представителей духовенства самым большим влиянием пользовались, как и в Бухаре, шейхи дервишских орденов; один из них, потомок шейха Сейид-Ата, после завоевания Хорезма персами уговорил население восстать против персидского господства и призвать узбецких князей; другой потомок того же шейха в 1622 г. примкнул к сыновьям Араб-Мухаммеда, восставшим против отца, причем царевичи, как бывало и в Бухаре, были только орудием в руках узбецкой родовой знати. Представители духовенства, особенно дервишских орденов, вообще не раз принимали участие, на стороне аристократии, в борьбе между престолом и узбецкой военной аристократией, борьбе, которая в Хорезме велась еще с большим ожесточением, чем в Бухарском ханстве. Старший сын и преемник Араб-Мухаммеда, Исфендияр-хан, в 1623 г. с помощью туркмен произвел массовое избиение узбеков; в отмщение за это в 1645 г., в начале царствования Абулгази, было произведено массовое избиение туркмен. Такие события не могли не содействовать одичанию нравов. В противоположность Бухарскому ханству, в Хорезме в XVII веке не было никакой литературной деятельности. Хан Абулгази был принужден сделаться сам историком своей династии, так как среди его подданных не было никого, кому он мог бы поручить составление такого труда; сравнительно высокий образовательный уровень самого Абулази объясняется тем, что ему пришлось провести десять лет в Персии. Влияние персидской культуры сказалось и в том, что хан думал перевести свой исторический труд,

составленный по-турецки, на персидский язык. На преемника Абулгази, Ануш-хана (1663—1687), оказала влияние даже персидская государственная идея; после взятия Мешхеда он принял титул шаха: следом этого события остается построенная этим ханом крепость „Шахабад" (букв „постройка шаха") и проведенный к этой крепости в 1681 г. магистральный Шахабадский канал. Все эти сооружения преследовали только утилитарные цели; построек, которые бы отличались художественными достоинствами, в пределах Хивинского ханства не воздвигалось ни в XVI, ни в XVII, ни в XVIII веке [1]).

В XVIII веке Хивинскому ханству пришлось пережить еще более тяжелый кризис, чем Бухарскому. Со смертью Ануши пресеклась династия; власть скоро перешла в руки инаков, соответствовавших бухарским аталыкам; ими приглашались потомки Чингиз-хана, чаще всего из киргизских степей, и возводились на престол, в качестве подставных лиц, но быстро сменялись; бухарский историк Абду-л-Керим называет этот обычай „игрою в ханы". При нашествии Надир-шаха в 1740 г. Хива, в противоположность Бухаре, оказала персидскому завоевателю упорное сопротивление и за это дорого поплатилась; по приказанию Надир-шаха хан Ильбарс был убит вместе с 20-ю узбецкими главарями. После Надир-шаха продолжались прежние неустройства. Еще раньше в Хиве, как и в Бухаре, произошло разделение ханства на уделы между главными родами, и главари этих родов сделались наследственными хакимами. Что в Хивинском ханстве идея родового строя была сильнее, чем в Бухарском, видно из того, что название родов получили не отдельные небольшие селения, как в Бухаре, но значительные города (Кунград, Мангыт, Кыпчак, Нукуз и другие); очевидно, каждый род при переходе к оседлости еще сознавал себя единым целым и не рассыпался на мелкие селения. Такая удельная система привела, как и в Бухаре, к политическому распадению ханства; в Арале, т. е. в дельте Аму-Дарьи с главным городом Кунградом, обыкновенно был свой хан, независимый от Хивы; последнее восстание в Кунграте, с провозглашением особого хана, относится к 1858—59 г. Помимо смут среди узбеков, страна разорялась набегами туркмен, особенно иомудов; борьба с иомудами продолжалась до последнего времени; даже события войны и революции были использованы иомудами для нового разграбления Хивы. О состоянии страны в начале второй половины XVIII века хивинский историк говорит, что „деревни и пашни обратились в леса и заросли, озера в тростниковые болота". Не могло быть речи даже о сохранении благосостояния главного города, хотя бы в той степени, как в Бухаре. В Хиве пришли в упадок все постройки; число жителей уменьшилось до 40, по некоторым известиям до 15-ти семейств;

---

[1]) В хивинской истории упоминается медресе Араб-Мухаммед-хана (1602—1623) и несколько построек, воздвигнутых при Эренк-хане (1689—1694).

пятничное богослужение иногда происходило в присутствии всего 3—4 человек.

XVIII век был критическим для всего мусульманского мира; такой же период смут и анархии пережила Персия после взятия авганцами Исфахана (1722) и в особенности после убиения Надир-шаха (1747) и смерти Керим-хана (1779). В Европе XVIII век был, напротив, веком прогресса и реформ, окончательно утвердивших первенство европейской культуры и положивших начало господству европейцев на всем земном шаре. События экономической жизни Европы не могли остаться без влияния на мусульманский мир, с которым все же происходили торговые сношения; увеличением количества золота в Европе, вследствие открытия и разработки бразильских копей, вероятно, следует объяснить, что именно в смутный период XVIII века в Персии и Средней Азии, впервые после монгольского нашествия, вновь стала чеканиться и вошла в обращение золотая монета. Даже монетная реформа Абдуллы-хана ограничилась улучшением серебряной деньги; в XVIII веке золотая монета, т и л л я, получила такое распространение, что в литературе встречается много примеров счета на тилли при определении цен товаров, особенно в оптовой торговле, величины податей, доходов от вакуфов и т. п.

Примером развития благосостояния, благодаря внешней торговле, несмотря на внутренние смуты, может служить история Ферганы и Ташкента в XVIII веке. В Фергане последствием борьбы между казаками и узбеками был переход власти на короткое время к концу XVII века в руки местного знатного сословия ходжей, мнимых потомков пророка и местных святых. В средние века ходжи, как сословие, не играли политической роли; письменные генеалогии, на которых теперь основываются их притязания, носят на себе явные следы подделки. В узбецкий период ходжи на всем пространстве Туркестана, со включением Хивинского ханства, образовали замкнутое сословие, резко противополагающее себя народным массам; слово к а р а д ж у, как называется простой народ, в противоположность ходжам, при монголах означало всех вообще подданных, в противоположность ханскому роду. Ходжи женились сами на дочерях ходжей и дочерях караджу, без различия, но неохотно выдавали своих дочерей за караджу, так как потомки от такого брака, каково бы ни было их происхождение по мужской линии, приобретали все права потомков пророка, с е й и д о в. Честь быть сейидом ценилась так высоко и ходжи так мало были склонны допустить в свое сословие, путем таких браков, посторонних лиц, что в XIX веке даже государям приходилось насильно брать себе в жены девушек из ходжей, чтобы будущие государи могли называть себя „сейидами“. Таково происхождение этого титула, который носили в XIX веке многие государи во всех трех ханствах этого времени — Бухарском, Хивинском и вновь образовавшемся Кокандском.

Захват власти ходжами в Фергане произошел, может быть, не без влияния событий в соседней Кашгарии, где власть еще раньше перешла от ханов, производивших свой род от Джагатая, к ходжам, потомкам шейха Махдуми-азама (умер в 1542 г.), происходившего из ферганского селения Касана и похороненного в самаркандском селении Дахбиде. Местопребыванием ходжей, управлявших Ферганой в конце XVII века, было селение Чадак к северу от Сыр-Дарьи. Около 1710 г. они были свергнуты Шахрух-бием, главой узбецкого рода Мин, построившим город „Кокан" (впоследствии это название, несомненно употреблявшееся в живой речи, было заменено литературно правильной формой Хоканд), на месте селения „Хоканд", существовавшего здесь в средние века. Впоследствии, в XIX веке, потомки Шахруха распространили свою власть почти на весь бассейн Сыр-Дарьи и на часть степей Сыр-дарьинской области и даже Семиречья; доходами от других областей они могли пользоваться для построек и грандиозных оросительных работ в Фергане. Впервые в истории были проведены каналы из Кара-Дарьи и Нарына, тогда как прежде, даже в эпоху Саманидов, те же местности орошались только каналами, проведенными из северных и южных притоков Сыр-Дарьи; по размерам орошенной площади, каналы, проведенные при кокандских ханах, занимают исключительное место в истории Туркестана, и даже при русском владычестве не было произведено никаких работ, которые могли бы быть приравнены к ним. Но еще в XVIII веке, когда представители рода Мин владели только Ферганой и Ходжентом и еще не принимали ханского титула, мы можем наблюдать некоторые факты, указывающие на экономический прогресс населения. Помимо столицы беков, Коканда, возник новый значительный город в северной части области, Наманган, еще в XVII веке бывший только селением в окрестностях Ахси и в XVIII веке упоминаемый в числе ферганских городов [1]). Из отраслей сельско-хозяйственной промышленности, после долгого перерыва, вновь было насаждено, под китайским влиянием, шелководство. Таким образом, еще в XVIII веке было положено начало тому исключительному значению Ферганы в экономической жизни Туркестана, которое она сохраняла до революции.

Ташкентские ходжи упоминаются еще под 1709 г. наравне с ханами казаков, как лица, имевшие власть в своем городе; они извещали бухарского хана Убейдуллу о действиях калмыков и получали от этого хана грамоты, почетные одежды и подарки. В 1723 г. Ташкент должен был подчиниться калмыкам, но и после в нем про-

---

[1]) Еще в 1696 г. в официальном документе упоминается ахсикетский вилает в 1758—9 гг., по китайским сведениям, наманганское бекство было одним из четырех (три других—андижанское, маргеланское и кокандское), на которые разделялась Фергана (Протоколы Турк. кр. люб. арх. XX, 1915—6 г., 112 и 114).

должал управлять, в качестве вассала калмыцкого хун-тайджи, прежний казацкий хан Джулбарс, убитый около 1740 г. В 1747 г. в Ташкенте упоминается хаким Бахадур-бек, вероятно из узбеков; повидимому, он враждовал с ходжами; в 1749 г. он был убит, после чего ташкентские ходжи разграбили имущество его родственников. Так как убитый был вассалом и союзником калмыцкого хун-тайджи, то брат убитого обратился к калмыкам с просьбой о помощи и получил от них войско; ему удалось взять Ташкент. К калмыкам в Ташкент прибыли искать защиты узбеки из Нура и Сагарджа, жаловавшиеся на действия бухарского эталыка Мухаммед-Рахима; для расследования этих жалоб было отправлено калмыцкое посольство в Бухару, где, однако, удалось достигнуть соглашения между калмыками и бухарским правительством. Падение калмыцкого государства, завоеванного после 1755 г. китайцами, усилило смуты в киргизских степях, что вызвало резню между казаками и сартами, но только около 1780 г. в Ташкенте удалось установить свою власть одному из местных ходжей, Юнусу, потомку местного святого Шейхантаура (Шейх-Хавенди-тухур, XIV века). Первоначально Юнус был только хакимом Шейхантаурской части и вел борьбу с хакимами трех других частей; своим успехом в этой борьбе он был обязан, по преданию, единственной пушке, отлитой из отобранной у населения медной посуды. Столь же успешно он воевал с казаками и к концу XVIII века распространил свою власть на север до Туркестана и Чимкента (только к этому времени сделавшегося городом); к Чимкенту перешло значение прежнего центра этой местности, Сайрама, ныне селения, но еще в 1735 г. считавшегося „немалым городом“. Победитель казаков, однако, потерпел поражение в борьбе с кокандскими узбеками; вскоре после его смерти, незадолго до 1810 г. Ташкент окончательно был завоеван кокандцами. К последним временам правления Юнуса относится рассказ Бурнашева и Поспелова, бывших в Ташкенте в 1800 г.; из этого рассказа видно, что только что пережитые Ташкентом внутренние смуты и борьба с казаками не помешали ему сделаться значительным городом, более значительным, чем он был в средние века. По определению Бурнашева и Поспелова, в Ташкенте в то время считалось до 10.000 домов и до 40.000 населения мужского пола. Под властью кокандских ханов Ташкент сделался еще более значительным торговым пунктом и еще более многолюдным городом; по подсчету А. К. Гейнса в нем к началу второй половины XIX века было до 20.000 домов и до 150.000 человек жителей. Тем же А. К. Гейнсом упоминается селение Ногай-Курган, к югу от города, по дороге в Чиназ; как показывает его название, оно было основано ногаями, как называют в Туркестане приволжских татар. По словам П. И. Пашино, проехавшего мимо Ногай-Кургана (деревня оставалась влево от дороги) в 1866 г., эта деревня была замечательна, как „един-

ственное место во всем здешнем крае, где разводят картофель" [1]). В области сельского хозяйства разведение картофеля и теперь считается одним из самых существенных признаков влияния европейской культуры; таким образом, отмеченный путешественником факт, несмотря на всю свою незначительность, может служить доказательством, что роль татар в деле насаждения европейской культуры среди своих туркестанских соплеменников и единоверцев началась еще до русского завоевания.

Восстановление в Туркестане в конце XVIII века некоторого порядка и благосостояния связано с образованием трех ханских династий в Бухаре, Хиве и Коканде, как в Персии с возникновением каджарской династии и ее столицы — Тегерана. В Туркестане во всех трех случаях ханский титул был принят правителями, не происходившими по мужской линии от Чингиз-хана, что находилось в противоречии с идеей кочевой монархии, как она была унаследована от монголов. До принятия ханского титула представители всех трех династий, фактически захвативших власть, находили нужным, подобно Тимуру, действовать от имени подставных или (в Коканде) предполагаемых ханов; сила традиции была так велика, что в Бухаре и Хиве после первых представителей новых династий, принявших ханский титул, их преемники довольствовались более скромными титулами и вернулись к обычаю возводить на престол подставных государей из потомков Чингиз-хана; только после этого промежуточного периода, наглядно свидетельствующего о колебаниях в среде самого правительства, окончательно установился новый порядок вещей.

Первый случай принятия ханского титула представителем новой династии произошел в Бухаре в 1756 г. Аталык Мухаммед-Рахим, унаследовавший это звание от отца и деда, перед этим, подобно другим главарям кочевников, был беком для узбеков и эмиром для таджиков; после устранения последних представителей династии Аштарханидов, Абу-л-Фейза (1747) и его сына Абду-л-Мумина (1748), им были возведены на престол, в качестве подставных ханов, сначала Убейдулла, сын Шах-Тимур-султана хорезмийского, потом Абулгази, также, по всей вероятности, не находившийся в родстве с Аштарханидами. Вопрос о провозглашении ханом самого Мухаммед-Рахима был возбужден осенью 1756 г. бухарским духовенством; этому предшествовала женитьба Мухаммед-Рахима на дочери Абу-л-Фейз-хана; тем не менее аталык объявил, что вопрос должен быть решен всенародным собранием, которое и было созвано, причем в нем, кроме узбецких вельмож, начальников войска и чиновников, принимали участие казии, сеиды и даже выдающиеся люди из „ремесленников и подданных". При обряде вознесения нового хана на белом войлоке возвратились к обычаю, соблюдавшемуся при Шейбанидах; войлок,

[1]) П. И. Пашино. Турк. край в 1866 г. Спб. 1868, стр. 98.

на котором сидел хан, был поднят при участии сейидов, казиев и ходжей, тогда как при Аштарханидах в этом обряде принимали участие только беки четырех главных узбецких родов. Уже в этом факте можно было бы видеть указание на будущую политику мангытской династии; однако, ни Мухаммед-Рахим-хан, ни его дядя и преемник Данияль-бий не были ревнителями шари'ата, как последующие бухарские эмиры. О Мухаммед-Рахим-хане один из историков мангытской династии, Мухаммед-Я'куб бухарский, говорит, что хан совершенно искренне не различал запрещенного от дозволенного, и не все его действия были согласны с шари'атом, но он меньше нуждался в средствах, чем его преемники, и оказывал больше благодеяний своим подданным. Данияль-бий, по словам того же историка, также пользовался славой щедрого и гуманного правителя, хотя мало вникал в государственные, особенно в финансовые дела; обо всех делах он советывался с улемами и без них „не делал ни шагу", но в то же время при нем продолжали действовать многие новшества и поборы, отмененные только в конце его правления. Данияль не последовал примеру своего предшественника, не принял ханского титула и довольствовался званием аталыка; ханом при нем снова был объявлен Абулгази, от имени которого чеканилась монета. Не принимал ханского титула и его преемник Шах-Мурад, называвший себя эмиром, не только в том смысле, как принимали этот титул турецкие беки, но в смысле халифского титула „эмир-ал-муминин" (повелитель правоверных). За свою ревность к шари'ату и заботу о строгом благочестии Шах-Мурад получил прозвание „безгрешный эмир" (эмир ма'сум). Еще при жизни Данияль-бия Шах-Мурад резко отмежевал себя в этом отношении от отца и братьев, вступил в число дервишей и сделался учеником шейха Сафара. Шейх сначала отказался принять его, как сына тирана, и потребовал от него, чтобы он в знак покаяния и разрыва с обычаями своих родственников принял на себя исполнение унизительных обязанностей на базаре; Шах-Мурад подчинился этому требованию, чем навлек на себя гнев отца. По словам Мухаммед-Я'куба, Данияль-бий, вообще отличавшийся резкостью и грубостью в выражениях, бранил Шах-Мурада за вмешательство в дела управления, его братьев за развратный образ жизни; тем не менее старый аталык был вынужден подчиниться требованиям своего благочестивого сына, чем и объясняются слова Мухаммед-Я'куба об отмене „новшеств" в конце правления аталыка.

Под предлогом ревности к шари'ату, Шах-Мурад еще при Данияль-бии лишил жизни главных сподвижников своего отца, кушбеги Девлет-бия (по происхождению раба, сделавшегося министром еще при Мухаммед-Рахиме) и главного казия, обвиненного в том, что им был принят персидский обычай — курить кальян. Влияние Шах-Мурада было настолько сильно, что Данияль был вынужден назначить его своим преемником. Еще раньше Шах-Мурад был назначен хаки-

мом Самарканда и принял меры к восстановлению благосостояния этого города. Во время своего царствования (1785 — 1800) им были восстановлены оросительные системы на Заряфшане, Аму-Дарье и Кашка-Дарье; Мухаммед-Я'куб приписывает ему даже заботу о восстановлении разоренного им же самим Мерва, но это, повидимому, неосновательно; другой бухарский историк Абду-л-Керим говорит только о благодеяниях, оказанных Шах-Мурадом жителям города, уведенным им в плен в Бухару (первый свой поход на Мерв Шах-Мурад совершил еще в самом начале своего царствования, в 1785 г., несмотря на то, что Данияль-бий был другом мервского правителя Байрам-Али-хана и называл его своим сыном). Мервцы будто бы были вполне довольны своим положением, сделались из шиитов благочестивыми суннитами и принесли на свою новую родину некоторые „изобретения и дела", неизвестные там прежде. Вероятно, это относится к шелководству, восстановленному в конце XVIII века в Бухарском ханстве под влиянием Персии, как в Кокандском под влиянием Китая. Шах-Мурад говорил, что не признает иных законов, кроме религиозного права, ни в чем не походит на своих предшественников и ставит себе в образец только „праведных халифов"; свои личные расходы он покрывал только из тех государственных доходов, которые, с точки зрения мусульманского права, признавались единственными законными, именно из д ж и з ь и — подати, собиравшейся с иноверцев (в Бухарском ханстве с евреев); эта подать — единственная, установленная кораном. Полного разрыва с степными государственными традициями не было, однако, ни при благочестивом эмире Шах-Мураде, ни при его еще более благочестивом сыне и преемнике Хайдере (1800 — 1826). Шах-Мурад женился на вдове Мухаммед-Рахим-хана, дочери Абу-л-Фейз-хана; рожденный от этого брака эмир Хайдер был, таким образом, потомком Чингиз-хана и, как показывает надпись на одной из его печатей, придавал этому такое же значение, как происхождению от пророка и званию сейида. В надписи на другой печати Хайдер назван преемником „хана-мученика" Абу-л-Фейза, несмотря на то, что убиение этого хана было делом мангытской династии. Шах-Мурад в начале своего царствования освободил жителей Бухары от „алыка и салыка", т.-е. от подати, взимавшейся по числу домов, и дал им „грамоту на тарханство"; из этого видно, что даже этот ревнитель шари'ата считал нужным оправдывать свои мероприятия ссылкой на нормы степного права, а не на постановления шари'ата. Оросительные работы, выполненные по приказу Шах-Мурада в самаркандском районе, послужили на пользу узбекам, повидимому, занявшим земли, покинутые во время предшествующего смутного периода исконным таджицким населением. По исследованию В. Л. Вяткина [1]) та „масса турецких названий", которую мы находим

[1]) Материалы к историческ. геогр. Самарк. вилаета (1902) 15.

теперь в долине Заряфшана, „обязана своим происхождением, главным образом, последнему столетию". Оросительными работами Шах-Мурада был ускорен процесс вытеснения земледельцев таджиков переходившими к оседлости кочевниками-узбеками, начавшийся с водворением узбецкого господства; кочевники во время перехода к оседлости еще не утратили своих родовых делений, вследствие чего „родовые и коленные названия узбеков очень часто переносились на те поселения, старые или вновь основываемые, в которых устраивались новоселы того или иного рода или колена"; но существование большого числа мелких селений, носящих название одних и тех же родов или колен, наглядно показывает, что в Бухарском ханстве, в противоположность Хивинскому, кочевники переходили к оседлости небольшими частями рода, а не всем родом. В Бухарском ханстве среди крупных городов, давших название бекствам, нет ни одного, который бы носил название рода, тогда как в Хивинском ханстве три таких города — Мангыт, Кыпчак и Кунграт.

Несмотря на свои заботы о справедливости, благочестивый эмир, ничего не понимавший в денежных счетах, не мог препятствовать своим наместникам наживаться насчет населения. Нужды войска, несмотря на произведенные эмиром оросительные работы, также оставались неудовлетворенными; эмир тяготился этим и выражал надежду, что когда-нибудь ему удастся взять Мешхед и разделить между своими воинами богатства этой шиитской святыни. Во время походов им устраивались угощения для войска и народа, при чем сам эмир этим угощением не пользовался и ел самую простую пищу.

Отрицательные стороны правления и государственного хозяйства, при показном благочестии, еще резче проявились при преемнике Шах-Мурада, эмире Хайдере (1800 — 1826), последнем из бухарских правителей, чеканившем монету от своего имени; со времени его смерти до конца существования ханства монета чеканилась от имени „покойного эмира Хайдера". По выражению Мухаммед-Я'куба, доходы эмира Хайдера больше чем вдвое превосходили доходы его отца, но его расходы больше чем вдвое превосходили его доходы. Число чиновников доходило до 1000, число войска, кроме отрядов, стоявших в Самарканде, Миянкале и Карши, до 12000; кроме этого 500 человек мулл получали от 100 до 300 денег в месяц; наконец, должностным лицам из рода Мангыт выдавалась от 30 до 100 денег в праздник окончания поста рамазан. Во время сокращения расходов, вызванного начавшимися в 1819 г. смутами, эта последняя выдача была отменена; через пять лет она была восстановлена, но в меньшем размере; всем одинаково выдавалось по одной тилле, т. е., по определению Ханыкова [1], 21 деньге. В течение тех-же пяти лет эмир был вынужден прибегать

[1]) Описание Бухарского ханства. Спб. 1843, стр. 114.

к займам, уменьшать ежемесячное жалованье, иногда совсем не платить его.

На одного из европейских путешественников эмир Хайдер произвел впечатление человека, более походившего на монаха, чем на государя. Эмир считался не только ревнителем, но и теоретическим знатоком шари'ата и читал лекции, на которых было до 500 человек слушателей, но по образу жизни не походил на отца, не только угощал других, но и сам любил поесть; еще больше он был предан гаремным наслаждениям, постоянно менял своих четырех законных жен, чем вызывал неудовольствие среди узбеков, и каждый месяц делал новое приобретение для своего гарема. В денежных делах благочестие эмира выражалось только в том, что он не хранил денег у себя и тотчас после получения отдавал их своему домоправителю. Во время войн и усмирения мятежей эмир не останавливался ни пред убийством близких родственников, ни перед массовыми избиениями. Как правитель, эмир отличался раздражительным и изменчивым нравом, что постоянно приходилось испытывать на себе его сановникам. По словам Мухаммед-Я'куба, дарования кушбеги Мухаммед-Хаким-бия (звание кушбеги перешло к нему по наследству от его отца Уткур-бия, происходившего, как показывает его титул, из узбецкой аристократии), проявились, между прочим, в том, что он даже такого правителя ни разу не выводил из себя и ни разу не подвергался ни опале, ни даже отставке. По словам другого историка, Абду-л-Керима, в руках кушбеги находилось в царствование Хайдера все управление государством; Хайдер был правителем только по имени.

Увеличение государственных расходов отчасти было связано с образованием в это время в Туркестане двух новых ханств. Хива и Коканд, фактически давно уже бывшие независимыми от Бухары, теперь сделались столицами правителей, принявших ханский титул; уже эмиру Хайдеру пришлось вести войны с обоими ханствами.

В Хиве в XVIII веке, под влиянием „игры в ханы", население почти совершенно перестало подчиняться своим государям, и только отдельным бекам удавалось установить на короткое время сколько-нибудь сильную правительственную власть. Совершенной неудачей кончилась попытка Гаиб-хана, занимавшего престол дольше других (1747—1757), восстановить значение ханской власти. Ему удалось устранить главу узбецкой аристократии, аталыка Хураз-бека (из рода мангытов), в руках которого сначала находилась вся власть; вместе с Хуразом были убиты по приказанию хана 10 человек его родственников и 60 других мангытов; но он потерпел полную неудачу и даже был вынужден оставить пределы своего государства, когда решил собрать с населения, узбеков и таджиков без различия, необходимую ему сумму, которую хивинский историк определяет в 40000 тиллей (около 160,000 рублей). По словам бухарского историка, „население

той области никогда не выполняло безропотно несправедливых денежных требований властей"; в разных городах и селениях от Гурлена до Хазараспа население произвело восстание и перебило сборщиков этой подати. Хан бежал в степь со своим отцом, незадолго перед тем явившимся на помощь своему сыну с отрядом в 6000 человек; военные силы самого хана будто бы доходили до 60,000 человек, но на эту силу он при своем столкновении с народом, очевидно, не мог полагаться. В Хиве был посажен на ханство брат Гаиба Абдулла, носивший также турецкое имя Карабай; мятежники обратились за помощью к бухарскому хану Мухаммед-Рахиму, посредничеству которого согласилась подчиниться и другая сторона; смута на этот раз кончилась воцарением бухарского ставленника Тимур-Гази-хана. При нем главенство над узбецкими родами перешло в 1763 г. к новому инаку Мухаммед-Эмину, из рода кунграт; в 1764 г. хан был убит и заменен другим подставным ханом. Новые смуты и восстание иомудов вынудили Мухаммед-Эмина, несмотря на убийство бухарского ставленника, бежать в Бухару, где аталык Данияль-бий согласился оказать ему помощь; благодаря этому Мухаммед-Эмину удалось в 1770 г. нанести полное поражение иомудам. Это событие хивинский историк считает началом возрождения к новой жизни Хивинского ханства, которое перед этим дошло до крайней степени разорения; даже столица была почти совершенно покинута жителями.

По словам бухарского историка, Мухаммед-Эмин-бий, пока был жив Данияль-бий, постоянно оказывал ему уважение и жил с ним в мире. Мухаммед-Эмина заменил в 1791 г. его сын Иваз-бий, правивший до 1804 г.; его сын и преемник Ильтузар в том же году решил отказаться от обычая возводить на престол подставных ханов и сам принял ханский титул, вопреки совету главного узбецкого вельможи, главы рода уйгуров аталыка Бек-Пулада. Аталык скоро после этого был убит по приказанию хана; его родственники после тщетной попытки восстания бежали в Бухару, где нашли убежище при дворе эмира Хайдера. Борьба между ханами и уйгурами, как главными представителями узбецкой родовой аристократии, продолжалась и в следующее царствование, при Мухаммед-Рахим-хане (1806—1825); им были приглашены 60 знатных человек из этого рода и вероломно перебиты в хивинской цитадели [1]). Сознавая, что по происхождению он ничем не отличается от других узбеков и не имеет наследственных прав на престол, Ильтузар для придания некоторого блеска своему роду решил взять за себя дочь одного из ургенчских сейидов, Ахта-

[1]) Ср. слова Данилевского (Зап. Геогр. Общ. V, 1851, 91) об управлении Ильтузара и Мухаммед-Рахима. Первый „истребил значительнейших по происхождению" главарей кочевников „и многих из их приверженцев"; второй „руководствовался, для утверждения своей власти, тою же кровавою политикою, и довершил начатое Ельтезером, уничтожив хитростью и силою целые отделения узбеков, которые пытались восстановить прежний порядок".

ходжи; ходжа, узнав об ожидавшей его чести, поспешил выдать свою дочь за своего племянника; тем не менее хан насильно перевез ее в свой гарем, отняв у молодого мужа. Вызванное этим поступком проклятие ходжи было, по мнению бухарского историка Абду-л-Керима, причиной последовавшей вскоре после этого, в 1806 г., гибели Ильтузара в войне с бухарцами. Его брат и преемник Мухаммед-Рахим сначала восстановил на престоле подставного хана Абулгази, потом, в конце того же 1806 года, сам принял ханский титул и упрочил свою династию. Уже Ильтузар хотел чеканить монету, на которой предполагал называть себя „наследником хорезмшахов", но не успел этого выполнить; Мухаммед-Рахим-хан первый стал чеканить в Хиве монету со своим именем, даже золотую, хотя с более простой надписью. Им неоднократно предпринимались набеги в сторону Хорасана, большею частью с успехом; война с Бухарой возобновилась только в 1821 г. и окончилась мирным договором в 1825 г., незадолго до смерти хана; в 1822 г. мервские туркмены отложились от бухарского эмира и перешли на сторону Хивы; мирный договор упрочил власть хивинского хана над Туркменией. Война из-за Мерва и Туркмении между Хивой и Бухарой возобновилась только в 1842 г., причем на этот раз туркмены были союзниками бухарцев и даже после заключения мира между Хивой и Бухарой (1845 г.) продолжали отстаивать свою независимость против хивинского хана. Самым крупным эпизодом в этой борьбе была гибель хана Мухаммед-Эмина в битве с серахскими туркменами в 1855 г. Голова убитого хана была послана персидскому шаху; пять лет спустя, после неудачного персидского похода на Мерв, начальник туркмен Коушут-хан прислал в Хиву для хана подарки и пятую часть добычи.

Несмотря на жестокие поступки в войнах с соседями и в расправе с мятежными или опасными для власти хана лицами, хивинские ханы XIX века, в противоположность Хорезму XVI века, с самого начала обнаружили некоторые культурные стремления и в этом отношении, повидимому, превосходили бухарских эмиров. Уже основатель династии Ильтузар, несмотря на кратковременность своего управления, успел положить начало официальной историографии. Молодому (он родился в 1778 г.) грамотею и поэту Шир-Мухаммеду, носившему, как поэт, прозвище Мунис, было поручено составить историю Хорезма. Ко времени смерти Ильтузара (1806 г.) труд был доведен до царствования хана Ширгазы (известного в русской истории по вероломному истреблению отряда Бековича-Черкасского в 1717 г.); хан Мухаммед-Рахим (1806—1825) поручил ему продолжать работу, которая была доведена до 1812 г., но после этого прервана, так как автору было дано другое поручение — перевести на турецкий язык с персидского обширный труд Мирхонда (XV века) по всемирной истории. Мунис при жизни Мухаммед-Рахима успел перевести первый том и приступить ко

второму, продолжал эту работу при Алла-Куле (1825—1842), но умер во время эпидемии в 1829 г., еще до окончания перевода второго тома. В 1255 г. хиджры (1839—1840 нашей эры) племянник Муниса, Мухаммед-Риза, занимавший должность мираба и носивший литературное прозвище Огехи, получил от Алла-Кула поручение продолжать труд Муниса по истории Хорезма, успел до смерти Алла-Кула закончить историю царствования Мухаммед-Рахима и начать историю царствования самого Алла-Кула; ко времени смерти хана его рассказ был доведен до 1827 г. Новый хан Рахим-Кул также благоволил автору и поручил ему продолжать работу; по словам Огехи, Рахим-Кул еще царевичем проявлял любовь к истории. Огехи пережил еще несколько ханов и составил историю каждого из них; уже история Рахим-Кула (1842—1846) имела характер записи современника о совершающихся на его глазах событиях, т. е. была скорее хроникой и дневником, чем историческим трудом в собственном смысле слова, так как была начата еще при жизни этого хана. Тем же Огехи писалась еще история царствования Мухаммед-Рахим-бахадура, начавшегося в 1864 г., и была доведена до 1872 г. Каковы бы ни были недостатки работы Муниса и Огехи, как литературного и исторического труда, этот труд по подробности изложения и количеству фактического материала далеко оставляет за собой все дошедшие до нас труды по истории ханств Бухарского и Кокандского.

Культурные стремления хивинских ханов не ограничивались областью литературы и истории; ими предпринимались обширные оросительные работы, и их историк противополагает их в этом отношении мангытам, которыми была запущена мервская оросительная система. Кроме того ими воздвигались постройки, из которых некоторые, как дворец инака Рахман-Кула в Хазараспе и минарет Мухаммед-Эмина (1846—1855) в Хиве, производили впечатление даже на европейских путешественников [1]). Повидимому, строители этих зданий обладали большим художественным вкусом, чем современные им правители Бухары и Коканда.

История и в особенности хронология Кокандского ханства выяснены до сих пор еще менее, чем история и хронология ханств Бухарского и Хивинского, несмотря на то, что по истории Кокандского ханства имеется на русском языке составленный по первоисточникам

---

[1]) Протоколы Турк. кр. люб. арх., IV (1899) и сл., где строителем назван по ошибке хан Рахим-Кул (1842—1846), XII (1908), 69, где постройка дворца в Хазараспе приписана Рахман-Кул-инаку. Рахман-Кул был братом хана Алла-Кула; Огехи упоминает о его походах на Хорасан в 1825 и 1827 гг. Данилевский (Зап. Геогр. Общ., V, 111) также называет дворец Хазараспа домом инака Рахман-Кула; тем же инаком, по словам Данилевского, было построено в Хазараспе каменное медресе, „украшенное в нескольких местах изразцами". Около Хазараспа, в месте Куланчи, где когда-то останавливался Абдулла-хан, был построен замок, по словам Муниса, еще Ильтузаром. О минарете Мухаммед-Эмина еще Протоколы Турк. кружка, XII, 59.

труд, какого ни для Бухарского, ни для Хивинского ханства до сих пор нет. К сожалению автор этого труда, покойный В. П. Наливкин, не дал нам критического обзора источников и не выяснил причин, почему эти источники заключают в себе столько неясностей и противоречий, в особенности относительно дат вступления на престол и смерти ханов. Не собран и не исследован до сих пор разбросанный по отдельным периодическим изданиям хронологический материал, даты ярлыков и т. п.

Основатель Кокандского ханства Алим-хан, повидимому, наследовал своему отцу Нарбута-бию в 1213 г. х. (1798 — 99 г. нашей эры); Нарбута-бий правил с 1774 г. как бек Ферганы, и в первое время издавал свои ярлыки, подобно своим предшественникам, от имени предполагаемого хана. Год принятия им ханского титула не установлен [1]); не установлен также год его смерти; по некоторым сведениям он правил до 1817 г., тогда как по другим источникам его брат и преемник Омар-хан, дата смерти которого — 1822 г. — может считаться бесспорной, умер на 12-м году своего царствования. Подобно правителям Бухары, правители Коканда называли себя также эмирами; Алим-хан назван не ханом, а эмиром в ярлыке 1225 г. х. (1810 г. нашей эры); Омар-хан принял прозвище „Эмир", как поэт; в исторических сочинениях оба хана также противополагаются иногда „эмирам Бухары", как „эмиры Коканда"; но после смерти Омар-хана правителям Ферганы, повидимому, окончательно был присвоен титул ханов, а не эмиров.

Государственные задачи нового ханства вполне определились уже при Алим-хане, которому удалось не только вновь объединить под своею властью Фергану, распавшуюся после смерти Нарбуты, но подчинить себе также Ташкент и Чимкент. При Омар-хане кокандское правительство распространило свою власть вниз по течению Сыр-Дарьи до Туркестана и дальше; кроме того кокандцы успешно старались подчинить себе степняков восточной части Сыр-Дарьинской области и отчасти Семиречья. По Сыр-Дарье и вдоль северного склона Александровского хребта строились кокандские укрепления; рядом с ними селились земледельцы и торговцы; впервые после событий XIV века восстанавливалась сельская и отчасти городская жизнь.

В Семиречье кокандские отряды действовали даже по ту сторону гор, в Илийской долине; конец этим притязаниям был положен победой русских при Узун-Агаче (1860). На Сыр-Дарье [2]) притязания кокандцев на киргизские степи даже привели к столкновению с рус-

---

[1]) На печати 1216 г. х., помещенной Шефером на заглавном листе изданного им сочинения Абду-л-Керима бухарского, Алим называет ханом не только себя, но и своего отца Нарбуту.

[2]) Ниже Ак-мечети было еще кокандское укрепление Кош-курган; далее река текла „на протяжении слишком 300 верст в пределах русских владений" (Макшеев, в Зап. Геогр. Общ., V, 54).

скими и еще раньше с хивинцами, считавшими Сыр-Дарью в нижней части ее течения границей своего государства. Все киргизы, подчиненные кокандскому хану, находились в зависимости от ташкентского наместника, управлявшего обширным краем и носившего титул „беклярбека“ (бека беков).

Столкновения с бухарцами происходили из-за Уратюбе и Джизака; кроме того кокандские ханы со времени Алим-хана старались подчинить себе области, вошедшие в восточную часть Бухарского ханства—Каратегин и Дарваз. Наконец, кокандцы оказывали поддержку кашгарским мусульманам, восставшим против Китая, и старались распространять свое господство в эту сторону; одно время китайское правительство даже признало за кокандским ханом право собирать в свою пользу подать с населения Кашгарии. Для своих походов Алим-хан нуждался в средствах и облагал население тяжелыми поборами; в то же время он старался заменить узбецкую военную аристократию постоянным войском, главным образом из горцев Каратегина. От народа хан получил прозвание „залим“ (тиран), подобранное под рифму его имени; кроме узбецкой аристократии, он вел борьбу с духовенством, особенно с дервишами, которых старался насильно обратить к полезному труду. Отношение духовенства к хану наглядно выразилось в рассказе историка, будто хан приготовил материал для постройки в Коканде мечети и медресе, но отказался от своего намерения под влиянием доводов ишана Мухаммед-Я'куб-ахунда, что богоугодных учреждений нельзя воздвигать на неправедно собранные средства; собранный кирпич был употреблен ханом на постройку новой урды. Соборная мечеть была построена братом и преемником Алима, Омар-ханом, считавшимся, в противоположность своему предшественнику, благочестивым государем; самый переход власти к Омар-хану был вызван узбецкими главарями, восставшими против хана в Ташкенте во время его похода на киргизов; Алим-хан был покинут почти всеми своими подданными, настигнут мятежниками на пути в Коканд и убит.

Если политические задачи нового ханства определились уже при его основателе, то начало культурной работе было положено при его преемнике. Как при Омар-хане, так и при его преемниках, даже при таком правителе, как развратный сын Омара Мухаммед-Али или Мадали (1822—1842), возвигались постройки и производились оросительные работы. С именем Мадали-хана связано сооружение большого медресе в Коканде и проведение канала Хан-арык, исток которого находится в местности к югу от Ташкента, выше селения Тойтюбе. Помимо построек и оросительных работ, при Омар-хане было положено начало обширным литературным трудам; был составлен сборник стихотворений 75-ти кокандских поэтов того времени; в действительности в сборник вошли образцы произведений более значительного числа писателей (101), к которым принадлежал и сам хан.

В Кокандѣ не было, как в Хиве, официальной историографии, но составлено было несколько независимых один от другого обширных сводов сведений не только по местной истории, но и по истории всего мусульманского мира. Несмотря на борьбу с внешними врагами и на обострение внутренних смут, вызванное борьбой между сартским населением и узбецким родом кипчаков, даже в несчастное царствование Худояр-хана (1845—1858, 1862—1863 и 1865—1875) продолжалась культурная работа во всех трех направлениях — в смыслѣ строительной деятельности, оросительных работ и создания обширных исторических трудов. Сведения о последних собраны в нѣсколькихъ специальных работах; из построек Худояр-хана особенно известен его дворец (урда) в Коканде, облицованный разноцветными изразцами, хотя последние производят на людей с художественным вкусом впечатление карикатуры на постройки эпохи Тимура и Тимуридов. При Худояр-хане был прорыт один из магистральных каналов Ферганы, Улугнар; работы были начаты в 1868 г. и продолжались три года, хотя каждый год велись только в продолженіе двух месяцев; в них принимало участие 4000 человек [1]). Вообще Фергана в экономической и умственной жизни Туркестана заняла при кокандских ханах выдающееся место, какого никогда не занимала прежде и которое вполне сумела сохранить при русском владычествѣ. При ханах натуральное хозяйство преобладало над денежным и ханы получали натурой (хлебом и рисом) большую часть своего дохода, чем деньгами; денежные подати были определены в тиллях (золотых монетах); под названием „танапной“ подати взималась подать с домов, при чем, как в XII веке при владычестве кара-китаев, в Ташкенте каждый дом был обложен одной золотой монетой (тиллей), хотя величина подати была определена по какой-то старой переписи, когда число домов было всего три тысячи, и продолжала взиматься в том же количестве (3000 тиллей), когда число домов увеличилось до 20000. При русских развитие хлопководства и шелководства создало приток в Фергану большого количества денег; цены повысились еще больше, чем в других местностях Туркестана, чем был вызван некоторый хозяйственный кризис и, вероятно, некоторое недовольство масс населения, по старой привычке видевшего главный признак благосостояния края, наравне со „спокойствием“ (тинчлик) в „дешевизне“ (арзанлык) съестных припасов. В общем, однако, экономический подъем и общие экономические интересы создали в Фергане более благоприятную почву для сближения туземного населения с русским, на почве общей культурной работы, чем, например, в отсталом Самарканде, вся жизнь которого была в прошлом. В самой Фергане сохранили значение те же города, как и при ханах;

1) А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, Спб. 1882, прилож., стр. XXI. По словам Н. П. Остроумова (З. В. О. Арх. Общ., II, 194), работы остались недоконченными.

бывшая столица ханов, Коканд, по числу жителей (около 113000) занимала второе место среди городов Туркестана, тогда как созданный русскими город Скобелев (прежде Новый Маргелан, теперь Фергана), местопребывание ферганского губернатора, имел всего 12000 жителей.

Старым традициям, повидимому, был обязан и бухарский эмир тем значением, которое признавалось за ним при русском господстве. Несмотря на то, что Бухарское ханство по обширности уступало Кокандскому, эмир был единственным из трех главных туркестанских властителей, который стремился к установлению своего господства на всем пространстве Туркестана. Ожесточенная борьба между престолом и аристократией началась в Бухаре позже, чем в Хиве и Коканде; только эмир Насрулла (1827—1860) сознательно старался сломить господство узбецких родов. При нем лишился власти, потом и жизни полновластный министр его отца, кушбеги Хаким; вместо министра из знатных узбеков вторым лицом после эмира, с более скромным титулом „заместитель“ (наиб), сделался перс Абду-с-Самит (вероятно Абду-с-Самад), уроженец Тебриза; другим помощником эмира в деле „искоренения бухарского феодализма“ (выражение Ханыкова) был туркмен Рахман-бирди. После усмирения внутренних врагов эмир стал стремиться к внешним завоеваниям; в 1842 г. ему удалось завоевать Коканд; развратный Мадали-хан и его сын были убиты, после чего эмир начал менее удачно войну с Хивой, закончившуюся миром в 1845 г. Коканд также не удалось удержать под своею властью ни Насрулле, ни его преемнику Музаффару (1860—1885). Музаффар в 1863 г. прошел через всю Фергану до границ Кашгарии, но не мог вполне победить кипчаков и очистил область, причем, согласно желанию кипчаков, увел Худояр-хана с собой в Бухару. В 1865 г. он вторично занял Коканд, но снова убедился, что ему не удержаться там, восстановил на престоле Худояр-хана и вернулся в Бухару, причем выселил из Коканда главных представителей духовенства и увез все пушки и все оружие. Бухарские эмиры предъявляли также притязания на северную часть кокандских владений; еще в 1845 г. наместники Ташкента и Туркестана, отложившиеся от Коканда и признавшие над собой власть эмира Насруллы, произвели удачное нападение на хивинскую крепость Ходжа-Нияз. В 1865 г. Музаффар послал хакимом в Ташкент Искандер-бека, который был начальником города во время взятия его Черняевым и после падения города бежал в Бухару, где был убит по приказанию эмира.

Подчинение ханства России получило выражение в менее тяжелой и унизительной форме, чем подчинение других ханств; с Бухарой был заключен только договор о дружбе (в 1873 г.), тогда как Кокандское ханство было совершенно уничтожено, а хивинский хан был вынужден признать себя „покорным слугой императора всероссийского“. За бухарским эмиром впоследствии был признан титул „высочества“, тогда как хивинский хан сначала получил титул „свет-

лости" (оба титула заменили первоначально употреблявшийся русскими в сношениях со среднеазиатскими владениями титул „высокостепенство"); впоследствии титул „высочества" был распространен и на хивинского хана. Бухарский эмир сносился непосредственно с туркестанским генерал-губернатором, впоследствии и с Петербургом, тогда как сношения с хивинским ханом велись через посредство начальника Аму-Дарьинского отдела. На особое положение бухарского эмира, кроме исторических традиций, оказали влияние также события истории завоевания. Эмир несколько раз был разбит и лишился значительной части своей территории, но в его столицу русские войска не входили. Территориальные потери были возмещены присоединением Гиссарского края и других областей, составляющих теперь восточную часть ханства, тогда как Хива ничем не возместила потерь 1873 г., когда к России отошла вся восточная часть ханства, от Сыр-Дарьи до Аму-Дарьи; в 80-х годах хивинское правительство хотело воспользоваться успехами русских в Туркмении для восстановления хивинского господства на Мургабе; этому плану, повидимому, сочувствовали в Ташкенте, но по настоянию асхабадских и тифлисских властей и по желанию самих туркмен притязания Хивы были в конце концов отклонены, и вся Туркмения была присоединена к России непосредственно.

Из двух сохранившихся ханств как до русского завоевания, так и при русских в Хиве проявлялось больше культурных стремлений, чем в Бухаре, несмотря на то, что через Бухарское ханство была проведена железная дорога, какой в Хивинском ханстве не было. О местных путях сообщения в Хиве проявлялось больше заботливости; для колесного сообщения условия в Хиве, благодаря большему числу мостов, более благоприятны, чем даже в Фергане, тогда как в восточной части Бухарского ханства совершенно нет колесных повозок, и товары перевозятся исключительно вьючным путем. Что касается литературной деятельности, то в Бухарском ханстве в XIX веке господством шари'ата были почти совершенно заглушены всякие иные литературные начинания; в области исторической литературы выдается только один труд, составленный еще в начале царствования Хайдера. Существовавшие в Бухаре библиотеки, располагавшие определенными вакуфными доходами, подверглись полному разорению еще при Насрулле; библиотека самого эмира оставалась недоступной для русских ученых, и самое существование ее отрицалось; между тем было установлено, что ценные рукописи из нее расхищаются и продаются агентам заграничных публичных библиотек; только при содействии политического агентства удалось вывезти несколько рукописей в Петербург. С другой стороны, к хивинскому придворному книгохранилищу, значительно обогащенному заботами хана Мухаммед-Рахима, получил свободный доступ русский исследователь.

VI.

Оседлый и кочевой быт при русской власти.

В Туркестане, в противоположность Сибири, русская власть имела полную возможность проводить свою политику. В Сибири расширение пределов государства было связано со стихийным движением народных масс; пионерами-землеискателями захватывались новые земли, обыкновенно скудно населенные; только после этого являлись правительственные власти и войска и находили в завоеванном крае фактически уже установившуюся русскую жизнь, с которой приходилось считаться. Едва ли не единственной попыткой такого же движения в сторону Туркестана был набег атамана Нечая с яицкими казаками на старый Ургенч в 1603 г.; попытка окончилась неудачно и не была повторена. Туркестан, с его сравнительно густым населением и сравнительно высокой культурой, не мог быть присоединен к России теми способами, как Сибирь. Занятие Туркестана происходило по распоряжению правительственных властей, и ими же решались судьбы завоеванного края и его населения; непоследовательность и изменчивость правительственной политики объясняется не какими-либо внешними препятствиями при осуществлении начинаний правительства, но колебаниями самого правительства, происходившими от недостаточного знакомства с современной жизнью края и его прошлым.

Преувеличивая власть киргизского хана над своими подданными, русские власти полагали, что принятие русского подданства ханом обеспечивает и покорность народа, и поэтому были склонны поддерживать ханскую власть; первый из таких русских подданных, хан малой орды Абулхайр, смотрел на построенную русскими крепость при устье Ори как на место, где он мог бы найти убежище в случае смут в степи; хан ожидал, что русские утвердят ханское достоинство в его роде на вечные времена. Впоследствии убедились, что принесенная ханами присяга нисколько не обеспечивает ни покорности киргизов и даже безопасности русских караванов, и что сами ханы не придают ей никакого значения. Присяга хана не налагала никаких обязательств на его преемников, и потому ханы одной и той же орды предлагали России свое подданство несколько раз; договоры

о подданстве с русскими не мешали им заключать такие же договоры с Китаем и среднеазиатскими правителями. Ханское достоинство было постепенно уничтожено, но по положению 1822 г. власть оставалась в руках степной аристократии—султанов, потомков Чингизхана; только временным положением 21 октября 1868 г., введенным для областей Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, господство „белой кости" было уничтожено, и были введены обще-народные выборы, без каких-либо привилегий аристократии. Уничтожение привилегий „белой кости" содействовало разложению родового строя; как отмечено в лучшем труде о юридическом быте киргиз [1]), „носители родовой идеи суть богачи и старейшины. Бедные не знают, кроме названий своих прямых предков и своего рода и колена, ничего об отдаленных разветвлениях родства". К той же цели—ослаблению родового начала — стремилось правительство при утверждении первого (временного) положения Туркестанской области в 1867 г.; поэтому при разделении киргизской территории на волости стремились образовывать волости «по возможности смешанные из разных родов». Положение 12 июня 1886 г. пошло в этом направлении еще дальше; кочевые волости теперь получили названия не по родам, а по урочищам зимовок. В русской научной литературе высказывалось сомнение в том, насколько вызывалась необходимостью эта борьба с родовым началом, в пользу которой ссылались на опасность «в политическом отношении соединения большого рода под властью одного родоначальника»; кроме того для упрочения русского господства считалось полезным „исчезновение старых традиций" и даже „старых исторических имен" [2]).

Пишущему эти строки кроме того приходилось слышать довод, что без разложения родового строя был бы невозможен переход киргизов к хлебопашеству и оседлости. Связь между кочевой жизнью и родовым строем, действительно, не подлежит сомнению. К оседлости прежде всего переходят бедняки, не имеющие возможности кочевать — джатаки (букв. „лежащие"; русскому слову оседлый более соответствует употреблявшийся в средние века термин отурак „сидящий"). Возможность кочевать считается признаком богатства. Характерно, что богачей-мироедов, игравших первую роль на волостных выборах, называли „аткамнарами", т.-е. „ездящими на конях"; об одном из таких аткамнаров передаются слова киргиза: „Мама-аке имеет столько скота, что может и кочевать" [3]). С переходом к оседлости и развитием земледельческой

[1]) Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Юридический быт. Ташкент, 1886, стр. 12 и сл. Рецензия Н. И. Веселовского в ЗВО, т. V.

[2]) М. А. Терентьев. Истор. завоев. Ср. Азии. Спб. 1906, III, 343.

[3]) Сбор. матер. для статист. Сыр-Дарьинской обл., т. III (1894), этнограф. материалы Дизаева, стр. 17.

культуры постепенно утрачиваются родовые деления, забываются также прежние, связанные с воинственным бытом кочевника или полукочевника сказания и песни. Туркмены, у которых в момент русского завоевания процветал если не кочевой быт (все туркмены занимались земледелием), то родовой строй и воинственные наклонности, под русским владычеством постепенно утратили воспоминания о прошлом, и вместо прежних набегов главным источником их дохода сделалось насажденное в Закаспийской области при русских хлопководство [1]. В мервском оазисе русский турколог в начале XX века, всего через 20 лет после присоединения оазиса к России, вынес впечатление о полном упадке народной словесности и с досадой заметил своим собеседникам: „Кажется, хлопок выгнал у вас из головы все ваши сказки и песни". О разложении кочевого быта при русских не имеется точных статистических данных; тем не менее существование этого процесса не подлежит сомнению. В 1867 г. кочевое население Туркестана определялось в 84% общего числа; к 1875 г. этот процент понизился до 57, в 1877 г., после присоединения Ферганы, до 47 [2]; накануне революции полагали, что кочевники составляют всего около 30% сельского населения Туркестана [3]. Другой вопрос, насколько разложение кочевого быта и связанного с ним скотоводства соответствовало экономическим и политическим интересам Туркестана и России. Оседлое население Туркестана всегда извлекало выгоду из кочевого хозяйства своих соседей, покупая продукты скотоводства по более дешевым ценам, чем это было бы возможно при иных условиях. Некоторые из представителей русской власти, как Перовский (1833 — 1842 и вторично 1851 — 1857), придавали киргизскому скотоводству большое значение для России и принимали даже насильственные меры против перехода киргиз к земледелию; другие, как Катенин (1857 — 1860), напротив, поощряли хлебопашество, считая переход кочевников к оседлости необходимым условием умиротворения степи, развитие земледелия — необходимым условием перехода к оседлости. Едва-ли киргизское земледелие много способствовало поднятию сельскохозяйственной производительности Туркестана; гораздо более ощутителен был вред от таких фактов, как сокращение стад кочев-

---

[1]) В „Обозрении Закасп. области за 1890 — 96 гг." было отмечено, что хлопководство, не существовавшее до русских, доставляет теперь населению 300.000 руб. ежегодного дохода. С 1902 до 1913 г. число десятин в Закаспийской области, засеянных под хлопок, увеличилось с 10300 до 41500, т.-е. в четыре раза (Азиатская Россия. Спб. 1914, II, 277).

[2]) Костенко. Туркестанский край. Спб. 1880, I, 335. Макшеев в 1868 г., до присоединения Самарканда, определял население Туркестанского генерал-губернаторства круглым счетом в миллион, в том числе около 300 тысяч оседлых и более 700 тысяч кочевников.

[3]) Масальский. Туркестанский край, 352. Статистические данные послереволюционного времени несколько противоречивы; ср., напр., Н. И. Балашев, Несколько страниц из экономической географии Туркестана, 1923.

ников, вздорожание мяса, ухудшение местных конских пород. Сокращению стад способствовали также меры, принимавшиеся для защиты древесных и кустарных зарослей, особенно на берегах рек в так называемых тугаях. Замечено, что „пастьба скота наносит непоправимый вред молодому лесу и в особенности молодым его всходам", указывается на необходимость тщательной охраны не только горных лесов, но также „степных и тугайных лесных зарослей" [1]; в то-же время, однако, убыток от упадка скотоводства значительно превышает доход от государственной эксплуатации тугаев, охраняемых лесными объездчиками [2]. Сверх того переход к оседлости и связанная с ним утрата кочевником своего национального облика способствовали слиянию киргиз и туркмен не с русскими, но с родственными им по крови и по религии сартами и татарами, способствовали вытеснению более чистых турецких наречий и своеобразного уклада национальной жизни искусственным литературным языком, со множеством арабских и персидских слов, и обще-мусульманскою схоластическою образованностью, только затруднявшею насаждение русской и европейской культуры.

---

[1]) Масальский. Туркестанский край, 517.

[2]) На вред, причиняемый скотоводству, даже оседлому, запрещением пастьбы скота в лесных дачах было обращено внимание Н. С. Лыкошиным в газете „Самарканд", 1904 г., № 95. Там-же было указано на невозможность сохранения при таких условиях скотоводческого хозяйства при переходе кочевников к оседлости. Н. С. Лыкошин в другом месте (Справ. кн. Самарк. обл., VIII (1906), 170 и сл.) говорит о необходимости устроить школу в селении Маргум Чапкуллукской волости Ходжентского уезда, чтобы, „пока не проникла сюда и не укрепилась здесь сартовская схоластика, дать возможность симпатичному киргизскому населению Чапкуллукской волости учиться русскому языку".

VII.

Школы.

Туркестан принадлежал в XIX веке, в противоположность средним векам, к самым отсталым странам мусульманского мира; тем не менее Бухара сохраняла свою прежнюю славу центра богословского образования и привлекала к себе студентов не только из туркестанских областей, но и из Поволжья. Кроме того, в связи с общим восстановлением экономического благосостояния при мангытах, была возобновлена, хотя уже не достигла прежнего блеска, прекратившаяся в XVIII веке жизнь самаркандских медресе; наконец кокандскими ханами, в связи с притоком средств в Фергану, были построены некоторые обширные медресе в Коканде и Андижане. Разграничением 1868 г. сообщение между Бухарою и областями, отошедшими под непосредственную власть России, не было затруднено; затруднения встречало только взимание в пользу медресе, находившихся в Туркестанском генерал-губернаторстве, доходов их имуществ, находившихся в пределах Бухарского ханства, и наоборот. В 1869 г. мутеваллию мазара Ходжи-Ахрара в Самарканде не было разрешено собирать доходы с имуществ в пределах Каршинского бекства, после чего и русские власти запретили бухарским учреждениям собирать доходы со своих имуществ, находившихся в русских пределах. Два главных медресе Самарканда, Тилля-Кари и Ширдор (их доходы превышали доходы всех остальных 16 самаркандских медресе, вместе взятых [1]), по особому ходатайству своих мутеваллиев перед бухарским эмиром, получили однако разрешение собирать причитавшиеся им доходы в пределах ханства.

Устроитель Туркестанского края К. П. фон-Кауфман придерживался системы игнорирования мусульманского духовенства и мусульманских учреждений, в том числе и учебных. Попытка главы ислама в центральной России, оренбургского муфтия (жившего, как известно, в Уфе), воспользоваться успехами русского оружия

---

[1]) Список всех 18 медресе в Материалах для статистики Туркестанского края, IV (1876), ч. 2, стр. 116 (И. Вирского); там-же цифра 38000 тенег, как у Вяткина (Справ. кн. Самарк. обл., вып. X (1912), стр. 103). Выше (стр. 114) сказано, что медресе—19.

для подчинения себе туркестанских мусульман потерпела неудачу распоряжением Кауфмана присланные муфтием указные муллы были удалены из Туркестана. Кауфман прекратил также начатые при его предшественниках официальные сношения с местными мусульманскими учреждениями. В прошении, поданном жителями Ташкента оренбургскому генерал-губернатору (Крыжановскому) через переводчика Бекчурина, выражалось желание, чтобы за их главным казием (кази-каляном) были признаны в Туркестане те-же права, какими пользовался в „России“ оренбургский муфтий; Черняев официальным приказом утвердил в должности кази-каляна лицо, занимавшее эту должность при ханах; сохранялась также должность шейху-ль-ислама (ее занимал старший брат кази-каляна); при Кауфмане обе должности были отменены; с тех пор в Туркестане были только отдельные казии, равные между собою (в Ташкенте таковых было четверо, по одному на каждую часть города), без главного казия.

По словам М. А. Терентьева, Кауфман „отклонял все попытки организовать здесь прочные мусульманские учреждения, предоставив существующим уже пробавляться как сами знают, без всякой поддержки со стороны русской власти“.

Тот-же принцип был применен им к учебным заведениям. Ему казалось, что туземная конфессиональная школа исчезнет сама собою [1]), когда взамен ее правительством будут учреждены школы для совместного воспитания русских и туземцев, соответственно духу времени и потребностям государства, без всякого конфессионального характера и без посягательства на религиозные убеждения мусульман.

Кауфманом для разрешения этого вопроса была образована комиссия из трех лиц: делопроизводителя особого отделения канцелярии генерал-губернатора М. И. Бродовского (председатель, по специальности агроном), чиновника особых поручений А. Л. Куна (ориенталист) и ротмистра М. А. Терентьева. Занятия комиссии продолжались до 1873 г., хотя проект устройства учебного дела был составлен ею еще в 1871 г. При учреждении училищ имелось в виду не только приобщить к русской культуре отдельных, наиболее способных туземцев, но широко распространить русскую культуру „в массе инородческого населения“. „В виду существующих коренных различий в нравственной и общественной жизни киргизов и сартов“,

---

[1]) Масальский. Туркестанский край, 338. „Предполагалось организовать ряд учебных заведений для совместного обучения туземцев с русскими и принять меры к устранению влияния мусульманского оседлого фанатизированного населения на кочевников... Мусульманская школа, оставленная, при таких условиях, без всякого покровительства со стороны власти, должна была со временем утратить свое духовное и политическое значение“. Русская власть почти совсем не вмешивалась во внутреннюю жизнь медресе до второй половины 1890-ых гг. (ЖМНПр., ч. 284 (1892), отд. IV, стр. 25).

было признано необходимым открывать в местностях с киргизским населением, т.-е. в степях, учебные заведения иного, более низкого типа, чем в городах и селениях. Проектом предусматривались следующие учебные заведения: 1) мужская гимназия в Ташкенте, на общих основаниях, куда могли-бы поступать и дети инородцев; впоследствии для детей туземцев был обязателен только один из древних языков вместо двух; 2) учительская семинария с трехлетним курсом и с преподаванием туземных языков, с 20 вакансиями для казенных пансионеров; 3) образцовая школа при семинарии, с 50 вакансиями для частных пансионеров, 20 для русских и 30 для туземцев; 4) уездные народные школы с четырехлетним общеобразовательным курсом и ремесленным классом, для совместного обучения русских и туземцев-сартов, но с 20 вакансиями для киргиз, будущих преподавателей степных школ, с преподаванием туземных языков только для инородческих детей; 5) начальные школы грамотности для киргиз, только для обучения чтению и письму на русском и киргизском языках и счислению. Как в уездных школах, так и в школах грамотности предполагалось вести преподавание туземных языков с употреблением русской транскрипции.

Проект в несколько измененном виде был высочайше утвержден 17/29 мая 1875 г. [1]) и осуществлялся постепенно. Отдельные учебные заведения для туземцев были учреждены еще до утверждения проекта, при чем в основу были положены мысли Кауфмана о необходимости преподавания в школах «таких ремесл и мастерств, какие по местным обстоятельствам могут впоследствии обещать верные заработки», и о необходимости привлекать в школы девочек. Еще до учреждения генерал-губернаторства существовали школы для киргиз (русские дети принимались только приходящими, тогда как для воспитанников киргиз был пансион, вакансии которого никогда не заполнялись) в Перовске (с 1863 г.) и в Казалинске (с конца 1865 г., с воскресною школою для девочек); первая русская школа для туземцев после учреждения генерал-губернаторства была открыта в 1870 г. в Самарканде (где А. Л. Кун в то время состоял при начальнике Зеравшанского округа, генерале Абрамове, и изучал положение вакуфного дела); школа была открыта «для удовлетворения желания туземцев округа и г. Самарканда обучать своих детей русскому языку» [2]); в Ташкенте только в 1871 г. была открыта «трехклассная народная школа с ремесленными классами для детей обоего пола»; кроме того в 1875 г. было открыто народное училище в Чимкенте на

[1]) Тем же законом 17 мая 1875 г. все туземные школы были подчинены надзору русских инспекторов народных училищ, но этот надзор не был осуществлен. Самая должность инспектора была введена только при генерал-губернаторе Розенбахе, т.-е. после 1884 г.

[2]) В 1874 г. в училище было 39 мальчиков (девочек не было) при одном учителе.

средства местного священника о. Вознесенского, с отделением для девочек. Все эти школы были приняты в 1876 г. в ведение управления по учебной части при генерал-губернаторе, а в 1878 г., с открытием в Туркестане двуклассных городских училищ на основании высочайше утвержденного положения 31 мая 1872 г., преобразованы в такие училища.

Первые киргизские школы не оправдали возложенных на них надежд; по замечанию Н. П. Остроумова, «из этих школ не вышло ни одного ни обруселого, ни образованного вообще киргиза» [1]). Не оправдалось также мнение комиссии, что сарты более подготовлены к усвоению русской культуры, чем киргизы; по замечанию С. М. Граменицкого [2]), «киргизы в значительно большем количестве поступают в учебные заведения с более продолжительным курсом и более обширною программою, как напр. в городские училища, семинарию и гимназию, чем сарты».. Наконец, по замечанию того же деятеля, оказалась преждевременною «попытка распространения образования в массе туземного населения, которое оказалось совершенно к этому не подготовленным» [3]).

Другой вопрос, объясняется ли неудача только неподготовленностью населения к восприятию европейской культуры или также незнакомством устроителей школы с потребностями края и его жителей. «Неподготовленность» должна бы уменьшаться с каждым годом; между тем число воспитанников туземцев в правительственных школах с годами иногда не увеличивалось, а уменьшалось. В ташкентских гимназиях, мужской и женской, это число достигло высшего предела к 1 января 1883 г. — 20 мальчиков из 286 (7%) и 10 девочек из 333 (3%); к 1 января 1896 г. воспитанников туземцев было всего 10 мальчиков из 327 (3%) и 8 девочек из 377 (2%); по сведениям 1909 г. [4]) воспитанников мусульман было около 2% в мужской гимназии и около 1% в женской. Почти столь же незначителен был прилив воспитанников туземцев в гимназии, учрежденные впоследствии в областях Ферганской и Самаркандской; в Новом Маргелане (Скобелеве, теперь Фергана) в мужской гимназии к 1 января 1905 г. было 6 мусульман из 209 (3%), к 1 января 1912 г. 7 из 229 (также 3%), в женской 1 из 229 (менее $^1/_2$%) и 5 из 365 (менее $1^1/_2$%). Еще в 1879 г. надеялись привлечь детей туземцев в гимназии; по словам Н. П. Остроумова, 1 июня 1879 г. при Ташкентской и Верненской прогимназиях были учреждены особые инородческие квартиры для детей инородцев и русских (русских 10, инородцев 15), обучавшихся и подготовлявшихся к поступлению в прогимназии. Ташкент-

---

[1]) К. П. фон-Кауфман. Ташкент 1899, стр. 269.
[2]) Сборник матер. для статистики Сыр-Дарьинской обл., V (1896), 9.
[3]) Ibidem, 8.
[4]) А. И. Добросмыслов. Ташкент, стр. 224, 226, 231 и след.

ская инородческая ученическая квартира была потом перенесена в семинарию и скоро после этого уничтожена как отдельное учреждение (по словам Добросмыслова [1]) квартира для детей инородцев существовала при семинарии с 1886 по 1895 г., при чем из них некоторые обучались в гимназии, другие в семинарии; после закрытия квартиры они были переведены на казенные стипендии); за первые 25 лет существования семинарии (1879—1904) в ней обучались 415 человек, из них 54 киргиза (13%) и 13 человек (3%) из других туземцев (сартов, татар и туркмен). Из 415 окончили курс 254; какой процент этого числа приходится на туземцев, в доступных мне источниках не указывается. Наиболее резко увеличилось число учеников семинарий в 1880 г. (19, из них 2 туземца к 1 января 1880, 39, из них 7 туземцев к 1 января 1881 г.), наиболее резко уменьшилось в 1886 г. (61, из них 9 туземцев к 1 января 1886, 31, из них 5 туземцев к 1 января 1887 г.). Во всяком случае семинария по незначительному числу своих воспитанников вообще и туземцев в частности [2]) не могла выполнять задачу, упомянутую в речи, произнесенной при ее открытии А. Л. Куном: «путем распространения русского просвещения между инородческим населением содействовать сближению их (sic) с русским народом».

Много надежд возлагалось в этом отношении на городские училища. Н. П. Остроумов отмечал уже в 1879 г. [3]), как отрадный факт, признаки доверия туземцев к русской школе, поступление детей туземцев в школы пансионерами и посещение школ приходящими учениками, в том числе взрослыми, «которые самою жизнью доведены были до сознания в необходимости изучения русской грамоты и русского языка». В Чимкентском женском училище учились даже «две девочки-сартянки». От совместного обучения туземцев и русских ожидались благодетельные результаты для тех и других: «туземцы скорее сближаются через это с русскими своими товарищами и осваиваются с разговорным русским языком; русские ученики школ также сближаются с туземцами и привыкают смотреть на них без предубеждения; те и другие забывают племенную рознь и перестают недоверять друг другу».

---

[1]) Ташкент, 230.

[2]) Ср. интересное сообщение Н. П. Остроумова (Кауфманский Сборник, Москва 1910, 142), что в начале в семинарии было введено преподавание киргизского языка с применением русского алфавита, для чего была составлена в 1883 г. преподавателем Я. Я. Лютшем хрестоматия (ср. отрицательный отзыв о его транскрипции в «Краткой грамматике казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского, Спб. 1894, ч. I, стр. 5); в том же году было введено преподавание сартовского языка, в 1885 г. — персидского; преподавание киргизского языка было прекращено, хотя в семинарию поступали одни киргизы, которых и обучали «мусульманской письменности на сартовском и персидском языках», содействуя таким образом упрочению среди киргиз влияния мусульманской книжной культуры.

[3]) К. П. фон-Кауфман, 109 и след.

Существенным различием между прежнею и новою школою было отношение к преподаванию туземной грамотности и мусульманского вероучения. По замечанию Н. П. Остроумова, «мусульманской грамоты и мусульманского закона божия пансионеры не изучали, согласно примечания к § 13 выс. утв. 31 мая 1872 г. положения о городских училищах». Преподавание велось на русском языке, и к туземным наречиям учителя прибегали только тогда, «когда объясняли туземцам непонятные для них выражения». Религиозное обучение было, однако, отменено только для мусульман; вообще оно признавалось необходимою частью общего образования, и православные дети обучались закону божьему; прежде религиозное обучение допускалось и для мусульман; в 1863 г. заведывавший в то время школьным делом чиновник Груздзь выписал для Перовской школы 20 татарских букварей и 10 экземпляров хефтьяка (избранных мест из корана). Кауфман, посетивший Перовск в 1868 г., находил вполне допустимым, чтобы во время преподавания закона божьего православным детям ученикам-мусульманам давались «соответствующие уроки муллами»; им даже было дано соответствующее поручение местному мулле, с назначением ему вознаграждения в размере 100 р. в год. В противоположность этому [1]) в речи А. Л. Куна, произнесенной при открытии учительской семинарии 30 августа 1879 г., признавалось невозможным возлагать на русскую школу преподавание «вероучений, в основании своем несогласных с господствующею религиею в государстве, а тем более таких учений, которые враждебны христианству; родителям предоставляется наставлять своих детей в правилах исповедуемой ими веры своими средствами». Последний принцип находится в совершенном противоречии с традициями мусульманских стран, где обучение религии всегда признавалось делом школы; трудно было ожидать от туземцев, особенно от более религиозных сартов, доверия к русской школе, куда доступ был открыт священнику и закрыт мулле, где дети-туземцы носили одинаковую казенную одежду с детьми русскими. В Ташкенте школы привлекали к себе большее число детей-туземцев в первые годы, чем впоследствии; максимальное число было достигнуто

[1]) Отношение Кауфмана к мусульманской и антимусульманской пропаганде вообще не отличалось последовательностью. Несмотря на его отрицательное отношение к «степному миссионерству» татар (Остроумов. К. П. Кауфман, стр. 12), он отменил меры, принимавшиеся против этого явления, и оно при нем сделало успехи (Терентьев. III, 271). Не допуская христианского миссионерства в Туркестане (Остроумов. Кауфман, стр. 43 и след.), он в 1876 г. обратился к министру гр. Толстому с просьбою командировать в Туркестан для устройства учительской семинарии такого поборника православия, как Н. И. Ильминский, после чего воспитанники Казанской духовной академии приняли некоторое участие в деле устройства в Туркестане народного образования (Остроумов. К. П. фон-Кауфман, стр. 7; Добросмыслов. Города Сыр-Дарьинской обл., Ташкент, 1912, стр. 92 и след.).

к 1 января 1886 г.: 215 из 628, т.-е. 34%; к 1 января 1896 г. детей-туземцев в городских училищах было всего 138 из 878, т.-е. 15,7%. Из училищ уездных городов Сыр-Дарьинской области менее всего привлекало к себе туземцев училище в Перовске, где в 1911 г. из 117 воспитанников было всего 6 киргиз и 1 татарин, хотя интернат при училище был рассчитан на 40 человек, причем две трети вакансий должны были предоставляться киргизам. Больше всего учеников-туземцев было в 1910 г. в Туркестанском городском училище: 28 (23 киргиза, 4 сарта и 1 татарин) из 82 (34%). Число русского населения в гор. Туркестане было совершенно ничтожно по сравнению с туземным; по переписи 1897 г. на 11253 жителя приходилось всего 312 русских (2,8%).

От принципа, что мусульманское вероучение не может быть предметом преподавания в государственной школе, правительственная власть впоследствии сама отказалась, когда было приступлено к открытию русско-туземных школ. Инициатива открытия таких школ относится еще ко времени Кауфмана и приписывается ташкентскому купцу Сеид-Азиму, торговавшему с русскими еще при ханах, выкупившему в 1859 г. русского пленного из Ташкента, в 1866 г. построившему, как сказано в высочайшей грамоте, «великолепную мечеть» по случаю избавления Александра II от сделанного на него 4 апреля покушения и в 1867 г. возведенному упомянутою высочайшею грамотою в звание потомственного почетного гражданина [1]). Мысль Сеид-Азим-бая (внушенная ему, как полагает Н. П. Остроумов [2]), одним из местных чиновников) имела однако мало общего с осуществленным впоследствии проектом; ташкентский купец предлагал преобразовать одно из ташкентских медресе (Ишанкульское [3]) введением в него преподавания русской грамоты, русских законов, арифметики и ремесл, но сохранив преподавание шари'ата; русскую грамоту предполагалось приспособить к туземному языку; преподавание русского языка и литературы повидимому не имелось в виду. Несмотря на то, что этот план входил в разрез с принципом, что не следует реформированием устарелой туземной школы придавать ей новую жизнь, мысль Сеид-Азим-бая была встречена местными властями сочувственно [4]); была составлена комис-

[1]) По Скайлеру (Turkistan. Lond, 1876, I, 100) Сеид-Азим-бай был вторым ташкентцем, получившим это звание; первым был Алим-хаджи Юнусов, татарин из Пензы, переселившийся в Ташкент задолго до прихода русских.

[2]) Сарты, 3-е изд. (1908), 100.

[3]) Ишан-кули-дадха, сын Бекляр-беги, построил медресе около 1840 г. близ Шейхантаурского кладбища; ср. Остроумов, Мадрасы в Туркестанском крае, 1907, 9. Медресе Ишан-кула есть также в городе Туркестане; ср. Добросмыслов, Города Сыр-Дарьинской обл., 134, где этот Ишан-кул назван «датхой» и отнесен ко времени «около 100 лет тому назад» (т.-е. к началу XIX века).

[4]) Также сочувственно был встречен и также не получил осуществления проект, возникший при Черняеве (1882 — 1884); для рассмотрения его была избрана комис-

сия, которою были выработаны подробности и составлена смета; между прочим предполагалось «составить хрестоматию из самых легких рассказов на местном наречии, но в русской транскрипции»; местная администрация входила в сношения с попечителем С.-Петербургского учебного округа по вопросу о привлечении в проектированную школу преподавателей из студентов факультета восточных языков. Едва ли причиною, по которой проект не получил осуществления, было только «полное отсутствие преподавателей», как сказано в книге А. И. Добросмыслова о Ташкенте.

Фактическое открытие русско-туземных училищ началось при генерал-губернаторе Розенбахе (1884—1889); в противоположность прежнему мнению, теперь «для успеха русско-мусульманской школы» признавалось «необходимым, чтобы в ней преподавался туземцам закон их веры их же муллой» [1]). Созванная Розенбахом в 1884 г. «секретная» комиссия по-прежнему высказывалась за введение общеобразовательных предметов в курс медресе; потом этот проект, по желанию генерал-губернатора, был заменен проектом создания русско-туземных школ [2]). Предполагалось открывать школы преимущественно в таких местностях, где население меньше всего имело возможность знакомиться с русским языком: в деревнях и в отдаленных городских кварталах; степные школы даже должны были иметь «возможность без затруднений следовать за передвижением аулов в их периодических перекочевках». Этот расчет не оправдался, и уже с 1888 г. началось перенесение школ из деревень «в города, в которых туземное население живет в непосредственном соприкосновении с русским“ [3]).

Внешняя обстановка школы должна была соответствовать «примитивному складу домашней жизни инородцев». Едва ли это было необходимо; открытая в 1873 г. в русской части города татарская школа (с 1895 г. преподавание было преобразовано по новому методу) едва ли потерпела ущерб от того, что в ней обстановка «принимала постепенно европейский вид» [4]). На уроках главное внимание должно было быть обращено на практическое усвоение учениками русского

сия «главным образом из туземцев». В проектированном медресе предполагалось учить русскому языку, истории, географии и др. предметам; расходы предполагалось покрыть из вакуфа Назар-бия, отобранного у медресе Бекляр-беги и переданного в распоряжение Туркестанского Благотворительного Общества (ЖМНПр., ч. 284 (1892), отд. IV, стр. 36). О медресе Бекляр-беги, основанном около 1835 г., ср. Остроумов, Мадрасы в Туркестанском крае, 8.

[1]) Циркуляр Розенбаха от 30 сентября 1886 г.; Остроумов, Сарты, 3-е изд., стр. 178.

[2]) В. Наливкин, Туземцы раньше и теперь, Ташкент 1913, 102 и след.

[3]) Сборник Сыр-Дарьинской обл., V, 8.

[4]) Добросмыслов, Ташкент, 203. В школе в 1910 г. было 100 учеников, тогда как в русско-татарской школе (открытой в 1902 г.) было всего 60.

языка; кроме того предполагалось знакомить их только с основными началами русской грамоты и арифметики.

Открытие первой русско-туземной школы, или, как ее называли тогда, приходского училища для детей туземцев, состоялось 19 декабря 1884 г.[1]) в доме Сеид-Гани, сына Сеид-Азима (Сеид-Гани вместе со своим братом был обучен русскому языку учителем, приглашенным его отцом). Несмотря на то, что школа была открыта в доме богатого сарта, отчасти усвоившего европейский образ жизни, в ней нарочно не поставили никакой классной мебели, чтобы не смущать туземцев непривычной обстановкой; дети (39 мальчиков) „сидели на разостланных коврах и ватных одеялах с книгами в руках». Преподавателем школы был назначен едва ли не лучший знаток языка и быта сартов из русских, В. П. Наливкин, проживший несколько лет с женой и детьми в кышлаке Нанай (Ферганской области, Наманганского уезда), при чем внешняя обстановка их жизни была «вполне сартовская»; благодаря этому Наливкиными (мужем и женой) была написана превосходная книга о быте сартов, изданная в Казани в 1886 г. и содержащая гораздо более разнообразные сведения, чем можно было бы ожидать по ее скромному заглавию: «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы». Как было отмечено рецензентом, вообще очень строгим к трудам туркестанских деятелей, покойным проф. Н. И. Веселовским, книга знакомила читателя «в главных чертах» с бытом «не только женщины, но и всего оседлого мусульманского населения Ферганы, а вместе с тем и всей Средней Азии» [2]).

Педагогическая деятельность В. П. Наливкина (в русско-туземной школе и семинарии) продолжалась только до 1890 г., когда он был назначен инспектором народных училищ, причем ему было поручено «наблюдение за туземными школами Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей и изучение постановки учебного дела в этих школах». В 80-х годах им было издано несколько хороших учебных руководств (в 1898 г. к ним присоединилось «Руководство

---

[1]) Совершенно неверно замечание Н. А. Бобровникова (Русско-туз. училища, мектебы и медресы Ср. Азии, СПБ. 1913, из. Журн. Мин. Нар. Просв.), стр. 10 что „за время до 1884 г. русско-туземных училищ было открыто весьма немного, кажется, не более 10". Их не было ни одного. Саттар-хан Абдулгафаров в своей автобиографии (Остроумов, Сарты, 3-е изд., 140) упоминает об открытой в 1874 г. русской школы в Чимкенте, где учителем русского языка был киргиз Хасанов, учителем мусульманской грамоты Саттар-хан, и называет ее „первой русско-туземной школой в крае". Н. П. Остроумов (ibid., 173) говорит об этой школе, что она „не оставила после себя заметного следа", и называет школу, открытую в Ташкенте в декабре 1884 г., „первой организованной русско-туземной школой". Добросмыслов в рассказе о чимкентских учебных заведениях (Города С.-Д. обл., 195) не упоминает о школе 1874 г. и говорит об открытии первого русско-туземного училища в Чимкенте в 1887 г., второго в 1910 году.

[2]) Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Общ., I, 319.

к практическому изучению сартовского языка», в 1900 г. несколько менее удовлетворительное «Руководство к практическому изучению персидского языка»). Его дальнейшая жизнь, до его трагической смерти вскоре после революции, представляет обычную в истории русской интеллигенции картину неумения общества использовать исключительные знания и дарования своего члена и неумения самого деятеля найти свой настоящий путь. Наливкин покинул службу по учебному ведомству вскоре после того, как главный инспектор училищ Ф. М. Керенский [1]) напечатал под своим именем статью, составленную по отчетам Наливкина, впоследствии служил по администрации и закончил свою служебную карьеру в должности помощника губернатора Ферганской области, присоединился к социалистической партии и был депутатом от русского населения Туркестана в первой государственной думе; в думе вместо того, чтобы воспользоваться своим исключительным знанием Туркестана на благо этого края, произнес ничем не оправдываемую оскорбительную речь против русских судебных деятелей; вновь был выдвинут событиями 1917 года и тяжкими переживаниями был доведен до самоубийства. Еще в 1898 г. автор, превосходно подготовленный для дальнейшего непосредственного изучения различных сторон местной жизни, тратил свое время на разработку такой неблагодарной книжной темы, как «Ислам и закон Моисея», и приходил к более чем спорному выводу, что «насущнейшей необходимостью» для «вполне ясного понимания сущности разнородных явлений жизни мусульманского населения Средней Азии» является знакомство с талмудом. Еще более печальную картину представляет судьба другого даровитого автодидакта А. Н. Вышнегорского, собравшего материал для лучшей до сих пор книги о местном обычном праве. Воспитанник историко-филологического института в Петербурге, преподаватель Туркестанской учительской семинарии, совершивший перед тем путешествие в Индию и Австралию, А. Н. Вышнегорский изучил языки—сартовский, киргизский и персидский; в 1886 г. губернатор Сыр-Дарьинской области Н. И. Гродеков (впоследствии генерал-губернатор) поручил ему собрать сведения о киргизском обычном праве по программе, составленной Наливкиным. Вышнегорский провел в степи 7 месяцев и собрал материал, который и составляет почти исключительное содержание книги Н. И. Гродекова: «Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области» (Ташкент, 1889). Проф. Веселовский справедливо назвал «весьма отрадным» самый факт «появления в Ташкенте такой книги, как эта» [2]). Книга дает богатый материал по юридическому быту туземцев, собранный непосредственно из уст самого народа, с приведением подлинных выражений; разумеется, не все вопросы,

[1]) Отец выдвинутого событиями 1917 года политического деятеля.

[2]) З. В. О. Арх. Общ., V, 122.

относящиеся к киргизскому обычному праву, могли быть выяснены до конца в этом первом опыте, но, по справедливому замечанию Н. И. Веселовского, можно было только «удивляться, что в такой незначительный срок сделано г. Вышнегорским так поразительно много». Оставалось только надеяться, что сам исследователь и другие лица воспользуются этим опытом для дальнейших работ в том же направлении; но этого не случилось; Вышнегорский не продолжал своих работ и не имел преемников. Я видел его через четыре года после выхода в свет книги; он жил тогда в туземном городе, ничем не отличался по образу жизни от туземцев (семьи у него не было), был восторженным поклонником мусульманской культуры, особенно суфизма, ни с кем из русских не хотел делиться своими знаниями и резко осуждал себя за то, что для выполнения поручения Гродекова ему пришлось быть своего рода шпионом (джасус) среди доверчивых кочевников. Мне говорили, что он через несколько лет перешел из одной крайности в другую, стал ненавидеть сартов так же, как прежде увлекался ими, и прекратил с ними всякое общение. Ни к какому делу он по своему характеру не мог приспособиться и умер едва ли не в нищете.

Высочайшее соизволение на открытие «русско-туземных школ грамотности» последовало только 20 июня 1886 г. [1]) через 1½ года после фактического открытия первой школы; за это время, в 1885 г. были открыты еще три «приходских русско-туземных училища», все три в Сыр-Дарьинской области. В 1886 г., после высочайшего разрешения, было открыто сразу 14 школ. Как впоследствии признавалось и русскими, многие из школ первоначально пополнялись наемными детьми бедняков; для найма «подставных детей бедняков взамен действительных сыновей влиятельных сартов» даже существовал особый негласный денежный сбор, под названием «школ пули» [2]). Уже через несколько лет это явление, по словам изданного в конце 1891 г. циркуляра генерал-губернатора бар. Вревского, отошло «в область предания» [3]); тем не менее результаты деятельности русско-туземных школ, число которых к 1 января 1911 г. доходило до 89, находили неудовлетворительными; один из русских деятелей, М. М. Вирский, может быть с некоторым преувеличением говорит, что «ни одна из русско-туземных и чисто русских школ в (Самаркандской) области не выпустила из своих стен ни одного туземца

[1]) Высочайше утвержденное мнение Госуд. Совета; здесь говорится об открытии „в Ферганской области и других местностях Туркестанского края 18 русских начальных школ для детей туземцев".

[2]) Остроумов. Сарты, 3-е изд., 180 и сл. По словам Наливкина (Туземцы, 109), это было выяснено еще в 1887 г. ревизией школ Ташкентского уезда, но генерал-губернатором (Розенбахом) дело было замято.

[3]) Однако еще в 1898 г. оно повторилось при открытии русских школ в Верненском уезде для детей таранчинцев (Остроумов. Кауфман, стр. 215).

умеющего правильно читать, не говоря—писать по-русски“ [1]. М. М. Вирский объясняет этот факт исключительно недостатками самой школы; винить учеников, по его мнению, нельзя, так как школы «до нельзя переполнены учащимися туземцами». С другой стороны, в «Статистическом обзоре Ферганской области за 1910» (стр. 181 и сл.) главной причиной «непопулярности и недостаточной успешности русско-туземных школ» признаются «фанатизм и косность мусульманского населения [2]); к тому же туземцы, будучи по натуре своей глубокими материалистами, смотрят и на обучение детей исключительно с практической стороны; но не видя непосредственных выгод от обучения детей в русско-туземных школах, они, в то же время, учитывают отсутствие работника в семье, ибо курс обучения довольно продолжителен:—4 года; поэтому, в большинстве случаев, дети покидают школу, едва научившись немного читать, писать и говорить по-русски». В «Обзоре», однако, признается, что «состав учителей далеко не во всех школах стоял на должной высоте»; там же сказано, что на недостатки школы теперь «обращено особое внимание учебным ведомством, и число учеников, оканчивающих курс, заметно увеличилось». Таким же образом в издании переселенческого управления «Азиатская Россия» (I, 257) о русско-туземных школах говорится, что «постановка учебного дела в этих училищах оставляет желать весьма многого, и в настоящее время на очередь поставлен вопрос о их полной реорганизации». Последующие события не дали правительству возможности приступить к этому делу.

Помимо недостаточного уровня образования и развития преподавателей, выходивших, главным образом, из воспитанников туркестанской учительской семинарии, успехи русской школы и вообще русской культуры затруднялись опасением, как бы не сообщить туземцам слишком много сведений на их языке и не содействовать этим упрочению местной литературы и местных культурных особенностей, в ущерб обрусению. В русско-туземных училищах во второе десятилетие их существования твердо проводился принцип, по которому занятия в русском классе должны были вестись исключительно на русском языке и только при помощи русского языка детьми должны приобретаться «необходимые знания и развитие»; в туземном классе не должно было быть никаких других занятий, кроме обучения «туземной грамоте и основам мусульманского вероучения под руководством туземного муллы». В 1905 году самими туземцами был поднят вопрос об открытии в туземной части Ташкента училища, где могли бы продолжать учение окончившие курс русско-туземной школы; результатом этого ходатайства было откры-

[1]) Справочная книжка Самарк. обл., VIII (1906), 344.

[2]) Ср. также статью Е. Т. Смирнова в Сборн. матер. по мусульм., I, Спб. 1899, 70, где сказано, что „главным образом, ишанам мы обязаны малым успехом русско-туземных школ, открытых с такими широкими надеждами“.

тие в том же году в Ташкенте первого [1]) двухклассного русско-туземного училища. Курс второго класса (двухлетний) включал в себе арифметику, историю, географию и естествоведение, но все это на русском языке; в туземном классе предполагалось в это время только «продолжать изучение туземной грамоты и основ мусульманского вероучения». Самими учителями-туземцами вводились некоторые реформы в деле преподавания; Сеид-Расуль Сеид-Азизов составил букварь для обучения грамоте по звуковому методу (Устади-авваль, букв. «Первый учитель»); продолжением этого букваря была хрестоматия, составленная другим учителем, Алий-Аскаром Калининым, воспитанником учительской семинарии, со статьями «по естествоведению, по географии России, о Туркестанском Крае, о населении России и столицах», даже «по истории Русского государства».

По мнению комиссии, созванной в Петербурге в 1905 г. министром народного просвещения Глазовым и находившейся под некоторым влиянием системы Ильминского, в школе следовало отвести более значительное место природному языку детей; против этого мнения выступил в конце того же года директор народных училищ Сыр-Дарьинской области С. М. Граменицкий, утверждавший, что «местные туземные наречия» по своим «особенностям» не могут быть положены в основание «системы образования», замена этих наречий татарским языком противоречила бы «интересам общегосударственным», следовательно, языком преподавания может быть только русский; в таком духе уже налажено дело, и всякая «ломка», хотя бы в духе предположений комиссии, принесла бы только вред [2]).

В том же 1905 г. тот же С. М. Граменицкий, однако, признавал, что число воспитанников русско-туземных школ все еще ничтожно по сравнению с массой населения, что, поэтому, их влияние, в смысле распространения „обще-человеческой культуры“ незначительно, что необходимо пользоваться для этой цели, если не в школе, то в печати, туземными языками, издавать на этих языках „полезные книги и брошюры“, переводные и оригинальные; если за это дело не возьмутся русские, его выполнит „татарская печать, задачи и стремления которой далеко не соответствуют русским общегосударственным интересам“. Предсказание Граменицкого оправдалось очень скоро отчасти потому, что многие другие русские деятели видели и в развитии туземной литературы, как в развитии туземной школы, только препятствие к будущему „обрусению“. С этой точки зрения многими

[1]) Остававшегося и в 1912 г. единственным; ср. Бобровников, стр. 23 и сл.

[2]) Все это по статье Н. П. Остроумова „Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае“ (ЖМНПр. 1906 г., февр.). Правила, выработанные комиссией Будиловича, были утверждены 31 марта 1906 г., но комиссией, работавшей в Ташкенте в 1907 г., признаны несоответствующими местным условиям (Бобровников, стр. 3 и сл.).

осуждалось, например, издание в 1906 г. Н. С. Лыкошиным учебника по русской истории Соловьева в переводе на сартский язык.

Резко отрицательно относился к татарскому степному миссионерству и к татарской колонизации еще К. П. фон-Кауфман. Подробную характеристику деятельности в степи татар, как пропагандистов ислама и экономических эксплуататоров, дал в 1896 г. И. В. Аничков (в то время помощник мирового судьи в Казалинске); он приходил к выводу, что сарты, конкурренты татар [1]) в миссионерстве и торговле, все-таки вносили в степь „кое-какую культуру", знакомили кочевников с „опытом азиатской земледельческой культуры", тогда как татары, исключительно горожане, занимались только хищничеством, жили только „интересами торговли и мечети"; с этим мнением была связана и несколько односторонняя и пристрастная характеристика культурного прошлого ислама. Сам автор отмечает, что татары „ближе всего стоят к русским по развитию и образу жизни"; его замечание об антикультурной роли в степи ислама, под влиянием которого киргизский «адат уступает постепенно место шариату, замыкающему первым делом женщину и закутывающему ее в чадру", применимо, конечно, только к сартам, но не к татарам. В татарской школе в Казалинске уже тогда происходило обучение по новому звуковому способу, так что татары были конкуррентами русских в деле ознакомления мусульман с европейскими приемами учения, вообще внесения в их среду европейской культуры. Эта конкурренция постепенно усиливалась, но обратила на себя внимание русских только тогда, когда уже приняла значительные размеры. Характерны слова „Статистического обзора Ферганской области за 1908 г.", что в данном обзоре „собраны впервые" сведения о новометодных мектебах, хотя они появились „в Ферганской области лет 10—12 тому назад" [2]), при чем „распространителями их явились почти исключительно татары, прибывшие из внутренних губерний России, которые и состоят в большинстве школ учителями" [3]).

Возникновение в Туркестане татарских новометодных мектебов относится следовательно к тому же десятилетию, когда произошло

---

[1]) Другими конкуррентами татар были евреи; ср. Добросмыслов, Города Сыр-Дарьинской обл., стр. 126 и след.: «татары не могут выдерживать в торговых делах конкурренции с евреями» (о городе Туркестане; евреев в Туркестане считалось 498).

[2]) Н. А. Бобровников (стр. 80) полагал, что новометодные мектебы первоначально были открыты в Средней Азии в 1905 — 06 гг. казалинскими татарами. С. М. Граменицкий относил появление этих мектебов в Туркестанском крае к 1908 г. и писал в 1909 г., что в 1907 г. в Туркестане еще не было ни одного такого мектеба (Турк. Ведомости, 1909, № 11). Н. П. Остроумов тогда же писал, что, как ему известно, новометодные мектебы „существуют в разных местностях края не с прошлого только года" (ibidem, № 15).

[3]) Права татар были ограничены положением 12 июня 1886 г., по которому лицам не-христианских вероисповеданий было запрещено приобретать земельную собственность (ст. 262; ср. текст положения в Туркест. календаре на 1904 г.).

наиболее значительное увеличение числа русско-туземных школ, которых в 1896 г. было 28, в 1906 г. уже 83; к 1911 г. их число увеличилось только до 89 [1]). Татарские мектебы учреждались конечно не в селениях, а в крупных городских центрах, где преимущественно сосредоточивались переселенцы из татар; повидимому в этих центрах татарская школа имела значительно больший успех, чем русская; в Ташкенте в 1910 г. было 8 русско-туземных школ и 16 новометодных мектебов [2]), в Коканде в 1911 г. две русско-туземные школы с 162 учениками и 8 новометодных мектебов с 530 учениками. История постепенного роста татарской школы в Туркестане еще не разработана, статистические данные, например, для Ферганской области настолько противоречивы, что вызывают сомнение в их достоверности. По статистическим обзорам Ферганской области в 1908 г. было 30 новометодных мектебов с 1306 учащимися (из них в Коканде 12 с 607 учащимися), в 1910 г.—всего 12 (из них в Коканде 5 [3]), число учащихся не показано), в 1911 г.—11 с 707 учащимися (из них в Коканде 8 с 530 учащимися). Особенно непонятным представлялось бы быстрое уменьшение и затем снова увеличение числа этих школ в Коканде.

Татарская новометодная школа не осталась без влияния на местное население. В городе Туркестане, как отмечал в 1910 г. А. И. Добросмыслов, из 30 мектебов преподавание правильно велось по новому методу уже с 1900 г. только в одном, где преподавателем был татарин, но два мектеба (очевидно туземных, так как татар в городе всегда было очень мало) постепенно начинали переходить к новому методу. В Казалинске преподавание по новому методу, кроме татарской школы, где оно было введено в 1903 г., происходило также в киргизской, существовавшей тогда „6—7 лет“, т.-е.

---

[1]) То же число указано в статье Н. А. Бобровникова, стр. 24.

[2]) Всего мужских мектебов было 137, так что новометодные мектебы составляли 11,7% общего числа (Добросмыслов, Ташкент, 224).

[3]) По статье члена Государственной Думы Максудова (в „Туркестане“ 15 октября 1910 г.) в Коканде считалось тогда 16 новометодных мектебов, в Ташкенте—20. В статистических обзорах Ферганской области за 1910 и 1911 гг. совершенно не упоминается о закрытии с 1 января 1911 г. кокандских татарских мектебов по распоряжению русской администрации (Бобровников, стр. 77 и след.). По словам Н. А. Бобровникова (стр. 80), „по закрытии этих мектеб новые стали возникать медленно, так как учителя сарты были менее подготовлены и часто, по отзывам местных учителей, только механически копировали учителей—татар, но тем не менее помянутая административная мера не остановила распространения новых методов, а лишь временно задержала; с другой стороны, она вызвала издание учебников на сартовском языке, что должно иметь огромное значение в будущем». В 1911 г. в Туркестане снова были изданы правила, со введением их в действие с 1 июля, по которым учитель в мектебах должен был принадлежать к той же национальности, как ученики („сарт не может обучать киргиз, татарин—сартов“), и при открытии нового мектеба начальству должны были представляться „подробная программа и список учебников“ (ibidem, стр. 61).

основанной около того же 1903 г.; преподавателем в этой школе был киргиз.

Таким образом татарская новометодная школа уже через несколько лет после своего появления стала оказывать влияние на школу туземцев, тогда как в 1892 г. компетентным лицом был засвидетельствован факт, что „27 лет русского владычества прошло бесследно для туземной школы; ее одной не коснулись новые благотворные порядки, в нее одну не проник хотя бы слабый луч света“ [1]). Русских учителей и впоследствии было так мало, что заведывание русско-туземными школами иногда поручалось мусульманам [2]).

На литературу сартов, кроме татар из Поволжья, оказывали влияние также татары из Кавказа (азербайджанцы), появившиеся в большом числе в Туркестане, вместе с другими кавказскими жителями, после открытия в 1888 г. железной дороги до Самарканда, продолженной в 1898 г. до Ташкента и Андижана; после открытия железной дороги из Оренбурга в Ташкент переселенцы из Кавказа и Персии проникли и в северную часть Сыр-Дарьинской области [3]).

Влияние кавказских татар, отчасти и казанских, но в меньшей степени, повидимому больше всего отразилось в появлении у сартов нового рода литературы — драмы; первые известия о драматической литературе сартов, которой в 1916 г. посвятил особую статью А. Н. Самойлович [4]), относятся к 1912 г. Язык некоторых из этих драм, как и следовало ожидать, не свободен от татаризмов; но в общем именно в драматических произведениях был сделан первый опыт применения к письменности, вместе выработанного в средние века искусственного литературного языка, разговорного сартовского наречия, „понятного народной массе“. Таким непредвиденным способом, без всякого прямого участия русских, было положено начало достижению цели, к которой стремились многие ориенталисты — иные, как Ильминский, на почве миссионерской борьбы с исламом, другие, как Радлов, на почве борьбы за чистоту народного языка, свежесть народной мысли и чувства.

Заботы о чистоте языка не могло быть в ежедневной прогрессивной печати, существовавшей в Ташкенте при прежнем режиме всего два года (1906 – 1908) и всецело находившейся в руках приволжских татар. Язык, на котором издавались газеты, назван в книге Добросмыслова [5]) „ломанным сартовским языком“. Раньше в Ташкенте издавалась только официальная „Туркестанская тузем-

---

[1]) ЖМНПр., ч. 284 (1892), отд. IV, стр. 40.

[2]) По Туркестанскому календарю 1904 г. таких школ было 13 из 55, из них одна в самом городе Самарканде.

[3]) Добросмыслов. Города Сыр-Дарьинской обл., стр. 80 (о Перовске) и 127 (о Туркестане).

[4]) Драматическая литература сартов (Вестн. Имп. Общ. Востоковедения, № 5, 1916).

[5]) Ташкент, стр. 294.

ная газета", основанная еще в 1870 г. одновременно с „Туркестанскими Ведомостями" и предназначавшаяся преимущественно „для туземных должностных лиц Туркестанского края, с целью ознакомления их с распоряжениями местной администрации и распространения среди них полезных сведений, преимущественно из истории и географии" [1]). С 1883 до 1917 г. редактором газеты был Н. П. Остроумов; сотрудниками его были туземные ученые, и газета издавалась, по справедливому замечанию одного из местных знатоков языка и быта туземцев [2]), „на книжном языке", далеком от разговорного. Значение газеты для туземцев сам редактор, повидимому справедливо, сравнивает с тем значением, какое имели для русских начала XVIII в. официальные „Ведомости" того времени. Столь же интересны слова редактора, что популярность газеты среди туземных читателей стала увеличиваться с 1906 г., когда появились „татарские газеты с крайним направлением", посягавшие на „вековые устои" жизни туркестанских мусульман; редактор в своей газете давал „место ответам самих туземцев на такие вопросы", иногда и сам „возражал крайним татарским газетам по существу, с русской государственной точки зрения" [3]).

Последний факт вообще характерен для отношения русских властей к мусульманству после 1905 г. Под влиянием грозных признаков приближения революции принцип «quieta non movere» заслонил собою все другие соображения. Старая мусульманская школа и вообще старозаветный ислам не только обнаружили больше жизненных сил, чем ожидали Кауфман и первые русские деятели в Туркестане, но нашли себе союзников среди русских, на почве принципов консерватизма.

Кауфман и его единомышленники ожидали, что туземцы сами поймут, что русская школа более соответствует духу времени, и отдадут ей предпочтение перед мусульманскою. Несмотря на недостатки русско-туземной школы и на религиозные предрассудки туземцев, эти ожидания до некоторой степени оправдались. В 1894 г. я имел случай говорить с молодым сартом, прошедшим курс как мектеба, так и русско-туземной школы; на мой вопрос, которая школа ему больше нравится, я получил характерный ответ: «Не знаю, как будет на том свете, но на этом свете русская школа нравится мне больше». Полагали, что помимо устарелых учебных программ причиною гибели мусульманской школы будет самый факт перехода власти к иноверному правительству, вследствие чего школы уже не могли ожидать поддержки из государственных средств. Если иногда

---

[1]) Остроумов. Сарты, 3-ье изд., стр. 157.

[2]) Н. С. Лыкошин в „Сборнике материалов по вопросу об изучении местных языков", 1907, стр. 87.

[3]) Остроумов. Сарты, 3-ье изд., 172.

утверждали, что ислам может существовать только как официальная религия, что без поддержки государством он осужден на гибель [1]), то тем более несомненною казалась гибель устарелой мусульманской школы, предоставленной самой себе. Главным источником существования школ были жертвовавшиеся в их пользу вакуфы — доходы с земельного имущества, городских лавок и т. п. Кауфман, по словам его отчета по управлению Туркестанским краем (1881), «устранился — даже отступив для того от буквы временного положения 1867 г. — от признания и утверждения новых вакуфных пожертвований» [2]). Из прежних вакуфов учебным заведениям удалось сохранить далеко не все. Мы видели, что уже в 80-х годах при Черняеве был случай отнятия вакуфа у одного из ташкентских медресе и передачи его русскому благотворительному обществу. Н. А. Бобровников объясняет особенно жалкое состояние медресе в Самаркандской области тем, что там «вакуфы были конфискованы [3])". Такой общей конфискации вакуфов, однако, в этой области, повидимому, не было; вакуфы были только взяты в заведывание русской администрации, притом еще в 70-х годах [4]). Н. П. Остроумов говорит о кокандских медресе, что за ними были утверждены «не все вакуфные имущества, а это дает повод мударрисам и мутаваллиям жаловаться на несправедливость русской администрации» [5]). Администрация вообще, помидимому, вмешивалась в дела медресе только тогда, когда вопрос касался вакуфов и их управления; деятельного вмешательства в учебную жизнь не было, хотя Н. П. Остроумов полагал, что после высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. об уравнении прав русских граждан «туземные школы в Туркестанском крае имеют право на одинаковое с русскими школами внимание к ним со стороны министерства народного просвещения», причем «внимание это должно выразиться не в одном внешнем надзоре и таковой же канцелярской отчетности, как практикуется доселе, а в педагогическом руководстве самым учебно-воспитательным делом». Комиссия А. С. Будиловича, работавшая в том же 1905 г., предлагала учредить для этой цели должность «инспекторов мусульманских школ», которые, по замечанию Н. П. Остроумова, могли бы исполнять свои обязанности «только при знании арабского и местных языков» [6]). Н. А. Бобровников в 1913 г. писал о не-

---

[1]) Ср. слова Э. Ренана в 1862 г. (Mél. d'histoire et de voyages, p. 22): „L'islamisme ne peut exister que comme religion officielle; quand on le reduira à l'état de religion libre et individuelle, il périra".

[2]) Терентьев. История Средней Азии, III, 271.

[3]) Русско-туземные училища, стр. 86.

[4]) Ежегодник Ферганской обл., III (1904), 28.

[5]) Мадрасы в Туркестанском крае, стр. 11. Там же (стр. 4 и след.) о вакуфах самаркандских медресе. Ср. также Сборник матер. по мусульм., Спб. 1899, 46 и след.

[6]) Мадрасы в Туркестанском крае, стр. 29.

обходимости учреждения в Ташкенте учебного округа с особой организацией, причем при округе, между прочим, должны были быть «четыре окружных инспектора из числа сведущих и авторитетных ориенталистов для руководства районными инспекторами и для научных и учебных работ» [1]). В действительности все ограничилось вмешательством в дела управления медресе и их вакуфами, не требовавшим ни основательного знания дела, ни тщательно выработанной и последовательно проведенной системы.

Это вмешательство началось, по статье Керенского, со второй половины 1890 г. [2]); с 1891 г. был установлен порядок выбора мударрисов обществами и утверждения их русским учебным ведомством, именно главным инспектором училищ по заключению инспектора [3]). В 1894 г. была выработана «инструкция старшим мударрисам туземных мадрас Туркестанского края» [4]), причем в лице старшего мударриса была сосредоточена вся власть над медресе; по § 3 инструкции «младшие мударрисы, мутаваллии и муллы обязаны исполнять все законные требования старшего мударриса». В этом заключалось отступление от старых порядков, по которым хозяйственными делами ведали только мутеваллии, независимо от мударрисов. Хищения мутеваллиев иногда заставляли самих студентов медресе (мулл) обращаться к властям, в том числе и к русским; теперь студентам было запрещено обращаться с такими просьбами к инспектору, минуя старшего мударриса. Н. А. Бобровников называет инструкцию «канцелярскою отпискою», не оказавшею никакого влияния на жизнь, «слабою и неудачною попыткою создать в лице старшего мударриса власть, приближающуюся к власти начальника в русском учебном заведении». Во всяком случае инструкция не приостановила расхищения вакуфов. Н. П. Остроумов писал в 1905 г. в своем докладе комиссии Будиловича, что «с водворением русского владычества к умственному застою, который давно уже царил в медресе, присоединилось быстрое материальное их оскудение». Н. А. Бобровников объяснял это оскудение не столько отсутствием поддержки со стороны правительства, сколько равнодушием общества. По мнению Н. А. Бобровникова, туркестанские мусульмане, не имея своей независимой печати, всецело «питаются литературою привозною, преимущественно татарскою. Последняя же до такой степени

---

[1]) Русско-туземные училища, стр. 89.

[2]) ЖМНПр., ч. 284, отд. IV, стр. 25. Тогда же было начато приведение в известность имущественного положения медресе (В. П. Наливкин в Ежег. Ферганской обл., III, 47); эта работа потребовала трех лет (июнь 1890—1893); ср. Сборник матер. по мусульм. (1899), 46.

[3]) ЖМНПр., ibidem, стр. 42 и след.

[4]) Приведена Н. П. Остроумовым (Мадрасы в Турк. крае, стр. 39 и след.) и Н. А. Бобровниковым (Русско-туз. училища, стр. 82 и след.) и раньше В. П. Наливкиным (Ежег. Ферганской обл., III, 53 и след.).

проникнута новометодными идеями, что невозможно ожидать, чтобы кто-либо из читающих мусульман стал жертвовать на осужденные историей учреждения» [1]).

Н. А. Бобровников указывает на значительный подъем благосостояния туземного населения, в том числе и сельского, на появление среди мусульман большого числа „зажиточных людей и крупных капиталистов“; при таких условиях, по его мнению, не могли бы не найтись средства для поддержания мусульманских школ прежнего типа, если бы общество попрежнему сочувствовало им. Знатоком Туркестана В. П. Наливкиным, однако, был отмечен факт, что успехи в Фергане хлопководства способствовали увеличению числа слушателей медресе; в кокандских медресе, по словам старейших мударрисов и мутеваллиев, никогда не бывало такого количества учащихся, как в конце 80-х годов и начале 90-х годов. [2]) Было бы крайне важно проследить по точным цифрам ход развития или упадка медресе и старых мектебов при русском владычестве; к сожалению цифры, приводимые за различные годы в литературе, в том числе и в официальных отчетах и обзорах, до такой степени разнообразны, что свидетельствуют только о неточности наших сведений, в том числе и официальных, и не могут быть положены в основу каких-либо выводов. Это сознавалось иногда и составителями статистических обзоров; так в обзоре Ферганской области за 1911 г. отмечается некоторая разница в цифрах против 1910 г., но при этом говорится, что „эти изменения в числе учебных заведений и учащихся в них объясняются, главным образом, неточностью представляемых сведений“, хотя в обзоре Самаркандской области за 1902 г., на основании столь же недостоверных цифр, устанавливается факт „сокращения числа туземных учебных заведений“ и объясняется „упадком экономических рессурсов населения, вследствие постигшего его бедствия от истребления хлебов саранчою и значительно усилившихся расходов на борьбу с этим давним врагом сельского хозяйства“. По сведениям 1876 г. в Ташкенте было всего 11 медресе, по сведениям 1910 г.— 22, из чего можно было бы заключить, что число медресе в главном городе Туркестанского края при русском владычестве удвоилось. В Фергане по сведениям 1892 г. было 120 медресе (по обзору за 1896 г. 121 в городах и 79 в уездах, всего 200), по отчету министерства народного просвещения к 1 января 1911 г.—204. В Самарканде по сведениям 1876 г. было 18 медресе, по Справочной Книжке на 1893 г.—23, к концу 1899 г.—всего 14,

[1]) Бобровников, стр. 88.

[2]) Наливкин, Туземцы раньше и теперь, стр. 130. Только в первое время русского владычества, когда население увлекалось внезапно наступившею для него свободою исполнять и не исполнять требования религии, „значение и авторитет ишанов, а равно и значение мадраса, ...начинавшего тоже заметно пустеть, падали, таяли на глазах у всех“ (ibidem, 87).

в 1912 г.—снова 19. До обзора за 1902 г. совершенно не говорится о медресе в Джизаке и его уезде; в обзоре за 1902 г. впервые упоминается о существовании в этом уезде 1 медресе (также еще в обзоре за 1908 г.), в 1912 г. уже было 3 медресе в самом Джизаке и 1 в уезде. Очень велико число медресе в городе Ходженте, хотя число учащихся не соответствует числу учебных заведений; медресе в Ходженте по сведениям 1893 г. было 47, в 1912 г.—40. В Ходжентском уезде без городов Ходжента и Ура-тюбе по сведениям 1893 г. было 14 медресе, к 1899 г. всего 7, в 1912 г.—16. Всех медресе в трех главных областях Туркестанского края считалось к 1 января 1911 г. 328 (из них 31 в Сыр-Дарьинской области, 204 в Ферганской и 93 в Самаркандской, где в начале 90-х годов считалось всего 65 [1]); по Наливкину число медресе в 1900 г. было 313 с 7502 учащихся.

Повидимому, эти цифры позволяют сделать только один вывод: что заметного уменьшения числа медресе не было ни вообще при русском владычестве (по крайней мере с 70-х годов), ни в последние годы до революции. Были, повидимому, и отдельные случаи возникновения новых медресе; так А. И. Добросмыслов [2]) в 1912 г. писал о медресе в Туркестане, основанном „лет 30 тому назад", т.-е. в начале 80-х годов, туркестанским сартом Ахмед-баем. Н. А. Бобровников, повидимому, преувеличивал влияние прогрессивной татарской печати на туземцев; рядом с признаками успеха такого влияния замечалась и резкая оппозиция против него; недаром некоторые из прогрессистов опасались, что государственная автономия Туркестана всецело отдаст край в руки староверов и уничтожит все прогрессивные начинания [3]).

Союз русского консерватизма со старозаветным исламом совершенно изменил прежнее отношение к старой мусульманской школе. В 1876 г. казалось, что „русскому влиянию на востоке представляется задача важная и возвышенная: разбить умственные оковы магометанства и приобщить туземцев к жизни человечества" [4]); в 1907 г. [5]) мусульманская школа сопоставлялась с древнею русско-

---

[1]) Сборник матер. по мусульм. (1899), 46. По данным Н. П. Остроумова. к 1 января 1913 г. в пяти областях края было 376 медресе, в трех главных—308, Более двух третей учившихся в медресе приходилось на Ферганскую область.

[2]) Города Сыр-Дарьинской обл., стр. 134. Ср. также Остроумов, Исламоведение, Ташкент, 1914, стр. 183 (медресе Катта-ходжа Ишан, открытое в Коканде в 1878 г.) и 215 (Медресе Ташбек-Бай и Баги-Шамаль, открытые в Самарканде в 1905 и 1908 гг.).

[3]) Ср. мою статью „Европейская школа и русская наука в будущем Туркестане" (Турк. Учитель, 1917).

[4]) Турк. Вед. 1876 г., № 48, статья Г.; цитируется в ЖМНПр., ч. 284 (1892 г.). отд. IV, стр. 35 и след.; раньше воспроизведена, без ссылки на источник, в „Турк. Крае" Л. Костенко (I, 370 и след.).

[5]) Н. П. Остроумов. Мадрасы в Турк. крае, особ. стр. 20, 28, 30.

христианскою; курс медресе признавался „очень серьезным, сообразженным с действительными потребностями народной жизни“ и подлежавшим только постепенному и осторожному дополнению в смысле внесения „элементов современного знания“, а не коренной ломке.

С победою революции консервативные стремления в области школы, как во всех других областях, уступили место иным, еще не давшим определенных результатов.

VIII.

Русское переселенческое движение.

Изменение строя жизни в Туркестане было тесно связано с переселенческим движением из Европейской России, неизбежным последствием русского завоевания. Планомерной колонизации не было, как не было и последовательной завоевательной политики; для того и другого сведения о крае до его окончательного покорения были слишком скудны.

За исключением неудачного набега на старый Ургенч яицкого атамана Нечая в 1603 г., в Туркестане не было, как в Сибири, самостоятельного завоевательного движения казачьей вольницы; но, как во многих местностях Азии, правительство и в Туркестане видело в основании казачьих поселений средство укрепить русскую власть на границе империи. Как везде, эта мера оказалась неудачною; опыт показал, что казачество, отжившее свой век как военная сила, не пригодно и для колонизационных целей.

Переселение в Туркестан казаков, как и завоевательное движение, шло с двух сторон: с северо-запада, из войск Оренбургского и Уральского, и с северо-востока, из войска Сибирского. Поселение казаков на Сыр-Дарье находилось в связи с проектом образования Сыр-Дарьинской линии и началось с 1849 г., когда было поселено 25 казачьих семейств около основанного еще в 1847 г. Раимского укрепления, в 60 верстах от устья Сыр-Дарьи. Отводом наделов для поселенцев были нарушены земельные права киргиз, что вызвало с их стороны возмущение, даже вооруженное нападение (в 1856 г.) на форт № 1 (впоследствии Казалинск); только в 1858 г. было достигнуто соглашение. Неудовольствие киргиз вызывалось также тем, что русскими по неопытности портились ирригационные сооружения.

Кроме оренбургских казаков, на Сыр-Дарье с 1875 г. появились и уральские, не в качестве военных колонистов, но в качестве ссыльных, за отказ повиноваться властям и подчиниться закону о всеобщей воинской повинности. Уральцы и в Туркестане отказывались подчиняться распоряжениям местных властей и не приняли сделанного им предложения записаться в мещане города Казалинска, но

вполне упрочили там свою оседлость и свое благосостояние. Главным занятием их был рыбный промысел, до начала XX века всецело находившийся в их руках; в этом отношении они оказали бесспорное влияние на экономическую жизнь края; в 1901 г. знаток края И. И. Гейер писал, что „только с поселением в г. Казалинске ссыльных уральских казаков воды устья Сыр-Дарьи и Аральского моря оживились промысловой жизнью". Только после открытия в 1905 г. железной дороги Оренбург—Ташкент, когда возникла станция „Аральское море" и в $1^1/_2$ версте от нее поселок Аральск, уральцы уступили первое место приезжим, применявшим более совершенные способы ловли.

Рыбачьими поселками сделались также казачьи поселения на восточном берегу Каспия. Ни на Сыр-Дарье, ни на Каспийском море не возникло нового казачьего войска, и границы прежних казачьих войск на Урале остались прежние.

Иные результаты имело движение казаков в Семиречье [1]), со стороны Сибири. Для казачьей колонизации Семиречья были выделены два полка (9-й и 10-й) Сибирского казачьего войска; начало колонизации было положено в 1847 г. основанием станиц Сергиопольской и Копальской (впоследствии города Сергиополь и Копал). Переселение было принудительным; в то же время в пользу переселенцев насильно отбирались у киргизов орошенные земли; казакам отводились огромные наделы, в Копальской станице до 100 десятин на мужскую душу [2]). В 1867 г., когда была образована особая Семиреченская область (раньше завоеванные местности до Или и даже в „Заилийском крае" присоединялись к Семипалатинской области, образованной в 1854 г.; к Семиречью отошла тоже часть бывшей Туркестанской области, существовавшей с 1865 по 1867 г.) с при-

---

[1]) „Семиреченским краем" первоначально называлась только северная часть позднейшей Семиреченской области до реки Или; от Семиреченского края отличался „Заилийский". Русское название есть перевод киргизского Джеты-су (семь вод), не встречающегося в средневековой мусульманской географии (вообще мало знавшей области к северу от Или); оно встречается в одной из версий кара-киргизского эпоса о Манасе (Валиханов. Сочинения. Спб. 1904, 218). По словам русского путешественника К. Влангали (1851) эти семь рек: Аягуз, Лепса, Аксу, Биень, Коксу (вероятно должен быть Кызыл-Агач), Каратал и Или; по словам А. К. Гейнса (Воен. Сб. 1866 г., кн. 8, стр. 243)—Лепса, Баскан, Саркан, Аксу, Биень, Каратал и Коксу, вследствие семи переправ между Балхашем, т. е. Балхашско-Алакульскою низиною и Алатау). Вероятно должно быть: Лепса, Баскан, Аксу, Биень, Кызыл-Агач, Каратал, Коксу. По мнению Г. Н. Потанина (Очерки Северо-Западной Монголии. 1881—3, IV, 740) киргизы дали „южной Джунгарии" название Джеты-су по „какой-то блаженной стране, по которой текут семь рек". Во всяком случае имеется в виду местность к северу от Или, хотя еще Скайлер (I,150) причисляет Или к семи рекам (другие шесть: Лепса, Баскан, Аксу, Саркан, Каратал, Коксу).

[2]) Аягузский округ был образован еще в 1831 г.; тогда же китайцам было сообщено о действиях русских „на семи реках" (Памятн. кн. Семипалат. обл., вып. IV, 1900, стр. 33).

соединением ее к Туркестанскому генерал-губернаторству, в то же время было образовано Семиреченское казачье войско из 14 станиц и выселков, с населением 14413 душ обоего пола. Наказным атаманом был признан военный губернатор Семиреченской области, войсковым наказным атаманом—Туркестанский генерал-губернатор.

Уже первый генерал-губернатор К. П. фон-Кауфман был разочарован в результатах казачьей колонизации; может быть в связи с этим находилось решение прекратить принудительное выселение сибирских казаков. Число семиреченских казаков продолжало однако увеличиваться; к казакам иногда причисляли переселенцев-крестьян [1]); были и случаи добровольного переселения новых сибирских казаков; так в 1882 и 1883 гг. пришло несколько семейств, которые были поселены на Хоргосе, у вновь установленной границы с Китаем; этим вызывалось образование новых станиц и выселков; к концу XIX века станиц было 11 (Сергиопольская, Урджарская, Лепсинская и Саркандская в Лепсинском уезде, Копальская и Коксуйская в Копальском, Голубевская в Джаркентском, Надеждинская, Софийская, Большая Алматинская и Мало-Алматинская в Верненском [2]), выселков 17; душ войскового населения (обоего пола) считалось в 1899 г. 29323, в 1906 г. 34468. В двух южных уездах области, Пишпекском и Пржевальском [3]) (Каракольском), не было ни станиц, ни выселков.

Благосостояние казачьих селений было основано не на труде и культурной работе, но на высокой норме земельных наделов; большую часть своих земель они сдавали в аренду киргизам и русским, и плата за аренду давала им вполне достаточные средства к жизни; положение собственников земли, нужной киргизам, давало им возможность притеснять туземное население. Даже в отчетах местных властей был поднят вопрос о чрезмерности казачьих наделов и о необходимости уменьшить эту норму. Высочайше утвержденным положением комитета министров 3 марта 1895 г. было постановлено „произвести исследование казачьих земель по фактическому и бесспорному их владению и определить, за какое количество естественно орошающихся земель следует засчитывать поливную десятину“ [4]). Однако до революции все оставалось попрежнему; в 1913 г. на рассмотрении законодательных учреждений находился

---

[1]) По словам Костенко (Туркестанский край, I, 387), местная власть разными льготами побуждала крестьян поступать в казачье сословие, но желающих было мало.

[2]) В отчете о деятельности Семиреченского областного комитета по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения 22 декабря 1910 г. приводится еще название станицы Каскеленской (стр. 58).

[3]) По тому же отчету в Пржевальском уезде станица Николаевская (стр. 60). Повидимому эта станица и Каскеленская возникли после 1899 г.; и по книге Масальского „Туркест. край“ (стр. 324) в 1908 г. было 30 станиц и выселков вместо 28, как в 1899 г. В 1911 г. казачьих селений и выселков считалось 32.

[4]) Обзор Семиреченской обл. 1899 г., стр. 6.

законопроект, по которому земельное обеспечение Семиреченского казачьего войска признавалось не только не чрезмерным, но даже не достаточным (более 600 тысяч десятин, что больше чем вдвое превышало всю засеваемую площадь в области). Предполагалось определить норму надела в 30 десятин на мужскую душу, но кроме того назначить по 300 десятин на каждую церковь и установить войсковой земельный запас в размере половины всех надельных земель [1]), т. е. на мужскую душу приходилось бы не 30 десятин, а 45; считая 17000 мужских душ, потребовалось бы 765 тысяч десятин.

Семиречье, сначала против воли правительства, сделалось также главным поприщем крестьянской колонизации, интересы которой иногда трудно было примирить с интересами казаков. Когда в 1868 г. в Семиречье пришли первые крестьяне (из Воронежской губ., в числе 242 семейств), то их, за неимением свободных земель, приписали к мещанам гор. Верного; им пришлось арендовать землю у казаков соседних с Верным станиц. В 1869 г. были выработаны и утверждены Туркестанским генерал-губернатором правила о переселении, причем тогда предполагалось отводить на мужскую душу до 30 десятин; впоследствии этот надел значительно уменьшили (до 7,7 дес.). В противоположность другим областям Туркестана, в Семиречье действовало правило, по которому земли кочевников признавались государственными, и правительство свободно распоряжалось землями, не требовавшимися, по его мнению, для пастбищ самих кочевников. Разумеется, такой способ занятия земель и образования поселков приводил к столкновениям с киргизами. До 1882 г., когда Семиречье на некоторое время было отделено от Туркестана, в области успели образоваться 29 крестьянских поселков с населением до 15000 душ.

С 1882 до 1898 г. Семиречье входило в состав вновь образованного Степного генерал-губернаторства. Несмотря на то, что первым Степным генерал-губернатором был бывший Семиреченский губернатор Г. А. Колпаковский, сторонник переселения, правительством в этот период принимались меры не столько для развития, сколько для стеснения крестьянской колонизации области. На Семиречье был распространен закон 13 июля 1889 г. о запрещении переселения; в голодный 1891 год Степное генерал-губернаторство также было исключено распоряжением министра внутренних дел из района переселения; наконец в 1895 г. крестьянская колонизация была приостановлена впредь до выяснения результатов предположенного тогда обследования казачьих земель. Число селений за это время почти не увеличилось (в 1899 г. их считалось 30), но значительно увеличилось число душ (в 1899 г. 38022). Значительное число самовольных переселенцев (1700 семейств) пришло в 1892 г.

---

[1]) Азиатская Россия, Спб. 1914, I, 388.

С 1899 г. Семиречье снова было подчинено генерал-губернатору Туркестана. В начале XX века заметен быстрый рост крестьянской колонизации, что находилось в связи с усилением обруситель-ной тенденции в правительственной политике. Правительство теперь старалось содействовать заселению Семиречья крестьянами; в 1906 г. в Семиречье был открыт переселенческий район. К 1 января 1908 г. был еще только 41 крестьянский поселок, из них больше всего в тех уездах, которых почти не коснулась казацкая колонизация, Пишпекском (15) и Пржевальском (10). К 1911 г. число поселков утроилось (123). Таким образом даже в единственном на всем пространстве Азии выступе казачьей территории далеко на юг казачье население не только не составляло абсолютного большинства, но было меньшинством даже среди русского элемента. Число десятин удобной и неудобной земли, отведенных для переселенцев с 1893 по 1912 г. в Семиреченской области (2.513.000), превышало число десятин, отведенных за тот же срок в Семипалатинской области (2.307.000), хотя самих переселенцев в Семипалатинской области было больше (101.400 против 87.000). Все-таки русские составляли в Семиреченской области в 1911 г. только около $^1/_8$ общей массы населения. Характерно, что, несмотря на привлечение нового многочисленного земледельческого элемента в Семиреченской области, при русском владычестве не было никаких оросительных работ; были проекты таких работ, особенно на реке Чу, но фактически к ним приступлено не было. Уже это одно показывает, что русская колонизация не могла не иметь неблагоприятных последствий для туземного земледелия. В отчете по области за 1899 г. говорится, будто киргизы до русского владычества почти не занимались земледелием; но академик Радлов, посетивший кара-киргиз еще в 1860-х годах, нашел, что земля у них возделывается и орошается тщательнее, чем у киргиз-казаков [1]). Накануне революции предполагалось лишить кара-киргизский народ почти всех его земель в наказание за беспорядки 1916 г.

В Сыр-Дарьинской области, где казачьей колонизации не было, крестьянской колонизации приходилось считаться только с туземным землевладением. Уже в появлении первых русских переселенческих семейств на низовьях Сыр-Дарьи киргизы увидели нарушение своих прав; споры были прекращены в 1858 г. Оренбургским генерал-губернатором А. А. Катениным, причем были размежеваны земли русских поселенцев и киргиз, и „киргизам было объявлено от имени генерал-губернатора, что больше у них земли для

---

[1]) По словам Радлова, северо-западный берег Иссык-куля от реки Чу до Турайгыра в 1869 г. был повсюду занят киргизскими (т. е. кара-киргизскими) пашнями; такие-же пашни были на берегу озера к востоку от Аксу (Aus Sibirien, 2-te Aufl., 1893, I, 120).

поселенцев брать не будут» [1]). И впоследствии в Сыр-Дарьинской области, в противоположность Семиречью, господствовал взгляд, что земля степей принадлежит киргизам и может быть занята под поселения только с их согласия; только в 1910 г. на коренные области Туркестана, в том числе на Сыр-Дарьинскую, был распространен параграф Степного положения о государственных землях. Фактически вопрос решался распоряжением администрации, и потому требование согласия киргиз не помешало образованию большого числа русских поселений.

Уезд Казалинский, где прежде всего утвердилась русская власть и куда поэтому прежде всего явились переселенцы, потом был признан неудобным по качеству почвы (солонцеватость) и по дурному состоянию оросительных систем. В Перовском уезде почвенные условия были благоприятнее, но разливами Сыр-Дарьи вызывались лихорадки; условия орошения были тоже затруднительны; оттого колонизация и здесь не имела успеха; пришлось даже упразднить два уже устроенных поселка—Александровский (основан в 1861 г.) и Астраханский. Более благоприятны были результаты колонизации в уездах Чимкентском и Аулиеатинском, особенно в последнем, куда еще в 1869 г. было решено направить избыток переселенцев из Семиречья; но первое селение было основано только в 1875 г.—Михайловка, к которой в следующие годы были присоединены еще два—Чалдавар и Дмитриевка. Удачнее всего было выбрано место при основании Чалдавара, соответствующее местоположению тимуровской Ашпары; Чалдавар в начале 1890-х годов признавался первым селением в области „по земельным угодьям, богатству староселов и прекрасной обстановке в житейском отношении“ [2]), хотя по мнению того-же знатока быта переселенцев, которому принадлежат эти слова, при распределении воды между киргизами Аспаринской волости и селением Чалдаваром чалдаварцы были обижены [3]). До 1890 г. включительно к этим трем селениям прибавилось еще десять [4]); главным из них было Мерке (основано в 1885 г.), на месте которого был небольшой город еще в VII веке; то же самое селение было одним из главных пунктов сартовской колонизации при кокандских ханах; меркинский базар по своему значению уступал только аулиеатинскому. Среди русских селений Мерке „по качествам почвы“ считалось лучшим. Как и следовало ожидать, при таком соседстве русских с сартами дело не обошлось без споров из-за воды, хотя эти

---

[1]) Добросмыслов. Города Сыр-Дарьинской обл. (1912), 54.

[2]) И. Гейер. Голод и колонизация, 17 (из Сборн. матер. для статист. С.-Д. обл., т. III, 1894).

[3]) Сборник матер. для стат. Сыр-Дарьинской области, II (1892), 290.

[4]) Так—по списку (ibidem, 246), в котором однако пропущена Головачевка, основанная еще в 1882 г. (Гейер. Путеводитель по Туркестану. Ташк. 1901, стр. 222).

споры „улаживались, не выходя из семейного круга земледельцев обеих народностей".

Кроме русских в Аулиеатинский уезд явились также немецкие колонисты с Волги—меннониты, не хотевшие подчиниться закону о воинской повинности и прибывшие в Ташкент в 1880 г.; из них было образовано пять селений, причем одно, Орлов, было основано бывшими последователями этой секты, примирившимися с воинскою повинностью и за это изгнанными из своей общины; и в этом случае современный поселок возник на развалинах средневекового поселения или кочевого стана; поселки чисто меннонитские были устроены в той-же местности. От меннонитов некоторыми русскими были заимствованы немецкие плуги, более легкие и совершенные, чем русские.

К 1880-м годам (1887—1889) относится основание четырех селений в Чимкентском уезде; приблизительно в то же время (1881—1891) было основано шесть селений в Кураминском или Ташкентском уезде, из которых три потом, после изменения границ областей, отошли к Самаркандской области. Из этих селений первое по времени (1881 г.), Никольское, расположенное всего в 6 верстах от Ташкента, более похоже на пригородную слободу (дорога между ним и Ташкентом теперь почти сплошь застроена), чем на деревню. В Ташкентском уезде больше, чем в других, основание новых селений было связано с работами по орошению. Уже поселок Троицкий (в 25 верстах от Ташкента) был устроен на вновь вырытом (1883—1885) великим князем Николаем Константиновичем Искандер-арыке (из Чирчика); из 4140 десятин орошенной земли 1340 отошли под поселок, остальную землю заняли туземцы, участвовавшие в работах. Вообще около Ташкента оросительные работы производились и в пользу туземного населения, независимо от целей колонизации; уже в 1871 г. был очищен старый арык Зах, чем было оживлено 70 тысяч десятин; работы по очищению Заха были единственными успешными оросительными работами при первом генерал-губернаторе Кауфмане, при котором был целый ряд неудачных попыток провести новые каналы, причинивших огромный вред населению. Главные из этих проектов касались орошения Голодной степи и исходили из ошибочного предположения, будто эта степь когда-то была прорезана каналом и имела густое население. Таковы были работы по сооружению Кауфманского канала (1872—1879). Столь же неудачны были работы, произведенные в 1883 г., уже при генерал-губернаторе Черняеве, около Перовска: без всякой пользы было затоплено около 30.000 десятин, и 30 лет спустя русский специалист по орошению писал, что „на первую очередь выдвигается теперь вопрос не об обводнении, а об осушении затопленных ценных земель" [1]).

---

[1]) Е. Е. Скорняков. В Азиатской России, II, 248.

Работы в Голодной степи были возобновлены в 1885 г. великим князем Николаем Константиновичем. Для работ великого князя характерно, что они велись исключительно приемами туземной техники, без участия русских специалистов. Первый канал получил название Бухар-арык „по способу работы на бухарский лад"; второй, оказавшийся более удачным, был вырыт „по хивинскому способу" и получил название „Хивинский", только впоследствии замененное названием „канал императора Николая I"[1]). По мере производства работ вдоль канала основывались русские поселки, преимущественно из принимавших участие в работах землекопов; всего с 1885 до 1891 г. было основано пять поселков, из которых четыре существуют и теперь; самый старый, Запорожский, начал приходить в упадок в 1897 г. и был окончательно покинут в 1899 году. С Голодною степью связана Дальверзинская, на другом берегу Сыр-Дарьи, где река меняет западное направление на северное; в новейшее время там также были предположены оросительные работы для водворения переселенцев, но в 1886 г., когда губернатором Гродековым здесь был устроен поселок Сретенский, довольствовались отводами из давно существовавшего канала Дальверзин. Местность, в которой расположен поселок, признается „баснословно богатою"[2]).

Ни Голодная, ни Дальверзинская степи не имели значения для самой значительной переселенческой волны, которую вообще пережил Туркестан, связанной с голодом 1891 г., когда, помимо приписки новых хозяйств к старым селениям, возникло больше 20 новых поселков: по словам И. И. Гейера, 11 в Чимкентском уезде, 6 в Ташкентском и 4 в Аулиеатинском[3]). В Чимкентском уезде главным районом устройства поселков была местность вокруг старого Отрара, где и были произведены некоторые работы если не по проведению новых арыков, то по восстановлению старых. В Ташкентском уезде воспользовались восстановленным или в сущности, как утверждали, вновь проведенным каналом Ханым-арык, на котором было устроено три поселка—Черняевское, Константиновское и Кауфманское, из них один (Константиновское) для немцев из Саратовской губ. Один поселок (Сипарское, в районе старого Бенакета или Шахрухии) был устроен для сектантов-молокан. Сектанты (молокане, баптисты и хлысты; последние называли себя православными) были поселены также

---

[1]) Терентьев, II, 350. Е. Е. Скорняков (l. c.) повидимому полагает, что название Бухар-арык объясняется преданием о некогда существовавшем „орошении Бухары из Сыр-Дарьи", которое хотел восстановить великий князь. Ср. также Караваев. Голодная степь, Петрогр. 1914, 10 и 17.

[2]) Выражение Караваева (Голодная степь, 123).

[3]) Повидимому в Аулиеатинском уезде было устроено пять поселков: четыре на Таласе (Ровное, Грозное, Гродеково и Ключевое) и один на Чу (Степное). Ср. Гейер. Путеводитель, 224.

в 1896—97 гг. в Голодной степи великим князем в поселках Верхне-Волынском, Нижне-Волынском и Конногвардейском.

Инстинктивное стремление переселенцев в 1891—92 годах к самой большой реке Туркестана, к Аму-Дарье, не могло быть удовлетворено; администрацией было объявлено, что в Аму-Дарьинском отделе совершенно не имеется свободных и удобных земель для русских поселений, и было сделано распоряжение „не пропускать на Аму-Дарью не только переселенцев, но даже ходоков“ [1]).

Из района колонизации таким образом была исключена местность, где плотность населения составляла всего 2 человека на квадратную версту, культурная площадь—1% общей поверхности и где протекает огромная река, из которой некогда был выведен канал (Гавхорэ), орошавший совершенно пустынное в настоящее время пространство. Незнакомство с историей Аму-Дарьинского бассейна отражалось и впоследствии на оросительных проектах. Великий князь Николай Константинович, разрушивший в 1890 г. хивинские плотины Хан-бенд и Таш-бугут и пропустивший воду реки в Сарыкамышскую котловину, говорил об оживлении „обширной безводной туркменской пустыни, где во времена арабов кипела жизнь и процветало великолепное Ховарезмийское царство“ [2]). В действительности течение реки ниже старого Ургенча никогда не имело большого значения в жизни Хорезма, не исключая и той эпохи, когда Аму-Дарья протекала до Сары-камыша и оттуда по Узбою. Впоследствии предполагалось возможным оросить до 200.000 десятин по левую сторону Аму-Дарьи, преимущественно в районе сухих русел ниже старого Ургенча, и только 20.000 десятин по правую сторону, ниже Петро-Александровска [3]); этот последний проект повидимому также был составлен без знакомства с данными о канале Гавхорэ. Защитники представленного в 1905 г. грандиозного проекта орошения водою Аму-Дарьи 516.000 десятин в Мервском уезде совершенно ошибочно полагали, что и в средние века водою Аму-Дарьи пользовались для орошения мервского оазиса.

Все эти начинания пока остались в области предположений; оросительные работы сосредоточивались преимущественно в Голодной степи и тоже дали довольно скромные результаты, как в смысле площади орошения, так и для успехов русской колонизации и развития хлопководства, что в XX веке было главною целью экономической политики в Туркестане. Проведение Романовского канала, открытого в 1913 г. (в систему этого канала вошел и канал Николая I), признавалось „первым крупным делом государственного строительства в области орошения в Средней Азии“; но из этого ка-

---

[1]) Голод и колонизация, 16.
[2]) Изв. Русск. Геогр. Общ., XLVI (1910), 392.
[3]) Ibidem, XLIV (1908), 88.

нала получали воду всего 8415,8 десятин. Число русских поселков в Голодной степи было доведено до 11, но из них четыре поселка не имели орошенных наделов. Относительно хлопководства первоначально возлагали особенные надежды на Сретенский поселок в Дальверзинской степи, в котором видели „поразительный пример быстрого развития экономических сил": в первые годы существования этого селения под хлопок было отведено до 600 десятин, при чем развитие хлопководства поощрялось фирмою „Большая Ярославская Мануфактура" (скупавшею для той-же цели земли в Туркестане, при чем самою удачною из плантаций фирмы признавался Андреевский хутор в Андижанском уезде); однако посевы хлопка в Сретенском скоро прекратились под влиянием налета саранчи и возобновились только в 1910 г.; по обследованию 1914 г. они составляли только 454 десятины, при общей площади посевов в 1700 десятин. Вообще из всех голодностепских поселков только в двух большая часть посевов была отведена под хлопок: в основанном в 1906 г. Спасском (с присоединившимся к нему основанным еще в 1890 г. выселком Духовским) 1100 десятин[1]) из 1839 и в основанном в 1913 г. Велико-Алексеевском 975 десятин из 1248. В селении Спасском результаты могли-бы быть еще более значительны, если бы не было сделано некоторых ошибок при размежевании земель и оросительных работах, вследствие чего с 1907 до 1914 г. из 302 семейств 49 (16,2%) бросили свое хозяйство. Этих ошибок удалось избежать при устройстве Велико-Алексеевского поселка, которым, как тогда полагали, должен был закончиться „период прежнего недостаточно организованного заселения Голодной степи" и начаться новая эпоха; но и в Велико-Алексеевском значительность хлопковых посевов объясняется тем, что земли новоселов были использованы для этой цели арендаторами из хлопководов поселка Спасского.

С надеждою на расширение площади хлопковых посевов были тесно связаны проекты оросительных работ в Закаспийской области. Средоточием правительственных мероприятий было образованное высочайшим указом 6 августа 1887 г. Мургабское государево имение близ развалин старого Мерва, где некогда было имение халифа Мамуна. Оросительные работы в этом имении представляли полную противоположность работам великого князя. Туземные приемы орошения были заменены европейскими, с устройством первых в Туркестане водохранилищ. Этому нововведению придавали большое значение, но именно в этом отношении мургабские работы оказались неудачными, так как при устройстве водохранилищ не удалось предусмотреть и предотвратить заиление. На другой недостаток туземных работ—отсутствие дренажной сети—совершенно не было обра-

[1]) По данным 1912 г. всего 450 десятин, что составляло 26,5% площади обрабатываемой земли (Азиатская Россия, II, 286).

щено внимания, вследствие чего оросительные работы увеличивали площадь болот и усиливали лихорадочные эпидемии.

Вследствие всего этого иностранные специалисты высказали о мургабских работах менее благоприятное мнение, чем русские, и находили, что расходы не вполне оправдываются результатами [1]).

Все-таки в имении орошалось в 1910 г. более 16.000 десятин посевов, из которых половина (8.000) была отведена под хлопок; в 1911 г. предполагалось довести площадь посевов до 25.000 десятин; мне не известно, насколько это удалось выполнить. По словам Е. Е. Скорнякова, в имении, кроме туземцев, было более 4000 русских, образовавших три поселка [2]); но из других данных видно, что в Закаспийской области и особенно в Мургабском имении развития хлопководства предполагалось достигнуть исключительно руками земледельцев-туземцев; привлечение русских крестьян не имелось в виду; возможно, что устроители имения придерживались взгляда, опровергаемого в книге „Азиатская Россия", будто „русским переселенцам, привыкшим у себя на родине к посевам зерновых хлебов, культура хлопчатника, особенно в первые годы устройства на новых местах, недоступна" [3]). По сведениям 1910 г. в имении жило 11.000 туземцев и 3000 православных, но среди последних, повидимому, почти совсем не было земледельцев, так как из всей площади имения в русские руки сдавалось только 200—300 десятин. Развития хлопководства среди туркмен надеялись достигнуть с помощью представителей более культурных среднеазиатских наций; в 1890 г. для земляных работ были выписаны таранчи из Семиречья, оставшиеся и потом в Закаспийской области, в числе нескольких сотен; в 1893 г. для обучения туркмен хлопководству были выписаны опытные инструктора-сарты из Самарканда.

Образование русских поселков в Закаспийской области шло довольно быстро; первое поселение возникло в 1889 г., через четыре года после окончания военных действий,—Гермаб (потом Михайловское), в районе станции Бахарден или средневекового города Дуруна. К 1896 г. были уже 10 поселков, из коих один, Крестовое на Теджене, к юго-востоку от Серахса (по Гейеру в 25 в., по Масальскому в 11), был построен для немцев из Саратовской губернии, другой, Саратовское (в том-же районе как Гермаб) для тех же немцев и для сектантов-молокан. К 1909 г. число поселков доходило уже до 27, но в них считалось всего 5000 жителей, цифра совершенно ничтожная при туркменском населении в 290.000 душ. Из общего числа больше четверти (1500 душ) приходилось на два малороссийских

---

[1]) Fr. Machatschek. Landeskunde von Russ. Turkestan, 1921, 302.

[2]) Азиатская Россия, II, 251. Там-же о мервских „памятниках старины", как „немых свидетелях тех чудес, которые создала научная техника нового времени".

[3]) Азиатская Россия, II, 286.

поселка, Алексеевский и Полтавский, расположенные на границе Афганистана у конечного пункта Мургабской ветви среднеазиатской железной дороги, станции Кушки. Сравнительно многолюдной была также упомянутая немецкая колония Крестовое (48 дворов). Большая часть селений была сосредоточена в Асхабадском уезде, в горах Копет-даг, на границе с Персией; из этих селений только об одном Скобелевском говорится, что в нем до 200 десятин было отведено под хлопок; отчасти это было возможно потому, что по договору с Персией вода речек, текущих в русские пределы, не могла расходоваться на орошение в пределах Персии; этим, конечно, были обездолены жители пограничных персидских поселков. Для привлечения в Закаспийскую область значительного числа русских переселенцев непременным условием было орошение новых земель; незначительная культурная площадь области принадлежит к числу наиболее густо населенных местностей в мире; в конце XIX века там приходилось 247 человек на квадратную версту, что приблизительно соответствует плотности населения Бельгии (по переписи 1890 г. 208 на квадратный километр).

По той же причине не могло быть большого движения переселенцев в области Самаркандскую (кроме присоединенного к ней Ходжентского уезда со степями Голодной и Дальверзинской) и Ферганскую. На Заряфшане до 1911 г. было только одно русское селение, поселок Федоровский, в Катта-Курганском уезде, в местности, прежде причислявшейся к Самаркандскому. Данные „Обзора Самаркандской области" о Федоровском поселке не свидетельствуют об особом благосостоянии; в 1902 г. в нем считалось 100 семейств, 307 душ, 400 десятин поливной и 355 неполивной земли; посевами было занято 310 десятин, из них 63 хлопком; в 1908 г. 105 семейств, 297 душ, 280 десятин поливной, 890 неполивной земли, посевов 580 десятин, из них 90 под хлопком. Разумеется, к этим цифрам, как и другим данным местной статистики, приходится относиться осторожно.

В Ферганской области первый поселок, Покровский, был основан в 1893 г., на неорошенной земле Ошского уезда; переселенцам была отдана и орошенная земля на Куршабе, брошенная туземцами, когда разливом реки была сорвана голова арыка, восстановленная потом для русских на земские средства [1]). В том-же уезде в 1901 г. был образован небольшой поселок Рождественский; три других небольших поселка возникли после 1908 г., так что первый поселок, Покровский, оставался и потом единственным богатым и многолюдным русским селением в уезде (в 1911 г. в нем считалось 2277 душ). Русскими поселками отчасти были заняты и орошенные земли; в 1911 г. на крестьянских землях Ошского уезда было засеяно под хлопок 30 десятин.

---

[1]) Обзор Ферганской области, 1899 г., 78.

В Наманганском уезде во время переселенческого движения 1890-х годов был образован в 1897 г. Успенский поселок, в северо-восточных предгорьях уезда, к северо-востоку от Касана и Нанай. Основание этого селения находилось в связи с неудачной попыткой, в том-же 1897 году, поселить выходцев из Киевской губернии в горной долине Чоткала, одного из истоков Чирчика. Еще дальше к северо-востоку в 1907 г. самовольно образовался поселок Кетмень-тюбе, из 15 семейств (69 душ); в 1908 г., когда поселок впервые был зарегистрирован, в нем имелось 53 семейства (319 душ), в 1911 г.— 65 (460). Других поселков в Наманганском уезде не возникало. Оба поселка имели значение исключительно для культуры зерновых хлебов, преимущественно пшеницы.

В Андижанском уезде для поселков тоже были намечены местности, прилегающие к горам; до 1901 г. (с 1897 г.) было образовано три поселка: Николаевский (также в связи с неудачной попыткой заселения долины Чоткала), Благовещенский и Спасский. С 1904 г. Андижанский уезд сделался главным районом самовольного переселения, направившегося в волости Кугартскую, Ясинскую и Узгентскую; из них только Узгентская волость считалась смешанной, две другие чисто кочевыми, хотя фактически и здесь туземцы перешли к оседлости. В 1908 г. здесь были зарегистрированы, кроме трех ранее существовавших поселков, восемь новых, причем все, в противоположность трем прежним, носят туземные названия. Пять поселков волостей Ясинской и Узгентской были устроены по речке Ясы и ее притокам, Кондуган и Заргер, причем только усадебные места были расположены на орошенных площадях. Этими усадебными местами крестьяне впоследствии, повидимому, воспользовались для небольших хлопковых посевов, занимавших в 1911 г. всего 5 десятин. Поселков, следовательно, всего образовалось 11; в 1908 г. был еще 12-й—Янги-арык (как видно из его названия, на орошенной земле), с очень небольшим числом жителей; этот поселок не был тогда зарегистрирован и в обзоре за следующие года больше не упоминается.

В исключительном положении находилось Русское село Маргеланского (с 1907 г. Скобелевского) уезда, основанное в 1899 г. на земле нескольких туземных селений, разрушенных за участие в восстании 1898 года. Выселенным туземцам было нарезано небольшое количество земли в другом месте и образовано селение „Мархамат“ (милосердие), от которого получила новое название прежняя Минтюбинская волость (из селения Мин-тюбе вышел руководитель восстания). Вследствие этого Русское село, куда, между прочим, были переведены последние остатки поселенцев из долины Чоткала, сразу получило в свое распоряжение большое количество орошенной земли, расположенной в самом центре хлопкового района, недалеко от большого арыка Шарихан-сай. С 1908 г. жители Русского села большую часть своих посевов стали отводить под хлопок.

В самом многолюдном уезде Ферганской области, Кокандском русских селений совершенно не могло быть основано. Общее число жителей русских поселков составляло около 10000, что при двухмиллионном населении области составляло всего $^1/_{20}$%.

Культурному влиянию русских крестьян могли подвергаться преимущественно кочевники, находившиеся в стадии перехода к оседлости; в Семиречьи, в Пишпекском уезде, даже отмечено киргизское селение (Таш-Тюбе [1]) „с домами русского типа и улицами, обсаженными деревьями“ (из этого факта видно, между прочим, что крестьянская колонизация имела на быт туземцев больше влияния чем казацкая). Горячий сторонник крестьянской колонизации, И. И. Гейер, отметил в 1893 году два „осязательных факта цивилизующего значения русской колонизации для туземца“—введение косы и тонкорунного овцеводства [2]). Ознакомление туземцев, в особенности киргиз с косой, действительно, составляет несомненную заслугу русского крестьянина; по свидетельству Масальского, спрос на косу у киргиз очень значителен, и благодаря этому орудию, „неизвестному в крае до прихода русских“, киргизы начали заготовлять сено на зиму; в некоторых местах косой пользуются и сарты, для уборки люцерны [3]). Что касается тонкорунного овцеводства, то введение его в Туркестане приписывается „предприимчивости отдельных лиц“ из северного Кавказа; их примеру последовали крестьяне, особенно в Чимкентском уезде [4]). По словам Гейера, явился „спрос на мериноса и со стороны туземных чимкентских жителей“, но, насколько известно, тонкорунное овцеводство не заняло выдающегося места в хозяйстве туземца.

Из видов земледельческой культуры при русских получила распространение культура картофеля. В книге Масальского не совсем верно сказано, что картофель до прихода русских был совершенно неизвестен в Средней Азии [5]); в окрестностях Ташкента его возделывали татары [6]); но посевы картофеля у туземного населения

---

[1]) История основания в 1897 г. селения Таш-Тюбе рассказана в „Истории Средней Азии“ Терентьева, III, 383 и сл.

[2]) И. Гейер. По русским селениям Сыр-Дарьинской области. Ташк. 1893, 173.

[3]) Масальский. Туркестанский край, 438. Коса называется у киргиз „русским серпом“ (урус-урак), см. Г. В. Покровский и Н. И. Стогов,—Алайские аульные общества (Прилож. к статист. обзору Ферг. обл. 1911 г.), 138 (в словаре Радлова этого термина нет). Там же приводится слово чапка, по словарю Радлова чапкы („телеутское“) „коса“ (надо „серп“, die Sichel) горлушка. Коса, по Радлову, I, 1651 у башкир чалгы урак; чалгы у алтайцев и телеутов „коса“ (надо „серп“, die Sichel). По русско-киргизскому словарю 1899 г., коса — шалг орак, ср. шалгы орак у Радлова, IV, 965. Судя по этим лингвистическим данным коса могла проникнуть в северную часть киргизских степей также из Башкирии.

[4]) Масальский. Туркестанский край, стр. 501.

[5]) Масальский. Туркестанский край, стр. 469.

[6]) По словам Наливкина (Туземцы, 10), татар в Туркестане ко времени русского завоевания было около 5000.

появились только при русских под их влиянием. По словам Масальского, в селении Алмаз Ферганской области (Наманганского уезда) картофелем ежегодно засевалось до 300 десятин; по данным обзора 1911 года под картофелем было в Намаганском уезде 297 десятин на землях туземцев и частно-владельческих и только 10 десятин на крестьянских; для всей Ферганской области соответствующие цифры—853 и 166 (из них 134 в Андижанском уезде). В Самаркандском уезде, по данным 1908 года, на землях оседлых туземцев было засеяно картофелем 379 десятин. Более значительны посевы картофеля в Семиреченской области, где культура картофеля была заимствована от русских таранчами и дунганами. Как предмет питания, картофель среди туземцев не получил распространения.

Из других хлебных растений „до прихода русских почти вовсе не был известен в Средней Азии" овес[1]). Масальский говорит только о культуре овса у русского населения; по другим сведениям, в Семиреченской области овес кроме русских сеяли таранчи, дунгане и киргизы; по данным обзора 1899 г. на киргизских землях сеялось больше овса, чем на крестьянских и казацких вместе. Киргизам, как и другим турецким народностям, овес, повидимому, был известен до русских[2]); возможно, что русскими культура овса была только перенесена в более южные широты, чем прежде[3]).

Перечисляются еще некоторые другие отрасли сельского хозяйства, не существовавшие в Туркестане до русских (промышленное плодоводство, виноделие, культура сахарной свеклы, молочное хозяйство[4]); но эти отрасли частью были насаждены правительством, независимо от крестьянской колонизации, частью не вошли в обиход туземца (молочное хозяйство[5]).

Кроме влияния европейской культуры, через русских, туземцы во второй половине XIX века подвергались и некоторому влиянию культуры Дальнего Востока, через переселенцев из Кашгарии и Кульджинского края, покинувших свою родину в связи с политическими событиями. Самый многочисленный элемент—таранчи в Семиреченской области (около 83.000), один и тот же народ с кашгарскими сартами, отличающийся от них только по названию (таранчи—потомки кашгарских сартов, выселенных китайцами в XVIII веке из Кашга-

---

[1]) Масальский, стр. 450.

[2]) На это указывает широкое распространение турецких слов *сула* и *сулу*—овес. Ср. словарь Радлова, IV, 772—775.

[3]) Ср. слова Гейера о крестьянах села Троицкого, Ташкентского уезда: „им, между прочим, принадлежит почин культуры овса на широте Ташкентского уезда" (Сборн. С.-Д. обл. стат. ком., II, 311).

[4]) Масальский. Туркестан. край, 558.

[5]) То же самое относится к пчеловодству, которое, по словам Масальского (1913), только „в последние годы распространилось местами и среди туземцев". Русскими при завоевании пчеловодство было найдено только в горном селении Бричмулла, Ташкентского уезда, в небольших размерах (Справ. кн. Самарканд. обл., IX, 1907, 65).

рии в Кульджинский край). Таранчи принимали участие даже в развитии, при русском владычестве, городской жизни; они составляли главную массу (16000 из 25000) населения уездного города Джаркента, основанного русскими в 1882 г. на территории бывшего Кульджинского края, оставшейся за Россией по договору 1881 г. и присоединенной к Семиреченской области (русских в Джаркенте было всего 4.500 [1]). Менее многочисленны (всего 20.600), но экономически более крепки были другие переселенцы из бывших китайских владений [2]), дунгане—китайцы по языку и одежде, мусульмане по религии. Дунгане, также поселенные в Семиреченской области, оказали здесь влияние на развитие сельского хозяйства: по обзору Семиреченской области за 1899 г. (стр. 12) население до прихода дунган удовлетворяло свои потребности в рисе только путем ввоза из Сыр-Дарьинской области и Кульджинского края; дунгане впервые стали возделывать рис на месте, и скоро область не только не нуждалась в привозном рисе, но сама могла вывозить рис в соседние области; от дунган заимствовали культуру риса таранчи и киргизы [3]). Дунгане имели влияние и на городских мусульман: у сартов даже в самом Ташкенте вошли в моду дунганские шляпы [4]).

---

[1]) Аз. Россия, I, 334; Масальский. Туркест. край, 768.

[2]) Частью из Кульджинского края, частью из провинции Шань-си (выходцы из этой провинции в селении Каракунуз Пишпекского уезда, ср. статью В. Цибузгина и А. Шмакова в Зап. Семип. подотдела Р. Географ. Общ., вып. IV, 1909.

[3]) Ср. еще Ф. Поярков а, Последний эпизод дунганского восстания (Памятн. кн. Семир. обл. 1901 г.), стр. 73 и сл. Уже в конце 1890-х годов дунганский рис вывозился из Пишпека „во все города Туркестанского и Степного края“ (Пам. кн. Семир. обл. 1898 г., стр. 22).

[4]) Ср., напр., иллюстрацию у Fr. v. Schwarz, Turkestan, Freiburg im Br., 1900, 301. Несколько преувеличивая превосходство Дальнего Востока в области материальной культуры, Скайлер (Turkistan, II, 389) полагал, что для русских лучшим способом сделать Туркестан доходной страной было бы открыть туда доступ переселенцам-китайцам.

IX.

Городская жизнь.

Последствием русского завоевания, кроме развития земледелия в ущерб скотоводству, было значительное развитие городской жизни [1]); но города, даже основанные при русских, большею частью не сделались чисто-русскими по составу населения. В коренных областях Туркестана, Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской, русские большею частью присоединяли к старому городу новую, русскую часть, которая потом противополагалась „туземной“ или „азиатской“ и вместе с нею составляла один город. Только после завоевания Ферганы для устройства областного города была выбрана местность не рядом, а только по соседству (расстояние около 12 в.) от туземного города, притом не от главного города области—Коканда, но от менее значительного—Маргелана; поэтому „Новый Маргелан“, с 1907 года получивший название „Скобелев“ (ныне Фергана), по составу населения сделался русским городом (в 1911 г. из 11000 жителей считалось 7000 русских). Выбор места определился не сразу: Скобелевым была намечена другая местность, ближе к старому Маргелану, между этим городом и селением Яр-Мазар. Отступление от обычая—строить русский областной город рядом с главным туземным—было вызвано санитарными условиями; неблагоприятные санитарные условия в Коканде заставили отказаться от мысли устроить русский административный центр рядом с прежней столицей области и ханства [2]). Скобелев „отличается здоровой питьевой водой и наилучшими природными условиями из всех городов Туркестана“ [3]); тем не менее в печати было высказано сожаление, что в этом случае русский город был построен в стороне от прежнего центра жизни и потому остался „чисто административным центром, населенным почти исключительно лицами, состоящими на государственной службе, и их семьями.

[1]) По мнению А. И. Макшеева (Зап. Геогр. Общест. по отд. статист., т. II, 1871, стр. 35), „между городами и селениями Туркестанского края нет определенного различия в экономическом смысле“; поэтому он называет городами „только те пункты, в которых была до сих пор и останется, по новому положению, русская администрация“.

[2]) Масальский. Туркестанский край, 701.

[3]) Азиатская Россия, I, 325.

Между тем русские части городов Андижана и Коканда, будучи расположены в непосредственной близости от соименных туземных городов, стали крупными торговыми пунктами, с развитой — особенно в Коканде — общественной жизнью"; даже в санитарном отношении место, намечавшееся Скобелевым, будто бы было более благоприятным [1]). Масальский, по мнению которого место для основания Ферганского областного города было выбрано крайне удачно (город „по условиям жизни занимает одно из первых мест, если не первое, в Туркестане"), все-таки признает, что „торгово-промышленная жизнь в Скобелеве развита сравнительно слабо" [2]). Приходится, таким образом, отметить замечательный факт, что в области, занимавшей первое место в экономической жизни Туркестана, город, построенный русскими, с преобладанием русского населения, не имел почти никакого торгово-промышленного значения, тогда как в тех городах, где по преимуществу сосредоточивалась торгово-промышленная жизнь— Коканде, Намангане и Андижане,—число русских было совершенно ничтожно по сравнению с числом туземцев, хотя в каждом из них (в Коканде только с 1885 г.) рядом с „туземной" частью была русская (по сведениям 1911 г. православных и мусульман в Коканде 5220 и 111390, в Намангане 1157 и 77139, в Андижане 3700 и 76543). Из этого, конечно, не следует, чтобы представители русской торговли, промышленности и техники в Фергане не оказывали влияния на жизнь туземца. Помимо городов,русские проникали в сельские местности; даже в Кокандском уезде, где не было ни одного русского селения, в 1911 г. считалось 1649 православных (кроме города), в Скобелевском уезде—3589. В Скобелевском уезде, в селении Ассаке, „центре хлопководства и торговли хлопком", был отмечен в 1908 г. „первый опыт постройки самим (туземным) населением солидного и ценного ирригационного сооружения по европейскому образцу — шлюза из жженого кирпича, на цементе, с бетонным фундаментом и с железными щитами", у головы арыка Иса-аулия, берущего начало из Шарихан-сая [3]).

В Самаркандской области возникли только „русские части" при старых городах (Самарканде, Ходженте, Ура-тюбе, Джизаке и Катта-Кургане), хотя в одном городе, Джизаке, русская часть (сначала „укрепление Ключевое") находилась от туземной в трех верстах. Сколько-нибудь значительными размерами отличалась только русская часть Самарканда, где по сведениям 1908 г. считалось 11654 православных (из общего числа жителей 80706), во всех остальных городах области, вместе взятых, только 2080 (из общего числа 84138).

В Сыр-Дарьинской области русскими была восстановлена исчез-

---

[1]) Обзор Ферганской обл. 1907 г., 9.
[2]) Масальский. Туркестанский край, 706.
[3]) Обзор Ферганской области, 1908 г., 23.

нувшая в XIV веке (кроме существовавшего еще несколько веков Сугнака) городская жизнь по низовьям Сыр-Дарьи; но и в этих городах, Казалинске (первоначально „Казала“) и Перовске, русские составляют только половину населения, причем и этот результат был достигнут только в недавнее время, после проведения железной дороги; по переписи 1897 г. в Казалинске было только 2610 русских из 7585 жителей, в Перовске—742 из 5508. Чисто русским оставался небольшой городок (менее 3000 жителей) Петро-Александровск (после Турткуль), центр управления Аму-Дарьинским отделом, образованным после хивинского похода 1873 г. Город (сначала небольшое укрепление) был построен в 5 вер. от большого селения Шурахан и в 243 вер. от экономического центра отдела, селения Чимбай, которое и в 1910 г. по числу жителей (около 4000) превосходило Петро-Александровск. Чимбайский район считался житницей отдела [1]).

Совершенно исключительное положение в Сыр-Дарьинской области занимал, как до русского завоевания, так в особенности после него, Ташкент. Вследствие отсутствия точных статистических данных нельзя установить, был-ли Ташкент самым многолюдным городом Кокандского ханства, т. е. превосходил ли он по числу жителей Коканд [2]); во всяком случае города Сыр-Дарьинской области и тогда не могли бы выдержать с ним даже самого отдаленного сравнения. При русских Ташкент сделался самым многолюдным городом не только Туркестана, но и всей Азиатской России. Русская часть по числу жителей значительно уступала туземной, но все же число русских жителей постепенно дошло до 50000; другого города с таким числом русского населения не было во всем крае. Поэтому в Ташкенте несравненно в большей степени, чем в других городах, могла получить развитие общественная жизнь в европейском смысле слова, к которой отчасти были привлечены и туземцы, особенно со времени распространения на Ташкент, в 1877 г., с некоторыми изменениями, городового положения 16 июня 1870 г. По правилам о применении этого положения к Ташкенту две трети гласных избирались русской частью города, одна треть—„азиатской“, причем пассивным избирательным правом в каждом случае пользовались также только обыватели соответствующей части. Это неравенство имело, собственно, не национальное, а территориальное значение; русские, переселившиеся в „азиатскую“ часть города, по активному и пассивному избирательному праву приравнивались к туземцам и в таком смысле это правило применялось и на деле; указывалось, что вследствие такого состава ташкентской городской думы городские средства тратились почти исключи-

[1]) Изв. Р. Географ. Общ., XLVI (1910), 391.

[2]) По данным, собранным в 1865 г. переводчиком Бекчуриным, в Ташкенте и Коканде одинаково было по 100000 населения; по сведениям, сообщенным в конце 1866 г. управлявшими населением, в Ташкенте—80000 (Романовский. Заметки по среднеазиатскому вопросу. Спб. 1868, 281 и сл.).

тельно на благоустройство русской части. Национальный, а не территориальный принцип был положен в основу при определении состава городской управы, хотя первоначальный план правил (в приказе генерал-губернатора, в августе 1877 г.) был составлен в смысле защиты прав туземцев: „Из общего числа членов городской управы, третья часть их избирается обязательно из туземцев, знающих русский язык", т. е. было постановлено, чтобы туземцы составляли не менее трети членов управы. В окончательном тексте правил, получившем законодательную санкцию (высочайше утвержденное 5 декабря мнение государственного совета), даже знание членами управы — туземцами—русского языка уже не признается безусловно обязательным: „Одна треть общего числа членов управы избираются из туземцев, при чем преимущество отдается знающим русский язык". Обыкновенно членов управы было шесть, из них два туземца; в сессию 1910—1914 гг. из шести членов управы был только один туземец, Максут-Ходжа-Атта-Падша-Ходжаев, работавший в думе уже восьмую сессию. В первую сессию из обывателей туземной части было избрано 24 гласных (по 8 в каждом из трех разрядов), из них 20 сартов, 2 чиновника-мусульманина (один из них—переводчик при генерал-губернаторе) и 2 татарина.

Даже такое представительство было для туземцев лучшей школой в деле усвоения европейской общественности и имело бы еще больше значения, если бы то же самое положение было применено к другим туркестанским городам со значительным туземным населением; но в этих городах население русских частей было настолько немногочисленно, что организация городского управления по ташкентскому образцу была бы невозможной. Даже стотысячный Коканд должен был довольствоваться и во втором десятилетии XX в. „городским хозяйственным управлением", какое было и в Ташкенте с 1870 до 1877 гг. Туркестанская администрация после Кауфмана не только не считала нужным содействовать дальнейшему развитию городского самоуправления, но даже в существовании ташкентской городской думы, как и в существовании независимого от администрации русского суда, введенного положением 12 июня 1886 г., видела подрыв своему авторитету. При генерал-губернаторе бароне Вревском (1889—1898) возбуждался вопрос об упразднении ташкентской городской думы или, по крайней мере, о замене более либерального положения 1870 г. положением 1892 г., о подчинении суда администрации или, по крайней мере, о введении, по образцу внутренней России, положения о земских начальниках; указывалось также на необходимость уничтожения введенного русской властью выборного порядка замещения должности туземных судей—казиев (у оседлого населения) и биев (у кочевого). Ни один из этих проектов, несмотря на настояние администрации, не был проведен в жизнь; даже в Ташкенте секретарем думы в 1912 г., по случаю 35-тилетия городского самоупра-

вления, было отмечено, что Ташкент „ныне является единственным городом в империи, где действует городовое положение 1870 года".

Более, чем на какой-либо другой окраине, в Туркестане вся умственная жизнь сосредоточивалась в одном городе. Отъезд из Ташкента в другие местности Туркестана считался отъездом „в провинцию"; это выражение употреблялось даже в печати, также составлявшей одну из особенностей Ташкента. Попытки издавать газеты в других городах не имели прочного успеха (некоторыми, хотя тоже непрочными успехами в этом деле могли похвалиться Самарканд и впоследствии города Ферганы): в Ташкенте могли выходить в свет не только газеты (несмотря на крайне неблагоприятные условия цензурные и другие), но и журналы (последним, правда, не удавалось прочно обеспечить свое существование), и издания довольно многочисленных научных обществ и кружков. Но вся эта общественная жизнь сосредоточивалась в русской части; не делалось никаких серьезных попыток приобщить к ней туземцев. Даже редактор официальной „Туркестанской туземной газеты", фактически пользовавшийся сотрудничеством туземцев, находил, что „сотрудники из туземцев почти невозможны, потому что они не понимают условий печати и не могут отрешиться в своих сообщениях от личных расчетов" [1]). Вместо русских насаждение европейских форм общественности, как и европейской школы, приняли на себя татары. Жизнь татарских газет, издававшихся между 1906 и 1908 гг., могла быть прекращена распоряжениями властей; жизнь татарских новометодных школ только на короткое время могла быть парализована беспримерным распоряжением, чтобы преподаватель принадлежал к той же национальности, как ученики; еще труднее было найти законную почву для борьбы с мусульманскими благотворительными обществами, или, как их сокращенно называли, мусульманскими обществами; и действительно, эти общества открывались татарами не столько для благотворительных целей, сколько для успеха идеи солидарности мусульманских народов; по словам В. А. Гордлевского, „то были ячейки, собиравшие раздробленные силы мусульман". Представители русского консерватизма находили нежелательным все, что может способствовать „обособлению мусульманского населения России", в том числе „общества взаимопомощи и особые благотворительные общества и читальни для мусульман"; [2]) но несомненно, что „обособлению" мусульман и успеху татарской деятельности много содействовали сами русские, слишком мало заботившиеся об установлении связи между русскими и туземными частями туркестанских городов, на приемлемых для туземца основах. Мусульманское благотворительное общество действовало в Ташкенте с 1909 г.; несомненно и это обще-

[1]) Н. П. Остроумов. Сарты (3-е изд., 1908), 171.
[2]) Н. П. Остроумов. Коран и прогресс. Ташк. 1901, 246 и сл.

ство возникло под татарским влиянием, хотя председателем его был местный богатый купец Сеид-Карим Сеид-Азимбаев, отец которого, вместе со своими сыновьями Сеид-Каримом и Сеид-Гани и зятем Ариф-ходжей, считался сторонником русского влияния и русской школы [1]).

При каждом из городов Сыр-Дарьинской области, существовавших до русского завоевания (Туркестан, Чимкент, Аулие-ата), возникла русская часть; замечательно, что по дореволюционному административному делению именно тот город, которому по числу жителей принадлежало второе место в области, Туркестан (до 20000 жителей), был признан безуездным или заштатным, может быть потому, что русское население в нем было еще малочисленнее, чем в двух других городах. Первоначально предполагалось, что в Кураминском или Ташкентском уезде будет особый уездный город, так как Ташкент должен был быть особым градоначальством с отдельным от уезда управлением. Макшеев в 1867 г. полагал, что уездным городом Ташкентского уезда будет Той-тюбе, в то время селение в 2000 дворов: фактически Кураминский уездный начальник до введения положения 1886 г. жил в Куйлюке, который, однако, не сделался городским поселением и оставался в это время „небольшой деревней", хотя дом уездного начальника был окружен обширными садами и походил на дворец [2]).

В Семиреченской и Закаспийской областях русские нашли только развалины прежних городов. Даже около кокандских крепостей, построенных в XIX в. в Чуйской долине и в местности по Нарыну, до прихода русских успели образоваться только селения, из которых самым крупным был Пишпек (около 1000 дворов). Насколько киргизы были недовольны сартовской колонизацией, видно из того, что после падения кокандских крепостей и ухода сартов киргизы „сравняли сартовские поселения с землею и превратили в кочевья, так что теперь почти не заметно следов их поселений" [3]). Но сартовскую колонизацию сменила более прочная и еще менее желательная для киргиз колонизация русская. В местности к югу от Или при устройстве в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства были образованы два уезда, Верненский и Токмакский. Построенное в 1854 г. укрепление Верное было преобразовано в город Верный, областной город вновь образованной Семиреченской области. Туземцы перенесли на новый город название Алматы, как издавна называлась вся местность, перевал из ущелья Большого Кебина (приток Чу) в бассейн Или, озеро (Алматинское) и впадающие в Каскелен, приток Или, речки (Большая и Малая Алматинки). Остатки старого поселения находятся

---

[1]) Н. П. Остроумов. Сарты, вып. I. Ташк. 1890, 63 и сл.

[2]) Schuyler. Turkistan, I, 325.

[3]) Пам. кн. Семир. обл., 1898 г., 36.

к ю. з. от города, против ущелья Большой Алматинки. Сарты рано старались использовать для своих торговых целей утверждение русских в Семиречье; В. В. Радлов уже в 1862 г. видел в Копале большое число мусульманских купцов, среди которых преобладали ташкентские сарты; даже семипалатинских татар было гораздо меньше [1]). Сарты, конечно, нашли путь в Верный, где их уже в 1871 г. считалось 565 человек, больше чем киргиз (403); тем не менее преобладающим элементом населения здесь остались русские, которых в 1911 г. считалось 26000 из общего числа 35000 слишком. Вследствие преобладания в Верном русского населения, этот город при учреждении туркестанской епархии (1872) был избран местопребыванием архиерея; утверждают также, что генерал-губернатор Кауфман, противник миссионерства, не желал видеть в Ташкенте ни архиереев, ни жандармов (охранное отделение появилось в Ташкенте только в конце 1907 года). Связь с пребыванием епископа в Верном имеет, вероятно, такой исключительный для Туркестана факт, как открытие в 1885 г. на северном берегу Иссык-куля, против Курмектинского ущелья, недалеко от старого укрепления, миссионерского монастыря (Святотроицкого) со значительным земельным наделом (2274 1/2 десятины) и очень немногочисленной братией (в 1902 г. 9 монахов и 2 послушника; по сведениям 1909 г. послушников было около 15). Ни архиерейская кафедра, ни монастырь не имели, конечно, никакого влияния на культурную жизнь туземцев, хотя в монастыре достигло некоторых успехов пчеловодство [2]). Ташкентское городское самоуправление впоследствии видело в пребывании епископа в Верном некоторое нарушение столичных прав своего города и потому возбудило вопрос о переселении епископа в Ташкент, обещаясь назначить значительные средства на постройку архиерейского дома.

Управление юго-западным уездом Семиречья сначала было сосредоточено в Токмаке. По мнению Радлова, место для постройки города было выбрано крайне неудачно; прежняя кокандская крепость находилась около гор, в здоровой местности; русский Токмак был построен на самом берегу Чу, среди болот [3]). Впоследствии уездное управление было перенесено в основанный в 1878 году, близ кокандской крепости, город Пишпек, вследствие чего и уезд был переименован в Пишпекский. Токмак из уездного города сделался торговым местечком. Пишпек заключал в себе в 1897 г. 6163 жителя, из которых русских было 2563, т. е. несколько меньше половины; около 1910 г. около 14000, из них русских более 8000. Как видно из местоположения курганов и других остатков прошлого, в том числе несто-

[1]) Aus Sibirien, I, 114.

[2]) Около 1910 г. предполагалось открытие при монастыре, очевидно, с миссионерскими целями, школы для киргизских детей с интернатом. Очевидно, это не было приведено в исполнение.

[3]) Aus Sibirien, I, 119 и сл.

рианских кладбищ, жизнь в средние века сосредоточивалась южнее современных Пишпека и Токмака, и дороги между ними, ближе к горам.

Столь же новым городом был Каракол к юго-востоку от Иссык-куля, на берегу речки того же имени, после смерти Н. М. Пржевальского (1888) переименованный в Пржевальск. По словам Радлова, первоначально предполагали построить город несколько дальше к востоку, на берегу Аксу; на Караколе город строился в 1869 г., когда здесь был Радлов; в то время только начинали строить первые дома; чиновники жили в юртах, солдаты в палатках. В 1868 г., в труде Макшеева, главным пунктом „Иссык-Кульского уезда" назван „город Аксу"; в 8 в. от города, на р. Караколе, находилась „татарская слободка". На карте при труде Романовского (1867) отмечено только „укрепление Аксуйское"; Каракола нет. Еще в 70-х годах (в энциклопедическом словаре Березина) Каракол назывался безуездным городом Иссык-Кульского уезда или „пограничным пунктом, населенным войсками". К концу 70-х годов в нем считалось 2777 (по словарю Березина 4201) жителей, к 1910 г.—до 15000, из них до 6000 русских.

Русское завоевание, таким образом, уничтожило в Семиречье сартовскую земледельческую колонизацию, но содействовало поселению сартов-горожан и торговцев [1]). Вследствие русских законов о нехристианах, законов, направленных в Европейской России против евреев, но применявшихся к мусульманам, участие мусульман в городском самоуправлении было гораздо слабее, чем можно было бы ожидать по их численности. В Верном с 1879 г. действовало городовое положение, с городским головой, думой и управой; в пяти уездных городах Семиречья было введено упрощенное общественное управление по положению 1892 г., с городскими старостами. В 1902 г. из пяти городов только в Копале мусульманин был помощником городского старосты (в 1904 г. городским старостой); в Верном и во всех пяти уездных городах мусульмане были среди членов городских сиротских судов.

Закаспийская область находилась в таких же условиях, как Семиреченская, с той разницей, что здесь городов и при русских возникло еще меньше. Кроме областного города, Асхабада, возникло два уездных, Красноводск и Мерв; в двух обширных уездах, Мангышлакском и Тедженском, городов не было совсем; центр управления Мангышлакским уездом, форт Александровский, только официально считался городом. Областной город Асхабад, основанный в 1881 г., достиг некоторого процветания; в печати отмечался факт, что Асхабад „прогрессировал быстрее других туркестанских городов, не исключая Ташкента"; по переписи 1897 г. в нем уже было 19426 жителей;

---

[1]) О значительном расширении, под влиянием умиротворения степи русскими, торговых операций сартов говорит Наливкин (Туземцы, 89 и сл).

значительно меньше (12981) было число жителей в русской части Ташкента (без воинских чинов) в 1890 г., через 25 лет после ее основания. Даже постройка железной дороги Оренбург-Ташкент, отвлекшая от Закаспийской дороги значительную часть грузов, не отразилась на росте Асхабада; к 1911 г. число жителей дошло до 44000, но из этого числа русских было всего 9000, т. е. немногим более 1/5. Главной причиной роста Асхабада была, повидимому, эмиграция из Закавказья и Персии. Для всей Закаспийской области было отмечено понижение процента православного населения после переписи 1897 г. и до 1911 г. (с 8,9% до 8,1%), вследствие более быстрого роста населения всей области (23,5 %), чем числа православных и старообрядцев (13,5 %). По переписи 1897 г. число русских в Закаспийской области превосходило, хотя и незначительно, число пришлых инородцев (33273 против 31488); к 1911 г. число пришлых инородцев превосходило число русских почти на 25% (50152 против 41671). В значительной степени это объясняется иммиграцией персов, число которых с 1897 г. почти утроилось (24350 против 8600). Число коренных инородцев, т. е. туркмен, живших в городах, во время переписи 1897 г. было совершенно ничтожно (1432).

Асхабадская интеллигенция успешнее, чем интеллигенция других туркестанских городов, соперничала с ташкентской; удалось хорошо оборудовать библиотеку и музей и построить для них, притом еще раньше, чем в Самарканде, особое здание (в Ташкенте такового до революции не было); издавались газеты и журналы, основывались научные общества и т. п. Характерно для Асхабада было крайне странное, при незначительном количестве русского населения, раздробление сил; издавались две частных газеты (одна из них субсидировалась) „Закаспийское обозрение“ и „Асхабад“; в 1902 г. была сделана попытка учредить два научных общества, приблизительно с одинаковыми задачами, „Общество исследователей Закаспийского края“ и „Закаспийский кружок любителей археологии и истории“. Ни тому, ни другому не удалось упрочить своего существования; кружок лет через десять, уже во время войны, сделал попытку возобновить свою деятельность и успел напечатать три выпуска своих протоколов. В 1903 г. „Закаспийским Обозрением“ была сделана неудачная попытка издавать газету на персидском языке, причем печатался и „перевод статей, помещенных на персидском языке“; в действительности этот русский текст был оригиналом, персидский — очень плохим переводом с русского.

В другом значительном городе Закаспийской области, Мерве, основанном в 1884 г., русское население также составляло только немногим более трети (5500 из 16000; по переписи 1897 г. число населения было только 8553). Город имел некоторое значение для торговли, но, конечно, не для умственной жизни. Преобладанием инородческого элемента, вероятно, объясняется, почему даже в сравнительно

многолюдном (числом жителей превосходившем Верный) Асхабаде не было введено городское самоуправление.

В центре общественной жизни Туркестана, Ташкенте, легче всего можно проследить влияние русской городской жизни на быт туземца, хотя первый интеллигентный сарт, научившийся русскому языку (от офицера-татарина Еникеева), Саттар-хан (собственно Абду-с-Саттар-ходжа) Абдулгафаров, жил сначала в Чимкенте и там был учителем первой открытой в Туркестане русско-туземной школы (1874—1876). Тот-же Саттар-хан в 1876 г. ездил в Петербург на международный конгресс ориенталистов, вместе с тремя другими туземцами, сартом Мухаммед-Куловым, одним из ташкентских аксакалов, узбеком Джурабеком, бывшим владетелем Китаба, впоследствии генералом русской службы, носившим даже после отставки русский генеральский мундир и хорошо говорившим по-русски (убит в 1906 г. в своем имении близ Ташкента, на арыке Карасу), и киргизом Ниязовым. Эти путешествия сделались гораздо более частыми, с тех пор как в Туркестан стали проникать железные дороги, что совершалось гораздо медленнее, чем можно было ожидать. Долгое время (1888—1899) конечным пунктом железной дороги от Каспийского моря оставался Самарканд; с Ташкентом, столицей края, было только почтовое сообщение. Только в XX в. было установлено непрерывное железнодорожное сообщение Туркестана с Европейской Россией через Оренбург; задача установления такого же сообщения с Сибирью остается неразрешенной до сих пор; Семиречье и Аулиеатинский уезд, кроме его западной пограничной полосы, оставались до последнего времени вне железнодорожной сети. Проведение дороги в Самарканд стало привлекать туда западно-европейских туристов.

Вскоре после этого сарты нашли дорогу в западную Европу; в 1900 году ташкентский купец Таджи-Мухаммед Иса-Мухаммедов ездил на парижскую выставку и оттуда в Лондон; в 1902 г. Н. П. Остроумов встретил в вагоне наманганского купца, возвращавшегося из поездки в Париж, Вену и Берлин. С тех пор, по свидетельству Наливкина, прежняя „малая подвижность“ сартов стала уступать место противоположному свойству—лишнее доказательство, что Наливкин напрасно считал эту „малую подвижность“ коренным свойством сартского народа и переносил ее из XIX века в прошлое.

Туземцы, сближавшиеся с русскими и научавшиеся говорить по-русски, усваивали преимущественно внешнюю сторону русской жизни, большею частью отрицательные стороны, научались вести легкомысленный образ жизни, пить вино и пиво; это относится даже к ученым, представителям религии, как муфтий, впоследствии казий Саттар-хан. Русскими медалями и другими наградами был создан, по словам Наливкина [1]), класс „почетных туземцев“, не всегда при-

[1]) Наливкин. Туземцы, 72 и сл. Там же (стр. 91) о Саттар-хане, как одном из „отщепенцев, которые от своих отстали, а к чужим не пристали“. Для них была

надлежавших к числу лучших представителей своего народа. Обладавший значительной библиотекой и читавший много исторических сочинений Джурабек не без основания сравнивал (в разговоре со мной) русское управление с управлением монголов: по его словам, и при русских, как при монголах, дурным людям удавалось посредством лживых изъявлений преданности обманывать иноплеменных завоевателей и под их покровительством притеснять своих соплеменников. У туркмен родовые старшины (кетхуды), не имевшие никаких официальных полномочий и державшиеся в стороне от русских, часто пользовались в народе большим уважением, чем люди, посредством подкупа и при помощи покровительства русских добивавшиеся избрания на должности по администрации или по суду. Даже в степи при русских образовалась своего рода денежная аристократия (аткамнары, т.-е. „всадники"), заменившая прежнюю родовую; в городах расширением торговых оборотов воспользовались, конечно, преимущественно богачи. В Фергане класс баев, т.-е. богачей, стал между туземным крестьянством и русскими скупщиками хлопка. В ташкентской купеческой среде появились такие капиталы, каких прежде не было; по словам одного из знатоков края, в Ташкенте прежде „считали крупными богачами людей, имеющих 10—15 тысяч рублей; в наше же время (статья написана в 1903 г.) для того, чтобы считаться известным богачем среди сартов, необходимо иметь, по крайней мере, до полумиллиона". В той же статье [1]) и в труде Н. П. Остроумова о сартах говорится об изменении, под влиянием русских, внешней обстановки, преимущественно в богатых домах: появление окон на улицу, меблировка гостиных, иногда и кабинета хозяина по европейскому образцу и т. п. Н. П. Остроумов указывает, как на характерный пример, на дом Ариф-ходжи в русской части Ташкента и во внешнем виде этого дома видит символ сближения двух народностей. Одна половина дома не только внутри, но и извне построена по образцу русских домов; на другой, предназначенной для женщин, едва отразилось русское влияние; нет и окон на улицу, хотя место для них намечено. Н. П. Остроумов полагал, что „когда придет время, пробить их будет нужно, хотя может быть и не сразу, не все вдруг и не во весь намеченный с фасада размер" [2]).

О степени влияния русских не на жизнь отдельных лиц, но на общегородскую жизнь, лучше всего дает понятие изменение внешнего вида туземных городов. Этого вопроса сравнительно мало касалась местная печать; даже в статье такого знатока туземного Ташкента, как Н. С. Лыкошин, говорится только о сохранении „преж-

придумана кличка „чокунды" (выкрест; в словаре Радлова нет и этимология не ясна).

[1]) Н. С. Лыкошина „Результаты сближения русских с туземцами" (Туркест. календарь на 1904 год).

[2]) Сарты, вып. I (1890), 67.

него лабиринта извилистых узких улиц" и не упоминается о значительном расширении прорезывающих город главных базарных улиц, не столько действиями городского самоуправления, сравнительно мало заботившегося о туземной части, сколько распоряжениями администрации. Такие меры применялись администрацией не в одном только Ташкенте; так в Самарканде в начале 80-х годов была расширена улица в северной части города, между ташкентским трактом и базаром, причем оказалось необходимым перенести на новое место гробницы ханов из династии Шейбанидов, что было сделано русской властью по соглашению с „влиятельными туземцами". Иногда по вопросам о таких перестройках приходилось даже официально обращаться к представителям шари'ата; так поступил русский начальник города Ташкента в 1886 г., когда возникло сомнение, можно-ли при переустройстве базаров касаться лавок, выстроенных на вакуфной земле. Расширение и выпрямление базарных улиц происходило, конечно, насчет соседних переулков, вследствие чего несколько изменился план города, тогда как в Самарканде в 1868 г., по исследованиям Вяткина, „расположение улиц, даже второстепенных, было совершенно то же", как при первых Шейбанидах. Кроме того, везде постепенно разрушались окружавшие города глинобитные стены. В этом разрыве с традициями средневекового города везде в Европе видели прогрессивное явление,—необходимое условие для оздоровления городов; в Ташкенте мне пришлось слышать от стариков-туземцев, что после исчезновения городских стен с запиравшимися на ночь воротами, уже нельзя спать по ночам так спокойно, как прежде.

Русская власть первоначально была склонна оставить полицейский надзор в туземной части Ташкента в ведении туземцев; даже положение 1886 г. ограничилось переименованием выборных аксакалов (старост) в старшин, причем главой полиции был старший аксакал, которому был подчинен туземный штат полицейских. Положение было изменено в 1892 г. не ради обеспечения городского благоустройства, но ради наблюдения за политическим настроением жителей, вследствие неожиданного для русских властей холерного бунта, причем утверждали (на суде это осталось недоказанным), что движение толпы происходило под руководством двух ишанов и с криками о священной войне. После этого у аксакалов были отняты полицейские функции и переданы русскому полицеймейстеру, с двумя приставами и двумя помощниками приставов; в жизни полицеймейстер туземной части обыкновенно назывался помощником начальника города, туземцы называли его, как уездных начальников, хакимом. Штат полиции как в туземной части, так и в русской состоял большей частью из туземцев.

Предметом забот городского управления в Ташкенте был, между прочим, вопрос о снабжении города водой. Надзор за ирригацион-

ными сооружениями всецело оставался в руках туземных арык-аксакалов; еще в 1909 году, в записке городского головы Н. Г. Маллицкого, только высказывалось пожелание, чтобы к этому делу был привлечен „специалист-инженер, вооруженный знанием европейской гидротехники". В вопросе об освещении яснее всего проявилось неравноправие частей города. До введения городского самоуправления в туземной части не было ни одного фонаря, к концу 1887 г.— только 100 из 606; введенные в 1905 году керосино-калильные фонари почти все были помещены в русской части, где их к 1 января 1907 г. было 207 из 208, к 1 январю 1909 г.—297 из 321 (все 24 фонаря туземной части были на Шейхантаурской улице, главной дороге из русской части на туземный базар), к концу того же года— 319 из 376.

Большое значение для туземной части Ташкента имело открытие почтово-телеграфной конторы, что произошло только в 1894 г. (почтовое отделение было открыто еще в 1892 г.). Деятельность конторы дает некоторое представление о жизни туземной части сравнительно с русской. В 1909 г. в туземной части было получено 24204 номера газет, из них $^2/_3$ мусульманских[1]), в русской части—849520 номеров. В сберегательных кассах при почтовых конторах в туземной части ежегодно до 100 вкладчиков вносили 3—5000 рублей, в русской части до 650 вкладчиков до 165.000 рублей; за-то гербовой и вексельной бумаги ежегодно продавалось в туземной части на сумму от 20 до 25.000 р., в русской—только от 5 до 12.000 р.

Для приобщения к русской умственной жизни масс туземного населения в туземных частях городов иногда устраивались народные чтения. Это составляло одну из задач „Комиссии народных чтений" в Ташкенте (с 1898 года) и „кружка народных чтений" в Самарканде. 18 марта 1901 года в старом (XVII века) самаркандском медресе Ширдор было устроено такое чтение с туманными картинами, причем молодой мулла Махмуд читал „Чем люди живы" Толстого, в переводе Н. П. Остроумова (произведениями Толстого увлекался и Саттар-хан, имевший возможность читать их по-русски), перед аудиторией в 4—5000 человек. В Ташкенте только в феврале 1899 г., притом в русской части (в здании мужской гимназии), был сделан „первый опыт ознакомления туземцев с успехами европейской науки в форме публичной лекции"; лектором, муллой Алимом (сотрудником „Туземной газеты"), был прочитан перевод брошюры С. М. Граменицкого (инспектора народных училищ) о главнейших результатах, достигнутых в Европе положительными науками. Для Туркестана эти чтения были новым явлением; из явлений средневековой культурной жизни на них более всего походили проповеди

[1]) По словам Наливкина (Туземцы, 124), в Средней Азии получил распространение индийский орган панисламизма „Хабль-ал-матин" (крепкая связь), издающийся на персидском языке.

известных своим красноречием ученых, иногда произносившиеся под открытым небом перед многочисленной аудиторией, в состав которой входили и государи, и знать, и толпа; но за последние века в Туркестáне таких проповедников, насколько известно, не было, не было и всесословных собраний, кроме богослужебных. Представители знания не выступали перед толпой, которая для своего назидания имела меддахов — уличных проповедников, прославлявших мусульманских святых, особенно Алия, для своего развлечения — кукольный театр (без туманных картин, известных арабам и туркам) и представления в лицах, устраивавшиеся уличными актерами. Представления кукольные и в лицах обыкновенно давались по вечерам в месяц рамазан, когда этот месяц приходился на зимнее время, и посещались многими русскими; подробного исследования о них, насколько мне известно, в русской литературе, однако, не существует; между тем они представляли бы несомненный интерес, как зародыш драматической литературы, впоследствии возникшей у сартов под чужим влиянием, и как материал по истории общественной жизни под русским владычеством. Драматическое искусство еще до русских достигло у сартов некоторых успехов; среди лицедеев были искусные актеры, дававшие представления при ханском дворе, как Закир-джан[1]), пользовавшийся одно время успехом у Худоярхана.

На сцену выводились в 70-х и 80-х годах даже русские губернаторы и уездные начальники; впоследствии это прекратилось, вероятно, по требованию властей; одним из любимых героев кукольного театра в то время, когда мне удалось с ним ознакомиться (зимой 1893—4 гг.), был доктор Батыршин, городской врач из татар, заслуженный проводник среди туземцев начал европейской культуры. Несомненно, что эти сцены представляли и лингвистический интерес, как памятник живой туземной речи, в противоположность тяжеловесному слогу туземной письменности.

---

[1]) О нем Н. П. Остроумов,—Сарты, изд. 3, 73 и сл.

X.

Туземцы и русская власть.

Русские власти с первых лет завоевания обращались к местному общественному мнению и старались проводить свои мероприятия с помощью его представителей. Одним из первых таких обращений было объявление Оренбургского генерал-губернатора Крыжановского жителям Ташкента от 29 октября 1865 г., что Ташкент должен составлять независимое государство под покровительством России и что выработать проект управления им поручено губернатору Туркестанской области Черняеву. Еще раньше (адрес был подан 18 сентября) был составлен от имени жителей Ташкента адрес генерал-губернатору, в котором Ташкент отказывался от права избрать себе начальника из своей среды и просил поручить управление Туркестанской областью от Иссык-куля до Аральского моря, с границей по Сыр-Дарье, генералу Черняеву, с правом назначать „закатчиев, курбашиев, аксакалов и тому подобных служащих лиц", тогда как решение дел по шари'ату предоставить кази-каляну, т. е. главному казию и поручить ему же назначать казиев, улемов, муфтиев, реисов, мутевалиев и имамов, с утверждения генерала Черняева: последняя оговорка показывает, что Н. П. Остроумов [1]) едва ли прав, когда находит, что в этом проекте „казы-каляну предоставлялось больше значения, чем генералу Черняеву". В проекте сделана ссылка на права Оренбургского муфтия в России, из чего видно, что он был составлен под влиянием татар-переводчиков [2]); сюда же относится, вероятно, требование, чтобы с жителей не взималось никаких податей, кроме десятой доли ежегодного дохода „натурой и деньгами", „на основании шариата". В действительности податная система при кокандских ханах была иная: ташкентцы вносили по какой-то старой переписи плату с 3000 домов, тогда как на самом деле число домов достигало

[1]) Протоколы Турк. кр. люб. арх., год XX (1915), 23. Ср. мнение Терентьева: „Краем управлял бы мусульманский папа, а русские войска только оберегали бы спокойствие его святейшества" (Терентьев, I, 328).

[2]) Ср. рассказ Терентьева, I, 327, о действиях Сеид-Азим-бая, под влиянием которого туземцами были приложены печати к чистому листу. „Затем написан был текст адреса, о котором жители и не знали".

20000 [1]), т. е. производились именно те „сборы за дворовые места, находящиеся внутри Ташкента", которых жители просили не взимать, как не полагающихся по шари'ату.

В адресе туземцев ничего не было сказано о порядке замещения должности кази-каляна; очевидно, предполагалось, что лицо, занимавшее эту должность в момент завоевания, будет утверждено в ней русскою властью и что его преемники также будут назначаться приказами губернатора, как прежде—ханскими ярлыками. Фактически такие должности часто переходили по наследству от отца к сыну и ожидалось, что то же самое будет происходить при русских. Приказом Черняева, действительно, был утвержден в должности кази-каляна Хаким-ходжа, назначенный на ту же должность несколько раньше (в 1281-1864—5 г.) ярлыком кокандского хана Сеид-Мух.-Султана. В приказе говорится также об утверждении в их должностях ряда лиц, перечисленных в особом списке (к изданному приказу этот список не приложен), причем кази-каляну предоставлялось дать им соответствующие предписания о вступлении в должность. Из этого видно, что русским правительством было удовлетворено также пожелание о подчинении кази-каляну казиев, улемов и др. [2]). Приказ был издан на турецком языке с русским переводом, что было разрывом с местными традициями: языком официального делопроизводства в Ташкенте, несмотря на преобладание в самом городе турецкого языка, был персидский, на котором и издавались ханские ярлыки, за исключением вступления: „Хан (такой-то), наше слово". На персидском языке был составлен и ярлык Сеид-Мух.-Султан-хана о назначении Хаким-ходжи.

Старший брат Хаким-ходжи Ай-ходжа (ему при взятии Ташкента было 70 лет, его брату 50) занимал в Ташкенте должность шейху-ль-ислама; он был назначен на эту должность ярлыком Худоярхана в 1862 г. и утвержден в следующем году ярлыком Сеид-Мух.-Султан-хана; из текста первой грамоты видно, что с должностью шейхуль-ислама в Ташкенте было связано заведывание вакуфами, причем ему были подчинены все мутеваллии. О сохранении должности шейхуль-ислама и об отношении ее к должности кази-каляна в адресе туземцев ничего не говорится, хотя в нем упоминается о неприкосновенности вакуфов. Документов об утверждении шейху-ль-ислама русской властью также нет, есть только сохранившееся у правнука Ай-ходжи свидетельство за подписью Крыжановского от 26 сентября

---

[1]) По словам А. И. Макшеева (Зап. Геогр. Общ. по отд. статистики, II, 35), „в городе Ташкенте показывалось сначала свыше 30 тысяч домов, потом около 16 тыс., а теперь (1868), как пишут оттуда, оказывается почти вдвое менее последнего числа".

[2]) Еще более характерно приведенное у Скайлера (Turkistan, I, 115 и сл.) объявление, составленное также на турецком языке от имени Черняева и подписанное им, от 6 сафара (1 июля—19 июня), в котором населению предписывается, под страхом обычных наказаний, строго соблюдать все предписания ислама.

1865 г., на русском и турецком языках, о награждении „шейху-ль-ислама Ташкента, Туркестанской области“ (имя не названо), за преданность русскому правительству, серебряною, внутри вызолоченною сахарницею. Враги шейху-ль-ислама и кази-каляна были в то-же время врагами русского правительства. Отец Ай-ходжи и Хаким-ходжи, Нар-ходжа, за несколько лет до прихода русских был убит во время народного восстания, во главе которого стоял Рустамбек Казакбаев; брат Рустамбека, Салих-бек Казакбаев, мударрис в медресе Ходжа-Ахрар, во время борьбы с русскими собирал деньги для вооружения народного ополчения и за это после взятия Ташкента был сослан Черняевым в Сибирь.

Приказ об утверждении кази-каляна кроме Черняева подписал „управляющий Ташкентом и окрестным населением оного (подчеркнутых слов в турецком тексте нет) надворный советник“ (в турецком тексте „чиновник“) Груздзь; таким образом, для гражданского управления города был назначен также чиновник из русских. Повидимому, это нисколько не уменьшило популярности самого Черняева, без большой торжественности и охраны ездившего в туземный город и посещавшего богатых туземцев, в том числе Ай-ходжу и Хаким-ходжу. В памяти правнука Ай-ходжи сохранился рассказ о том, как адъютант Черняева во время этих посещений разбрасывал среди толпы, по восточному обычаю, горсти серебряных монет. Эта последняя подробность подтверждается рассказом очевидца, П. И. Пашино, что при поездках в город личный адъютант Черняева, Халдеев, имел при себе деньги для раздачи милостыни. К числу лиц, пользовавшихся расположением Черняева, принадлежал и уже упомянутый богатый купец Сеид-Азим-бай, впоследствии сделавшийся русским потомственным почетным гражданином, хорошо ознакомившийся с русскими еще до их прихода, благодаря поездкам на Нижегородскую ярмарку. Из тех же рассказов видно, что Черняев пил кумыс и ел конскую колбасу.

Все это достаточно объясняет личную популярность Черняева среди туземцев. В то время предстояла решительная борьба между русскими и бухарским эмиром. Многие из ученых туземцев, как живший в то время в Чимкенте Саттар-хан, ждали эмира с надеждой на освобождение от неверных; но для ташкентских „почетных туземцев“, уже успевших компрометировать себя сближением с русскими, приход эмира не мог быть желателен. В 1866 г., одновременно со слухами о приближении эмира во главе стотысячного войска к Сыр-Дарье, в Ташкенте было получено известие, что Черняев отозван в Петербург; на его место 25-го марта 1866 г. прибыл новый губернатор, уже на следующий день отправившийся к войску в Чиназ и 27 марта принявший командование от Черняева; Черняев вернулся в Ташкент и уехал оттуда 31-го. Почетные туземцы просили Черняева не покидать их, особенно в виду опасности от войска эмира; тузем-

цами даже был составлен, на персидском языке (из чего видно, что они действовали по собственной инициативе, а не под влиянием переводчиков), адрес на имя государя, с просьбой оставить Черняева.

Новый губернатор Романовский писал генерал-губернатору Крыжановскому, что во взглядах имеет мало общего с генералом Черняевым, „как на исполнение служебных обязанностей и служащих здесь лиц, так и на дела Туркестанской области вообще"; но его пребывание в Туркестане было настолько непродолжительно (он приехал в марте и уехал в декабре 1866 г.), что разногласие между ним и его предшественником не успело проявиться ни в чем существенном. По той же причине Романовский не мог оставить следов в памяти туземцев, хотя при нем были одержаны первые решительные победы над бухарскими войсками, ясно показавшие и туземцам, что этот враг для России не опасен. „Почетный пожилой туземец" в разговоре с Н. П. Остроумовым соединял в одно целое всех предшественников Кауфмана — Крыжановского, Черняева и Романовского; все они казались „людьми простыми, добродушными", туземцы жили при них как раньше и не знали русского закона. Таким же образом сам Кауфман писал впоследствии, что до него русскими не было внесено в жизнь туземцев никаких существенных перемен: „подати, суд, полиция и повинности оставались прежние, стародавние". При Романовском, однако, было сделано существенное нововведение, забытое только потому, что скоро было отменено: единоличный суд казия был заменен коллегиальным учреждением — мехкеме, по образцу Алжира и Кавказа. Русские полагали, что мехкеме было у арабов, вводилось и развивалось „по мере распространения и развития цивилизации", но встречало противодействие со стороны мусульманского духовенства и после окончательной победы мусульманства над цивилизацией было заменено единоличным судом казия. Едва ли можно было бы подтвердить историческими фактами мнение о борьбе казиев с мехкеме; самое слово „мехкеме" значит „место, где постановляются судебные решения", независимо от того, решается ли вопрос одним казием или при участии других лиц [1]). Романовский не доверял ташкентскому кази-каляну и находил его поведение вызывающим; „мерами паллиативными, наставлениями, выговорами" и т. п. он добился того, что кази-калян стал скромнее, стал „менее вмешиваться в дела заведующего населением" и свое „надменное" отношение к губернатору переменил на „ласкательное". Дальнейшего ослабления его авторитета губернатор надеялся достигнуть учреждением, где бы суд производился „при участии выборных от народа, в присутствии чиновника от правительства". О предполагаемом нововведе-

[1]) У киргиз слово мехкеме до русских не употреблялось, но в 80-х годах так называлось в Перовском и Аулиеатинском уездах „место или кибитка, назначенные бием для принятия и разбора жалоб" (Гродеков. Киргизы и каракиргизы. Таш. 1889, 180).

нии было сообщено туземцам через „влиятельных лиц“ и через переводчиков самого губернатора; через два месяца после начала переговоров было приступлено к открытию нового суда; торжественное его открытие состоялось недели через три после начала его действия, по случаю приезда генерал-губернатора Крыжановского, в половине августа 1866 г.; 11 июля [1]) Романовскому был подан адрес туземцами, где говорилось с благодарностью о его намерении „учредить мехкеме, где будут приниматься все просьбы жителей и решаться дела по нашему шариату“. Романовский, вероятно справедливо, объясняет перемену в отношении к нему туземцев успехами русского оружия: перед этим, по его словам, туземцами даже был составлен заговор, условлено время и способ действий; заговор не удался „благодаря лишь во время принятым мерам со стороны заведывавшего населением в Ташкенте“ Серова. Из сообщенного Романовским донесения Серова видно, однако, что „способ действия“ был не условлен темными заговорщиками, а предписан в письме эмира, принесенном лазутчиком в ночь на 9 мая; с помощью преданных людей (очевидно, из местных мусульман) за лазутчиком „тайно следили так ловко, что он не успел никому сообщить письмо“, а на рассвете был арестован. По сообщению переводившего письмо эмира Пашино, лазутчик, несмотря на все старания Серова, объявил только, что должен был „показать это письмо жителям, а кому именно, не было сказано“. Поэтому трудно сказать, на чем основаны слова Романовского, будто представители духовенства „сознавали, что многие из их среды весьма компрометированы в сношениях с Бухарою“. [2])

По проекту в мехкеме входили один казий и три советника; они должны были заменить прежних четырех казиев с их муфтиями. Три других казия, хотя без судебной власти, сохраняли свое звание и должны были „собираться иногда губернатором для советов“; остальные городские должностные лица: аксакалы, закятчи, раисы и пр. были оставлены без перемен. Три советника, старший и два младших, избирались „народом“, роль которого исполняли 200 почетных ташкентцев; им было предоставлено произвести выборы как из своей среды, так и из других хорошо известных им людей. Председательствовал в мехкеме русский—заведующий населением; он же был пред-

[1]) Ср. Романовский. Заметки по средне-азиатскому вопросу, Спб. 1868, 89 и 90. В приложениях 63 и 64 ошибочно 5-го и 11 июня вместо июля.

[2]) Столь же мало обоснован, повидимому, намек Романовского (стр. 47), что заговор не удался „конечно не вследствие противодействия ему со стороны ташкентского духовенства“. По обнародованному проф. Веселовским киргизскому рассказу можно установить только, что кази-калян Хаким-ходжа и ишан Абу-л-Касим входили в состав депутации, ездившей в 1865 г. между 9 мая (поражение Алим-Кула) и 7 июня (неудачное нападение Краевского) в Бухару просить помощи у эмира. Об этой депутации говорится и в донесениях Черняева 11 июня и 7 июля (Романовский. Заметки по средне-азиатскому вопросу, 159 и 164); в ней участвовал Атабек, бывший кокандский комендант Пишпека.

седателем особого киргизского отделения мехкеме, из трех „членов кочевого населения биев", старшего и двух младших, без непременного члена казия. Все члены мехкеме получали содержание; оклад старшего члена из сартов (2400 р.) был больше оклада казия (1200 р.); младшие члены из сартов получали по 900 руб., старший бий 500, младшие — 250. Порядок выбора биев не указывается.

По словам Романовского, во время приезда генерал-губернатора Крыжановского и торжественного открытия мехкеме (в августе 1866 г.) приезжие из других мест Туркестана просили генерал-губернатора „даровать им подобные же мехкеме учреждения"; сам генерал-губернатор объявил жителям, что считает мехкеме заслугой Романовского „столь же важною, как победа при Ирджаре". Мехкеме, однако, действовало всего около полугода, т.-е. прекратило свои действия месяца через два после отъезда Романовского [1]); при составлении А. И. Добросмысловым в 1911 г. истории Ташкента оказалось, что о мехкеме в Ташкенте „никаких письменных памятников не сохранилось". Мехкеме было не только судебным учреждением, но принимало участие в раскладке податей; по сведениям, представленным Крыжановскому в августе 1866 г., мехкеме старалось устранить всякие неправильности по сбору податей, „вполне сознав несправедливость и невыгоды увеличивать избыток богатых на счет бедняков" [2]).

При Романовском в Туркестане появился русский обычай встречать начальство с хлебом и солью; так был встречен сам Романовский в Ходженте 5 июля и Крыжановский в Ташкенте 17 августа, причем в последнем случае в адресе туземцев говорилось о „народном обычае, который существует в России с древних времен" (по восточному мировоззрению соль, наоборот, считается символом благодеяний, получаемых народом и войском от правителя; восстание против правителя считалось „непризнанием соли"). В том же адресе выражается благодарность за мехкеме и за решение в нем дел „согласно с правилами нашей религии и по народным обычаям", и пожелание, чтобы край был окончательно присоединен к России, что и было исполнено. Адреса подносили и при других случаях; даже посол Худояр-хана привез с собой, кроме письма своего хана, письмо от жителей Коканда, с приложением печати шести сановников.

О полной государственной анархии, господствовавшей в то время в узбецких ханствах, достаточно свидетельствует история взятия русскими Ходжента. В печати указывалось на несообразность движения русских, после ирджарской победы, к этому городу, так как

---

[1]) Из слов Добросмыслова в другом месте (стр. 500) видно, что мехкеме действовало несколько дольше; в июле 1867 г. умер единственный участвовавший в мехкеме казий; население не хотело избрать ему преемника и просило вновь назначить четырех казиев, но потом уступило настояниям властей и избрало казия, которому были приданы четыре агляма.

[2]) Романовский, 275.

война велась с Бухарой, а Ходжент принадлежал кокандскому хану; но в действительности граница не была установлена, и, как писал потом Романовскому сам Худояр-хан, бухарский эмир только во время войны с русскими вывел из Ходжента свои войска и оставил город совершенно пустым. Худояр-хан, как говорится в том же письме, собрал во время этой войны войско в 35.000 человек „для сохранения своих пределов", но если бы битва при Ирджаре кончилась в пользу эмира, кокандский хан также направил бы свои войска против русских. Хан не воспользовался уходом из Ходжента бухарских войск, чтобы занять город; защищавшие Ходжент кокандские отряды действовали, как уверял хан (и Романовский ему верил), без его приказания; после падения Ходжента хан поздравил русских с победой. Романовский вообще уверяет, что все действия Худояр-хана по отношению к России в 1866 году были дружественными, но приводит и факты противоположного характера—правда только со стороны лиц, действовавших от имени хана; от жителей Пскента с угрозами требовалась уплата зякета в пользу хана, и им запрещалось „итти к русским с подданством". Столь же характерно, что из Шахрисябза осенью 1866 г. просили русских продолжать свое наступление на Бухару и обещали им помощь, тогда как в 1868 г. шахрисябзцы воспользовались русским походом на Бухару для нападения на занятый русскими Самарканд. По Скайлеру [1]) Джура-бек и Бабабек предлагали союз против эмира Кауфману еще в 1868 г., но перешли на сторону эмира, когда Кауфман послал к ним самаркандского казия Кемаль-ад-дина с требованием явиться в Самарканд. Повидимому, такого требования на самом деле не было [2]). О своем путешествии рассказывает и сам казий в своей записке, но не говорит о данном ему поручении.

Наиболее характерные действия Романовского, которым потом подражал Кауфман, сводились к стремлению ослабить влияние бухарского эмира (эмиру при Романовском и Кауфмане давался издавна употреблявшийся русскими в сношениях со средне-азиатскими владетелями титул „высокостепенство", тогда как Черняев называл его „высочеством"; впрочем, в переводах на туземные языки, вероятно, употреблялся один и тот же термин) и влияние мусульманского духовенства. В остальном при Романовском действовали те же правила „военно-народного управления", как при Черняеве, установленные высочайшим приказом 6 августа 1865 года об образовании Туркестанской области. Нерешенным оставался и вопрос о податях, хотя Романовский придает большое значение факту, что при нем, при-

---

[1]) Schuyler. Turkistan, I, 244.

[2]) Из рассказа Терентьева (I,423) видно, что шахрисябзцы угрожали Самарканду еще до занятия города Кауфманом, т.-е. раньше, чем мог быть послан Кемаль-ад-дин.

том без нарушения спокойствия и порядка, совершился переход „от льгот к податям".

Романовский до своего назначения ездил в Туркестан с Крыжановским, и, по его собственным словам, имел давно сложившиеся убеждения, как надо управлять мусульманскими странами; в 1867 г. он в Петербурге вместе с Крыжановским и Черняевым принимал участие в комитете, обсуждавшем проект об управлении Туркестанским краем. Важнейшим решением комитета (принятым всеми голосами, кроме голоса Крыжановского[1]) было постановление об образовании особого, независимого от Оренбурга Туркестанского генерал-губернаторства, которое и было учреждено высочайшим указом 11 июля 1867 г. За несколько месяцев до этого, 14 апреля, Романовский издал „приказ по войскам Туркестанской области", в котором извещал об оставлении им должности губернатора. 14 июля Туркестанским генерал-губернатором был назначен Кауфман, знавший до тех пор Восток только по тринадцатилетней боевой службе на Кавказе[2]) (1843—1856) и не имевший другого административного опыта, кроме кратковременного управления (1865—1866) северо-западным краем. Тем не менее Кауфману удалось сделаться „устроителем Туркестанского края" и оставить по себе хорошую память как среди русских, так, насколько известно, и среди туземцев.

Кауфман осенью 1867 года прибыл сначала в Оренбург, где вместе с Крыжановским подписал мирный трактат с Бухарой, оттуда, вместо обычного пути к устью Сыр-Дарьи, поехал на восток и въехал в пределы вверенного ему генерал-губернаторства через Семиречье; первым лицом, встретившим его, как генерал-губернатора, был командир сергиопольского казачьего отряда. Торжественный въезд Кауфмана в Ташкент состоялся 7-го ноября, при еще невиданной туземцами обстановке; генерала сопровождала сотня казаков с саблями на голо. По словам казия Мухитдина, передававшего свои впечатления Н. П. Остроумову, население было поражено этой пышностью; говорили: „вот когда прибыл настоящий урус". Таким же внешним блеском Кауфман окружал свою власть и в других случаях; при приеме посольств и т. п. особенно выставлялась на вид так называемая „золотая книга"—великолепная грамота, писанная золотом, в золотом глазетовом переплете, с подписью Александра II, о полномочиях генерал-губернатора. Кауфман сделался в глазах туземцев „полуцарем" (ярым-падша).

По мнению Н. П. Остроумова, „нельзя осуждать покойного за

---

[1]) По мнению Скайлера (II,204), жизнь потом показала, что прав был Крыжановский, находивший, что не следовало учреждать самостоятельное управление в области, отделенной от остальной России пустынным пространством, и уничтожать единство управления киргизскими степями.

[2]) Там же Кауфман научился несколько говорить по-турецки (Остроумов. Кауфман, 77).

эту торжественную внешность, которая на первых порах русского управления Туркестаном была необходима". Мне приходилось, однако, слышать рассказы о том, что туземцам больше нравилась непритязательная простота Черняева; на сотню казаков они смотрели, как на охрану, и объясняли ее недоверием к населению. Внешний блеск власти не мешал туземцам резко оценивать неудачные действия главного начальника; Н. П. Остроумов еще в феврале 1878 г. слышал от своего слуги-сарта название тонгуз-арык (свинья-арык), данное неудачному каналу Кауфмана в Голодной степи. Еще труднее было бы оправдать восстановление этой пышности, на короткое время, при генерал-губернаторе Духовском (1898—1900), после андижанского восстания, и сцену при объезде Духовским Ферганы, когда туземцев заставляли толпами стоять на коленях на пути генерал-губернаторского поезда.

Романовский уехал из Туркестана с убеждением, что назначенные им русские начальники и чиновники добросовестно делают все что могут; только „туземцы, назначавшиеся на должности по народному управленю, никак не могли привыкнуть к мысли, что даваемая правительством власть не должна служить средством к обогащению". С другой стороны, биограф Кауфмана впоследствии писал о состоянии Туркестана в 1867 г.: „Масса злоупотреблений, общее недоверие и злоба местных жителей на русскую администрацию—вот было тогдашнее положение дел в Туркестане". Принимая 7 ноября хлеб-соль от туземцев, Кауфман обещал пригласить их к себе для беседы с ними, как только отдохнет с дороги. Конец года, однако, пришлось посвятить объезду войск, и только в январе 1868 г. Кауфман созвал к себе туземцев и произнес им программную речь, где объявлялось, что туземцам будет предоставлено самим избирать арык-аксакалов, аксакалов и казиев на три года с правом переизбрания, в числе, которое будет определено генерал-губернатором; русскому суду будут передаваться дела только с согласия обеих тяжущихся сторон. Выборным по администрации население само должно назначить жалование; судьям население может или назначить жалование, или предоставить им, по обычаю, брать вознаграждение с тяжущихся (казылык). Из податей ханского времени будут взиматься только три: харадж (поземельная подать), в размере $^1/_{10}$ урожая, танап (сбор с садов, огородов, бахчей и посевов клевера и хлопка) и зякет (сбор с торговцев в размере $^1/_{40}$ оборотного капитала). Сбор податей предполагалось поручить хозяйственным управлениям „из граждан, выбранных народом".

Для проведения всего этого в жизнь тогда же была составлена организационная комиссия из 14 чиновников и 40 туземцев; из них были образованы четыре подкомиссии для работы на местах. В основу работ легла речь генерал-губернатора, в свою очередь основанная на выработанном в Петербурге в 1867 г. проекте управления Турке-

станом: проект не получил силы закона, чтобы не стеснять генерал-губернатора, которому было предоставлено, действуя „применительно к проекту“, отступать от него, когда это вызывалось местными условиями. Тем не менее, все замечания туземцев, что те или другие из предположенных нововведений „не соответствуют их освященному глубокой стариной укладу жизни и шариату“, обрывались указанием на программную речь и невозможность отступать от нее. Понятно, что сарты, как было удостоверено русскими членами подкомиссий, „обнаружили совершенное равнодушие к порученному им делу“. Ни Кауфману, ни его преемникам не удалось создать такое народное управление, которым бы дорожили сами туземцы, не удалось и создать такую русскую администрацию, которая бы довольствовалась казенным содержанием, не прибегая ни к поборам, ни к займам.

Между русской властью и массой туземного населения оставалось средостение в виде „почетных туземцев“. При русских утратила значение аристократия родовая и служебная, но вполне сохраняла значение аристократия образования и денежная. Представители русской власти, начиная с Романовского и Кауфмана, вовсе не были расположены поддерживать значение представителей ислама. Когда Кауфману в Верном вместе с чинами русской администрации, с Г. А. Колпаковским во главе, хотел представиться татарский мулла, Кауфман заметил Колпаковскому, что не может принять муллу вместе с лицами, состоящими на государственной службе, и принял его отдельно с депутацией от татар. Когда Саттар-хан переменил мундир русского чиновника на халат казия, представители русской администраци также переменили отношение к нему, как к лицу, более не состоящему на государственной службе.

При Кауфмане была уничтожена должность кази-каляна, но эта перемена произошла постепенно, отчасти потому, что сами кази-каляны не проявляли никакого „мусульманского фанатизма“ и не давали повода принимать меры против них. Ташкентский кази-калян Хаким-ходжа даже сумел приобрести расположение Кауфмана, по крайней мере сын Хаким-ходжи, казий Мухитдин (правильно: Мухьи-д-дин) говорил, что Кауфман при нем сказал генералу Абрамову о Хаким-ходже: „Это был замечательный человек, который никого, кроме бога, не боялся“. Хаким-ходжа умер до приезда в Ташкент Н. П. Остроумова, т.-е. до 1877 г.; его сын Мухитдин[1]) занимал только должность казия одной (сибзарской) части Ташкента, на которую он был избран еще при Кауфмане и постоянно переизбирался; только в последний год его жизни (1902) выборы окончились не в его пользу. Мухитдин-ходжа пользовался расположением русских властей; его имя постоянно встречается в рассказах о верноподданнических адре-

[1]) О Мухитдине (по ошибке Mukaneddin), как казии и сыне бывшего кази-каляна, говорит и Скайлер в 1873 г. (I,166).

сах и депутациях; его второй и третий сын обучались в русско-туземной школе, из них второй сын Махмуд-хан даже в гимназии, где не кончил курса. Генерал-губернатор Н. А. Иванов выразил сыновьям Мухитдина „сожаление о смерти отца их и пожелал им заслужить точно такое же уважение со стороны их собственного народа и русских, каким пользовался их отец".

Казалось, что со смертью Мухитдина его род утратит свое значение; Мухитдин „оставил свою большую семью неустроенной, а хозяйство запущенным"; его сыновья были „не подготовлены к самостоятельному ведению хозяйства"; Махмуд-хан, проходя курс в русской гимназии, должен был заниматься дома мусульманскими науками и потому „и в русских науках хороших успехов не имел, и специальных мусульманских знаний не приобрел"; тем не менее казием сибзарской части во время празднования пятидесятилетия взятия Ташкента в 1915 году был Махмуд-хан. Из этого видно, что, несмотря на выборный порядок замещения должности казия, признание наследственных прав на эту должность не исчезло и при русских и иногда определяло исход выборов—разумеется, не всегда: маргеланский казий Джан-ходжа показывал мне грамоты на звание казия, полученные его предками от различных владетелей, и жаловался на то, что при русских положение изменилось.

Хаким-ходжа и его потомки были не единственным примером высоко лойяльных казиев, в угоду русским порывавших даже с мусульманской исключительностью в деле образования. Самаркандский кази-калян Кемаль-ад-дин при взятии Самарканда получил от Кауфмана серебряную медаль, которую отказался носить на виду, но носил на груди за пазухой, и был сначала утвержден в своей должности, потом, через несколько лет, низложен; в составленной им на имя русских властей жалобе,[1]) он отмечает свои заслуги перед русской властью, упоминает и о том, что обучал своих сыновей русскому языку. Принцип избегать всего, что могло походить на „поддержку, охрану значения и выражение внимания" к представителям мусульманского духовенства особенно строго соблюдался в Кульджинском крае, где, в виду возможности обратной передачи края китайцам, даже считалось нужным поддерживать китайские верования и китайскую письменность и вернуть им то значение, которое они имели до мусульманского восстания; но даже в Кульдже учреждению в 1873 г. „русско-китайско-таранчинской школы" содействовало мусульманское духовенство и убеждало „отцов семейств отправить своих детей в школу без всякого страха"; особо отмечается „благоприятное влияние главы духовенства, кази-каляна". В 1876 г. Кауфман не без колебания решил расправиться с кокандскими шейху-ль-

[1]) О неопубликованных записках кази-каляна Кемаль-ад-дина упоминает и Скайлер (I,242). Рукопись теперь находится в Азиатском музее Академии Наук.

исламом и кази-каляном, арестованными Скобелевым за недостаток почтения к нему: „Хорошо-бы их удалить вовсе, не назначая никого на их место“, телеграфировал тогда Кауфман Колпаковскому. Обстоятельства дали возможность исполнить это; шейху-ль-ислам и кази-калян были сосланы в Вологодскую губернию и преемников у них не было. Во время осады в 1866 г. Ходжента местный кази-калян был представителем „партии мира“, тогда как представителем восторжествовавшей „партии войны“ был один из местных богачей, аксакал Ходжа-Эмин [1]).

Борьба с авторитетом денежной аристократии не входила, как борьба с авторитетом духовенства, в программу русской власти; но на практике даже содействие богатых купцов иногда принимало форму, нежелательную для русского начальства. Сеид-Азим-бай считался, как мы видели, одним из самых ревностных сторонников русской власти и русских начинаний, особенно в области просвещения; и все-таки Кауфман в конце ноября 1877 г. говорил Н. П. Остроумову, „что туземцы были бы готовы и сейчас учиться, но в это дело вмешался Сеид-Азим-бай, с которым нужно быть очень осторожным, потому что он везде и всем хочет заправлять“. Кауфман даже нашел нужным принять сторону казия Мухитдина в его столкновениях с Сеид-Азим-баем, которого поддерживал помощник губернатора Эйлер. Сеид-Азим-бай был в 1866 г. избран старшим советником мехкеме, но потом был удален „за возбуждение народа против управляющего населением В. Р. Серова“. Его преемник Исхак-бай также был удален „за превышение власти и за взятки“ [2]). Сеид-Азим-бай и после него его сыновья Сеид-Гани и Сеид-Карим и его зять Ариф-ходжа сохраняли свое значение при всех переменах, происходивших среди русской администрации. Сеид-Гани в 1906 г. выставлял свою кандидатуру в государственную думу и получил большое число голосов. Два раза Сеид-Гани избирался в городскую думу; его брат Сеид-Карим в 1910 г. был избран гласным уже в седьмой раз.

Развитие хлопководства в Фергане создало новый класс посредников между производителем и потребителем. До развития хлопководства в Фергане, как и в других местностях Туркестана, главными ростовщиками были выходцы из Индии, дававшие в ссуду мелкие денежные суммы и взимавшие до 25% в 20 недель (на 16 тенег 4 теньги процента, при уплате в 20 недель по одной теньге в неделю); ростовщики сарты взимали несколько меньший процент (за ссуду в 4 тилли взималось пять, за ссуду в пять тиллей шесть, при займах на год, т. е. 25% или 20%); кроме того ими производились операции и под зерновой хлеб, иногда, особенно в городах, давались деньги под залог вещей. Все это делалось частными лицами; в кре-

[1]) Романовский. Заметки, 218 и сл.

[2]) Добросмыслов, 500. О хитрых действиях Сеид-Азим-бая и о ненависти к нему туземцев говорит и Скайлер, (Turkistan, I, 98 и сл.).

дитных учреждениях надобности не было [1]). Все это стало изменяться с 1890-х годов, по мере развития хлопководства; но более резко разрыв с патриархальной простотой прежнего хозяйства определился уже в XX веке. Еще в официальном обзоре за 1901 г. высказывается мнение, что, „так как в области существует почти исключительно мелкое землевладение и земля распределена между громадным большинством населения, то и выгоды хлопководства распределяются в населении довольно равномерно". В противоположность этому официальному утверждению в книге Гейера, вышедшей в том же 1901 году, уже тогда говорилось, что „население не видит пока лично для себя (курсив в подлиннике) особых выгод от культуры хлопчатника". Задолженность населения замечалась еще в 1890-х годах и только хороший хлопковый урожай 1899 г. „помог населению хоть немного расчитаться с его крутыми кредиторами". В обзоре за 1903 год факт неравномерности выгод был удостоверен и официально: обогащается не земледельческое население, а ростовщики из туземцев и посредники по скупке хлопка; каждогодняя задолженность населения доходит „только официально" до 13 миллионов рублей, процентов „взимается, негласно, от 100 до 200 годовых, в виду чего существенною необходимостью признается организация правительственного дешевого, доступного кредита, о чем уже сделано соответствующее представление". Эти слова впоследствии были забыты, и в обзоре за 1911 г. делается ссылка только на слова обзора за 1905 год, что „вопрос о мелком кредите давно уже назрел и требует скорейшего разрешения". К 1911 г. отсутствие мелкого кредита успело еще более сказаться на жизни области; отмечаются такие факты, как „продажа за долги земельной собственности, сосредоточение земли в руках более состоятельных лиц, образование безземельного пролетариата", вообще „глубокое расстройство экономической жизни туземного населения". Те же факты („изменение экономических условий жизни, вследствие распространения культуры американского хлопчатника и развития промышлености и отсюда — нарождение среди туземцев безземельного пролетариата") отмечаются уже в обзоре за 1910 год, как одна из причин роста преступности. Цифр, которые бы иллюстрировали такое явление, в обзорах Ферганской области не приводится. Самый факт, что земледельцы в Фергане большей частью обрабатывали чужую землю, отмечается уже Наливкиным, так что установился, повидимому, еще до русского завоевания. Сокращение землевладения получилось в связи с развитием городской жизни; в ближайших к городам кишлаках население большей частью владело только усадебной землей; по мере удаления от города увеличивался процент домовладельцев, имеющих и полевые наделы, но не было ни одного кишлака, „где бы совсем не было безземельных, общее число кото-

[1]) Наливкин. Очерк быта женщины и т. д., 38.

рых с течением времени несомненно возростает“ [1]). Крупного землевладения в нашем смысле, однако, не было; количество земли, принадлежащей одному лицу, колебалось между 100 кв. саж. и 200—250 десятинами; участки свыше 200 десятин были редким исключением; в Наманганском уезде было одно хозяйство в 1000 десятин, но в нем ежегодно возделывалась только пятая часть. Отношения между землевладельцами и их рабочими (чайрикерами) были настолько патриархальны, что жнецы приходили издалека, уходили после окончания работ, не заключив никакого письменного условия, и возвращались за деньгами в конце лета или в начале осени; тем не менее за шесть почти лет, проведенных Наливкиными в обстановке кишлачной жизни, не было ни одного случая мошенничества.

Подобной добросовестности нельзя было ожидать от ростовщиков и посредников. Развитие хлопководства привело в Фергану русского капиталиста, московского и лодзинского; но русскому капиталу так-же мало удалось стать лицом к лицу, без посредников, с туземным рабочим, как русской правительственной власти — с массой туземного населения. Только в первые годы хлопок скупался конторами московских и лодзинских фирм; потом их место заняли местные торговые фирмы. Столь же неудачны были попытки, под влиянием увлеченья хлопководством, создать русскую крупную земельную собственность — большая часть из возникших тогда хозяйств ликвидировали свои дела и, по словам Масальского, „в настоящее время (после 1910 г.) во всем крае едва ли наберется два десятка русских хозяйств, удачно ведущих свои дела“. Нарождение крупной промышленности выразилось в быстром возникновении хлопкоочистительных заводов, которых в 1880 г. было всего 2, в 1890 г. — 21, в 1900 — 93, в 1911 г. — 160. Увеличение числа заводов после 1900 г. уже не вызывалось расширением района хлопководства; уже к 1900 г. это расширение достигло возможного предела и с тех пор колебалось в незначительных размерах; число десятин под хлопком то уменьшалось, то снова увеличивалось; в обзоре за 1908 г., как в обзоре за 1900 г., говорится, что под хлопком находится около $^1/_3$ орошенных земель и что потребность в хлебе удовлетворяется привозом преимущественно из Самаркандской области; количество земли под американским хлопком было почти одинаково (174.026 дес. в 1900 г., 177.954 в 1908 г.), между тем число заводов с 93 поднялось до 142, т. е. увеличилось в $1^1/_2$ раза. Заводы только в редких случаях покупали хлопок непосредственно у землевладельцев. Существование посредников отмечается уже в обзоре 1898 г.; хлопок скупался „при посредстве туземцев на базарах или на самих заводах“; разные фирмы создали „особый класс мелких торговцев, которым фирма дает вперед задатки

[1]) По обзору за 1899 г. (стр. 106) землевладельцами все-таки было еще 1.100.000 сельских жителей из общего числа 1.350.000. В 1909 г. из 90 лиц в Шариханской волости, заложивших свою землю, 50 лишилось ее полностью или частично.

за неснятый еще хлопок"; посредники раздавали задатки по кишлакам земледельцам, выторговывая у них хлопок по тем ценам, какие будут на рынке; земледельцы, получив задаток, иногда не снимали созревший уже хлопок, выжидая цен и подвергая его опасности от ветров, пыли и дождей. Эти посредники тогда, по словам Гейера, назывались джаллябами (работорговцами); в официальных обзорах этого термина нет. В Наманганском уезде посредники назывались чистачами или арбакешами (извозчиками); они, как сказано в обзоре 1911 года, выдавали земледельцам задатки из 8% годовых; между ними и населением иногда были более мелкие агенты. Явная недобросовестность чистачей иногда сказывалась в том, что они покупали у земледельцев хлопок по более высоким ценам, чем сами продавали фирмам; разница с избытком покрывалась обвешиванием, с которым было вынуждено мириться население. Некоторые из чистачей настолько упрочивали свое положение, что устраивали собственные заводы и успешно конкуррировали с создавшими их фирмами. Фирмы обеспечивали себя векселями и кроме того брали туземные документы — васики (закладные на недвижимую собственность); повидимому, те и другие поступали на денежный рынок, и с одних и тех же лиц взыскивались долги по обоим документам, т. е. вдвойне. Кроме хлопка, некоторые другие продукты, как коконы и сушеный урюк, также скупались фирмами и заводами и не были предметом базарной торговли. Кроме кабалы у чистачей население иногда впадало в еще худшую зависимость от других ростовщиков, особенно в случае неудовлетворительного урожая хлопка (менее обеспеченного, чем урожай зерновых хлебов, от атмосферических влияний). Беднейший класс прибегал к худшим ростовщикам — индийцам, взимавшим до нескольких сот %; кредит сартских кулаков, баев, которым довольствовались мелкие кишлачные торговцы, был дешевле и даже не вздорожал сравнительно со временем Наливкиных; как тогда, так и 30 лет спустя, в 1911 году, баями взималось „процентов 20 и больше". Продажа земли за долги таким образом едва ли изменяла характер землевладения; участки земли переходили из одних рук в другие, но для концентрации больших имений в одних руках условия были неблагоприятны; Туркестан и в частности Фергана оставались и к 1910 г., как во время русского завоевания, „типичной страной мелкого землевладения". В остальном, конечно, кабала населения у баев могла иметь тяжелые последствия для народной жизни. Ссудные кассы, действовавшие с 1889 г., оказались почти совершенно бесполезными; в 1907 г. было открыто первое кокандское кредитное товарищество; но только в 1911 г. „с большими усилиями было положено начало развитию в Ферганской области сети кредитных учреждений по закону 7 июня 1904 г.". К 1 января 1912 г. кредитных товариществ было 6, к началу 1913 г. во всем Туркестане кредитных учреждений разного типа — 265.

Самые неблагоприятные последствия имело русское завоевание для военного и служилого класса. В первые годы завоевания была сделана попытка создать киргизскую милицию, но этой милиции не удалось, как впоследствии туркменской, упрочить свое существование. Русская армия тоже не была закрыта для туземных беков, но в нее вошли только немногие, как Джура-бек и Баба-бек. Были и отдельные случаи назначения туземцев на русские гражданские должности. Кокандский посол мирза Хаким, награжденный в 1869 г. орденом Анны 2-ой степени с бриллиантами и допущенный к высочайшему двору, впоследствии получил фамилию Умидов и чин действительного статского советника. Должность младшего помощника Кураминского (Ташкентского) уездного начальника занимал в 1868 году туземец Омар Мерджиманов, в 1878 г. преданный суду за участие в незаконных земельных операциях и присужденный к ссылке в Сибирь на поселение. Более характерна, однако, судьба другого сановника старого времени, мирзы Ахмеда, когда-то (в 1853—1858 г.) управлявшего Ташкентом, своими жестокостями вызвавшего восстание среди киргизов, но приписывавшего себе большие заслуги в деле восстановления орошения и культуры в нынешнем Аулиеатинском уезде и тщетно ожидавшего, что эти заслуги будут признаны и вознаграждены новыми владыками Туркестана. Свою автобиографию, записанную с его слов двумя лицами (сам он был неграмотным) для проф. Веселовского в 1895 г., он заканчивает словами: „в настоящее время мне 66 лет, у меня 8 сыновей и одна дочь. Старшему сыну 26 лет, дочери один год. Имея такую многочисленную семью, я сильно бедствую, так как за старостью не могу исполнять какую-либо работу; дети также не приучились к труду“. Мирза Ахмед и его дети, таким образом, не умели так приспособиться к новым условиям, как младший брат мирзы Ахмеда Улгак, занимавшийся в Коканде торговлей хлопком.

В неблагоприятном для прежней служебной аристократии смысле были решены русскими также вопросы земельный, податной и отчасти связанный с этим вопрос о туземной администрации. Программная речь Кауфмана была основана на упомянутом выше проекте положения об управлении Туркестана, составленном в 1867 г. „степной комиссией“ (командированной в 1865 г. в киргизские степи и в 1866 г., при Романовском, проехавшей в Туркестан), на основании проектов местной администрации и генерал-губернатора Крыжановского. Главным редактором положения Добросмыслов считает А. К. Гейнса, написавшего перед этим исследование „Ташкент при кокандском владычестве“ и потому лучше других членов комиссии ознакомившегося с Туркестаном. В самый день назначения Кауфмана генерал-губернатором правителем его канцелярии был назначен А. К. Гейнс, которому и пришлось проводить в жизнь начала, установленные в проекте положения и

в программной речи. При кокандском владычестве, по Гейнсу, во главе каждой из четырех частей Ташкента был тысячник (минбаши), избиравшийся населением и утверждавшийся беком; во главе отдельных кварталов (махалля) стояли сотники (юзбаши), назначавшиеся тысячником; сотник назывался также тувачи (по русскому правописанию товочи или товгочи, первоначально „тугачи"); в средние века, в монгольский период и при Тимуре, это был высокий военный чин; впоследствии так назывались знаменосцы и военные рассыльные. Во главе полиции города был курбаши, которому были подчинены сорок четыре миршаба; из них четверо, имевшие под своим начальством каждый десять миршабов, назывались сотниками (юзбаши). Судебная власть была в руках четырех казиев, по назначению хана или бека. В проекте положения (§ 76) о „туземных полицейских властях и стражах" говорится только, без перечисления их, что они „находятся в распоряжении городского начальника". Должность курбаши (о которой говорится еще в адресе ташкентцев в 1865 г.) в проекте не упоминается; вообще на терминологию проекта оказала влияние терминология самоуправления, введенного русскими раньше у киргиз. Сходство порядков, введенных в киргизских степях, с порядками, введенными в Туркестане, объясняется и тем, что „временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской", высочайше одобренное 21-го октября 1868-го года, было составлено той же Степной Комиссией, как проект положения 1867 г. Минбаши отдельных частей города (определение числа таких частей или кварталов было предоставлено военному губернатору, но, фактически, было удержано существовавшее прежде деление Ташкента на четыре части) были заменены „аксакалами", причем аксакал должен был пользоваться „властью волостного управителя у киргиз" (аксакалы, по-персидски „риш-и сефид"—„белая борода", были в Туркестане издавна, но только как лица, фактически, без определенных юридических полномочий, пользовавшиеся почетом по своему возрасту, богатству и прежним заслугам). Аксакалы в Ташкенте должны были избираться на три года; выборы предполагались двустепенные; избрание совершалось выборными от домохозяев города, по одному на определенное число домов, от 10—50, по определению губернатора. Комиссией было определено число 50, как и во временном положении 1867 г., вследствие чего выборные получили название „пятидесятники" (илик-баши); те же илик-баши выбирали казиев и раскладывали подать по участкам. Население, как мы видели, обнаружило полное равнодушие к созданию этого аппарата; при производстве переписи „скрывались не только отдельные домовладельцы, но и целые улицы". Тем не менее основные начала, установленные в 1868 г. для всяких выборов должностных лиц из туземцев (трехлетний срок, избиратели по одному на 50 домов), были подтверждены положением 1886 года и сохраняли силу до революции. Положение 1886 г. ввело

только русскую терминологию, при чем рядом со словом „старшина“ в скобках было поставлено „аксакал“; термины „казий“ для оседлого населения и „бий“ для кочевого были заменены термином „народный судья“.

Зато от установленной в 1868 г. податной системы русская власть отказалась очень быстро. Первоначально предполагалось удержать харадж, танап и зякет, которые в статье Гейнса названы тремя видами (законной) подати ханского времени, в противоположность неопределенным и произвольным „ханским сборам“. Уже в 1869 г. было решено заменить харадж и танап одной поземельной податью, что уже в том же году было проведено в Ташкенте и в Сыр-Дарьинской области. Гейнс в этом году покинул Ташкент и был заменен другим лицом (Гомзиным), не имевшим большого влияния на дела, но едва ли его уход находился в связи с нововведением Кауфмана; разногласие между Кауфманом и Гейнсом было и касалось „крутых мер“, но сторонником „крутых мер“ был не Кауфман, а Гейнс. По книге Терентьева решение Кауфмана было вызвано злоупотреблениями туземных сборщиков податей — серкеров и амлякдаров. В Ташкенте ханских времен серкер (серкар, один на весь город), назначавшийся беком, стоял во главе сбора податей; ему были подчинены 24 мираба, собиравшие сведения о подлежавших сбору суммах; за взиманием податей следили минбаши и подчиненные им туганчи. Амлякдары, повидимому, были сборщиками податей в сельских местностях; в Бухарском ханстве амлякдарства были административными единицами, на которые делились бекства; русскими беки приравнивались к губернаторам, амлякдары—к уездным начальникам; при этом, однако, не принят во внимание установленный еще Гейером факт, что амлякдары не имели административной власти и только заботились об установлении количества урожая, подлежащего обложению. В русской административной терминологии слова серкер и амлякдар не упрочились; мирабы были приставлены исключительно к своим первоначальным обязанностям по надзору за водой (мир-аб = начальник воды), т. е. за арыками, и подчинены арык-аксакалам, также туганчи (от слова туган—плотина); по „временным правилам об ирригации Туркестанского края“ 1877 г. во главе ирригации Ташкента и Кураминского уезда был ирригатор, при котором было 35 арык-аксакалов (5 в Ташкенте и по одному на каждую из 30 волостей), трое туганчей (два в Ташкенте и один в уезде) и 59 мирабов. Туганчи и мирабы сохранились и после передачи ирригационного дела в ведение городской думы (1887 г.). Взимание единой поземельной подати было поручено хозяйственным управлениям; в хозяйственное управление выбирались в Ташкенте в первое трехлетие по 5, потом по 3 человека от каждой части; распределение податей производилось через илик-башей, при чем посредниками между ними и отдельными плательщиками были еще амины (бу-

квально „доверенные лица“) отдельных участков, расположенных по арыкам. В уездах хозяйственные управления были учреждены по одному на несколько волостей; в 1877 г. они были уничтожены и их обязанности возложены на управления областные и уездные. Положением 1886 г. был введен термин „государственный поземельный налог“ (в размере $^1/_{10}$ среднего валового дохода) и был установлен более сложный порядок определения размера, раскладки и взимания податей, с поручением руководства всем этим делом Ташкентской казенной палате.

Положением 1886 г. получили законодательную санкцию и те меры Кауфмана по земельному вопросу, которые представляли резкий разрыв с местными традициями и, по выражению Терентьева, нанесли удар „враждебной нам земельной аристократии“. В ханствах, как во всем мусульманском мире, издавна существовал институт свободных от податей частных владений (мильк-и-хурри халис, часто сокращенно: мильк), пожалованных государем в награду за службу; русскими исследователями земли „мильк“ противополагались землям „амляк“, хотя второе слово—только множественное число от первого: одно и то же слово в единственном числе означает исключительный, во множественном—обычный тип землевладения, т. е. землю, в теории считающуюся собственностью государства, но находящуюся в бессрочном и наследственном пользовании обрабатывающих ее землевладельцев, имеющих право продавать свои участки (иногда с некоторым ограничением этого права в пользу соседей), т. е. фактически распоряжающихся ими, как своею собственностью. Владетели мильков принадлежали к числу служебной аристократии, которая, поэтому, более других сословий пострадала от распоряжения Кауфмана — впредь до решения вопроса в законодательном порядке облагать „мильковые“ земли податями наравне „с амляковыми“. Русский исследователь, живший в 1875 г. в Зеравшанском округе, с некоторым удивлением отмечает факт, что это нововведение было принято землевладельцами совершенно спокойно, может быть потому, что сопровождалось уменьшением всех вообще земельных сборов. Отмена мильков входила в состав земельного законопроекта, выработанного в 1873 г., но вследствие возражений трех министров тогда не проведенного полностью в жизнь; отдельные положения его вводились по частям распоряжениями генерал-губернатора, в связи с такими событиями, как окончательное присоединение к России Зеравшанского округа в 1873 г., хивинский поход того же года, после которого к России отошла часть Хивинского ханства к востоку от Аму-Дарьи, и уничтожение Кокандского ханства в 1876 г. По словам Терентьева (III, 323), поземельное устройство по проекту 1873 г. „нигде и не вводилось, кроме Ферганы“ (в 1876 г.), но из работы Шкапского видно, что это положение раньше, чем в Фергане, нашло себе применение в Аму-Дарьинском отделе; по этому поводу

сообщаются некоторые сведения о самом проекте. Кауфманом были утверждены права только одного из крупных земельных собственников, Мат-Нияза, которого владения состояли, по Шкапскому, из 3095 танапов, т. е. 1160⅝ десятин, по Терентьеву 1210 десятин; по Терентьеву, Мат-Нияз получил эту землю „за услуги, оказанные им русскому правительству в 1873 г.“, по Шкапскому, „взамен отобранной у него под укрепления города Петроалександровска“. Землю Мат-Нияза большей частью обрабатывали ярымчи, т. е. арендаторы, получавшие в свою пользу половину урожая. В 1877 г. работавшая в Аму-Дарьинском отделе организационная комиссия укрепила землю за ярымчами, на праве постоянного пользования; права самого Мат-Нияза были признаны только на 132 танапа (около 50 десятин), „находившиеся в его непосредственном пользовании“; все притязания Мат-Нияза на остальную землю были отклонены. Никаких земель не осталось также за семьями кокандского хана и кокандских вельмож в Фергане; организационные и межевые работы производились здесь в 1876—1881 г. Уже Наливкиными было отмечено, что в Фергане, кроме прямых потомков ханского рода, уже не имеющих никакого общественного значения, нет ни дворянства, ни вообще привилегированного сословия; ходжи, потомки пророка и четырех праведных халифов, также лишились тех податных льгот, которыми пользовались при ханах. В 1899 г. были возведены в потомственное российское дворянское достоинство два сына и два внука Худоярхана с их детьми; но крупной земельной собственности в Туркестане у них, повидимому, не было.

Почти столь же решительно русские власти поступили с так называемыми вакуфными (собственно вакфными) имениями, особенно в Зеравшанском округе и в Аму-Дарьинском отделе. В последнем случае из вакуфных сумм должны были выдаваться „субсидии на поддержание наиболее чтимых в народе мечетей и гробниц святых“; характерно замечание Шкапского: „в выдаче таких субсидий надобности, однако, не было и потому они не выдавались“. И в этих случаях, как замечает Терентьев (III, 291), от действий Кауфмана „ничего не только пагубного, но и просто неприятного не произошло“, т. е. народ остался спокойным; уничтожение вакуфов, однако, впоследствии, при андижанском востании 1898 г., было поставлено в вину русским. Понятие „вакф“ обнимает не только земли, пожертвованные в пользу мечетей, медресе и т. п., но и так называемые „семейные фидеикомиссы“ новейшего европейского права—имущество, завещанное наследодателем на вечные времена в пользу своих потомков, с запрещением продавать его в чужие руки. Проект 1873 г. признавал вакуфы той и другой категории, но предполагал утвердить за учреждениями и лицами только земли, находившиеся в их непосредственном пользовании и не бывшие заселенными посторонними лицами и обществами; остальные земли „должны были быть

признаны государственной собственностью и утверждены за населением, в пользовании которого они находились", с некоторым вознаграждением „прежних владельцев". Положением 1886 г. освобождаются от государственного поземельного налога только вакуфные ненаселенные земли, „весь доход которых назначен в пользу мечетей или школ или же для надобностей общественного призрения". Положением были подтверждены начала, установленные проектом 1873 г.: населенные вакуфные земли остались во владении тех сельских обществ, которые фактически ими пользовались; налог с них взимался правительством и уже правительство передавало мечетям, школам и другим учреждениям те суммы (в размере всего бывшего хараджного и танапного сбора или той части его, которая была определена признанной вакуфной грамотой), на которые они имели право. Разумеется, таким порядком открывался широкий простор для злоупотреблений и споров. Как было выяснено В. П. Наливкиным, вопрос о населенных вакфах возбуждал такие же споры и решался приблизительно в том же смысле в прежние времена, с той разницей, что подати собирались не государством, а самим учреждением, обыкновенно отдававшим их на откуп. В Фергане такая система окончательно прекратилась только в 1894—95 гг.

Еще большее неудовольствие возбудило среди туземцев распоряжение Кауфмана об отмене зякета и введении вместо него промыслового сбора, т. е. пошлин за право торговли и промыслов (1874). Нововведение оказалось невыгодным и для правительства; в 1875 г. в казну поступило от промыслового сбора только 46% поступлений от зякетного сбора за предшествующий год; кроме того отмена зякета была принята населением не так равнодушно, как отмена мильков и вакуфов; по замечанию Ростиславова, „пришлось образовывать следственные комиссии да усмирять беспорядки, возникавшие один за другим в разных местах с редким единодушием". Отмена зякета также была одним из поводов андижанского восстания в 1898 г. С развитием хлопководства поступления от государственного промыслового налога значительно увеличились (в Фергане в 1899 г.— 207,560 руб. 67 коп., в 1911 г.—405.715 руб. 16 коп.), но всегда оставались ничтожными по сравнению с доходами от поземельного налога.

Зякетом в ханские времена назывались также подати, взимавшиеся со стад кочевников. Шари'ат в этом отношении находился в противоречии со степным обычным правом; размер зякета составлял 2½%, подать со стад (копчур), определенная обычным правом— 1%. Пока ханская подать взималась русскими на основании обычного права (при действии степного положения 1822 г.), кочевникам было выгоднее подчиняться России, чем мусульманским ханам; иногда и ханами подать, вопреки названию „зякет", взималась в размере 1%. Ташкентский правитель Юнус-ходжа в 1798 г. обложил киргиз

податью в размере одного барана с сотни [1]). Семиреченские каракиргизы, по словам Валиханова, платили кокандским ханам „зякет с 100 лошадей—одну“ [2]). Временным положением 1868 г. подать со скота, в виду трудности определить его действительное количество, была заменена „кибиточной податью“ (по 3 руб. с „кибитки“ [3]), т. е. кочевого жилища), распространенной и на Туркестан и взимавшейся до революции с населения, признававшегося кочевым. Положением 1886 г. эта подать была определена в размере 4 руб. с кибитки; исчисление кибиток, как предполагалось и степным временным положением 1868 г., должно было производиться раз в три года. Положение 1868 г. подробнее, чем положение 1886 г., говорит о раскладке подати съездом волостных выборных „по аулам, по благосостоянию сих последних“, и только „при одинаковом благосостоянии, по числу кибиток“, также о распределении „назначенной суммы между хозяевами кибиток, по благосостоянию каждого“; в положении 1886 г. о сравнительном благосостоянии отдельных аулов и отдельных домохозяев не упоминается. Несмотря на то, что определение величины кибиточной подати возобновлялось каждые три года, на соответствующих цифрах совершенно не отражался процесс перехода кочевников к оседлости. Колебание цифр, напр. в Фергане, значительное; трудно было бы объяснить последовательное понижение цифр с 1896 по 1898 г. (80.394 р. 67 коп., 77.588 р., 74.860 р.), резкое повышение в 1899 г. (92.916 р.), тем более, что по официальному обзору подать за все четыре года вносилась безнедоимочно. В 1903 г. кибиточная подать составляла уже 97.624 р., хотя этот год был годом падежа скота (по эре цикла год зайца; по киргизскому поверию это всегда несчастный год). После этого до 1910 г. величина кибиточной подати для Ферганы не приводится; самая подать включается в поземельный налог. На процесс оседания кочевников указывает причисление в 1908 г. двух прежних кочевых волостей (Наукетской в Андижанском уезде и Найманской в Маргеланском или Скобелевском) к оседлым; в обоих значительное большинство населения (в первой 94%, во второй—96) составляли киргизы. Тем не менее в 1910 г. кибиточная подать составляла уже 116.524 руб., причем указывается недоимка в 3.496 руб., распределяющаяся почти поровну между уездами Наманганским (2016) и Скобелевским (2116); небольшой остаток (364) приходится на Андижанский уезд. В обзоре за 1911 г. приводится цифра подати 114.624 рубля, причем указывается огромная (34.501 р.) недоимка, целиком падающая на Андижанский уезд. В том же обзоре приводятся сведения о числе кочевого населения; в области счита-

---

[1]) Терентьев. I, 88.

[2]) Валиханов. Сочинения, 75.

[3]) „Кібіт“ значит собственно „лавка“; это слово приводится в этом значении уже в турецко-арабском глоссарии XI века. Русскими оно, подобно слову башка (от слова баш „голова“) было заимствовано в форме дательного падежа.

лось еще 34.114 кибиток кочевников на 269.531 дворов оседлого сельского (не городского) населения. На несколько более значительные кочевое население указывают соответствующие цифры для Наманганского уезда (8.695 и 55.599), где при Наливкиных считалось 3.000 киргизских кибиток на 13.500 оседлых дворов, т. е. 2 кибитки на 9 дворов. Однако в обзоре 1911 г. деление на оседлых и кочевников названо „искусственным"; признается, что „ныне кочевников в Ферганской области почти нет" [1]); все различие между ними и оседлыми сводится к уплате кибиточной подати вместо государственного поземельного налога, причем „нередки случаи" когда „кочевникам", вполне прочно осевшим на землю, приходится платить одновременно оба вида налогов. Были и такие местности, где с мнимых „кочевников" взимали только кибиточную подать и не заставляли их платить никаких сумм со своего земледельческого дохода; такой порядок застали в 1909 г. исследователи „маргеланского Алая", т. е. западной причисленной к Маргеланскому (Скобелевскому) уезду части Алайской долины. Превосходное исследование Г. В. Покровского и Н. И. Стогова, приложенное к обзору за 1911 г., вообще дает нам наглядное представление об этой заброшенной, малоизвестной части Туркестана, где тогда было всего 3.800 душ на пространстве 100 в. в длину и 60 в. в ширину. Родовой строй сохранял здесь всю свою силу и родовые старейшины, бии, были первыми лицами по своему значению. Маргеланский Алай входил в состав нескольких волостей; полностью в нем находились только два аульных общества Найманской волости, где выборы аульных старшин (аминов) производились пятидесятниками по указаниям биев, своим значением далеко превосходивших представителей выборной власти. Народный судья (казий, производивший суд не по адату, а по шари'ату) и волостной управитель жили не на Алае, а в Ферганской долине. На ряду с родовыми биями большое влияние на народ имел ишан Мад-Умархальфа, носивший прозвание Ак-ишан (белый ишан); под его влиянием в 1908 г. даровым трудом киргиз был приведен в исправность путь в Скобелев через перевал Тенгиз-бай; рабат на пол-пути между этим перевалом и зимовкой Дараут-курган в честь ишана получил название Ишан-рабат.

Для упадка кочевого хозяйства в Фергане характерен тоже факт, отмеченный в обзоре за 1910 г., что из общего количества скота в области кочевникам принадлежала только $^1/_3$; из крупного рогатого скота на долю кочевого населения приходилось менее $^1/_4$, из мелкого скота 41%, даже лошадей у оседлого населения было почти в четыре раза больше, чем у кочевников.

Оскудение кочевников, прежнего военного элемента в Средней Азии, было тесно связано с упадком военного и служилого сословия;

[1]) Приблизительно то же самое было сказано уже в обзоре за 1907 г. (стр. 142).

естественно, что представители этого сословия и тесно связанные с ними степные ишаны были главными врагами русской власти, что особенно ярко проявилось в андижанском восстании 1898 г. [1]). Те же самые и другие события выяснили, однако, что русская власть не могла рассчитывать и на представителей тех элементов, которые, казалось бы, извлекли больше всего пользы из русского управления: казиев, городских ишанов и других представителей шари'ата, освободившихся от вмешательства в их действия светской власти; богатых купцов, расширивших свои обороты благодаря установлению при русских лучших и более безопасных путей сообщения; представителей выборной туземной администрации. Событие 1898 г. изображалось как авантюра, задуманная небольшим числом безумцев, но даже среди открытых участников восстания были такие лица, как волостной старшина мулла Гаиб и богатый купец Атабек Бабаджанов; лица, работавшие в то время в Туркестане и имевшие общение с туземцами, уверяли меня, что о заговоре знали многие в Ташкенте и в Самарканде и что уже за некоторое время до открытого выступления ишана замечалась перемена в отношении туземцев к русским. Разумеется, после неудачи ишана теми же лицами подписывались верноподданнические адреса, жертвовались деньги в пользу семейств убитых солдат и т. п. То же самое произошло во время холерного бунта в Ташкенте в 1892 г., когда временно возбудили подозрение своими действиями такие лица, как казий Мухитдин и ишан Абу-л-Касим, до тех пор более всего выделявшиеся среди туземцев своими верноподданническими речами и заявлениями [2]).

Тем элементом туземного населения, который более всего имел основания приветствовать приход русских, были туркестанские евреи, единственный в среднеазиатских мусульманских государствах иноверческий элемент (кроме небольшого числа индийцев-ростовщиков). Русское завоевание избавило их от того юридического и социального неравенства, с которым им приходилось мириться под мусульманским господством. Радлов видит удивительную игру судьбы в том, что евреи, в Европе много столетий жившие во вражде с христианами, в Азии видели в тех же христианах своих друзей и защитников. Есть известие (рассказ Муравьева, еще не проверенный), что в Хивинском ханстве евреи притеснениями мусульман были выну-

---

[1]) Из среды служилого сословия вышла, повидимому, и та оппозиция, прокламацию которой, относящуюся, вероятно, к началу 1890-х годов, приводит Наливкин; особенно характерна фраза: „В тех самых урдах, в которых при ханах жили именитые беки и хакимы, управлявшие народом, опираясь на уставы ислама, теперь водворились волостные управители, чуть не на половину ничтожества, вытащенные из грязи руками неверных".

[2]) Для упомянутой выше „оппозиции" ишан был „святым мучеником", давшим пример народу (см. прокламацию, составленную после андижанского землетрясения 1902 г., у Наливкина, Туземцы, 142 и сл.).

ждены отказаться от своей религии; если так, то это должно было произойти довольно давно, иначе потомки невольных прозелитов после прихода русских вернулись бы к своей прежней вере. Радлов в Самарканде был в гостях у аксакала еврейского квартала, богатого человека, за несколько лет до прихода русских побывавшего в Германии. Уже из этого видно, что бухарские евреи, несмотря на свое приниженное положение, и при господстве мусульман достигли значительного благосостояния и были едва ли не первенствующим торговым сословием; из мусульманских подданных эмира в то время, наверное, никто не ездил в западную Европу. Известно, что в Алжире туземные евреи под властью христиан получили такие права, в которых было отказано туземным мусульманам; этого, конечно, не могло быть в России; но и равноправия с мусульманами туркестанским евреям не удалось сохранить. Положение 1886 г. причисляет к туземцам также „евреев, водворившихся с незапамятных времен в Туркестанском крае"; их права были одинаковыми с правами мусульман; некоторыми льготами, сравнительно с европейскими евреями, пользовались и „евреи—уроженцы сопредельных с Туркестанским краем среднеазиатских государств", к которым причислялось и Бухарское ханство; им не запрещалось, как другим не-христианам и не-туземцам, приобретение в Туркестане недвижимости, но разрешалось только в пределах „общих постановлений о приобретении в империи недвижимых имений евреями, иностранными подданными". Были случаи высылки из Ташкента и других городов Сыр-Дарьинской области бухарских евреев; впоследствии для среднеазиатских евреев была создана черта еврейской оседлости в Туркестане, куда Ташкент не входил. Никаких мер против приезда в Ташкент мусульман, хотя бы из Бухарского ханства, конечно, не принималось.

XI.

Европеизация управления и туземцы.

Западно-европейские ориенталисты, посещавшие Туркестан, даже враждебно относившиеся к русским, не могли не отметить преимуществ русского управления перед управлением восточных властей, мусульманских и китайских. Местным населением эти преимущества не всегда сознавались; в киргизских песнях встречается обращение к богу: „Спаси от русского суда“ (урустын суттан сакпа). Завоевание Туркестана произошло в эпоху реформ Александра II; но в Азиатской России долго действовали дореформенные порядки (суд присяжных был введен только в немногих областях Западной Сибири и Степного края, причем только в 1909 г., и совершенно не коснулся Туркестана); историк Ташкента находит, что там „русский суд в первое время был не лучше сартовского“. Слово „закон“ и русское понятие о законе были известны туземцам еще до завоевания; в истории Хивинского ханства говорится о переговорах хивинского посла Шукруллы в Константинополе в 1861 г. перед отъездом на родину с консулами (б а л ь о с — слово, оставшееся в турецком языке с венецианских времен) русским и английским насчет продажи товаров и об ответе консулов: „По нашему закону (бизлярнин закунымызда) никому нельзя причинять вреда“. Кокандский историк мулла Ниязь-Мухаммед объясняет подчинение русским кочевников в окрестностях города Туркестана жестокостями муллы Алим-Кула; по этому поводу приводятся стихи: „Знай, что справедливость и беспристрастие, не неверие и не вера, есть то, что необходимо для сохранения власти. Справедливость без веры для порядка мира лучше, чем тиранство царя, хранителя веры“. Русское правительство часто исходило из убеждения, что туземцы во власти ценят только силу, и потому придавало преувеличенное значение сохранению внешнего престижа власти, в ущерб сохранению за властью ореола справедливости. В 1877 г., по поводу выяснившихся злоупотреблений сыр-дарьинского губернатора Головачева [1]), военный министр Милютин писал

[1]) См. о нем слова Наливкина (Туземцы, 92) с упоминанием о „заступничестве генерал-губернатора и снисходительности царя“.

Кауфману, что государь, соглашаясь с мнением Кауфмана, постановил не предавать Головачева суду, „в виду неблагоприятного влияния, которое могло бы иметь в крае придание гласности обвинению начальника области в незаконных действиях". Несмотря на личную безукоризненность и добрые намерения Кауфмана, его обвиняли, повидимому, не без основания, в неумении выбирать себе помощников и в слишком большом снисхождении к неоправдавшим доверия лицам. Возможно, что тут, кроме общей заботы о престиже русской власти, участвовало и слишком ревнивое отношение Кауфмана к своей собственной почти неограниченной власти, с чем было связано подозрительное и недружелюбное отношение к таким достойным помощникам, как губернатор и устроитель Семиреченской области Г. А. Колпаковский, память которого, по словам Масальского, „до сих пор жива в Верном и во всем крае"; Скайлер говорит о знании им киргизского языка, о его неутомимости в верховой езде, за которую киргизы прозвали его „человеком с железным сидением", и о бросавшейся в глаза разнице между семиреченской администрацией и ташкентскими чиновниками [1]). Таким же образом по настоянию Кауфмана из Ташкента был отозван агент министерства финансов Н. Ф. Петровский, впоследствии член ревизионной комиссии Гирса и кашгарский консул. Не свидетельствует о знании людей возложение на губернаторов и правителя канцелярии (приказом 29 ноября 1868 г.) обязанности доставлять генерал-губернатору „собственноручные секретные аттестации всех подчиненных им лиц", для удаления лиц, „по своей жизни не могущих служить образцом для туземцев". Н. П. Остроумовым приводится несколько характерных и интересных рассказов о Кауфмане так называемых „почетных туземцев",—но документов, по которым можно было бы судить об отношении туземцев при Кауфмане к русской власти, до сих пор обнародовано не было; составленный для проф. Веселовского рассказ киргиза Хали-бая едва ли имеет значение. Действия Головачева и многих других лиц, имевших непосредственную власть над населением, заставляют предполагать, что туземцы в 1881 г., в конце деятельности Кауфмана, имели так-же мало причин уважать русскую власть, как в 1867 г. Отчет Кауфмана приводит только одно доказательство доверия туземцев к русской власти—факт переселенческого движения в Россию из соседних восточных государств — Китая, Кашгарии, Хивы, Бухары, Коканда и отчасти Авганистана; одних переселенцев в Сыр-Дарьинскую область и в Зеравшанский округ по официальному счету было до 300 тысяч. Повидимому, это объясняется не столько процветанием Туркестана под русской властью, сколько теми смутами, которые тогда переживали соседние с Россией государства. Та картина спокойствия и безопасности, которая в 1878 г. произвела такое сильное впечатление на академика

[1]) Schuyler. Turkistan, II, 149 и сл.

Миддендорфа, вполне объясняется впечатлением от недавних успехов русского оружия, вследствие чего небольшая кучка вооруженных русских могла удерживать в страхе все туземное население. Изменение этой картины объясняется не переменой системы управления, но временем, несколько изгладившим воспоминания о событиях семидесятых годов и вызвавшим среди туземцев некоторый подъем духа.

Началом перемены системы считают отчет ревизионной комиссии Гирса, назначенной в 1882 г., по настоянию преемника Кауфмана, Черняева, при участии Петровского. Отметив ряд злоупотреблений русских властей при Кауфмане, комиссия Гирса тем не менее пришла к заключению, что настроение туземцев к русским везде дружелюбно или по крайней мере не враждебно, край умиротворен, и можно заменить военное управление гражданским. Отчет комиссии Гирса послужил только материалом для новой комиссии, учрежденной в 1884 г. под председательством генерала Игнатьева; но на решения комиссии Гирса ссылался Черняев при некоторых своих действиях, отменявших распоряжения Кауфмана. По отношению к туземцам, Черняева обвиняли в слишком большом доверии к ним; по словам Добросмыслова, им в 1883 г. был издан приказ о составлении полицейской стражи исключительно из сартов и о подчинении сарту, младшему помощнику начальника города, полиции в русской части Ташкента; приказ не был приведен в исполнение вследствие противодействия сыр-дарьинского губернатора Гродекова и начальника города Путинцева (оба были назначены на свои должности в 1883 г., уже при Черняеве). В книге Терентьева сказано, что Черняев после устранения от должности и предания суду городского головы К. М. Максимовича, вследствие постоянных отлучек заступавшего его место кандидата, назначил городским головой сарта; об этом ничего не говорится ни в книге Добросмыслова, ни в отчете о городском самоуправлении за 35 лет его существования (1877—1912); должность городского головы была замещена только в 1884 г., после окончательного увольнения Максимовича; только тогда заступавший его место Е. В. Кожевников вернулся к своим обязанностям заместителя городского головы и оставался в этой должности до 1898 г. Несмотря на эти назначения, Черняев, повидимому, утратил и среди туземцев ту популярность, которой он несомненно пользовался в 1865—6 гг., когда он вообще считался „несравненным администратором“ [1]). Астроном Шварц уверяет, что Черняев за время своего управления на-

[1]) Schuyler. Turkistan, II, 210. Скайлер вполне присоединяется к критическим замечаниям Черняева (в его газете „Русский Мир“) о системе Кауфмана. С таким же сочувствием Скайлер говорит о „черняевцах“, работавших еще при Кауфмане в Самарканде и своей заботливостью о благе населения резко отличавшихся от ташкентских чиновников (ibid., I, 266). К черняевцам причисляется и тогдашний начальник Зеравшанского округа Абрамов.

столько утратил уважение как туземцев, так и русского населения, что его при отъезде из Ташкента провожали только проклятия.

Новый генерал-губернатор Розенбах принимал участие в работах комиссии Игнатьева и потому прибыл в Ташкент только 24 мая 1884 г., через три месяца после отставки своего предшественника. В том же году им, в духе постановлений комиссии, были введены новые правила выборов на должности по туземной администрации, сводившиеся к усилению контроля выборов: предполагалось, что народ будет представлять четырех кандидатов в волостные, трех в казии и двух в бии, из которых власть утвердит того, кого признает лучшим; кроме того удлинялся срок выборов (5 лет вместо трех). Эти правила не вошли в окончательную редакцию положения 1886 г., сохранившего прежнее число кандидатов (два) и трехлетний срок. Окончательная редакция была установлена при участии Розенбаха, ездившего для этой цели в Петербург, где он провел пять месяцев (ноябрь 1885—апрель 1886) и, по словам Терентьева, „имел довольно редкое счастие видеть, что в окончательном результате почти все его представления были одобрены".

Положение 1886 г. вызвало большое неудовольствие среди чинов русской администрации в крае и вообще среди сторонников сильной власти. Во-первых, генерал-губернатор, по выражению Терентьева, перестал быть самодержцем, так как при нем был создан совет; в действительности власть генерал-губернатора этим советом, состоявшим исключительно из высших чинов местного управления, не была ограничена, так как „по делам, относящимся до общего управления краем, заключения совета имели значение лишь совещательное". Больше неудовольствия вызвало создание областного суда, областного прокурора и вообще независимых от генерал-губернатора судебных учреждений; генерал-губернатор барон Вревский в 1894 г. объяснял этим упадок авторитета администрации, выразившийся в невозможных прежде фактах „открытого неуважения и неповиновения местным властям". Английскими посетителями Туркестана разделение власти административной и судебной отмечалось, как особенность русского управления в Туркестане сравнительно с английским в Индии, где такое же разделение властей, существовавшее до англичан, было уничтожено со времени генерал-губернатора лорда Бентинка (1833—1835). Было высказано мнение, что авторы положения 1886 г. „поторопились подвести под общеимперские нормы все управление краем, представляющим массу особенностей по этнографическим, географическим, экономическим, бытовым и политическим условиям". Проф. Веселовский в 1890 г. связывал уход из края многих из прежних деятелей (потом отчасти вернувшихся) „с водворившимися в крае новыми порядками, крайне сложными и для туземцев несвоевременными". Путешественник Е. Л. Марков, посетивший Туркестан в 1891 г., передает слова „очень авторитетного русского жителя Таш-

кента, имевшего возможность со всех сторон изучить быт туземцев", о последствиях введения новых судов: „Розенбах все это натворил, Европу хотел сразу насадить в нашей Киргизии".

На самом деле преступления против личности и имущества, когда они восходили к русским мировым или областным судам, карались этими судами с большой строгостью и в этом отношении введение новых судов скорее могло способствовать укреплению безопасности, чем наоборот. Причины падения авторитета власти, вероятно, были другие, прежде всего факт, что ни один из преемников Кауфмана не обладал его личными качествами и не мог иметь такого авторитета ни среди русских военных, чиновников и населения, ни среди туземцев. Отрицательное отношение туземцев к распоряжениям русских властей проявлялось и при Розенбахе в такой резкой форме, какая была бы немыслима при Кауфмане, хотя были, по прежнему, выступления почетных туземцев с прославлением русских и их действий. В 1886 г., по случаю празднования годовщины взятия Ташкента (15 июня), казий Мухитдин обращался к генералу Розенбаху с речью о том, что и для туземцев с этой годовщиной сопряжены радостные чувства: „С занятием города, за нами признаны наша религия, ислам, оставлен и народный суд по шариату: всюду полное спокойствие и попечение о народе властей; нам также даровано городское самоуправление. Вследствие всего этого, мы проводим жизнь свободно и спокойно, а торговля, промышленность и земледелие получили большое развитие". Еще более прославлял русскую власть тот же казий, когда в одном и том же месяце, в июле 1888 г., произошло освящение русского храма и открытие мечети Ходжи-Ахрара, вновь отстроенной при русских. Казий видел в этом совпадении наглядное доказательство одинакового отношения правительства к двум религиям и упомянул по этому случаю о благодарности туземного населения государю, генерал-губернатору, губернатору Гродекову и начальнику города Путинцеву.

К тому же времени относится предпринятое по инициативе губернатора Гродекова ознакомление русских с обычным правом и судопроизводством кочевников. Первоначально предполагалось собрать такой материал через уездных начальников; но доставленные в 1884 г. сведения были собраны „чрез безграмотных переводчиков" и потому были признаны не имеющими никакой ценности. Иные результаты имела семимесячная командировка в степь, в 1886 г., упомянутого выше А. Н. Вышнегорского, окончившего курс в Петербурге в историко-филологическом институте и в Туркестане самоучкой научившегося восточным языкам (киргизскому, сартскому и персидскому). Этот материал, превосходно собранный на основании программы, составленной В. П. Наливкиным, лег в основу труда Гродекова „Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области". Из русских должностных лиц к этой работе мог быть привлечен только помощник казалин-

ского уездного начальника Е. А. Александров, „сибирский казак из Кокчетава, хорошо владевший киргизским языком и знакомый с бытом киргизов". В предисловии Гродековым был отмечен факт, что, вопреки желаниям и надеждам русских властей, „энергия проповеди" ислама „среди кочевников ишанами из Бухары, Самарканда, Коканда и Ташкента усилилась со времени умиротворения нами Средней Азии". Отмечено было и неосуществление надежд, возлагавшихся на положение 1867 г., широкое развитие взяточничества, зависимость биев от волостных управителей. Главное различие между положением и народными обычаями заключалось в том, что по народным обычаям стороны могли обращаться к любому бию, по положению 1867 г. должны были судиться только у биев, утвержденных военным губернатором; притом если стороны, что часто бывало, не соглашались на третейский суд, истец должен был избирать бия из волости ответчика. Выражение „третейский суд", заимствованное у русских (тритески сот), приобрело у киргиз своеобразный смысл; так называлось „то разбирательство биев, которому предшествует расписка сторон о выборе бия или биев и согласии на то решение, какое они постановят"; на такой суд не могло быть апелляции. Местные деятели (русские) находили, что киргизский народный суд, как неудовлетворительный, должен быть заменен русским судом; сами киргизы тоже отрицательно относились к своему суду и относили к нему поговорку: „если камнем ударить сову, убьется сова; если совою ударить камень, также убьется сова" (т. е. слабый всегда терпит, будет ли он истцом или ответчиком). Но при этом, повидимому, обнаруживалось только стремление к замене суда по обычному праву — адату или зангу — судом по шари'ату, хотя киргизы знали, что русским более угоден адат; самим киргизам казалось неприемлемым только одно требование шари'ата — затворничество женщин; когда некоторые киргизы хотели ввести в своих домах сартский обычай, другие киргизы, ссылаясь на „занг", все-таки продолжали входить к их женам. Стремление заменить адат русским законом не обнаруживалось, хотя наряду со словами „по адату" и „по шариату" в Перовском уезде встречаются и слова „по закону" — причем киргизам казалось, что ссылка на „закон" придает решению больше силы. Недовольные решением народного суда по брачным делам могли обратиться с жалобой к уездному начальнику; к этому средству иногда обращались люди, не желавшие подчиниться кочевому обычаю, по которому законным женихом вдовы считается родственник (прежде всего брат) ее первого мужа; русская администрация в таких случаях разрешала вдовам выходить замуж по выбору. Замена адата шари'атом в этом случае достигала бы той же цели.

Положение 1886 г. не внесло ни в народный суд, ни в порядок судопроизводства каких-либо существенных изменений. Свободного выбора биев установлено не было; подсудность по гражданским де-

лам определялась местом жительства ответчика, по уголовным—местом совершения преступления. Положение даже отменило право уездных начальников выдавать отдельные виды на жительство вдовам и девицам, чем еще более была усилена власть над женщиной родственников ее мужа. Е. А. Александров писал в 1887 г., что, вопреки стремлениям русского законодательства, „до сего времени ослабления родового начала не заметно"; то же самое повторил в 1899 г. И. В. Аничков; с прекращением военного быта утратили свое прежнее значение крупные группы родов, но не мелкие родовые единицы.

С другой стороны, И. В. Аничковым отмечается не только недовольство киргиз своим судом, но также „стремление найти правду и защиту в русском суде", к которому киргизский народ будто бы относится с полным доверием. Доказательство „стремления киргиз во что бы то ни стало судиться русским судом" автор видит в их старании „всякую баранту, подходящую под понятие самоуправства, обратить в разбой или грабеж". К сожалению, в статье И. В. Аничкова не говорится, часто ли киргизы пользовались правом, предоставленным им положением 1886 г. — обращаться к русскому суду в случае согласия на это обеих сторон. Сарты, по словам Н. С. Лыкошина, этим правом никогда не пользовались, несмотря на все отрицательные стороны суда казиев [1]).

Деятельность преемника Розенбаха бар. Вревского (1889 — 1898) была связана со стремлением вновь усилить авторитет администрации, ослабление которой считали причиной „распущенности" туземцев, на что иногда жаловались не только русские, но и пришлые мусульмане; Н. П. Остроумов приводит об этом замечание одного татарина в 1898 г. Холерный бунт 1892 г., сопровождавшийся нанесением ударов начальнику города Путинцеву, был в глазах Вревского грозным симптомом; необходимыми средствами для поднятия авторитета высшей административной власти он признавал подчинение администрации огранов суда и уничтожение городского самоуправления; впоследствии им же был поднят вопрос о распространении на Туркестан положения о земских начальниках. Ни одно из этих стремлений не осуществилось; единственным последствием бунта 1892 г. была замена старшего аксакала, как высшего начальника полиции в туземной части Ташкента, русским полицеймейстером; должность старшего аксакала была упразднена. Ташкентское самоуправление сохранило свои права, но уже Розенбахом был восстановлен порядок, действовавший при Кауфмане, от которого отступили Колпаковский и Черняев, по которому должность городского головы совмещалась с должностью начальника города; так продолжалось с 1884 до 1905 года.

---

[1]) По словам Наливкина (Туземцы, 126) случаи желания одной стороны перенести дело в русский суд были, но „неправая, но состоятельная сторона обыкновенно предпочитала суд народный".

Еще более тревожным симптомом могло показаться андижанское восстание 1898 г. Ближайшим последствием его было восстановление новым генерал-губернатором Духовским (1898—1900) внешней пышности генерал-губернаторских выездов; кроме того была увеличена власть генерал-губернатора над чинами туземной администрации и народными судьями. Генерал-губернатору было предоставлено право отсрочки, по его усмотрению, выборов лиц туземной администрации во всех местностях, находящихся на положении усиленной охраны[1]). Он же получил право удалять от должностей, по представлениям военных губернаторов, народных судей за „несовместные с достоинством судейского звания нравственные свойства, лишающие их необходимых для сего звания доверия и уважения". С другой стороны, события 1898 г. не остановили дальнейшего развития русских судебных учреждений; 14 мая 1899 г. в Туркестане были введены, хотя и с некоторыми ограничениями, судебные уставы императора Александра II.

Особенно сильный удар был нанесен событиями 1898 г. одному из принципов, на которых основывалась деятельность Кауфмана — принципу игнорирования ислама; возражая против этого принципа, В. П. Наливкин замечает, что мы в Фергане „доигнорировались до андижанского инцидента". Начинается вмешательство русских властей в жизнь мусульманской школы; собираются и издаются „материалы по мусульманству". Последняя работа, несмотря на привлечение к ней лучших из местных (русских) знатоков религии и культуры мусульман, не дала существенных результатов; почти весь материал состоял из поверхностных статей, большею частью компилятивных или переводных. Исключение представляют статьи в VII томе „Сборника материалов для статистики Сыр-Дарьинской области" Н. С. Лыкошина, имевшего возможность непосредственно ознакомиться с местными представителями мусульманского мистицизма и их учением. Одним из условий успешности научной работы была бы правильная организация в Ташкенте издательского дела, чего не удалось достигнуть. Из официальных изданий лучшим местом для помещения научных статей были издания статистических комитетов. Открытый еще при Романовском в 1866 г. статистический комитет при штабе войск Туркестанской области при Кауфмане в 1868 г. был подчинен органам администрации и впоследствии, в 1887 г., заменен статистическими комитетами при областных управлениях. Первоначально членами комитетов собирался материал для печатания в столичных научных изданиях; в 70-х годах Туркестанским Комитетом издавались „Материалы для статистики Туркестанского края", но

[1]) Усиленной охране был подчинен весь Туркестан, так что после 1898 г. волостные управители стали назначаться „не по выбору населения, а по избранию администрации" (Наливкин. Туземцы, 137).

печатались в Петербурге; там же было напечатано в 1887 г. первое издание Сыр-Дарьинского статистического комитета, составленное Е. Т. Смирновым описание Сыр-Дарьинской области; с 1888 г. комитет уже печатал свои издания в Ташкенте. Значительно позже было положено начало „Справочной книжке Самаркандской области“ (в 1893 г.), „Памятной книжке Семиреченской области“ (1897) и „Ежегоднику Ферганской области“ (1902). В зависимости от смены представителей высшей администрации, средства на издания комитетов то отпускались, то задерживались на многие годы. Не удалось также упрочить свое существование издававшимся в Ташкенте частным журналам, „Средне-Азиатскому Вестнику“ в 1896 г., „Средней Азии“ в 1910 и 1911 гг. Журналы заключали в себе некоторый ценный материал, но не имели никакого влияния на местное общество, в особенности на туземцев.

В 1906 г. генерал-губернатором Суботичем (1905 — 1906) снова был поднят вопрос о необходимости для представителей русской власти объясняться с туземцами без посредства переводчиков, т. е. знать их язык. Вопрос, конечно, был для Туркестана не нов, с 70-х годов (грамматики и хрестоматии М. А. Терентьева) издавались учебники, самоучители, словари и т. п., организовались уроки и курсы, поощрявшиеся генерал-губернаторами, начиная с Кауфмана и Розенбаха. Незадолго до Суботича (1901 — 1904) генерал-губернатором был Н. А. Иванов, участник завоевания, занимавший ряд должностей по администрации и практически изучивший местные языки; в своей речи при вступлении в должность он мог объявить населению, что генерал-губернатор говорит по-сартски и по-киргизски и не нуждается в переводчиках. Но попытки, посредством курсов, создать для службы в крае кадр лиц, хорошо знающих восточные языки, не имели успеха. Характерны слова Н. С. Лыкошина о лекциях, читавшихся В. П. Наливкиным в 1886 и 1887 годах. Лектор „собирал около себя до 50 слушателей из одного только Ташкента“; слушатели „восхищались блестящим, увлекательным изложением“ — и к концу семестра оставалось только два „артиллерийских поручика, из которых один служил в строю, а другой в администрации“. В виду кратковременности управления Суботича, все и на этот раз ограничилось созывом комиссий и печатанием статей, потом собранных в особый „Сборник“, заключающий в себе и статьи по тому же вопросу, появившиеся до 1906 г. Сборник заключает в себе много интересного и характерного; так еще в 1905 г. приходилось опровергать мнение, слышанное мною от одного из уездных начальников в Семиречье в 1894 г., что непосредственное обращение начальника к народу на его языке приведет к умалению престижа власти.

Этот престиж в то время подвергался опасности по другим причинам; на него не могло не подействовать совпадение неудачной войны

с Японией с революционным движением внутри России. Генерал-губернатор Суботич был смещен по обвинению в потворстве рабочим и приобрел репутацию красного генерала, нисколько не соответствовавшую ни его прошлому (в 1900 г. он прославился известной переправой китайцев вплавь из Благовещенска на китайский берег Амура), ни даже его действиям в Туркестане, где при нем пользовались влиянием люди, хорошо знакомые с языком и бытом туземцев, каковы бы ни были их политические взгляды.

Революционное движение тогда в Туркестане, как и в остальной России, было подавлено; наследием его осталось сильное увеличение преступности, в особенности в Фергане, где развитию преступности способствовали неустойчивые экономические и социальные условия. В 1878 г. Миддендорф удивлялся почти невероятному спокойствию только что завоеванной области; еще в 1901 г. находили, что народная нравственность в Фергане, насколько она выражается в цифрах преступности, стоит довольно высоко; на население в $1^3/_4$ миллиона насчитывали всего 27 случаев разбоя и 26 грабежа. В 1910 г. было отмечено, что преступность в Фергане вдвое превышает норму преступности в Российской империи в целом; в обзоре 1911 г. начало волны повышения преступности связывается с освободительным движением. Цифры, приведенные в обзоре 1908 г., действительно, указывают на резкое увеличение числа разбоев и грабежей в 1905 г. (163) сравнительно с 1904 г. (74); труднее было бы объяснить еще более резкое повышение в 1909 г. (460) по сравнению с 1908 (173). Цифра 1909 г. осталась максимальной; в следующие года произошло некоторое уменьшение, вследствие чего казалось, что „волна преступности, резко поднявшаяся во время освободительного движения, вошла в нормальное русло". Разбои и грабежи совершались почти исключительно туземцами; даже кавказцы, которых часто обвиняют в насаждении разбойничества в Туркестане, только в редких случаях принимали в них участие; главной причиной роста преступности считалось распространение среди туземцев алкоголизма. Если, однако, взять общую цифру преступности, то участие в преступлениях пришлого элемента в Фергане оказывается гораздо более значительным, чем можно было бы ожидать по численному отношению пришлого населения к туземному. По обзору 1910 г., среди преступников в Фергане $^3/_4$ составляли туземцы Туркестана, 5% кавказцы и 20% уроженцы Европейской России и иностранцы; по тому же обзору, из населения Ферганы 97,86% приходилось на долю мусульман-туземцев и 2,14% на долю всех остальных; армян и представителей других кавказских национальностей считалось всего 1723, т. е. значительно менее 0,1%.

Последние годы до войны и революции прошли в проектах культурного творчества, не осуществившихся частью вследствие неблагоприятных обстоятельств, частью вследствие ошибочности при-

емов их выполнения, частью, наконец, вследствие переоценки количества и качества наличных сил.

Ревизией, производившейся в 1908—9 гг. под руководством сенатора гр. Палена, вновь был поднят вопрос об упорядочении народного суда и создания гарантий против произвола судей. Лучшим средством для этого была признана кодификция положений шари'ата, как они действовали в Туркестане. Вопрос был не нов; уже губернатором Гродековым, наряду с судом по обычному праву, было обращено внимание и на суд по шари'ату; но вместо изучения на месте правовых норм и их применения, как было сделано при исследовании адата, Гродеков ограничился переводом памятника англо-индийского управления конца XVIII века, когда по распоряжению генерал-губернатора Хестингса (1773—1785), Гулям-Яхья с помощью некоторых других ученых в 1190 г. хиджры (1776) перевел на персидский язык классический труд по мусульманскому праву — „Хидаю“ уроженца Туркестана Бурхан-ад-дина Маргинани (XII в.). С персидского в 1791 г. был сделан сокращенный английский перевод Хамильтона; в Индии же впоследствии были изданы и персидский перевод, и арабский подлинник. Русский перевод, изданный Гродековым, был сделан с английского и издан в 1893 г., уже после отставки Гродекова. Ссылки на „Хидаю“ Гродекова часто встречаются в работах местных русских деятелей, когда им приходится касаться вопросов мусульманского права; издание в 1905 г. считалось распроданным, из чего можно заключить, что им пользовались и для практических целей; когда речь шла о введении в Туркестане института земских начальников, предполагалось, что для них основным руководством при контроле действий народных судов будет „Хидая“. Несомненно, что труд Бурхан-ад-дина Маргинани, потомки которого долго были наследственными шейху-ль-исламами Самарканда, оказал некоторое влияние на практику местных судов [1]); но этот вопрос не был подвергнут исследованию; не касается его и комиссия гр. Палена. Игнорируя существование „Хидаи“ Гродекова, не обращаясь и к рукописным сборникам решений туркестанских казиев, комиссия обратилась к новейшему памятнику англо-индийской юридической литературы — к вышедшему в 1903 г. второму изданию труда Уильсона, бывшего лектора англо-индийского права в Кембриджском университете. Труд этот заключает свод всего англо-индийского мусульманского права, с историческим введением и подробными ссылками. Так как индийские мусульмане придерживаются того же толка, как и туркестанские (ханафитского), то индийская практика казалась приложимой и к Туркестану; из книги были извлечены и переведены догматические

[1]) В Индии, по замечанию Уильсона, не меньшим авторитетом, чем Хидая, пользовался труд другого автора, современника и земляка (также уроженца Ферганы) Бурхан-ад-дина—сборник юридических решений Казихана.

положения, без примечаний и ссылок; потом в текст перевода были внесены некоторые изменения на основании местной практики, для чего, по поручению сенатора, было произведено „по особой программе обследование правового быта местного населения в трех коренных областях края". К сожалению, именно об этой, наиболее важной и интересной части работы в печати не было сообщено никаких подробностей. В этом отношении работы 1908—9 гг. стоят бесконечно ниже работ 1886 г.; справок о правовых взглядах туземцев на их языке, т. е. того, что составляет самую ценную часть материала, собранного Вышнегорским, мы не получили; были только внесены поправки в текст русского перевода, этот русский текст был переведен на сартский язык и предложен съезду из русских и туземных знатоков мусульманского права, созванному в мае 1909 г. В виду кратковременности съезда (21—28 мая) обсуждение на нем правовых вопросов не могло дать никаких результатов; поправок и дополнений к проекту кодекса, тогда же отпечатанному по-русски и по-сартски, ждали от письменных сообщений сведущих лиц. Эти отзывы (ривояты) предполагалось привести в систему и издать особо, после внесения соответствующих изменений в текст проекта, который должен был послужить основой для „дополненного и исправленного сборника мусульманского права, удовлетворяющего в большей мере требованиям текущей жизни и юридической науки". С кодификацией мусульманского права был связан проект замены, по англо-индийскому образцу, туземных судов европейскими, которыми применялись бы соответствующие статьи шари'ата. Кодекс не был обнародован и проект не был осуществлен; слухи о нем проникли в печать и горячо обсуждались в татарских газетах, говоривших от имени представителей ислама.

Из экономических вопросов в Туркестане в последние годы до войны на первом месте стоял вопрос об возможно большем использовании края для сельско-хозяйственной деятельности, в связи с оживленной деятельностью главного управления землеустройства и земледелия при А. В. Кривошеине. Принимались меры к расширению площади орошения, площади хлопковых посевов и т. п. И на этой почве было сделано слишком мало для объединения интеллигентных сил русских и туземцев, европейской техники и туземного опыта. Проекты организации дела в будущем не всегда основывались на достаточном изучении существующих норм; характерно признание одного из русских деятелей, Масальского, что отделом земельных улучшений был внесен в законодательные учреждения проект туркестанского водного закона, хотя „установившиеся в Средней Азии правила водопользования" еще „не разработаны и даже не собраны воедино". Туземцы должны были относиться с недоверием к русским начинаниям уже потому, что с ними были связаны проекты образования новых русских поселений, и самые проекты исходили не только

от отдела земельных улучшений, но и от переселенческого управления, с 1906 г. имевшего в Туркестане свою организацию. Открытое в Ташкенте „управление сыр-дарьинского переселенческого района" действовало и в пределах Самаркандской области, в Голодной степи. По словам местного историка, оно „проявляло себя больше с отрицательной стороны", и его дела „в большинстве находились в хаотическом состоянии". Переселенческим управлением, однако, были произведены обширные работы по изучению местного землепользования; результатом этих работ было издание многотомных „Материалов", еще ждущих научного использования и критической оценки.

В результате автор вышедшего в 1913 г., после почти полувекового русского господства, описания Туркестана должен был сознаться, что „внутренний быт туземного мусульманского населения и все стороны его духовной жизни, вытекающие из векового господства ислама, нам до сих пор мало известны". Необходимость пополнения этого пробела, конечно, сознавалась; в 1909 г. вновь назначенным генерал-губернатором А. В. Самсоновым был поднят вопрос о „всестороннем научно-систематическом обследовании края"; по выпущенным в следующем году циркулярам и программам, кроме исследования тех сторон жизни, где результаты могут быть выражены в статистических данных, имелось в виду также исследование „различных этнографических групп населения, их религиозных и правовых воззрений, нравов и обычаев", также истории политической и культурной. В программе обзор населения был разделен на три главных отдела: 1) статистический обзор, 2) край в антропологическом отношении, 3) край в этнографическом отношении. Религия почему-то была отнесена к антропологии, и второй отдел был разделен на два подотдела: а) языки, б) религия. Замечательно, что в описание предполагалось включить и вассальные ханства, Бухарское и Хивинское; во время совещаний один из их участников указал на необходимость основания в Бухаре статистического комитета. Дело и на этот раз не пошло дальше совещаний и проектов. В Ташкенте издавались книги об исламе, иногда с назначением средств от главного начальника края и даже от представителя центральной власти (военного министра), но по инициативе отдельных лиц, независимо от программ и организаций и без связи с действительными потребностями края. Особенно характерно появление четырехтомного труда об „Исламизме", без использования данных современной европейской науки и без свободы от влияния миссионерской полемики.

К пятидесятилетию взятия Ташкента сотрудник „Туркестанской туземной газеты" мулла Алим заканчивал свой очерк истории Туркестана перечислением выгод русского господства. Искренней и всесторонней оценки русского управления мы у него, конечно, не находим; тем не менее не лишено интереса, на какие стороны жизни края под русским владычеством он счел нужным обратить внимание.

По его словам, до русских в степях было мало земледелия; уходить подальше от Ташкента для обработки поля было страшно; пользуясь слабостью правителей, киргизские тюри отнимали у земледельцев лошадей, быков и посевы, иногда убивали и их самих. С торговлей дело обстояло еще хуже. Были торговцы, возившие в Оренбург и Троицк хлопок, урюк, орехи, изюм и тому подобные товары; для этого под начальством караванбаши соединялось от 100 до 200 человек; на обратном пути киргизские тюри отнимали у них часть русских товаров иногда под предлогом взимания зякета, иногда путем открытого грабежа. Богачей с капиталом в 1000 тиллей (около 4000 рублей) почти не было. На улицах не было ни мостовых, ни освещения, на арыках не было мостов, зимой не выходили из дому из-за грязи и темноты, и город походил на развалины. Теперь в степях Туркестана установлено спокойствие, культурное русское управление посредством почты, телеграфа и железной дороги соединило Среднюю Азию с миром знания и культуры. Обеспечены спокойствие и безопасность; где прежде не могли проходить многочисленные караваны, теперь могут пройти одинокие путники. Туркестанские товары получили хороший сбыт; фрукты, шерсть, кожа, хлопок, шелк и другие товары вывозятся из Туркестана во внутреннюю Россию по высоким ценам; деньги начали течь из России в Туркестан, подобно воде. Богатство жителей увеличилось в десять раз или даже больше; сильно поднялись и заработок бедняков и стоимость земельных участков. Из Туркестана идет в Россию, в виде уплачиваемого казне поземельного налога и пошлины за право торговли, от 20 до 30 миллионов рублей; из России для поддержания культуры в Туркестане приходит ежегодно от 40 до 50 миллионов. При мусульманском управлении через такие реки, как Чирчик, Сыр-Дарья, Аму-Дарья, трудно было переправляться; теперь на них построены железные мосты. Расстояние в 30—40 верст от Ташкента до Той-тюбе прежде из-за болот и камышей проходили в один или два дня, теперь проходят в 3—4 часа. В отдаленные города, куда прежде ездили верхом или на арбе 6 месяцев, теперь приезжают в вагоне в 6 дней; по телеграфу с ними переговариваются в 6 минут. Внутри города на трамвае или в автомобиле едешь, куда хочешь, дешево и быстро. Во всех городах и уездах Туркестана есть разные заводы — хлопкоочистительные, маслобойные, спичечные, макаронные, лесопильные, железные; мусульмане тоже начали строить заводы и извлекают из них много выгоды. Появились неслыханные прежде вещи, как фонограф, фотография, кинематограф, граммофон; прежние светильники заменены электрическим светом; новые изобретения приносят пользу не только людям, но и животным. Автор, однако, напоминает своим читателям, что без усвоения образования они лишатся и материальных благ; образованные торговцы и ремесленники вытеснят мусульман, как десять вооруженных и обученных солдат легко обращают

в бегство сотню безоружных и необученных людей, как еще в мусульманские времена мусульманские произведения были вытеснены произведениями русских фабрик. Низкий уровень образования мусульман доказывается тем, что среди них ученейшие профессора и преподаватели не имеют понятия о географии и не знают, что делается за оградой их двора. Это напоминает стихи: „Для всякого червя, которому нужно немного места, земля и небо—одно и то же". Как нельзя достигнуть небесного царства без знания веры, так нельзя достигнуть земных благ без светских познаний. Такие духовные школы, какие есть у нас, есть у всех культурных народов; но кроме того у них есть светские школы, которых у нас нет. Правда, и среди мусульман стремление к образованию увеличивается: 30 лет тому назад в городе Ташкенте была только одна русско-мусульманская школа, и в ней учеников почти не было; теперь русско-туземных школ восемь, и их не хватает.

Последний из туркестанских генерал-губернаторов, Куропаткин, принадлежал к числу деятелей, издавна знавших и любивших Туркестан, где он служил еще при Кауфмане (в 1868 г. он принимал участие во взятии Самарканда). Куропаткин еще в 1897 г. поделился с английскими туристами в Асхабаде своими взглядами на задачи русского правительства. По его словам, с тех пор, как Туркестан соединен с Европейской Россией посредством железной дороги и телеграфа, не могло быть речи о таких полномочиях местных властей, как при Черняеве, Скобелеве и Кауфмане. Правительство не задается никакими завоевательными целями и заботится только о поддержании мира, спокойствия и благосостояния всех классов населения. Присоединение чужих территорий должно совершаться только после тщательного обсуждения вопроса, потому что все их жители немедленно становятся полноправными гражданами, предметом отеческой заботливости властей. Обезоружение туземцев вызвано заботой об устранении среди них междоусобий; цель вполне достигнута, и одинокий путешественник теперь безопасно проходит расстояние от Каспийского моря до границ Сибири. Куропаткин при устройстве в Закаспийской области 17 русских поселений роздал переселенцам оружие; оно оказалось ненужным. Был случай, что русский крестьянин недалеко от авганской границы напился до потери сознания и упал на дороге; туркмены тщательно завернули его в ковер и отвезли на верблюде к уездному начальнику. Среди населения Туркестана лучшая опора русских властей—торговцы, потом—земледельцы, наконец, женщины. Если произойдут какие-нибудь смуты, то они будут вызваны муллами, власть которых основывается скорее на невежестве, чем на фанатизме населения. Граница с Авганистаном, установленная с помощью Англии, вполне удовлетворяет Россию. Россия не оказывает помощи даже тем племенам, которые к ней обращаются. Фирузкухи, хазарейцы и джемшиды толпами в 1000 семейств

переходили через нашу границу, но мы всегда отправляли их обратно. Все население Келата в Хорасане просило у нас защиты от притеснений шахских чиновников; мы проводили их обратно под конвоем войск и посредством дипломатических шагов обеспечили им прощение. Граница с Бухарой не подвергалась изменениям с 1868 г.; причиной осложнений с Авганистаном было только нарушение авганцами границы, установленной англо-русским соглашением 1873 г.

Эти речи, сказанные иностранцам, конечно, были не свободны от односторонности; но Куропаткин и в России выражал симпатию туземцам, особенно туркменам, с которыми он воевал при Скобелеве. Слова „mon vainqueur", сказанные им в беседе с англичанином о Тыкма-сардаре, предводителе туркмен в Гёк-тепе, были повторены приблизительно в той же форме („ты отнял у меня пушку") им самим в беседе с Тыкма-сардаром, напечатанной потом в „Туркестанских Ведомостях". В Ташкенте Куропаткин в заседании туркестанского отдела географического общества выступил защитником сартов против отрицательного отзыва о них в реферате одного из членов отдела, что привлекло к генерал-губернатору симпатии мусульманской печати. Эти симпатии, конечно, были значительно ослаблены суровым отношением к кара-киргизам после мятежа 1916 г., когда предполагалось загнать весь кара-киргизский народ в долину Текеса и отнять у него все остальные земли в пользу русских переселенцев. Самое восстание, в котором „муллы" не принимали никакого участия, могло бы быть опровержением мнения Куропаткина, что беспорядки в Туркестане могут вызываться только мусульманским духовенством. Еще более нуждаются в поправках слова Куропаткина о русской внешней политике. Можно только сказать, что сознательной и планомерной завоевательной политики в России никогда не было [1]).

---

[1]) Schuyler. Turkistan, II, 260.

XII.

Русская власть и ханства. Бухара.

При завоевании Туркестана, как при завоевании англичанами Индии, часть территории была непосредственно присоединена к империи завоевателей, часть была оставлена прежним владетелям как вассалам императора. Англичане сознавали это сходство и приравнивали Бухарское ханство к индийским „native states“.

Русское правительство с самого начала имело в виду сохранить в Туркестане ханскую власть, подчинив ее верховной власти России. В циркулярной ноте кн. Горчакова, разосланной в ноябре 1864 г., говорилось о проведении границы от Иссык-куля до Сыр-Дарьи, с центром в укрепленном русскими Чимкенте. При учреждении в феврале 1865 г. Туркестанской области от Аральского моря до Иссык-куля местопребывание военного губернатора области, приблизительно соответствовавшей ташкентскому беклярбекству, не было определено; в циркулярной ноте министерства иностранных дел, посланной в том же месяце, было объявлено, что присоединять к империи Ташкент не предполагается; даже после взятия Ташкента жителям было предложено избрать себе хана.

При образовании Туркестанского генерал-губернаторства границы его с ханствами Кокандским, Бухарским и Хивинским оставались неопределенными и установлялись только фактическими успехами русских войск. Война с Кокандом привела в этом отношении к установлению настолько ясной границы, что мирный договор 29 января 1868 г., заключенный уже при Кауфмане, даже не касался вопроса о разграничении; договор состоял только из пяти пунктов, и в них говорилось только об одинаковых правах русских купцов в Кокандском ханстве и кокандских в России; даже не были оформлены фактически установившиеся вассальные отношения ханства к России, не было взыскано и контрибуции. В 1872 г. с Кокандом был заключен новый торговый договор; Худояр-хану высочайшим рескриптом был пожалован титул светлости; в том же году сыну хана Насир-ад-дину был оказан в Ташкенте торжественный прием, при котором, по мнению Терентьева (II, 334), „пересолили“. О посольстве царевича и со-

провождавшего его муллы Исы в Россию упоминает и кокандский историк Нияз-Мухаммед. Молодой царевич пробыл в Ташкенте 20 дней и несколько усвоил русские обычаи, научился пить водку и вино; в Андижане, где он занимал должность бека, он выстроил себе дворец по русскому образцу; в 1873 г. он принимал там американца Скайлера и, принимая от него подарок, произнес по-русски: „На память". Худояр-хан предложил Кауфману свое посредничество при переговорах с кашгарским правителем Якуб-беком, уроженцем Пскента, которого некогда послал в Кашгарию мулла Алим-Кул. Якуб-бек задержал караваны русских купцов Хлудова в 1868 г. и Немчинова в 1870 г. Посредничество оказалось излишним—русские послы Рейнталь в 1868 г. и Каульбарс в 1872 г. ездили в Кашгар через Семиречье; Каульбарсу удалось заключить с Якуб-беком договор из пяти пунктов, представлявших дословное повторение договора с Худояр-ханом. Ни тот, ни другой договор, однако, не исполнялись. В 1875 г. чиновник Вейнберг и полковник Скобелев были посланы в Кашгар через Фергану; их приезд с конвоем в Коканд ускорил восстание жителей, под влиянием мулл, против хана и в то же время против русских. Хан должен был вместе с русскими покинуть свое государство; 8 августа он прибыл в Ташкент, откуда уже 11-го по распоряжению Кауфмана должен был отправиться в Оренбург. Ташкентский казий Раим-ходжа в 1893 г. рассказывал Н. П. Остроумову, что Кауфман посетил Худояр-хана на третий день после его приезда, но хан отказался с ним разговаривать и объявил, что он, как государь, будет говорить только с царем. Вслед за тем у Кауфмана обсуждался вопрос, оставить ли хана в Ташкенте или нет; Сеид-Азим-бай высказал свое мнение, что, „если хан будет оставаться в Ташкенте, то к нему будут приходить ежедневно разные люди—кто из любопытства, кто из сочувствия, и будут везде на улицах, на базаре и в степи говорить о нем. Почему знать, что у него найдутся сторонники, которые сделают неожиданное нападение с целью освобождения его, или просто с целью произвести беспорядок". Этим будто бы объясняется решение Кауфмана отправить хана в Оренбург. Все это, конечно, мало правдоподобно, особенно рассказ о высокомерии хана, тем более, что хан тогда еще мог надеяться, что русские вернут ему престол; перед своим отъездом из Коканда он писал Кауфману, что отдает „себя и Кокандское ханство под могущественное покровительство его величества государя императора", и просил „приказать направить на город Коканд русское войско с артиллерией в возможно скором времени". Легенда возникла, вероятно, под влиянием того же чувства, как многочисленные песни о Худояр-хане. Несчастия хана примирили с ним народ, ненавидевший его во время его царствования, и ему был создан своего рода культ. Песня-плач о его любимом сыне Урман-беке, на похоронах которого „присутствовало очень много ташкентских мусульман", также объясняется трогательной судьбой

царевича, умершего в Ташкенте в 1883 г. на 19-м году жизни. Опасности для спокойствия Туркестана это сочувствие Худояр-хану и его сыну, конечно, не представляло.

Присоединившийся к мятежникам сын Худояра Насир-ад-дин в пятницу 24 июля ст. ст. был возведен ими на престол и в тот же день обратился к Кауфману с письмом, где восстание оправдывалось „всякими новшествами" Худояр-хана, „противными шариату"; через два дня о том же было написано письмо вельможами, причем в этом письме причиной восстания назывались поборы, которыми народ был доведен до отчаяния. Оба письма были получены Кауфманом 31 июля; в ответном письме (4 августа) Кауфман писал, что, „несмотря на долголетнюю дружбу", не одобрял действий Худояр-хана и готов признать его сына, если им будет подтвержден договор с Россией и удовлетворены люди, потерпевшие убыток во время беспорядков. Молодой хан, получивший от русских, как и его отец, титул „светлости", не мог справиться с движением; впоследствии Кауфман узнал, что им был отправлен в Бухару посол Сеид-Али-ходжа с письмом на имя эмира, где хан извещал о своем вступлении на престол и выступлении против русских; о том же эмиру и каратегинскому беку писали те же вельможи, которыми было написано верноподданническое письмо Кауфману; эмир передал Кауфману это письмо уже после поражения кокандцев при Махраме. Теми же вельможами было послано в Ташкент воззвание „Сеид-Азим-баю и людям, пользующимся почетом и известностью, и другим жителям города Ташкента" о священной войне, с обвинениями против Худояр-хана, всецело предавшегося неверным и льстившегося „тем, что он получил от них титул светлейшего хана". Кауфману пришлось взять дело восстановления порядка в свои руки; во время военных действий Насир-ад-дин не признавался ханом, и Кауфман в обращении к нему называл его „светлейшим царевичем" (хан-задэ). На пути в Коканд Кауфман объявил „его светлости", что пригласит его к себе „для совещания о дальнейшем ходе дела", когда встанет „на позицию перед городом". Свидание произошло 29 августа в кишлаке Джар-мечеть, в 3 вер. от Коканда; военных действий в это время уже не было, и Кауфмана вместо хлеба и соли встречали, по туземному обычаю, с дастарханом. Освобожденные русские пленные показывали, что их содержали хорошо, отчасти благодаря заботливости хана; их жены и дети жили на женской половине ханского дворца. Насир-ад-дин был признан ханом, Кауфман вместе с ним торжественно въехал в Коканд, но проехал только несколько улиц и вернулся в лагерь, куда пригласил хана. В следующие дни хан „почти ежедневно приезжал к Кауфману с докладом о благополучии в городе, как простой полициймейстер" (выражение Терентьева, II, 361); только 3 сентября, во время прохода войска через город на новую стоянку, Кауфман посетил хана в его дворце и принял угощение. В других местностях ханства

еще действовало оружие, и сам Кауфман 5 сентября выступил в Маргелан, до тех пор находившийся в руках врагов. Только в половине сентября наступило затишье; отовсюду „тянулись в Маргелан многочисленные депутации, с изъявлением покорности и удовольствия, по поводу признания ханом Насир-ад-дина". Кауфман пригласил в Маргелан и самого хана, с которым 22 сентября был заключен договор; к России отходила часть Ферганы к северу от Сыр-Дарьи и Нарына, с городом Наманганом; кроме того кокандцы обязывались уплатить в три срока вознаграждение пострадавшим русским подданным в размере 600 тысяч рублей и ежегодно вносить в русскую казну 500 тысяч. На следующий день, однако, хан лично передал Кауфману письмо о том, что возложенные на ханство финансовые обязательства для него непосильны; по собственноручной надписи Кауфмана на этом письме, хан при личном объяснении с Кауфманом сказал, что договор можно было бы исполнить, если бы у него были вполне надежные люди. Положение оставалось настолько неопределенным, что Кауфман уже 26 сентября, в самый день своего прибытия в Наманган, писал „светлейшему хану" о дошедших до него слухах по поводу мятежного настроения в самом Коканде и предлагал ему строго наказать злоумышленников; письмо заканчивалось словами: „Для вашего спокойствия и блага народа это необходимо". 27-го уже началось открытое восстание в Андижане, 28-го для его усмирения был отправлен русский отряд из Намангана, и военные действия возобновились. На этот раз ханские войска сражались против мятежников; дядя хана Мурад-бек (бывший при Худояр-хане маргеланским беком и 14 сентября подчинившийся Скобелеву) был послан в Маргелан усмирять восстание, нанес поражение мятежникам, но затем бежал перед новой армией мятежников к Коканду, где часть жителей изменила хану и отворила ворота мятежникам; Мурад-бек впоследствии был схвачен и по приказанию Пулат-хана зарезан. Хан Насир-ад-дин уже 9 октября покинул Коканд и письмом известил ходжентского уездного начальника барона Нольде, что отдается под защиту русских; 10-го октября, через два часа после письма, прибыл в Ходжент сам хан со свитою из 60 человек. 16 октября выехал из Намангана в Ходжент Кауфман, оставив в Намангане Скобелева. 11-го октября в Ходжент пришло известие, что в Коканде ханом превозглашен самозванец, назвавший себя царевичем Пулатбеком (в действительности мулла Исхак, родом из Пскента), с которым у русских никаких переговоров не было. Кауфман из Ходжента ограничился вторичным занятием, без боя, крепости Махрам, в сентябре очищенной русскими и переданной войскам Насир-ад-дина. 28-го октября Кауфман телеграфировал военному министру, что „хан со своею свитою проживает в Ходженте в ожидании дальнейших событий в ханстве" и что он, генерал-губернатор, не намерен „помогать ему войсками возвратить престол". За несколько дней перед этим,

24 октября, Кауфман из Ходжента обратился с воззванием к „улемам, муллам, старшим людям и всем благомыслящим жителям города Коканда", приглашая их взвесить последствия бунта. В Коканде ханской власти в то время не было; Пулат-хан торжественно въехал в город 14 декабря, но, повидимому, оставался там не долго; местопребыванием его сначала было селение Ассаке, потом город Маргелан. 6 декабря Кауфман уехал в Петербург, предварительно одобрив план военных действий, составленный Скобелевым. За это время никаких действий из Ходжента и Махрама против Коканда не предпринималось; Насир-ад-дин со 2 января 1876 г. находился в Махраме. Власти Пулат-хана был нанесен решительный удар в том же месяце; 20-го января начальник его военных сил Абдуррахман-автобачи объявил о своей готовности сдаться Скобелеву; 24-го он сам явился к победителям, и 28-го из Ходжента была послана его телеграмма Кауфману с выражением покорности. 31-го января Скобелев телеграммой просил у заменявшего Кауфмана Колпаковского разрешения „двинуться к Коканду и утвердить Насир-ад-дина", но хан в это время уже был в своей столице. В Коканде, повидимому, уже в половине января знали о бедственном положении Пулат-хана; депутация из Коканда явилась к Насир-ад-дину; 21-го января хан выехал из Махрама; в Биш-арыке ему принесли „историческую белую кошму, на которой поднимают ханов при их превозглашении"; хан, однако, не вошел в столицу и остановился в кышлаке Найманча, где 27-го был разбит начальствовавшим в Коканде от имени Пулат-хана Абдуллой-беком и снова бежал в Махрам. На следующий день сами кокандцы произвели нападение на сторонников Пулат-хана из киргизов и кипчаков; в Махрам снова была послана депутация; 29-го января Насир-ад-дин снова выехал оттуда и 30-го вступил на престол в Коканде; его противники явились к нему с веревками на шее и получили прощение. 3 февраля Скобелев телеграфировал Колпаковскому, что Насир-ад-дин известил его о своем вступлении на престол, но что сами кокандцы прислали в Андижан депутацию спросить, нужно ли принять хана. В тот же день утром Колпаковский получил от Кауфмана телеграмму о том, что государь решил присоединить ханство к России, „снисходя к общему желанию всего кокандского народа, а также не видя возможности успокоить население другим способом". Решающее значение имел, конечно, последний довод, и на нем, вероятно, Кауфман настаивал в своем докладе Александру II. Доклад, как впоследствии рассказывал Кауфман Н. П. Остроумову, был прочитан государю в присутствии Кауфмана военным министром Милютиным, не сочувствовавшим завоеваниям в Средней Азии; по поручению государя, Милютин вместе с Кауфманом должен был передать высочайшую волю кн. Горчакову, также не находившему желательным расширение пределов России. Кауфман впадал в некоторое противоречие и с самим собой; в докладе государю в ноябре 1872 г. им

о Кокандском ханстве было высказано другое мнение, и по его предложению Худояр-хан получил титул светлости.

Скобелев исполнил высочайшую волю раньше, чем предполагалось; 8-го февраля он доносил Колпаковскому, что днем раньше им был занят Коканд; свидание его с ханом состоялось в тот же день, на пути туда, в кышлаке Ак-мулла, причем „хан, пораженный нашим неожиданным появлением, повиновался объявленной ему воле государя.“ В той же телеграмме Скобелев обвинял хана в том, что он сблизился со сторонниками священной войны и принял к себе на службу врагов России. В том же году из ханской семьи выступил еще претендент, племянник Худояр-хана Абдулкерим-бек; поэтому Скобелев в письме Колпаковскому от 18 мая настаивал на необходимости высылки „всех, даже отдаленных родственников Худояра, в отдаленные места России“. Абдулкерим оправдывал свое восстание именно вероломством русских властей, которого прежде не было; прежде русские всегда исполняли свои обещания, теперь они обещали Насир-ад-дину ханство и отправили его в Сибирь, обещали Абдуррахману-автобачи с семейством безопасную жизнь в Коканде и тоже отправили его в Сибирь. Высылки в „Сибирь“ на самом деле не было [1]), и даже сосланным в Европейскую Россию впоследствии было разрешено вернуться в Туркестан, без всякого ущерба для спокойствия края. Хан Насир-ад-дин умер в Ташкенте, где жили и многие другие из родственников Худояр-хана.

После присоединения Ферганы на очереди был вопрос об определении отношений России к Кашгарскому ханству и установление пограничной черты. В Кашгарию было отправлено в 1876 г. посольство, во главе которого стоял капитан А. Н. Куропаткин. Могущество Якуб-бека, по словам Куропаткина, сильно преувеличивалось в России; „в Кашгарии видели сильное мусульманское государство, к которому, как к центру, могли примкнуть симпатии не только слабых мусульманских государств, еще сохранивших независимость, но и население завоеванных нами областей“. Куропаткин мог убедиться, что это представление мало соответствовало действительности; государству Якуб-бека в то время угрожали как внутренние смуты, так и внешние враги, и сам он по внешности не походил на могущественного властелина. Его сын Бек-кули-бек принял посольство в Кашгаре [2]) с „напыщенной важностью“ и обставил его пребывание стеснительными условиями; только угрозы посла вернуться обратно, прервав переговоры, побудили его снять запрет и дать посольству во время его пребывания в Кашгаре полную свободу. Сам Якуб-бек

[1]) Слово „Сибирь“ сделалось в Средней Азии нарицательным именем для ссылки; для туркмен Закаспийской области „Сибирью“ являлся полуостров Мангышлак (А. Н. Самойлович в Зап. В. О. Ар. Общ., XIX, 082).

[2]) Посольству во время приема пришлось сидеть „на корточках или, вернее, на шпорах“ (Терентьев, II, 421).

в Курле, где им было принято посольство 11 января 1877 г., держал себя гораздо проще и скромнее; в обращении к нему Куропаткин называл его „высокостепенным бадаулетом“ (официальный титул, принятый Якуб-беком). Понимая положение Якуб-бека, Куропаткин в вопросе о пограничной черте пошел в своих требованиях так далеко, как было возможно, требовал очищения и уступки России крепостей, построенных Якуб-беком в пограничной полосе с бывшим Кокандским ханством, от Иркештама до Улугчата, и при этом говорил ему о необходимости „подчиниться воле господина туркестанского генерал-губернатора“. Этим выражением воспользовался Якуб-бек; он объявил, что против воли генерал-губернатора он итти не может, но отправит в Ташкент вместе с Куропаткиным своих послов, чтобы выяснить, насколько эта воля непреклонна, и не согласится ли генерал-губернатор оставить за ним те места, об устройстве которых он заботился 14 лет. На это Куропаткин был вынужден согласиться. Посол Якуб-бека добился в Ташкенте существенной уступки; Кауфман согласился оставить за ним Улугчат и установить границу у Иркештама. Договор не имел последствий; в том же году совершилось, как и предполагал Куропаткин, обратное завоевание Кашгарии китайцами. Якуб-бек умер до окончания борьбы; его сын Бек-кули-бек, ради достижения кратковременной власти запятнавший себя братоубийством, потом бежал в Россию и нашел убежище в Пскенте, где ему была назначена пенсия от русского правительства; никакого участия в общественной и политической жизни он не принимал. Пишущий эти строки имел случай пользоваться его гостеприимством; своею внешностью и обращением с посетителями Бек-кули-бек в то время ничем не напоминал бывшего восточного государя. Китайский предводитель Лю-шо в 1878 г. требовал выдачи Бек-кули-бека и других бежавших в Россию предводителей мусульман, как дунганского предводителя Мухаммед-Аюба или Баян-ахуна. В выдаче, конечно, было отказано; в переписке по этому поводу между русскими официальными учреждениями встречается фраза: „Мы даем в Туркестане убежище многим политическим деятелям и претендентам на азиатские владения, рассчитывая извлечь из них пользу“.

Из лиц, находившихся на службе у Якуб-бека, на русскую службу, повидимому, был принят только кавказский уроженец Заман-хан, Заман-хан-эфенди или Заман-бек, живший некоторое время в Турции (этим объясняется титул „эфенди“) и посланный султаном вместе с другими людьми, „знавшими военное искусство“, в Кашгарию, куда он прибыл за три года до посольства Куропаткина, т. е. в 1873 г. или в 1874 г. (с того же 1290 г. хиджры, т. е. в 1873—4 г. нашей эры, Якуб-беком чеканились монеты от имени султана Абду-л-Азиза); им было оказано содействие как Пржевальскому, которого он сопровождал до Люб-нора, так и Куропаткину; в России он был

переводчиком канцелярии генерал-губернатора. В 1878 г. он принимал участие в русском посольстве (Столетова) в Авганистан.

После восстановления в Кашгарии китайского владычества Кашгар сделался местопребыванием русского консула (с 1882 г.), что было бы невозможно при Якуб-беке; иностранными путешественниками отмечалось всемогущее влияние русского консула (Петровского) на местные власти, особенно до русско-японской войны 1904—5 г. В Кашгаре образовалась русская колония (во время посольства Куропаткина приказчик Шкоков, доверенный фирмы Быковских, был „единственным представителем русского купечества во всей стране"); образовалось отделение русско-китайского банка; в 1897 г. была начата постройка церкви, но потом брошена; ходатайство консула о назначении в Кашгар православного священника не имело успеха. Могущество консула принесло больше всего пользы русским подданным мусульманам, права которых были гораздо более обеспечены, чем права мусульманских подданных Китая. Вообще кашгарские земледельцы и горожане имели основание завидовать своим единоверцам, жившим под властью России, тогда как кочевники (в Кашгарии очень немногочисленные) предпочитали китайское владычество русскому.

Гораздо сложнее были отношения России к Бухарскому ханству. Кауфман унаследовал от Романовского войну с эмиром Музаффаром; в зависимости от хода военных действий изменялись требования, предъявлявшиеся к эмиру. До начала войны Черняев был склонен считаться с великодержавными притязаниями эмира и решить судьбу Кокандского ханства, по крайней мере по внешней форме, путем соглашения между Россией и Бухарой; на эмира смотрели, как на „главу магометанского мира в Средней Азии" (Романовский даже называет его „главой мусульманского духовенства"). Территориальные притязания России и Бухары уже тогда было трудно примирить; Черняев еще до взятия Ташкента писал эмиру, что имеет от государя повеление „не переходить реки Сыр-Дарьи", и предоставлял эмиру установление порядка „в остальной части (Кокандского) ханства, не могущей, по обстоятельствам, войти в состав" России; в донесении Крыжановскому от 6 августа 1865 г. он настаивал на необходимости провести границу России по Сыр-Дарье и Нарыну, с присоединением к России Намангана в Фергане и Куртки в Семиречье. Эмир уже после падения Ташкента требовал от Черняева, чтобы он очистил этот город и отошел к Чимкенту; ответом на это требование был арест бухарских караванов в Ташкенте и Оренбурге, на что эмир ответил задержанием русских купцов и их товаров в Бухаре. Эмир потом пошел на уступки и требовал, чтобы впредь до получения Черняевым инструкций из Петербурга пограничной линией был признан Чирчик и чтобы никому ни с русской, ни с бухарской стороны не дозволялось переправляться через эту

реку. На это требование не могли согласиться русские, в виду тесной экономической связи между Ташкентом и зачирчикским районом; по словам Черняева, даже временное прекращение подвоза хлеба из-за Чирчика отразилось на ташкентских ценах. Уже в сентябре 1865 г. начались действия русских отрядов за Чирчиком. Дальнейшие споры, с задержанием послов, вызвали переход Черняевым Сыр-Дарьи 31 января 1866 г., хотя его действия к югу от реки оказались безрезультатными. В апреле 1866 г., при Романовском, эмир уже требовал от руских только, чтобы они отвели свои войска за Сыр-Дарью; после битвы при Ирджаре (8 мая) и падения Ходжента (24 мая) границей между Россией и Бухарой предполагалось установить Голодную степь; в то же время, несмотря на дружественные отношения к кокандскому хану, не была оставлена мысль о занятии Намангана; кроме того к Бухаре, кроме требований об определении границы и обеспечении свободы торговли, впервые было предъявлено требование возмещения военных расходов. В сентябре в Ходженте, куда прибыл генерал-губернатор Крыжановский, был посол садр-казы-мулла Мир-Хамид-ад-дин; по словам Романовского, он был „старшим духовным столицы", лицом близким к династии еще при предшественнике Музаффара; но полномочий на принятие русских условий у него не было. В противоположность тому, что годом раньше писал Черняев (правда, не имевший на это полномочия от органов государственного управления), от эмира теперь требовали, чтобы он отказался от всякого вмешательства в дела Коканда и прислал русским молодого кокандского хана Султан-Сеид-Мухаммеда; величина контрибуции была определена в 100.000 тиллей (около 400.000 рублей); требования имели форму ультиматума, с установлением срока от 13 до 23 сентября. Были приняты меры, чтобы военные действия могли быть возобновлены тотчас после окончания этого срока; они действительно возобновились. После взятия Джизака (18 октября) наступление снова было приостановлено; мирного договора заключено не было, но были приняты меры, чтобы продолжавшееся военное положение не отражалось на торговле; населению было объявлено, что „торговля остается прежняя, и караваны могут итти свободно, как они ходили обыкновенно в мирное время, на тех же основаниях". Из этого видно, какое значение придавалось в России торговле с Бухарским ханством [1]).

Бухарское правительство всегда стремилось к прямым переговорам с русской центральной властью; послами, как и при сношениях с Хивой и другими государствами, большею частью назначались все одни и те же лица, приобретавшие некоторую дипломатическую опытность. Так посол Неджм-ад-дин-ходжа, летом 1865 г.

[1]) 14 ноября Крыжановский из Оренбурга телеграфировал военному министру: „Торговля всюду восстановлена. Много караванов идет из Бухары и обратно".

бывший в Казалинске (форте № 1) и некоторое время (до марта 1866 г.) в Оренбурге и тщетно просивший пропустить его в Петербург[1]), в 1858 г. сопровождал Игнатьева на его обратном пути из Бухары и в 1859 г. был принят в Петербурге; в 1867 и 1868 гг. он же принимал участие в переговорах с Кауфманом. В начале мая 1867 г. в Оренбург прибыл бухарский посол мирахур Муса-бек, впоследствии также принимавший участие в переговорах 1868 г., когда его видел В. В. Радлов. Радлов отзывается о Мусе, как о ловком старике, хитром льстеце, не скупившемся на обещания; так он обещал подарить Радлову персидское историческое сочинение и при этом сказал, что отдаст его через несколько дней; Радлов дал бухарцу в качестве ответного подарка красивый экземпляр корана, но обещанной рукописи не получил. Муса прожил в Оренбурге до осени и дождался проезда Кауфмана, которым вместе с Крыжановским был установлен и подписан текст предполагавшегося договора. Бухарец просил провести границу по левому берегу Сыр-Дарьи, как предлагали русские в сентябре 1866 г.; русские теперь не хотели отказаться от Ура-тюбе и Джизака, соглашаясь только отдать находившуюся в их руках крепость Яны-курган, к югу от Джиланутинского ущелья; зато в новом договоре уже не было требования о контрибуции. Муса в декабре 1867 г. приехал к Кауфману в Ташкент с изъявлением согласия эмира на русские требования, но без экземпляра подписанного договора. Переписка возобновилась; повидимому, между Хивой и Бухарой состоялось соглашение насчет одинакового образа действий, и решено было сноситься с генерал-губернатором через своих министров; только этим можно объяснить, что в Ташкент в феврале 1868 г. прибыло письмо от хивинского кушбеги, в марте от бухарского. По донесениям лазутчиков, существовало соглашение не только с Хивой, но также с Авганистаном и Кашгаром; бухарский посол Мухаммед-Парса ездил в Калькутту и Константинополь, но там, конечно, сочувствия не встретил. Посол Муса-бек оставался до марта 1868 г. в Ташкенте; прежде его обвиняли в том, что он пользовался продолжительным пребыванием в русских владениях (в Казалинске) для интриг среди местного населения и среди служивших в русской армии мусульман. Эмир находился при войске в Самарканде, но колебался начать войну, что вызвало даже столкновение между ним и его подданными. Священная война была провозглашена помимо эмира казиями и муллами у гроба Беха-ад-дина Накшбенда; поведение мулл в Самарканде было настолько вызывающим, что начальник бухарских войск Осман, беглый русский казак, выступил против них с оружием; при этом, по словам Терентьева, было убито 62 человека из мулл; по Скайлеру, наоборот, Осман

[1]) В Петербург от него в ноябре 1865 г. прибыл с письмом агент Фахр-ад-дин, но ни он, ни его письмо не были приняты.

при усмирении мятежа потерял 62 человека. Хивинский историк относит избиение мулл к событиям после заключения мира и приписывает его русскому „хакиму“ Самарканда; эмир будто бы послал мулл вперед к занятому русскими городу и сам обещал двинуться вслед за ними, но в то же время вероломно предупредил русского начальника, которым и были приняты соответствующие меры. Избиение мулл, очевидно, было поставлено в вину эмиру после неудачного исхода войны и было одним из тех поступков эмира, которыми оправдывалось восстание его старшего сына. Весной 1868 г. эмир, однако, после возвращения в Кермине подчинился желанию народа и вступил на путь священной войны. Несколько раньше на сторону русских перешел находившийся на бухарской службе авганский отряд из 286 человек, под начальством царевича Искандерхана, бежавшего в Бухару во время смут в Авганистане из-за престолонаследия и впоследствии храбро сражавшегося против своих единоверцев. Радлов описывает этих авганцев, как толпу головорезов, посвящавших себя военной службе только ради добычи. Царевич, которого судьба впоследствии привела в Петербург, оттуда в Лондон и оттуда в Сеистан, произвел в России и Англии хорошее впечатление; Скайлер говорил о его замечательных способностях; подружившийся с ним Терентьев даже называет его „одним из лучших людей Средней Азии“.

Во время военных действий перед Самаркандом, к Кауфману снова прибыл посол Неджм-ад-дин-ходжа и тщетно старался остановить русских; он говорил, что им принесен договор с подписью эмира; документ был предъявлен, но не мог быть разобран, потому что был составлен „на персидском языке, с обилием арабских слов“; однако будто бы разобрали настолько, чтобы установить разногласие между бухарскими условиями и прежними русскими. После взятия Самарканда Кауфман послал письмо эмиру с новыми мирными условиями, причем к прежним требованиям было прибавлено требование об уступке самаркандского района и уплате военных издержек; срок ответа был назначен до 16 мая. Письмо было послано с двумя самаркандцами, из которых эмир одному отрубил голову, другого посадил в тюрьму. Начальник самаркандских войск Осман, по рассказам, также был зарезан по приказанию эмира в Бухаре.

В русском лагере одновременно с этим существовал план образовать из Самарканда особое ханство, как прежде из Ташкента. Кандидатом Кауфмана был племянник эмира Сейид-Абдулла, бежавший от своего дяди в Шахрисябз; Кауфман потом отказался от этой кандидатуры, потому что царевич слишком находился под влиянием шахрисябзских беков. Шахрисябзцы впоследствии поддерживали эту кандидатуру уже против русских, причем Джура-беку приписываются слова: „Чем глупее он был, тем лучше было для нас; мы были бы более независимы“. Молодой царевич впоследствии жил в Ташкенте,

где его видел Скайлер в 1873 г.; тогда ему было 35 лет, он научился говорить и писать по-русски, получал от русских пенсию в 2400 р., вел легкомысленную жизнь и всегда был в долгах, переписывался со своими приверженцами в Бухаре и не терял надежды сесть на место Музаффара.

Уже после падения Катта-кургана бухарские послы изъявили от имени эмира согласие на условия 1867 года. На этот раз Кауфман предложил эмиру выбор: 1) уплатить в 8 лет 1.150.000 тиллей (4.600.000 р.) и тогда получить обратно земли от Катта-кургана до Яны-кургана; 2) признать за русскими все их завоевания и уплатить только военные издержки—125000 тиллей. Бухарцы предпочли второе, но мир и на этот раз не состоялся; после победы 2 июня над бухарскими войсками русские вместо движения к Бухаре отступили к Самарканду, под влиянием известий о критическом положении гарнизона самаркандской цитадели; но это отступление не придало бодрости эмиру, понявшему безнадежность дальнейшей борьбы. Уже вечером 10-го июня для переговоров прибыл в Самарканд Муса-бек; 12-го прибыл гонец с письмом эмира, в котором эмир отказывался от престола, предлагал русским выдать все свои военные силы и просил о свидании с русским государем только для того, чтобы получить от него разрешение отправиться в Мекку. На этот раз Кауфман отказался воспользоваться несчастием эмира, объявил, что уничтожение Бухарского ханства никогда не входило в его намерения и что от эмира требуется только принятие условий, предложенных ему из Самарканда и Катта-кургана. Официальный текст договора состоял из трех частей: 1) шесть пунктов, посланных эмиру 11 мая из Самарканда; 2) четыре пункта „дополнения", посланного из Катта-кургана 23 мая, где говорится об установлении границы к западу от Катта-кургана; 3) четыре пункта „секретного дополнения", где говорится об уплате военных издержек в размере 125.000 тиллей — 10000 при подписании мира, 90000 в течение 30 дней с 21 мая 1868 г., 25000 до истечения года после мира. В последнем пункте говорится только о дружественных отношениях между Россией и Бухарой, без всякого упоминания о подчинении эмира государю. Контрибуция в действительности была уплачена только к апрелю 1870 г. Днем обмена ретификациями было 23 июня; заключение мира в тот же день было отпраздновано торжественным парадом в Самарканде, но в документе договора этой даты нет.

Опубликованные до сих пор материалы не дают ясного ответа на вопрос, почему Кауфман не воспользовался возможностью тогда же положить конец существованию Бухарского ханства. Настроение в ханстве было против эмира и русских, и, несмотря на готовность эмира отказаться от престола, занятие ханства не обошлось бы без пролития крови; но заключением мира тоже не были прекращены военные действия, продолжавшиеся до 1870 года; только последую-

щие успехи русских войск в бухарских владениях послужили на пользу эмиру, которому были переданы взятые русскими города. Еще труднее было бы объяснить, почему статьи о контрибуции были сделаны „секретными“. Из рассказа хивинского историка об уплате эмиром 12000 тиллей в месяц видно, что даже в Хиве факт требования контрибуции был известен, не было только точных сведений о величине суммы.

Хивинский историк придает значение факту, что русские отказались от движения к Бухаре и согласились приходить туда только для торговли; таким же образом эмир, вероятно, был доволен тем, что ему не пришлось лично явиться к победителю. Настроение народа после битвы при Зерабулаке было настолько тревожно, что эмир не решился вернуться в свою столицу; тому же Неджм-ад-дин-ходже с трудом удалось успокоить народ, чему способствовало отступление русских после победы, и эмир вернулся в Кермине. Еще в 1868 г. происходили переговоры о границе, при участии, как переводчика, В. В. Радлова, сообщающего некоторые сведения о бухарских представителях: зияуддинском беке Рахмат-бии, хатырчинском Бахадур-бии и нуратинском Абду-л-Гаффаре. Рахмат-бий (или Рахматулла-бий) упоминается у Вамбери (в 1863 г.) как сановник, управлявший Бухарой в отсутствие эмира и допрашивавший переодетого путешественника. На Радлова он произвел впечатление хитрого и вкрадчиво-льстивого человека; в то же время он, однако, сумел использовать оплошность русского офицера, чтобы унизить его в глазах населения. При встрече с офицером, посланным для приветствования его из Катта-кургана, Рахмат-бий сделал вид, что слезает с коня, но оставил одну ногу в стремени; офицер в это время успел соскочить; бухарец быстро снова уселся в седло, протянул с седла руку стоявшему на ногах офицеру и гордо проехал мимо. Из книги Остроумова о Кауфмане видно, что это происшествие осталось в памяти туркестанцев, даже когда были забыты имена действовавших лиц. Рахматулла, повидимому, считался искусным дипломатом и ездил послом в Ташкент несколько раз; в 1883 г. был на коронации в Москве, приветствовал потом в Ташкенте вернувшегося туда Черняева, поздравлял Розенбаха в 1886 г. с годовщиной взятия Ташкента. Хатырчинский бек, в противоположность зияуддинскому, отличался грубостью и неотесанностью; нуратинский произвел на Радлова лучшее впечатление, обнаружил знание дела и энергию и был одинаково далек от льстивости Рахмат-бия и грубости Бахадур-бия; народ относился к нему с большим уважением, хотя он не окружал себя никакою пышностью, выезжал без свиты и без есаулов. Описываются также бухарские послы, привезшие в Самарканд экземпляр утвержденного эмиром договора; Муса-бек старался посредством расспросов добиться, из каких книг русские научились искусству побеждать и какими заклинаниями (дуа) они пользуются. Сопровождавший Мусу ишан туркменского

происхождения производил впечатление гораздо более серьезного человека и много рассказал Радлову о туркменах; он любил говорить о вере и старался убедить Радлова принять ислам.

В следующем году происходили работы предусмотренной договором пограничной комиссии из бухарского посла и доверенного лица от генерал-губернатора, с русским конвоем. Бухарским послом был мирахур Мухаммед-Насир, впоследствии, в 1886 г., вместе с Рахматбием поздравлявший Розенбаха с годовщиной взятия Ташкента; с русской стороны было двое уполномоченных, майор Бергбаум и штабс-ротмистр Терентьев; бухарский посол выехал к ним из Нурата; была установлена граница России в пустыне между Нуратинским беклством и Буканскими горами, причем бухарский посол после некоторых споров предоставил русским определить границу по своему усмотрению и только приложил к проекту договора свою печать.

Эмиру к тому времени удалось подавить смуты и даже расширить пределы своего государства на восток, отчасти при поддержке русских. Сначала предполагалось, что эта поддержка будет только нравственной; Кауфманом было предписано „во всяком случае“ избегать военных действий, но эти действия все-таки произошли. Взятие русскими Карши 23 октября 1868 г. имело решающее значение для исхода борьбы между эмиром и его старшим сыном (катта-тюрею) Абду-л-Меликом. Характерна прокламация Абрамова от 6 октября, обнародованная покойным О. А. Шкапским в 1896 г., где царевич обвиняется в том, что он „забыв Бога и своего великого пророка Магомета, увлеченный своим желанием царствовать в Бухаре, до сих пор подымает свою преступную руку на своего государя и своего отца“; народ приглашается „пожалеть себя и не доводить до нового пролития мусульманской крови“. Царевич сначала хотел отдаться под покровительство русских и получил позволение прибыть в Самарканд, но потом предпочел бежать в Хиву, куда прибыл 22 декабря 1868 г. и откуда после трех месяцев удалился к туркменам, потом в Авганистан, наконец в Кашгарию, где он жил в 1873 г. в крепости Янги-хисар, „наполовину пленником“ (слова Скайлера); впоследствии он отправился оттуда в Индию и умер в 1909 г. в Пешавере. В Хиве нашел убежище в 1869 г. также другой враг русских, Сыддык-тюря (у русских Садык, сын известного султана Кенисары-Касимова), впоследствии мирно живший в России (он прибыл в Россию в 1877 г. вместе с Бек-кули-беком кашгарским).

В январе 1870 г. в Хиву пришло известие о взятии эмиром Гиссара и Куляба; хивинский историк с явным осуждением эмира говорит об этой войне, что она продолжалась 6—7 месяцев и что с обеих сторон погибло много мусульман. Завоевания эмира могли бы привести к новому столкновению с русскими; эмиром, между прочим, был занят Каратегин, некогда входивший в состав Кокандского ханства, что вызвало протест Худояр-хана, в то время находившегося

под покровительством России. По словам Терентьева, „бухарскому эмиру предложено было возвратить Каратегин кокандскому хану, что тот и исполнил“. Подробнее об этом говорится в другом сочинении Терентьева, которым пользовался Скайлер; такое предложение было сделано эмиру, но не было исполнено; бывший каратегинский бек Шир-Али хотел завладеть Каратегином с помощью кокандцев, но был разбит беками гиссарским и кулябским и взят в плен; по просьбе русских эмир его освободил; со своей стороны Худояр-хан должен был вернуть свободу и возвратить область прежнему каратегинскому беку Музаффар-шаху, находившемуся в плену в Коканде. Права кокандского хана на Каратегин фактически не были осуществлены; при завоевании ханства в 1876 г. Кауфман сам признал Каратегин бухарским владением, когда, после бегства в Каратегин претендента Абду-л-Керима, обратился к эмиру с письмом „о внушении каратегинскому беку, чтобы он не давал у себя приюта нашим бунтарям и беглым преступникам“. Несмотря на тесную экономическую связь с Ферганой, куда каратегинцы отправляются на заработок во время полевых работ, Каратегин остался в пределах Бухарского ханства.

Правители Шахрисябза и его окрестностей после неудачного нападения на Самарканд в 1868 г. избегали столкновения с русскими и по этой причине в 1869 г. отказали в убежище катта-тюре; тем не менее в 1870 г. произошел поход генерала Абрамова на Шахрисябз из-за отказа выдать другого беглеца, Айдар (вероятно Хайдер)-бека, которого русские, как потом было признано, несправедливо обвиняли в разбойничьих действиях на русской территории. Завоеванная территория была передана эмиру с предложением назначить туда своих беков; эмир еще раньше, осенью 1869 г., просил русских о помощи против шахрисябзцев. По мнению Терентьева эта уступка „весьма расположила к нам всех бухарцев, и с этих пор можно было считать положение наше относительно Бухары совершенно надежным“. По словам Скайлера, присоединение к Бухаре произошло „против желания и вопреки протестам туземного населения, которому русское господство казалось много лучше господства Музаффар-ад-дина“. Повидимому, это подтверждается наблюдениями Петровского в 1872 г., когда он проезжал здесь с бухарским послом, мирахуром Исам-ад-дином. Пока они были в русских пределах, население гораздо радушнее встречало мирахура, чем Петровского, зато в бухарских владениях, особенно в Шахрисябзе, на мирахура не обращали никакого внимания и приветствовали только Петровского. Население самаркандского района и впоследствии, почти до революции, называло своим „падишахом“ бухарского эмира. В 1872 г. в шахрисябзском районе, насильно присоединенном к Бухаре, повидимому было такое же настроение против бухарских властей, как в самаркандском, насильно присоединенном к России, против русских. Возможно, что в то время то и другое присоединение еще не считалось

окончательным, что шахрисябзцы надеялись на избавление от бухарских властей и что самаркандцы разделяли надежды своего прежнего государя на возвращение ему Самарканда.

Помимо уступки завоеванных русским оружием территорий, русская власть и в других отношениях проявляла к бухарскому правительству больше внимания, чем заслуживало бы азиатское деспотическое государство. Во время действия в пограничной полосе зимой 1869—70 гг. разбойничьих шаек было определено, чтобы войска обеих сторон, русские и бухарские, могли преследовать шайки и на чужой территории; после взятия кишлака Чаршамбе, в 18 в. от границы, казаки нашли там пять тяжело раненых разбойников, которые были выданы зияуддинскому беку и по его приказу зарезаны на базаре. Начальник шайки Бабан искал убежище в Самарканде, в 1871 г. по приказанию Абрамова был выдан бухарцам и, как говорили, сброшен с вершины большого минарета; при Скайлере (1873 г.) он считался последним человеком, подвергшимся такой казни. В том же 1871 г. беки, посланные эмиром в шахрисябзский район, во время приезда Кауфмана в Самарканд явились туда приветствовать его и приняли участие в байге, что по бухарскому этикету разрешалось делать сановникам только для своего государя; за это они подверглись опале и бежали в Самарканд. Эмир требовал их выдачи и, хотя из Бухары русские беглецы никогда не выдавались, это требование было исполнено; Кауфман только выразил эмиру надежду, что виновные будут прощены; наказанию они действительно не подверглись. Вообще русские ввели в Средней Азии обычай выдачи политических беглецов, хотя с гарантией, что им не будет сделано зла. Мы видели, что так было обставлено в 1866 г. требование (к которому потом не возвращались), обращенное к эмиру—выдать молодого кокандского хана; в 1870 г. кокандским ханом были выданы бежавшие к нему Джура-бек и Баба-бек [1]); с своей стороны Вейнберг и Скобелев в 1875 г., на пути в Кашгар, везли к Худояр-хану молодого претендента Абду-л-Керима. Терентьев ничего не говорит о выдаче этого царевича (жившего, по Скайлеру, сначала в Ходженте, потом, после жалобы Худояр-хана, перевезенного в Ташкент), но рассказывает только о его бегстве из Ходжента, провозглашении его ханом киргизами и бегстве в 1876 г. в Каратегин. Петровский в рассказе о своей поездке в Бухару в 1872 г. осуждает „публицистов“ за то, что ими из двух ханств (говорится о Бухаре и Коканде) сделаны „какие-то государства, сознающие свои цели и потребности и понимающие международные отношения. Из ничтожнейших, невежественных, наполовину разбойников и наполовину торгашей эмира и хана мы сделали (опять-таки в нашем воображении) государей и хотим

[1]) Портреты их в молодые годы (сидящими по восточному) помещены у Скайлера, I, 87.

вразумлять их мирной политике и благодеяниям цивилизации". Отчасти здесь, вероятно, действовали те же побуждения, по которым в реляциях о победах над нестройными толпами узбеков употреблялись термины европейского военного искусства; в донесении о взятии Чимкента среди трофеев даже упоминалось одно „нарезное орудие", тогда как орудие только „имело какие-то нарезки, но не такие, какие бывают у нарезных орудий, и вообще употребление этого рода орудий коканцам еще не известно" [1]). Несомненно, что в дипломатии, как в торговле бухарцы обнаружили больше искусства, чем в военном деле, и до некоторой степени достигали своей цели, по крайней мере на время.

Одним из предметов спора между эмиром и генерал-губернатором был вопрос о порядке сношений между Бухарой и Россией. Эмир считал себя вправе, как государь, сноситься непосредственно с государем; генерал-губернатор хотел, чтобы все сношения шли через него. В то же время приезд в Петербург знатных среднеазиатских послов, особенно государей и царевичей, давал наглядное представление о блеске завоеваний; генерал-губернатор был склонен, поэтому, допускать такой приезд, но с тем, чтобы в Петербурге не велось никаких политических переговоров. Разумеется, такой запрет не соблюдался в Петербурге ни русскими, ни бухарцами, и поездки чрезвычайных посольств давали возможность возбуждать политические вопросы. Уже в 1869 г. в Петербурге был принят сын эмира, наследник престола (тюря-джан) Сейид-Абдулла Фаттах-хан. С царевичем были и дипломаты, была и грамота на высочайшее имя, с жалобами на действия русских губернаторов. В грамоте говорилось, что эмир послушался совета турецкого султана—жить в дружбе с русским царем и потому отправил к царю послов, сначала Неджм-ад-дина, потом Мусу-бека, но их не пустили дальше Оренбурга. Битва при Сасык-куле (так и в хивинской истории названа битва при Ирджаре) изображается так: эмир вышел туда только для восстановления мира и, когда русские начали наступление, ушел оттуда, не сражаясь; тем не менее русские забрали несколько крепостей, о возвращении которых и просил эмир. Получив отрицательный ответ, тюря-джан на обратном пути, в марте 1870 г., возбуждал тот же вопрос в Ташкенте, но, конечно, без успеха.

В 1870 г. в Бухару под влиянием слухов о сношениях эмира с Хивой и Афганистаном ездил полковник Носович, бывший джизакский уездный начальник; этим посольством воспользовался швейцарский шелковод Мозер для поездки в Бухару; в Бахауддине караван-сарай, где он остановился, был осажден толпой фанатиков, и путешественник был спасен только вмешательством бухарской по-

[1]) О существовании у кокандцев нарезных орудий в донесениях Черняева говорится несколько раз.

лиции. Во время посольства Носовича возник вопрос об этикете, возбуждавшийся потом несколько раз; вопреки мнению некоторых членов своей свиты Носович подчинился требованиям бухарского этикета и настоял на том, чтобы все участники посольства проехали по городу в пожалованных эмиром халатах. То же самое сделал в тот же 1870 г. находившийся при Кауфмане чиновник министерства иностранных дел Струве, в 1872 г., по совету мирахура Исам-ад-дина, Петровский; но полковник Колзаков, выражавший в 1871 г. эмиру соболезнование по случаю смерти тюри-джана, отказался подчиниться этому обычаю, ссылаясь на правила об офицерском мундире: Струве, вопреки запрещению Кауфмана, принял также от эмира денежный подарок. Слухи о посольствах турецком, хивинском и авганском подтвердились, но никаких воинственных замыслов эмира обнаружено не было; он просил прислать ему 4000 ружей на случай войны с авганцами, но в этом ему было отказано. Впоследствии, однако, эмир не раз получал такие подарки; по сведениям, собранным в 1889 г., 2000 человек из гвардии эмира были вооружены „винтовками системы Бердана № 2, подаренными эмиру нашим правительством"; конница отчасти была вооружена „разными образцами скорозарядного и ударного огнестрельного оружия, приобретенными бухарским правительством в Европейской России". В 1881 г. в Бухару по просьбе эмира были посланы военные инструкторы; в 1904 г. эмиру была подарена четырехорудийная конная батарея.

Еще в 1869 г. бухарские сановники объявляли в Петербурге, что в Бухаре в угоду России уничтожено невольничество; Струве в 1870 г. сообщил, что невольничества в Бухаре действительно нет; тем не менее Петровский в 1872 г. и Скайлер в 1873 г. могли убедиться в том, что даже базарный торг невольниками продолжается. Вообще ханство еще долго жило своей жизнью, и с ним считались как с особым государством. В 1871 г. о покорении Кульджи было послано извещение бухарскому эмиру и кокандскому хану. Нового русского вассала на этот раз создано не было; при приближении отряда Колпаковского к Кульдже султан и его приближенные встретили русских пешими; после занятия Кульджи русскими султан жил в Верном, сохранив свое имущество. По словам Скайлера подданные любили его за доброту, великодушие и справедливость, но все-таки он жил в постоянном страхе и говорил, что ночь после сдачи была первой спокойно проведенной им ночью после восшествия на престол.

Нового вассала Россия получила в 1873 г., когда русскими войсками было занято Хивинское ханство. Туркестанские власти во время хивинского похода должны были считаться с категорическим предписанием правительства—Хивы к России не присоединять. О влиянии ханства на события, происходившие в киргизских степях, в Петербурге и потом не имели точных сведений; орган Черняева „Русский Мир" еще в 1875 г. отрицал влияние Хивы на восстание киргиз

и полагал, что у хивинцев было довольно дела у себя дома с туркменами; между тем впоследствии подробные рассказы о хивинских походах в киргизские степи могли быть извлечены из хивинской официальной истории. По примеру Бухары, хивинцы также старались вести переговоры с русским правительством помимо Ташкента; в 1872 г. были отправлены хивинские посольства в Петербург и Тифлис, последнее к великому князю Михаилу Николаевичу, наместнику Кавказа; оба посольства были возвращены, одно из Оренбурга, другое из Темир-Хан-Шуры. Тем не менее Кауфман был недоволен распоряжениями из Петербурга и в том же году писал военному министру: „последними распоряжениями относительно Хивы компрометируют меня перед этими ханами". По примеру Бухары хивинцами также было отправлено посольство в Индию—конечно, с тем же результатом. Посол Имин-иддин (вероятно Иемин-ад-дин)-бий выехал из Хивы в марте 1872 г., проехал через Мерв, Герат, Кандагар, Кабул и Пешавер и был принят вице-королем в конце июня в Симле, вернулся в Хиву только в апреле 1873 г. [1]). Результаты похода во многом отличались от результатов похода 1868 г.; на этот раз русскими была занята столица ханства, хан бежал; на короткое время самими хивинцами на престол был возведен его брат Ата-джан, до тех пор живший семь лет в заключении, но Кауфман отменил это распоряжение, вызвал к себе хана и возвратил ему его владения. Во время приезда в Ташкент в 1891 г. хивинского наследника (впоследствии хана) Асфендияра сопровождавший наследника Палван-мирза-баши, видевший Кауфмана в Хиве в 1873 г., рассказывал Н. П. Остроумову, как Кауфман заставил Ата-джана признаться, что причиной его заключения было его участие в заговоре против жизни брата; передается и очень лестный отзыв о Кауфмане хивинского кази-каляна. Ата-джан был принят в русскую армию на Кавказе, ездил в Мекку, после возвращения служил в конвое его величества, в 1883 г., во время путешествия Мозера, снова жил в Хиве, где у него был двухэтажный дворец рядом с летним дворцом хана. Свидание Кауфмана с самим ханом произошло 2 июня, при чем хан явился в шатер генерал-губернатора. Переговоры, конечно, сводились к беспрекословному принятию русских требований; окончательный договор, однако, был заключен только 12 августа, перед уходом русских войск. Хан должен был уплатить контрибуцию в 2.200.000 рублей, рассроченную на много лет, признать себя „покорным слугою императора всероссийского" и отказаться от всяких непосредственных сношений с чужими державами; часть ханства к востоку от Аму-Дарьи отошла к России. В отличие от договора с Бухарой, торговля между Россией и Хивой была объявлена беспошлинной, как для русских, так и для хивинцев; русским судам было предоставлено „свободное

[1]) См. статью об этом посольстве в Турк. Вед. 1896 г., № 72.

и исключительнсе плавание по Аму-Дарье"; хивинские и бухарские суда могли пользоваться этим правом только „с особого разрешения высшей русской власти в Средней Азии". Уничтожение рабства было объявлено ханом еще 12-го июня и этот ханский указ был подтвержден 17-й статьей договора.

По словам Терентьева ханству была „дана, некоторым образом, конституция"; хану была оставлена судебная власть, административная была передана дивану из семи лиц, четырех по назначению генерал-губернатора и трех из хивинской знати; среди первых был один ташкентский сарт. Диван не был однако постоянным учреждением; назначение его принадлежало к тем „указаниям для руководства в управлении страной, на время пребывания там русских войск", о которых говорится в исторической части договора. Из хивинских сановников особенно „благоразумным" считался диван-беги Мат (Мухаммед)-Нияз, для которого даже было сделано исключение при выполнении 3-го пункта договора, по которому земли правого берега, принадлежавшие ханским сановникам, отнимались у них без всякого вознаграждения, и хану только предоставлялось вознаградить их на левом берегу. Мат-Нияз взамен земли, отнятой у него, получил землю на правом берегу, которая, как мы видели, некоторое время оставалась единственной крупной земельной собственностью в пределах образованного русскими Аму-Дарьинского отдела. Мат-Нияз умер уже в 1875 г. в Петербурге от операции каменной болезни. Его противник, диван-беги Мат-Мурад; считался главным врагом России; он находился во главе отряда, отправленного в степь в 1869 г. После взятия Хивы его имущество было конфисковано и он был сослан в Калугу, где прожил шесть лет. После возвращения в Хиву он снова был принят на службу и в 1883 г., во время путешествия Мозера, был первым министром. В Хиве у него в то время был дом в европейском стиле, с европейской мебелью и окнами; другого дома с такими привычными для европейца удобствами в столице хана тогда еще не было. Как сановник, Мат-Мурад соперничал и враждовал с Ибрагим-ходжею, умершим в 1890 г. (по Мозеру Ибрагим-ходжа был дядей хана); для устранения этой вражды хан устроил брак между Ибрагим-ходжею и дочерью Мат-Мурада; сын от этого брака, Ислам-ходжа, был министром еще при новом хане (с 1910 г.) Асфендияре; в 1913 г. Ислам-ходжа был убит при загадочных обстоятельствах; начатое следствие было скоро прекращено—как мне говорили потому, что были обнаружены обстоятельства, указывавшие на участие в этом преступлении самого хана.

Уже эти факты показывают, что и в Хивинском ханстве русская культурная работа велась не вполне успешно, хотя и не встречала здесь тех препятствий, как в Бухаре. Основание Петро-Александровска было гораздо более действительным средством для обеспечения русского влияния, чем впоследствии политическое агентство в Бухаре

и даже гарнизоны вдоль железнодорожной линии и аму-дарьинских пристаней. Если „диван" действовал только до ухода русских войск, то способнейший из членов дивана подполковник, впоследствии генерал Иванов, мог продолжать свою деятельность: потом из Петро-Александровска, как начальник Аму-Дарьинского отдела. Этому офицеру, получившему в Хиве прозвище „желтобородый" (сары-сакал; длинную желтую бороду генерал Иванов сохранял и тридцать лет спустя, когда был генерал-губернатором), предстояло исправить самую тяжелую ошибку Кауфмана—избиение туркмен-йомудов, причем буквально, без пощады женщинам и детям, было выполнено предписание от 6-го июля 1873 г. „предать кочевых йомудов и семьи их полному и совершенному разорению и истреблению". Иванов и впоследствии получал от Кауфмана жестокие предписания относительно йомудов; так в приказе от 12 сентября ему предлагалось „распорядиться, чтобы войска на пути своем предавали все и вся огню и мечу". Уже из повторения этого предписания видно, как мало оправдались на деле слова исторической части договора 12 августа о туркменах: „Лишение значительной части имущества, большая потеря в людях и в особенности нравственное поражение, ими ныне испытанное, упрочивают власть хана над ними и обеспечивают спокойствие всей страны на будущее время". Меньше всего можно было говорить о „нравственном поражении"; напротив, нравственное чувство русских офицеров страдало от навязывавшейся им роли жандармов и палачей хивинского хана. На приказы Кауфмана Иванов отвечал представлениями о необходимости щадить туркмен, как будущих русских подданных; столь же справедливо он доказывает хану, что вместо обычной хивинской политики—не давать туркменам воды и этим принуждать их к покорности—гораздо лучше дать им воду, но с тем, чтобы все работы по орошению производились ими самими—политика, которая потом успешно проводилась русскими в Закаспийской области. В 1877 г. сами йомуды просили принять их в русское подданство; Иванов, убедившись в бессилии хивинского хана, советовал удовлетворить их просьбу и положить конец ханству, но высшее правительство не согласилось с ним и устранило его от должности. Политика хана относительно туркмен оставалась прежняя, и русским войскам приходилось выступать все в той же роли хивинских жандармов вплоть до 1916 г. В начале восьмидесятых годов хивинский хан хотел воспользоваться успехами русских войск, чтобы восстановить свою власть в Мерве; в этом его поддерживали туркестанские власти, считавшие выгодным подчинить Мерв России через Хиву; с их согласия еще в 1881 г.[1]) был послан в Мерв представитель хивинского хана Юсуф-бай. Юсуф-бай умер

[1]) В статье А. А. Семенова „Очерки из истории присоединения вольной Туркмении" (Ташкент 1909, стр. 23) назван Черняев, но его тогда не было в Туркестане, где за болезнью Кауфмана тогда правил Колпаковский.

в Мерве в октябре 1882 г.; вопреки желанию кавказских властей, хивинский хан, даже без ведома Черняева, послал в Мерв в конце того же года нового наместника Абдуррахман-бая. Абдуррахман-бай даже проехал из Мерва дальше к югу, в Йолотан к сарыкскому хану и завел сношения с жившими там четырьмя английскими шпионами, но вскоре был отозван в Хиву „благодаря воздействию на хивинского хана туркестанского генерал-губернатора, генерала Черняева".

Мервская авантюра была единственной попыткой Хивинского ханства после 1873 г. играть политическую роль, что не могло иметь успеха уже по географическому положению ханства. И в других отношениях хан не мог подражать бухарскому эмиру, не мог ни раздавать орденов, ни делать крупные пожертвования и раздавать богатые подарки. Поездки хана в Петербург (в том числе в 1883 г. на коронацию), получение ханом в 1902 г. титула светлости, впоследствии и титула высочества, не изменили подчиненного положения хана по отношению к туркестанскому генерал-губернатору и даже начальнику Аму-Дарьинского отдела. Договор 1873 г. строго соблюдался; русские действительно пользовались в ханстве правом беспошлинной торговли; в торговом центре ханства, Ургенче, были „почтово-телеграфное отделение, казначейство, транспортные конторы, несколько хлопкоочистительных заводов и в том числе превосходно оборудованный завод Ярославской Большой мануфактуры". На службе у хана были представители русской медицины и техники; уже с 1874 г. в Хиве была придворная литография (издания ее не поступали в продажу и только раздавались близким к хану лицам). Развитию торговли способствовало сравнительно хорошее состояние дорог и сравнительно большое число мостов. Но управление ханством сохраняло прежний характер. В ознаменование спасения русской царской семьи во время катастрофы при Борках (1888) в ханстве (вероятно, по указанию русских властей) было объявлено об отмене пыток; был ли этот закон проведен в жизнь,—неизвестно.

Унижение Хивы в 1873 г. еще более выдвинуло державные права бухарского эмира. Политика эмира во время хивинского похода вызывала некоторые сомнения; им бесплатно доставлялись русской армии верблюды; его посол Исам-ад-дин находился при войске Кауфмана; в то же время эмир, по словам Скайлера, снабдил деньгами трех туркменских военачальников, отправившихся из Бухары в Хиву. Во всяком случае отношение эмира к русским во время войны официально было признано дружественным и заслуживающим вознаграждения. Уже договор 12 августа 1873 г. предусматривал передачу Бухаре части уступленного России правого берега Амур-Дарьи, и хан обязывался признать эту передачу. Эта уступка территории была осуществлена „договором о дружбе России с Бухарой", заключенным 28 сентября того же года. В этом договоре для России было выговорено право устраивать пристани и склады по Аму-Дарье, но ника-

кого ограничения державных прав эмира в договоре не было; наблюдение за охраной пристаней и складов возлагалось на бухарское правительство, т. е. не предусматривалась русская военная охрана. Русские подданные для проезда в Бухару должны были получать от своего правительства „билеты на свободный проезд за границу". Русскому правительству было предоставлено право иметь в Бухаре постоянного своего представителя или уполномоченного; не сказано, что этот уполномоченный назначается из Ташкента; но эмир должен был назначить от себя „постоянного посланца и уполномоченного" в Ташкент; о запрещении сношений помимо России с другими державами не говорится. Вопреки тексту договора с Хивой, в договоре с Бухарой плавание по Аму-Дарье предоставляется русским судам только наравне с бухарскими. Об отмене в Бухаре невольничества говорится как о постановлении самого эмира, хотя „в угоду государю императору всероссийскому и для вящей славы славы его императорского величества" [1]).

Кауфман, подобно Романовскому, старался возвысить блеск дружественного России кокандского хана над блеском бухарского эмира; Худояр-хан уже с 1872 г. был светлостью, тогда как эмир Музаффар оставался до смерти „высокостепенством"; но обстоятельства привели к падению Кокандского ханства и к упрочению власти эмира. Поведение эмира во время событий 1875—76 гг. было такое же, как во время хивинского похода: по внешности дружественное, но возбуждавшее подозрение. Уже 10 октября 1875 г. в Ходжент прибыло бухарское посольство с подарками для Кауфмана, но эмир всю зиму простоял с войском в Шахрисябзе, как бы выжидая событий. В это время происходили волнения в местности по верхнему Заряфшану, под влиянием прокламаций из Коканда; ожидалось также вторжение каратегинского бека; Абрамов не пускал караванов из Самарканда в Бухару, так как не был уверен в их безопасности. Только по прямому, письменно выраженному желанию русских властей эмир в начале 1876 г. ушел с войском из Шахрисябза в Бухару. Падение Кокандского ханства не принесло эмиру территориальных выгод, кроме упрочения его власти над Каратегином.

Бухара по своему географическому положению имела для России некоторое значение во время осложнений с Авганистаном и Англией.

[1]) В Ташкенте еще в начале 1866 г. произошло „добровольное" освобождение рабов хозяевами, причем первый дал пример другим Сенд-Азим-бай. Впоследствии освобождение рабов происходило везде одновременно с установлением русской власти. На экономическую жизнь Туркестана отмена рабства, повидимому, оказала меньше влияния, чем можно было ожидать, и потому об этой перемене, внесенной русскими в строй местной жизни, в печати упоминается редко. В книге Наливкиных о Фергане сказано, что там рабы были исключительно дунгане; после уничтожения рабства „большинство рабов покинуло своих прежних хозяев, а рабыни все почти остались на местах".

Переписка Кауфмана с авганским эмиром Шир-Али началась еще в 1870 г., вопреки желанию министерства иностранных дел, находившего, что сношения по авганским делам должны вестись только через Петербург. Кауфман требовал от авганского эмира воздержания от всякого вмешательства в бухарские дела, обещая со своей стороны не вмешиваться в дела Авганистана, хотя в России в это время находился один из претендентов на авганский престол, Абдуррахман; письма Кауфмана сопровождались переводом на английский язык, чтобы они могли быть показаны англо-индийскому правительству. Абдуррахман, пользовавшийся репутацией необыкновенно храброго воина, после своего бегства из Авганистана прибыл сначала в Хиву, 18 сентября 1869 г., потом в Бухару, наконец в Самарканд, 13 февраля 1870 г., со свитой из 221 человека; получал от русского правительства пенсию сначала в 18000, потом в 25000 руб. в год, но был не вполне доволен приемом; он говорил, что при первом приезде в Ташкент ему предоставили экипаж генерал-губернатора, при втором — обыкновенный экипаж, при третьем заставили его итти пешком. В то время Абдуррахман был врагом Англии и говорил Скайлеру, что авганский народ не примирился бы с англичанами, даже если бы они подарили ему все доходы Индии, и при всякой войне против англичан в Индии присоединился бы к врагам Англии. В то время (в 1873 г.) он уж научился несколько говорить по-русски; с помощью России он надеялся получить от бухарского эмира разрешение устроить для себя операционную базу в Керки или Ширабаде и оттуда разослать прокламации своим приверженцам. Пока отношения России к Англии оставались дружественными, русская власть не могла поддерживать этих планов, хотя в конце 1875 г. бухарский эмир по собственному почину просил Колпаковского (тогда заменявшего Кауфмана) пропустить Абдуррахмана в Авганистан.

Отношения к Англии изменились в 1878 г. В связи с так называемым джамским походом (военной демонстрацией против Англии) происходили сношения с бухарским эмиром. Кауфман телеграфировал министру Милютину, что, по донесению дипломатического чиновника Вейнберга (в том же году умершего, хорошего знатока персидского языка, преемника Струве), эмир обещал оказать всякое содействие русским войскам при проходе через бухарскую территорию; 7 июня Столетов и Разгонов, отправленные послами в Авганистан, представлялись эмиру в Карши, причем эмир выслал за ними свою карету шестериком цугом; во время проезда через Гузар произошло некоторое недоразумение с гузарским беком, вторым сыном эмира; бек первый сделал визит послу, но Столетову этот визит казался запоздалым. Тот же царевич вместе с другими пограничными беками встретил в Самарканде Кауфмана, прибывшего туда 26 июня; 8 июля туда же прибыл посланец эмира с известием, что бекам приказано бесплатно поставить для русских войск провиант и фураж; но в том же

месяце поход по высочайшему повелению был отменен. Кауфману не пришлось воспользоваться поднесенной ему киргизами для похода, при адресе, белой юртой; 30 июля он возвратился в Ташкент. Кауфман в то время разделял вражду русских официальных сфер к Англии, хотя в 1876 г. подавал военному министру записку об „общности интересов наших в Азии с Англией; о том, что у нас там общие враги—мусульманство и варварство". В декабре 1878 г. он радовался известиям о неудачах англичан в начале англо-афганской войны и в разговоре с Н. П. Остроумовым выражал сожаление, что его не пустили в Афганистан, хотя и предложили ему отправиться туда „на свой страх, с одним батальоном". Политические планы Кауфмана („включить Афганистан, как и Бухару, в сферу русского влияния, вырвав его у англичан") не могли осуществиться без военных действий.

Отказ от военных действий и в то же время продолжение дипломатических интриг были причиной „безвозвратного", по выражению А. А. Семенова, падения русского престижа в Афганистане, где потом о русских „не могли слышать без ненависти". Кауфман и его сторонники потом старались доказать, что он был неповинен в этом результате; но и в действиях самого Кауфмана было много „двусмысленной" дипломатии, характерной для всего этого эпизода. В инструкции Столетову от 26 мая 1878 г. говорилось о заключении союза с эмиром „на случай вооруженного столкновения нашего с Англией"; в письме к самому эмиру Шир-Али подчеркивалось, что этот союз, полезный России, „много раз был бы полезнее" для эмира. При таких условиях трудно согласиться с тем, что афганцам обещали эти выгоды только в случае их присоединения к воюющей России, а не в том случае, если они до объявления войны Россией вызовут разрыв с Англией. Во время приема афганского посольства 12 февраля 1879 г., уже после поражения афганцев, Кауфман выразил послам пожелание, чтобы бог помог Шир-Али-хану победить англичан (Шир-Али тогда уже умер, но известие о его смерти еще не было получено), и только „дипломатически промолчал" после ответа послов: „Мы надеемся, что русский государь поможет нам, тем более, что помочь нам не трудно и удобно".

Некоторую надежду мог вызвать в афганцах приезд новых русских посланцев; повидимому, и бухарский эмир готовился к событиям; в октябре 1878 г. генерал Матвеев был принят им в городе Китабе. После смерти Шир-Али, когда русские власти не имели никаких причин увеличивать затруднения его преемника, Якуб-хана, Кауфман 19 марта 1879 г. получил от начальника главного штаба графа Гейдена телеграмму, где высказывалась мысль о полезности отправить в Афганистан Абдуррахмана; того же мнения держался Гродеков, совершивший в 1878 г. секретную поездку в Афганистан, донесение о которой было получено в Петербурге раньше. Кауфман резко вы-

сказался против этой мысли, и все-таки желание правительства было им выполнено. В мае он отправился в Петербург, 5 ноября вернулся в Ташкент, где в его встрече принимали участие бухарские послы и сам Абдуррахман; 11-го ноября Кауфман шифрованной депешей на имя военного министра испрашивал высочайшего соизволения на выдачу Абдуррахману денег; 30 ноября, получив деньги, Абдуррахман уехал, причем официально было объявлено, что он скрылся и разыскивается, в действительности же ему оказывалось всякое содействие; бухарскому эмиру было предложено не задерживать афганцев и дать такое же предписание бекам. Эмир Музаффар выполнил это распоряжение, но никакого открытого содействия беглецу оказать не хотел; на письмо Абдуррахмана, посланное из Магиана, он ответил, что „видеться с сердаром он не желает, а равно и никого не назначит сопровождать его при проезде через бухарские владения". Это заставило Абдуррахмана ускорить свой проезд. Впоследствии имя Абдуррахмана пользовалось большим престижем среди туркестанских мусульман; на обратном пути из Мекки многие из них посещали Кабул. Смуты в Афганистане в начале 80-х годов привлекли в Россию другого афганского претендента, Исхак-хана; кроме того в бухарские владения явились переселенцы из Афганистана, хазарейцы и узбеки.

Празднование двадцатипятилетия царствования Александра II 19 февраля 1880 г. происходило в Ташкенте в присутствии бухарских послов; в тот же день в Карши, где находился эмир, капитан Арендаренко принял поздравление сначала от сановников, потом от самого эмира; утром в Карши был парад, вечером иллюминация. Хивинский хан и наследник эмира присутствовали в 1883 г. на коронации Александра III.

К концу своего царствования эмир уже иначе принимал русских послов, чем прежде. Скайлера эмир принял в 1873 г., сидя по восточному на коленях, в 1883 г. он принимал кн. Витгенштейна, в присутствии Мозера, сидя на троне со спущенными ногами, не доходившими до полу, в фантастическом мундире, с генеральскими эполетами, в орденах, причем кроме русских орденов им был надет учрежденный им по случаю коронации бухарский орден восходящей звезды. Первым министром (кушбеги) оставалось то же лицо, как во время проезда Петровского в 1872 г., о котором Петровский отзывается с некоторой симпатией [1]). Прием русских, конечно, не походил на церемониал приема эмиром его подданных; в этом случае старый церемониал сохранялся до конца. А. А. Семенов в июне 1907 г. в Зияуддине был свидетелем

[1]) Пославский, бывший в Бухаре в 1886—87 гг., уже говорит о „всегда веселом и сановитом старце" как о покойнике, при этом говорится, что его любимым сравнением было сравнение России и Бухары с двумя плотно прижатыми друг к другу указательными пальцами.

приема эмиром некоторых беков, которые ползком приближались к эмиру, сидевшему на высокой тахте; эмир клал беку на голову руку, которую тот целовал, прикладывая ее к своему лбу и водя ею по лицу. На вопрос А. А. Семенова о значении этого обычая эмир ответил: „Мы подобны ишану, а они подобны нашим мюридам". В 1902 г. А. А. Семенов видел в Чарджуе торжественный выезд эмира, причем рядом с экипажем бежали пешком высшие сановники и даже наследник престола, будущий эмир Мир-Алим.

О личности и царствовании Музаффара высказывались различные мнения. Вамбери, видевший его в начале его царствования, описывает его как доброго, справедливого и популярного правителя; таким же в начале своего царствования считался его отец Насрулла, впоследствии прославившийся своим тиранством. По словам Скайлера, эмира Музафарра народ в 1873 г. также ненавидел за его несправедливость и жестокость. При нем и его преемниках продолжалась система поборов, разорявших народ; средством грабить высших сановников было посещение их эмиром — высокая честь, за которую приходилось расплачиваться дорогими подношениями; эмир, по словам проф. Веселовского, посещал только тех сановников, которых хотел наказать и разорить. Не изменилась и система наказаний; во время пребывания в Бухаре в 1884 г. астронома Шварца с генералом Матвеевым с большого минарета в Бухаре был сброшен вор, укравший большую сумму у богатого купца; эмир велел его зарезать, но после его признания в расхищении вакуфных имуществ наказание было усилено; по словам Шварца, преступник будто бы нарочно добивался этого, предпочитая этот род смерти смерти под ножом. Во внутренние дела ханства Россия не вмешивалась. Кауфман, по словам не только русских, но и англичан, называл эмира исправнейшим из своих уездных начальников; однако Н. П. Остроумов в феврале 1878 года слышал от Кауфмана слова с намеком на Колпаковского, что некоторые военные губернаторы воображают себя такими же независимыми, как бухарский эмир.

Отношения России к Бухаре фактически несколько изменились после проведения через бухарские владения железной дороги. Вопрос о проведении железной дороги от берега Каспийского моря в Самарканд, т. е. через бухарские владения, был решен при Черняеве; фактически изыскания в бухарских владениях производились в 1886 г. и вызвали только некоторые волнения, усмиренные без применения военной силы; инженер Пославский отмечает факт, что „в Бухаре не было ни одного случая фанатического злоумышления" против железной дороги; известно, что туземцы очень скоро привыкли ею пользоваться.

В связи с проведением железной дороги находилось фактическое использование статей договора 1873 г., до тех пор оставшихся мертвой буквой: о судоходстве по Аму-Дарье (в 1887 г.

была востановлена Аму-дарьинская флотилия) и о должности постоянного русского представителя в Бухаре. Генерал-губернатор Розенбах стоял за создание этой должности и вообще за поднятие престижа бухарского эмира, как друга России, но представлял себе это должностное лицо в виде торгового консула, подчиненного генерал-губернатору (по проекту Арендаренко); вместо этого было создано политическое агентство, подчиненное министерству иностранных дел. Роль агента все более сводилась к роли представителя России при иностранном государе; только первые агенты, Чарыков, Лессар и Игнатьев, понимали свою роль в смысле прав и обязанностей английских резидентов при индийских государях; поднятый Лессаром в 1891 г. и Игнатьевым в 1895 г. вопрос о контроле над финансовым хозяйством Бухары, однако, не получил дальнейшего движения и после смерти Игнатьева (1902) больше не возбуждался. Преемники Игнатьева и близкие к ним лица принимали от эмира богатые подарки, как и лица, близкие к генерал-губернаторам со времени Розенбаха.

Запрещение принимать подарки было издано еще в 1880 г. Кауфманом; о несовместимости подарков с достоинством русской власти писал военный министр новому генерал-губернатору Черняеву 26 декабря 1883 г., в том же году этот вопрос возбуждался министром иностранных дел Гирсом; но подарки все-таки принимались, особенно дамами, которых эмир стал приглашать в свой дворец. От подарков не отказывались ни военный министр Куропаткин, ни ревизионная комиссия графа Палена 1908 г., которой Николай II при ее отъезде поручил передать его поклон эмиру; по язвительному замечанию покойного Петровского в частном письме, поклон оказался настолько тяжелым, что комиссия повезла его в полном составе. Только в конце 1908 г. новый генерал-губернатор Мищенко (занимавший эту должность только до весны 1909 г.) решительно отказался принять предложенный ему подарок.

Эмир до некоторой степени достиг той цели, к которой в конце своего царствования стремился его отец, когда в 1884 г. заявил, что „он, как владетельная особа, имеет право сноситься с самим русским императором непосредственно“ и даже решился задержать русскую военную миссию, пока ему не будут присланы две тысячи винтовок. Сношения бухарского правительства с политическим агентством впоследствии происходили большею частью не от имени эмира, а от имени кушбеги.

На проникновение в Бухару русского элемента пароходство оказало больше влияния, чем железная дорога. В договоре 28 августа 1888 г. „об устройстве поселений при железнодорожных станциях и пароходных пристанях в Бухарском ханстве“ из железнодорожных станций кроме Бухары упоминается только Чарджуй, представлявший в то же время пароходную пристань; других рус-

ских поселений вдоль железной дороги, кроме нового Чарджуя и новой Бухары, не возникало. Устройство пароходства и объединение Бухары с Россией в таможенном отношении, объявленное в 1894 г., по настоянию Лессара, в виде высочайшей воли без формального договора (эмиром летом 1894 г. был издан соответствующий приказ, о чем кушбеги уведомил политического агента), имело последствием размещение вдоль южной границы ханства ряда гарнизонов.

Особенное значение имели гарнизон и поселение в Керки, где был потом один из главных ковровых базаров; русские поселения распространились вверх по реке до Сарая, где в 1907 г. была построена „самая отдаленная церковь в Средней Азии". Керкинский гарнизон имел случай оказать эмиру такую же услугу, как петроалександровский хивинскому хану; благодаря ему эмир получил возможность наложить новые подати на туркмен. Термез на Аму-Дарье был конечным пунктом новой железной дороги (из Бухары на Карши и Керки), задуманной еще в 1892 г., но начатой только в 1913 г., когда разрешение на ее постройку было дано инженеру Ковалевскому (об этом кушбеги письмом уведомил политического агента), и законченной в 1916 г.; предполагавшаяся ветка от Карши на Шахрисябз и Китаб тогда построена не была. Гораздо раньше Термез был соединен почтовым трактом с Самаркандом через Шахрисябз, открытым 1 января 1902; в 1903 г. в Термез проехал генерал-губернатор Иванов, но не по тракту, а на пароходе из Чарджуя в Термез и обратно. Это была первая поездка главного начальника Туркестана до южных пределов Бухарского ханства.

Сведения о состоянии ханства вдоль железнодорожных, пароходных и колесных путей подробнее всего изложены в путеводителе Гейера и дают представление об успехах, достигнутых к тому времени в этой части ханства по крайней мере материальной культурой. Выгодами торговли, кроме русских, пользовались армяне, особенно в Чарджуе и Керки; в Чарджуе ими содержались европейские гостиницы; кроме того в русском Чарджуе были „посольский дом, военное собрание, мировой судья, русская школа, управление воинского начальника, казначейство, почтово-телеграфная контора и церковь". В новой Бухаре были отделение государственного банка, аптека, два аптекарских магазина, два хлопкоочистительных завода, три гостиницы, общественное собрание, библиотека; в старой Бухаре было отделение московского международного банка; ни тот, ни другой банк не заботились о мелком кредите, оставшемся всецело в руках ростовщиков-индийцев. Дом кушбеги в старой Бухаре и политическое агентство в новой были соединены между собой телефоном, единственным в ханстве. В городе Кермине, резиденции эмира, никаких европейских учреждений не было, но европейское влияние отразилось на внутренней отделке дворца эмира, по внешности не

отличавшегося от дома зажиточного сарта. Русская часть была и в Керки, где имелось „много построек европейского типа, оживленный базар (ковровый рынок), европейские магазины, почтовая контора, казначейство и военное собрание". Поселение Термез, между развалинами старого города и кишлаком Патта-Гиссаром, в то время еще только возникало.

Из городов внутренних областей ханства особенное значение имели Карши, центр привоза земледельческих продуктов Гиссарского края, местного виноградарства, кондитерского производства и маслобойной промышленности, в местности считавшейся житницей ханства, и Гузар, центр торговли скотом. Хлопководство на Заряфшане зависело от количества воды и потому больше всего процветало в Зияуддинском бекстве, первом на Заряфшане в бухарских владениях, куда, поэтому, доходило больше всего воды. Путешественник обратил внимание на исчезновение тюрем прежнего типа, так называемых „клоповников", и замену их более благоустроенными тюрьмами, хотя преступники и там сидели в кандалах. В более отдаленном Байсуне путешественник Рикмер-Рикмерс еще в 1906 г. видел преступников, прикрепленных цепями за шею друг к другу и вытаскиваемых из ямы, лишенной всякого света.

Вообще в русской научной печати делались справедливые возражения против панегириков эмиру Сейид-Абду-л-Ахаду (1885—1910). Получивший сначала титул светлости, потом титул высочества, причисленный к Терскому казачьему войску, носивший мундир этой казачьей части и одевший в тот же мундир часть своей бухарской гвардии, генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии и кавалер ордена Андрея Первозванного, совершивший несколько путешествий в Петербург, Крым и на Кавказ, несколько говоривший по-русски, эмир по внешности, конечно, резко отличался от своего предшественника и производил хорошее впечатление на членов русского политического агентства; но в душе он оставался таким же восточным деспотом и мер к изменению системы управления при нем не принималось. Посетивший Бухару в начале его царствования Пославский видел на Ригистане большую лужу свежей крови, оставшуюся после казни в то же утро, посредством перерезания горла, нескольких преступников; только казней посредством сбрасывания с минарета при нем не было; возможно, что описанное Шварцем происшествие 1884 г. было в этом отношении последним. В 1888 г. убийца сановника Мухаммед-Шерифа диван-беги был выдан, по старинному мусульманскому обычаю, родственникам и слугам убитого и подвергнут ими смерти после долгих истязаний.

В январе 1910 года, в последний год царствования эмира, произошли беспорядки в Бухаре, в русской печати объяснявшиеся различно; одни видели в них только проявление суннитского религиозного фанатизма, направленного против чиновников из персов-

шиитов, с кушбеги Астанакулом во главе, и против ненавистных фанатикам „новшеств“ самого эмира; по мнению других, истинной причиной восстания были поборы чиновников-шиитов и вообще система управления, остававшаяся в 1910 г. той же как в 1868. Волнения были усмирены русскими войсками, и их предводителем, генералом Лилиенталем, была устроена эффектная сцена: главные представители обеих религиозных групп, суннитов и шиитов, должны были подать друг другу руки и поцеловаться. Судебного разбирательства после беспорядков не было, и система управления оставалась прежняя; восставшие, повидимому, были удовлетворены отставкой кушбеги и сами высказывались с одобрением о некоторых других должностных лицах, как о реисе и шахрисябзском беке, старавшихся успокоить народ во время резни; жизнь приезжавшего в Бухару наследника (в том же году потом вступившего на престол) также не подвергалась никакой опасности.

Вопрос о том, насколько деспотическое управление отражалось на благосостоянии ханства, насколько материальный и культурный уровень его населения был ниже или выше того, что наблюдается в это же время в других областях Средней Азии, еще не был предметом беспристрастного исследования. В одном из панегириков Сейид-Абду-л-Ахаду благосостояние подданных эмира противополагается бедственной жизни подданных англо-индийского правительства: „В то время как в Индии, управляемой хвастливыми англичанами, народ гибнет от голода, ропщет и поднимает восстания против своих притеснителей, счастливая Бухара, оберегаемая Россией, блаженствует и благословляет свою судьбу“. Противоположную крайность представляют отзывы о Бухарском ханстве в известных трудах Д. Н. Логофета [1]).

Более объективные данные можно найти в наблюдениях путешественников. Гейеру в Карши пришлось видеть сцены, в то время немыслимые в русских пределах, по крайней мере в больших городах; в чайхане прислуживали „разряженные в шелковые халаты мальчики, ноги которых украшены браслетами с погремушками“ — наглядный пример, насколько преувеличено представление о строгости нравов под властью мусульманских правителей.

Личный образ жизни эмира тоже не отличался от образа жизни его предшественников. Поелавский в 1887 г. слышал в Бухаре поговорку: „Что ты важничаешь? уже не стал ли ты родственником эмира?“ Эмир в это время постоянно менял своих жен и брал их до сотни в год. Что касается экономической жизни, то один из главных вопросов—на-

[1]) См. особенно „Страна бесправия“ (Спб. 1909, 153): „Можно думать, что если бы Англия владела Бухарою, то и Бухара в самое короткое время совершенно изменила бы свой вид, превратившись в культурную страну“.

сколько страдала масса населения от земельных прав династии, служилой аристократии и духовенства. Масальский замечает в своей книге, что ни у хивинского хана, ни у бухарского эмира нет таких обширных личных владений, как мургабское государево имение. Зато эмир был одним из крупных промышленников своего государства, владельцем нескольких хлопкоочистительных заводов; население вынуждено было сдавать хлопок на заводы своего государя по значительно пониженным ценам; кроме того эмир занимался скупкой каракуля и ежегодно отправлял его в Москву на 15 миллионов рублей. „Мильки" служилой аристократии в бухарском районе, повидимому, были более значительны, чем в самаркандском; несмотря на то, что в Самаркандской области отмена милькового права не вызвала никаких волнений, в Бухаре эта реформа, в случае присоединения ханства к России, по мнению Пославского, не могла бы быть проведена без применения силы. Владельцам мильков, однако, не было предоставлено над возделывавшими их землю пахарями таких прав, как бывшим русским помещикам, и Логофет неправильно говорит о существовании в Бухаре „крепостного права, при котором каждый чиновник в зависимости от своего чина имеет определенное количество дворов из подчиненного ему населения для содержания". Некоторые из вакфов по своим размерам также соответствовали особым административным единицам. Одним из участников работ 1889 г., полковником Белявским, описывается лянгарский вакф в горах к востоку от Гузара; вакфом управлял мутеваллий из потомков святого по назначению эмира (фактически управление обыкновенно переходило от отца к сыну), на правах бека, имея в своем распоряжении двух амлякдаров. Мутеваллий собирал доходы в пользу мечети и мазара, себя и своих сородичей; для населения он был в одно и то же время „светским администратором и ишаном".

Фактических доказательств в пользу мнения, что деспотизм эмира и беков мог „в дальнейшем цветущую страну превратить в мертвую пустыню", трудно было бы привести. Вид с перевала Тахта-Карача на цветущую долину верховьев Кашка-Дарьи произвел такое же впечатление на Белявского в 1889 г., как на Петровского в 1872 г.; о богатстве оазиса Шахрисябза и Китаба говорит и Рикмер-Рикмерс, приезжавший туда в 1898 г. и 1906 г. с юга. Цветущая культура была и по низовьям Кашка-Дарьи; от Карши до кишлака Никаз на север (12 в.) и до кишлака Янykент на юг (26 в.) тянулась при Гейере сплошная культурная полоса. Плодородием, по словам Гейера, отличалась и местность вдоль Ширабад-Дарьи, где от Ляйлякана начинались рисовые плантации; для скупки продуктов сельско-хозяйственной культуры в Ширабадское бекство приезжали армяне из Закаспийской области. Возникали и новые отрасли хозяйства; в кишлаке Никаз (составлявшем вакф каршин-

ского медресе), по словам Гейера, „недавно“ стали сеять хлопок, „недавно же здесь начали заниматься разведением каракульских овец“. На отдельных отраслях хозяйства иногда сказывался произвол беков. Белявский обратил внимание на обилие табачных плантаций в Шахрисябзе и отсутствие их в Китабе; ему объяснили, что „несколько лет тому назад“ произошло увеличение табачного сбора в Китабе и уменьшение его в Шахрисябзе. Вследствие сопротивления бухарского правительства не осуществились некоторые проекты по орошению степей и осушению болот, как составленный в 1880-х годах Лессаром проект проведения в каршинскую степь канала из Аму-Дарьи (смета была исчислена в 7 милл. рублей) и составленный Гельманом в 1896 г. проект осушения болот вокруг Бухары (смета всего на 120.000 р.); на последние работы бухарское правительство, по настоянию Лессара, сначала изъявило согласие, но после ухода Лессара дело заглохло. Состояние оросительных систем оставалось, однако, больным местом и в областях Туркестана, находившихся под русским управлением.

Безусловно хуже, чем в областях генерал-губернаторства, были пути сообщения. Арбяные дороги в западной части ханства редко подвергались исправлению, хотя, как в России, дороги приводились в возможно лучшее состояние перед проездом высоких чиновников. При Насрулле (1827—1860) была проведена дорога от Карши до Аму-Дарьи для перевозки артиллерийских орудий; никаких подобных сооружений при Сейид-Абду-л-Ахаде не было. Когда русскими было решено строить дорогу из Самарканда в Термез, то первоначально предполагалось выполнить эту работу на средства эмира (смета была исчислена в 170 тысяч рублей), но упорные отписки бухарского правительства заставили построить дорогу на средства русского военного ведомства. В равнинных местностях население, как говорят, следовало правилу „куда поедешь, там тебе и будет дорога“, и старалось проникнуть на арбе везде, где это было возможно. К востоку от Гузара, никаких колесных экипажей, даже арб, не употребляли и довольствовались вьючными путями, хотя следы прежних более совершенных дорог доходили до Гарма в Каратегине. Бухарским населением, без расходов из русской казны, была устроена колесная дорога из Керки вдоль Аму-Дарьи до Чубека и оттуда до Куляба; эта дорога по словам Логофета „разработана плохо и лишь по нужде может быть названа колесной“; но такие же жалобы мне приходилось слышать на устроенный русскими тракт Самарканд—Термез. Тем не менее провоз товаров по таким дорогам был довольно значителен. Уже Гейер говорит о десятках тысяч пудов льна, доставлявшихся на маслобойные заводы Карши из бекств Денауского, Гиссарского, Кафирниганского, Бальджуанского и Кулябского; о значении Гузара, как главного скотского рынка; об ожи-

вленном движении караванов с шерстью, льном, пшеницею, кунжутом, кожами и проч. в течение всего лета, по караванной дороге Куляб—Байсун—Гузар.

Этнографическое последствие развития, при русском владычестве, торговых сношений—вытеснение иранского языка языком бо́льшинства населения, турецким,—сказывалось и в Бухарском ханстве, хотя и в меньшей степени. В самой Бухаре мне пришлось слышать и в 1920 г., хотя только один раз, слова „турки немидонем“ (по-турецки не знаю). О вытеснении и здесь иранского языка свидетельствуют слова Белявского, что „образованные бухарцы“ говорят Шаар-Сабиз (часто приводится также произношение Шаршауз) и что „принятое у нас выражение Шахрисябз считается у них извращением в просторечии слов Шаарсабиз“ (в действительности сабис—турецкое произношение персидского себз „зеленый“). Интересно тоже сообщение Белявского, что жители Дербента, которые при Маеве (1878) были „совершенно незнакомы с тюркским языком“, при нем (1889), подобно другим таджикам, „понимали и обще-употребительный тюрко-сартский язык“.

Городская жизнь в Бухарском ханстве, повидимому, развивалась медленнее, чем в русских пределах, хотя точных статистических сведений об этом, конечно, не имеется. О самой Бухаре Рикмер-Рикмерс говорит только в кратких словах, что теперь (книга издана в 1913 г., предисловие помечено ноябрем 1912 г., путешествия автора закончились, повидимому, в 1908 г.) город не совсем тот же, каким он видел его 18 лет тому назад. По словам Галкина, в районе работ 1889 г., в состав которого входило все ханство кроме областей Куляба, Бальджуана и Дарваза, городские жители составляли всего около 15% населения, из них около 10% приходилось на ремесленников и торговцев, а 5% на пролетариев-поденщиков. После Бухары и Карши третье место принадлежало Шахрисябзу; по Логофету, в Карши 70000 человек, в Шахрисябзе 30000; но по Рикмер-Рикмерсу (1906) Шахрисябз почти так же велик, как Карши, и некоторые уже отводят ему второе место вместо третьего; из этого можно сделать вывод о некотором росте города сравнительно с прежним временем. Меньшим оживлением отличались города восточной части ханства; всего противоречивее сведения о Ширабаде, где, по Логофету, всего 3000 человек, тогда как „бухарская официальная статистика“, по словам Гейера, еще в конце XIX века насчитывала до 20000. С другой стороны у Логофета определяется в 20000 человек население города Дюшамбе, названного у Масальского только „довольно значительным городом“. Гиссар, местопребывание гиссарского бека или кушбеги, главы всей восточной части ханства, в летнее время почти совершенно покидался жителями, отправлявшимися вместе со своим беком в город Каратаг, разрушенный землетрясением

8 октября 1907 г.; переезд, по описанию Рикмер-Рикмерса, продолжался всего 6 часов, но перевозилась вся обстановка бека, даже архивы и заключенные в кандалы преступники; весь обоз требовал целой армии верблюдов, лошадей и ослов. Даже в городах восточной части ханства, напр. в Бальджуане и в Кулябе, у беков были помещения для гостей, устроенные на европейский лад. Куляб произвел на Рожевица (в 1905 г.) впечатление самого благоустроенного города (после старой Бухары, „где во всем виднеется европейская цивилизация“); вдоль главных улиц было даже сделано „что-то в роде панели“.

Панегиристы эмира видели признак благосостояния Бухарского ханства сравнительно с Авганистаном в том, что после памирского разграничения 1892—1895 годов часть населения из уступленных Авганистану областей перешла в пределы ханства; указывали и на другие случаи таких переселений, объясняемых в одном из отчетов 1889 г. (Галкина) так, что „существующие условия жизни бухарских подданных, хотя и не выдерживают критики с европейской точки зрения, представляются тем не менее заманчивыми для угнетенного и обездоленного населения Чар-вилаета“ (авганского Туркестана); поэтому выражалась надежда, что переселения будут продолжаться и дальше, тем более, что бухарское правительство шло на встречу переселенцам и отводило им свободные земли в долине Сурхана и соседних областях. С другой стороны, Логофетом отмечается начавшееся в 1902 г. и к 1909 г. принявшее характер „массового движения“ переселение жителей сарайской долины в авганские пределы, причем этому способствовало „хорошее качество земли, отводимой переселенцам из России“ в Авганистане. Из этого можно заключить, что переселения происходили в обоих направлениях и что оба правительства находили для себя выгодным привлекать переселенцев. Еще любопытнее отмеченный тем же Логофетом факт переселения киргиз из русских пределов в Бухарское ханство, в бекства Гиссарское, Кулябское и Курган-тюбинское, где им приходилось платить подати в одно и то же время русскому правительству, хотя и через посредство гиссарского кушбеги, и бухарскому; переселенцы занимались частью земледелием, частью скотоводством. Из этого видно, что по крайней мере киргизы не всегда оказывали русской власти предпочтение перед бухарской.

В отошедших к Бухаре после разграничения областях — Шугнане, Рошане и части Вахана—управление бухарского эмира, по словам Логофета, „в короткое время привело к полному разорению всего их населения“. Одинаковые отзывы об этом управлении дали начальник памирского отряда полковник Арсеньев и секретарь политического агенства барон Черкасов. Вернувшиеся под покровительством России на родину шугнанцы, раньше бежавшие на русскую территорию и в Авганистан, подверглись насилиям со стороны бекских

нукеров, были „подвешены за связанные назад руки, подвергнуты избиению нагайками“ и освобождены казаками из Хорогского поста. Это вызвало столкновение между беком и начальником Хорогского поста, во время которого бек был подвергнут домашнему аресту; споры о компетенции русских и бухарских властей в припамирских областях происходили и после; в ответ на притязания бека „в Вахане страшно возбужденное против него население прислало ему заявление, что убьет всякого бухарского чиновника, который покажется в Вахане, и потом переселится в Авганистан“. Спор, конечно, решился в пользу русских властей. При последнем до революции исследователе, И. И. Зарубине (1914), бухарским правительством еще назначался бек для районов хорогского (волости Рошанская и Шугнанская), лянгарского (Ваханская волость) и ишкашимского, но власть его была чисто номинальной, и в управление он не вмешивался. В статье И. Слуцкого, напечатанной в феврале 1910 г., говорится о поднятом тогда вопросе об обложении припамирского населения податями. Проект был составлен управляющим казенной палатой Ипатовым, но не встретил сочувствия в совете генерал-губернатора. Население припамирских областей и в 1914 г. не платило никаких податей и было обложено только некоторыми повинностями, и только одна из них, дорожная, могла „считаться тяжелым бременем для населения“. За все продукты начальствующие лица, в том числе и начальник отряда, чему никак не хотел верить беседовавший с Зарубиным сын дарвазского бека, расплачивались деньгами. Эти порядки казались совершенно невероятными „для бухарских и авганских таджиков“, и вообще бухарские и авганские подданные не смели „и мечтать о подобном режиме“. Из всего населения русского Туркестана население припамирских областей имело больше всего оснований благословлять свою судьбу, сравнивая ее с судьбой своих соседей.

В Бухаре оставался до конца незыблемым основной признак восточного деспотизма—смешение казны государства с казной государя. Даже скромные реформы, возвещенные эмиром в манифесте, изданном в апреле 1917 г., не осуществились; вместо совета при казикаляне из пяти лиц, избранных из своей среды всеми столичными жителями, образовался только совет из пяти уполномоченных (векилей) от столичных мулл, и этот совет сделался опорой кази-каляна против новшеств. Не изменился и характер местного управления. Вплоть до революции 1920 г. беки жили на счет населения, не получая никакого жалованья; в отдельных бекствах—Дарвазе, Каратегине, Кулябе и Курган-тюбе—„беки чувствовали себя почти независимыми властителями“. Но самый факт проникновения в большом числе русского элемента, хотя только в немногих пунктах, вдоль двухверстной полосы железной дороги и вдоль таможенной линии, делал невозможным продолжение прежней замкнутой жизни. Представители русской торговли оказались все же более энергичными, чем ожидали

деятели эпохи завоевания. В 1872 г. Петровский отметил в Бухаре присутствие русских товаров и отсутствие русских торговцев; вся торговля русскими товарами в Бухаре велась туземцами или татарами; к концу XIX в. в Бухаре были русские банки и торгово-промышленные заведения.

Значение интересов торговли для русского завоевания иногда отрицалось; так Терентьев возражает против мнения Гирса, что завоевание имело целью „предоставление русским мануфактурам рынка для их произведений", и доказывает, что во время завоевания „о рынках для московских купцов никто и не думал". Петровский находил, что ради открытия рынков не было надобности предпринимать завоевательные походы; насколько было нужно, рынки были открыты и раньше; к тому же главный политический и торговый центр Средней Азии, Бухара, остался в руках туземного государя. Предельным пунктом распространения русской мануфактуры были тогда шахрисябзская область и Карши; в Гиссаре русских товаров не было, в Карши они попадали случайно и редко; от Шахрисябза до Карши Петровского угощали пловом из пешаверского риса. Бухара уже в то время безусловно тяготела к русскому рынку; русских бумажных товаров было по крайней мере в шесть раз больше, чем английских; все-таки Петровским высказывается опасение, что при инертности русских торговцев и энергии их соперников бухарский рынок перейдет в руки англичан или их подручников авганцев; в Бухаре был только один русский торговец, тогда как можно было считать десятками „приказчиков авганских купцов, беспрестано шмыгающих из Бухары в Кабул, Пешавер и обратно". Английский автор (Скрайн) в конце XIX в. с горьким чувством замечает, что эта „страшная опасность" была предупреждена покровительственными пошлинами и Закаспийской железной дорогой.

Решительный шаг был сделан в 1894 г., когда на основании заключений комиссии Кобеко были сняты таможни с русско-бухарской границы и расположены вдоль бухарско-авганской. Этим почти совершенно был прегражден ввоз в Бухару англо-индийских товаров, которым приходилось итти транзитом через Батум, Баку и Красноводск; ввоз русских товаров в ханство „в короткое время достиг 20 миллионов рублей ежегодно". Расширение области сбыта русских товаров, однако, началось и раньше; уже в 1889 г. Галкин говорит о долине Сурхана „как выгодном рынке для мануфактурной промышленности, особенно русской", хотя на этой торговле вредно отражались „непомерные проценты, налагаемые на товары местными купцами".

Меры для сокращения торговли с Авганистаном, выгодного для русских, раньше принимались бухарским правительством в своих собственных интересах, для привлечения продуктов восточных областей в Гузар, Карши и Бухару. Тот же Галкин говорит о Патта-

Гиссаре, как торговом пункте, тогда не имевшем большого значения „благодаря запрещению бухарского правительства вывозить хлебные продукты в пределы Авганистана"; находившейся у Патта-Гиссара паромной переправой мало пользовались „благодаря застою в торговле с Авганистаном".

Меры отдельных правительств к открытию и закрытию рынков в том числе и завоевательные походы, были только бессознательными, шагами на пути к осуществлению все более выяснявшегося исторического призвания России—быть посредницей в сухопутных сношениях, торговых и культурных, между Европой и Азией. Время, когда через Туркестан проходил мировой торговый путь из Передней Азии на Дальний Восток, после проведения тракта и потом железной дороги через Сибирь прошло безвозвратно; по той же причине значение Китайского Туркестана для мировой культуры—исключительно в прошлом. Зато области русского Туркестана имеют первостепенное значение для выполнения другой задачи, еще не разрешенной—установления на суше европейско-индийского торгового пути. Сюда стремились пионеры русской торговли независимо от всякой правительственной политики; московским царством только в 1660-х годах был поставлен на очередь вопрос об открытии через Среднюю Азию пути в Индию, тогда как еще в последние годы XVI и первые XVII вв. „был для торгу в Бухарех и в Индее семь лет" купец Леонтий Юдин. Что русских, хотя не всегда сознательно, влекли в Азию торговые интересы, понимали и деятели эпохи завоевания. Уже Романовский писал, что торговля России со Средней Азией „и при неблагоприятных условиях существовала и развивалась, особливо же с того времени, когда оказалось выгодным доставлять оттуда хлопок. Так, напр., с 1825 по 1850 год, когда общее развитие торговли России с Европою составляло 43%, с Азиею оно превышало 300%". Значение торговли именно с Бухарой особенно ясно сказалось в 1866 г., когда тем же Романовским были приняты упомянутые выше меры для свободного движения караванов даже в военное время.

Постройка железной дороги из Бухары через Карши на Термез еще более увеличила торговое значение главных городов Бухарского ханства, в ущерб Самарканду. Осуществлению дальнейшей задачи препятствовали политические и экономические опасения, как со стороны авганцев, так и со стороны русских и англичан; но после англо-русского соглашения 1907 г. вопрос о русско-индийском рельсовом пути тотчас снова был поднят, и статья о нем появилась уже в № 200 „Туркестанских Ведомостей" (14 ноября) за тот же год. Тогда предполагалось, что англичане намерены покрыть Авганистан сетью железных дорог; с тех пор это предположение опровергнуто фактами; зато оправдалось другое предположение, высказанное в той же статье—что Авганистан может сделаться сильным госу-

дарством, вместо того, чтобы быть в положении „глиняного горшка между двумя железными кораблями". Вообще эта метафора, вполне соответствовавшая действительности двадцать лет тому назад, теперь утратила всякий смысл. Не говоря уже о России, обратившейся в СССР, даже Англия теперь говорит не только с Авганистаном, но и с Индией другим языком, чем прежде. В Туркестане, как в Индии, по географическим и историческим причинам, выполнение исторических задач было невозможно без завоевательных походов и без хотя бы временного покорения одних народов другими; но этими мрачными страницами прошлого, конечно, не закрывается путь для более светлого будущего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

I. До-мусульманский период . . . . . 1— 21

Древнейшие известия; персидская монархия—1. Нашествия кочевников и китайские сведения—4. Индо-скифский период—8. Караванный путь через Среднюю Азию—11. Сасанидская империя и ее влияние на Среднюю Азию.—16. Деятельность согдийцев—17. Состояние страны перед мусульманским нашествием—20.

II. Туркестан при исламе . . . . . 22— 66

Исчезновение местных языков и бытовых особенностей—22. Роль арабского элемента—23. Названия таджик, сарт и гальча—24. Граница с областью турок; длинные валы и стены—26. Изменение типа городов—28. Рабаты—29. Здания, служившие для религиозных и общественных целей—33. Дом огня—38. Буддийский храм—41. Манихейство—43. Христианство—46. Влияние востока иранского мира на запад—49. Богословская школа—51. Медресе—53. Мистицизм—55. Шафиитство—64.

III. Туркестан и турки . . . . . 67— 84

Отношения между иранцами и турками—67. Турки и культура—70. Религия—72. Караханиды, их постройки и управление—74. Дервиши—79. Сарты—80. Кара-китаи—81. Серебряный кризис—82. Турецкие князья и турецкий язык. 83.

IV. Монгольское владычество . . . . . 85 — 95

Монгольское нашествие и города—85. Управление—86. События XIV в.—90. Тимур—93. Ходжа Ахрар и Улугбек—94.

V. Узбецкие ханства . . . . . 96—118

Узбецкие государства; Бухара—96. Хорезм—100. Ходжи—103. Бухара при мангытах—106. Хивинское ханство—110. Кокандское ханство—113. Бухарские эмиры—117.

VI. Оседлый и кочевой быт при русской власти . . . . 119—122

Русская власть и кочевники—119. Переход к оседлости—120. Последствия этого явления—122.

стр.

VII. Школы . . . . . 123—144

Русская власть и мусульманская школа—123. Русские учебные заведения и туземцы—124. Русско-туземные училища—129. Комиссия 1905 г.—135. Татарская новометодная школа—136. Консервативные стремления в школьном вопросе—139. Медресе при русском владычестве—141.

VIII. Русское переселенческое движение . . . . . 145—160

Казачья колонизация—145. Крестьянская колонизация—148. Колонизация и хлопководство—153. Ферганская область—156. Влияние русских крестьян на туземцев—158. Влияние культуры Дальнего Востока—159.

IX. Городская жизнь . . . . . 161—174

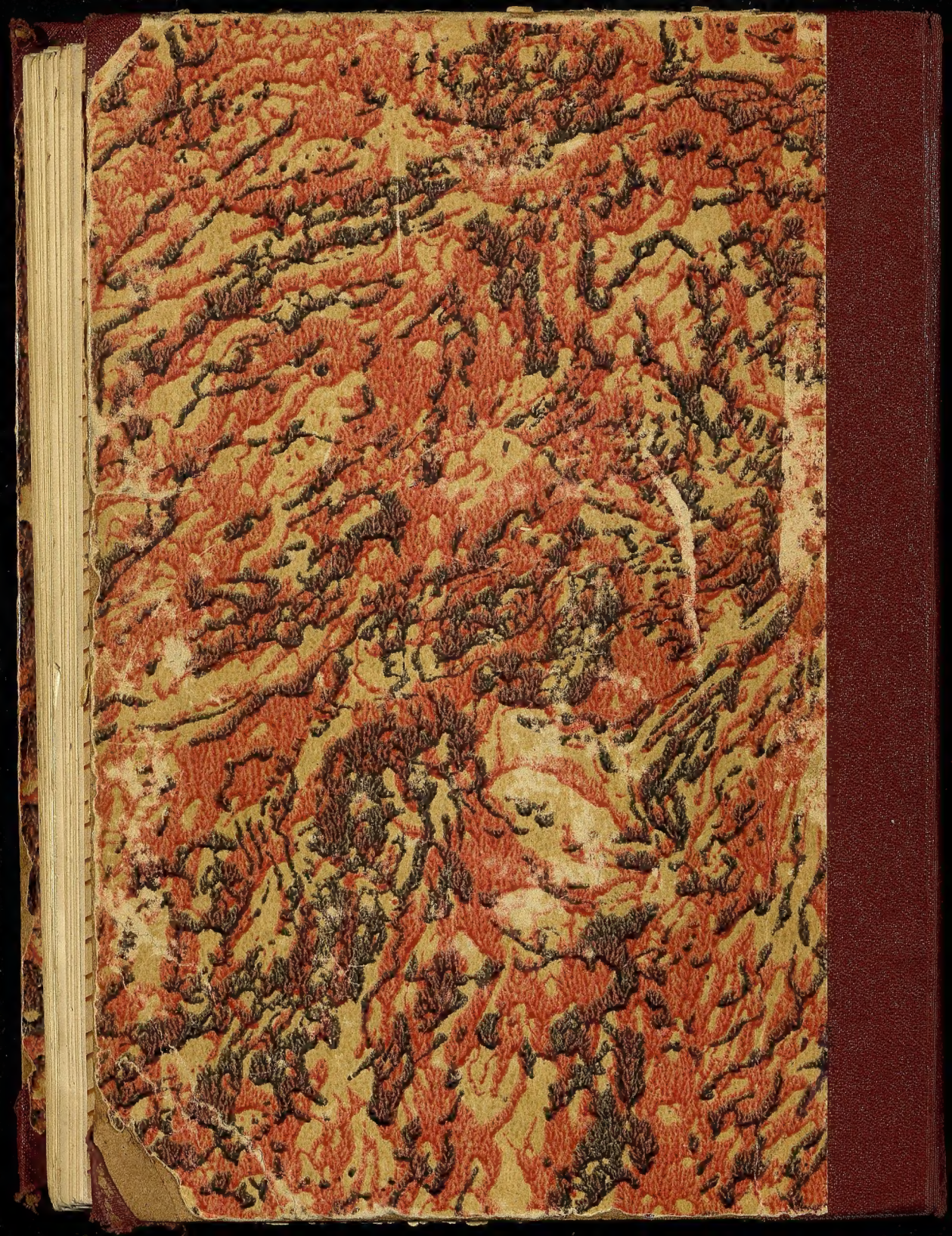
Русские города в Туркестане—161. Ташкент—163. Семиречье—166. Закаспийская область—168. Влияние русской городской жизни на быт туземца—170.

X. Туземцы и русская власть . . . . . 175—199

Русская власть и мусульманское духовенство—175. Популярность Черняева—177. Романовский и мехкеме—178. Кауфман—182. Денежная аристократия—186. Служебная и земельная аристократия—190. Вакуфы—194. Зякет и кочевники—195. Евреи—198.

XI. Европеизация управления и туземцы . . . . . 200—215

Русское управление по сравнению с восточным—200. Перемены после Кауфмана—202. Положение 1886 г.—203. Изучение адата—204. Холерный бунт и андижанское восстание—206. Вопрос об изучении местных языков—208. Революционное движение и его последствия; преступность—209. Ревизия гр. Палена; изучение шари'ата—210. Экономические меры—211. Проект полного описания края—212. Оценка русского управления туземцам ibid.—Куропаткин и его заявления—214.

XII. Русская власть и ханства. Бухара . . . . . 216—253

Кокандское ханство—216. Посольства в Кашгарию—221. Война с Бухарой—223. Отношения между Россией и Бухарой после мира—228. Покорение Кульджи и хивинский поход—233. Хива и туркмены—236. Бухара после 1873 г.—237. Авганистан—239. Бухарский эмир и его государство после 1880 г.—241. Панегирики и отрицательные суждения—246. Заключение—253.